

В. Кузьменко

Древо Жизни

В.Кузьменко

ДРЕВО ЖИЗНИ

Фантастический роман в 3 книгах
Книга 1

«TERRA» «ТЕРРА»
книжное обозрение

МОСКВА 1991

ББК 84Р7
К89

Редактор Е.С.Аверин
Художник В.В.Паршин

В.Кузьменко — кандидат медицинских наук, доцент кафедры пат-физиологии и заведующий лабораторией нейробионики Львовского мединститута. У него более ста научных работ и сорок изобретений в области сложных самоорганизующих систем, т.е. искусственных нейронных сетей и систем искусственного интеллекта.

«Древо жизни» — первая художественная публикация В.Кузьменко. Роман большой, состоит из трех книг, каждая из которых может существовать самостоятельно. Вместе с тем они, конечно же, единое логическое целое. Автор исходит из того, что наша цивилизация — только одна из ветвей огромного древа Вселенной, и знакомит нас, читателей, с другими побегами. И с нами самими... через 300—400 лет. Искусственный интеллект — Сверхсложная Система — делает человека «бессмертным». Но все равно он остается самим собой. И Разум — выше Сверхразума. Вечные темы Добра и Зла, Любви и Ненависти, Жизни и Смерти — главные герои романа. Написанный в форме приключенческой фантастики, он читается легко и приятно.

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал житьечно»

**(Первая книга Моисея
«БЫТИЕ», стих 22)**

Предисловие автора

Все живое смертно! Это истина, с которой не может примириться разум. Именно разум! Ибо разум познал бесконечность времени и, познав его, содрогается от ужаса перед бесконечным Ничто, которое ожидает его в его кратковременном пути, с которого он не может свернуть, зная при этом, что каждый шаг приближает его к этому всепоглощающему Ничто и ничто не может отвратить его встречу с ним. Как бы нас не отвлекали повседневные заботы, волнения, радости, — мысль о смерти, она неизбежно снова и снова приходит к нам, к каждому из нас по-разному: к одним — неся неудовлетворение от неделанного, несовершенного, к другим — с острым чувством утраченного, к третьим — с щемящим животным страхом, от которого хочется куда-то спрятаться, подобно тому, как ребенок прячется на груди матери. Но всех, даже самоубийц, решивших покончить счеты с жизнью, чтобы уйти от Реальности; героев, сознательно жертвующих ею во имя идеалов, — всех без исключения посещает великий Страх перед небытием. Только одни побеждают его отчаянием, другие — душевным порывом самопожертвования.

Как только человек стал достаточно разумным, чтобы познать странность нашего мира и ожидающего его Ничто, он, чтобы сохранить свою психику от вечного страха перед ним, изобрел религию и мир потусторонней вечной жизни. Не буду утверждать, что только один страх перед неизбежным породил религию, но все-таки он играл, да и играет по сей день основную роль в создании человеком Всемогущего Защитника и Спасителя. Чем в данном случае человек отличается от малолетнего ребенка, для которого этим защитником является мать?

Бессмертие. Если оно и возможно, то оно не даруется, а создается! Человек должен сказать себе: я человек, я одинок в этом мире, и моя судьба зависит только от меня! Я хочу жить, хочу бессмертия не только роду человеческому, но и себе лично. Но я смогу, может

быть, добиться бессмертия, если мое бессмертие будет целесообразно. В том случае оно будет целесообразно, если мое бессмертие будет так же необходимо всему тому, что меня окружает, как и мне самому. Следовательно, надо искать такого бессмертия, которое не только даст мне все блага вечной жизни, блага неущемленные, но полноценные, с удовлетворением всех моих человеческих потребностей, как духовных, так и чисто биологических, но не только не принесет неудобства и вреда окружающему меня миру, а станет ему столь же необходимым, как и мне самому. Возможно ли это? Что я могу взамен предложить природе и Космосу? Только свой разум. Но если эта сделка еще не совершается, значит, товар мой еще не настолько качественный! Вот в чем суть вопроса. Не лежит ли ответ на него в самом разуме, в его развитии? Но каком? Развивается ли разум поступательно, или же он должен проходить стадии, каждая из которых отличается от всех предыдущих? Стоп! Стадии... Нет ли здесь коварства судьбы? Ведь я, человек, даже в обмен на бессмертие не хочу терять ничего человеческого: ни своих эмоций, ни радости, ни доброты, ни жестокости, ни гнева, ни любви, ни страдания, ни наслаждения. Пусть все мое останется со мною! Я хочу жить вечно и не уставать от жизни, не терять желаний. Только в этом случае я останусь человеком. Как это все соединить? Как достичь бессмертия, отдавая, но ничего не теряя?

Человечество в своем развитии идет по запутанному лабиринту. Впереди его ждет неизвестное. Тупик или выход? Можно ли сейчас понять, куда мы идем? Ведь выход один, а тупиков великое множество! Какой же путь предпочесть? Вновь всплывает слово *целесообразность*. Если человечество живет только для себя, целесообразно ли оно? Мы существуем в Великой Самоорганизующейся Системе, именуемой Космосом. Космос в переводе обозначает порядок. Но порядок не создается сразу. Он возникает из Хаоса, и, раз он существует, следовательно, он развивается. Кто мы, носители разума, в этой огромной системе? Никому ненужные паразиты, живущие только для себя, или же этап и часть развития этой системы? Если мы сможем когда-нибудь ответить на этот вопрос, то мы ответим и на вопрос — целесообразно ли будет наше бессмертие в этой большой системе.

Часть I

ОСТРОВИТЯНИН

200 ЛЕТ СПУСТЯ

Его разбудил шум прибоя. Он лежал на песке у самой воды, совершенно голый. Волны разбивались о прибрежные скалы, и остатки их, пенясь и шурша о гальку, плескались у самых его ног, не доставая их каких-нибудь полтора-два метра. Сергей поднял голову, присел и осмотрелся. По обе стороны белел песчаный пляж, образуя справа равномерную дугу, заканчивающуюся мысом. Слева, вдали, громоздились скалы, закрывая дальнейшее продолжение берега. Метрах в ста от него берег поднимался, переходя в холмы, поросшие буйной растительностью. Его глаза стали различать породы деревьев. Километрах в десяти возвышалась гора, конус которой блестел на солнце, казалось, покрытый снегом. Он перевел взгляд на свои голые ноги и вдруг заметил (он готов был поклясться, что минутой назад здесь ничего не было) свою одежду. Это была та же самая одежда, которую он надевал за год до вылета, когда они с Ольгой ездили отдыхать в Крым: белые парусиновые брюки, сандалии и голубая тенниска. Он быстро оделся. Сзади послышались шаги. Обернулся. К нему приближалась Ольга. Сергей бросился к ней, и уже через секунду они сжимали друг друга в объятиях.

— Вернулся, — шептали губы жены. — Милый мой...

Она, прильнув к нему всем телом, страстно целовала его в губы, затем, уткнув лицо в его плечо, заплакала счастливыми слезами.

– Постой, – наконец сказал он, – никак не соображу. Где мы с тобой находимся? И потом... – он боялся произнести это, – прошло 200 лет по земному времени...

Она молчала, только счастливо всхлипывала.

– Понял! – закричал он. – Ты тоже летала в космос! Но когда? – Сергей вспомнил, что последняя радиограмма, полученная с Земли звездолётом, сообщала о готовящейся экспедиции в созвездие Стрельца, но он и не представлял, что в её состав может войти его жена. Потом, такая невероятная случайность – вернуться назад в одно и то же время.

– Да, мы стартовали через два года за вами в созвездие Стрельца, – сказала Ольга. – И вернулись недавно.

– А что это за местность?

– Я не знаю, – она засмеялась. – Я знаю только, что ты здесь и это наш дом. Я ничего не помню. – Ольга снова счастливо засмеялась.

– Пойдём, – она потянула его за руку.

– Куда?

– Все равно.

«Дом...» – подумал он. Когда-то ему хотелось вот так пожить на берегу моря, лучше всего на острове, вдвоём с Ольгой. В детстве он много раз перечитывал «Таинственный остров», и долго потом этот остров был его затаённой мечтой, мечтой, которая, он знал, никогда не осуществится, но всегда бывшей для него какой-то второй реальностью, которая, впрочем, не мешала ему.

Они медленно подымались по склону холма. Могучие стволы кедров и сосен постепенно окружали их со всех сторон, под ногами хрустели сухие ветки. Послышалось тихое журчание, и они вышли к ручью, который, извиваясь, бежал между деревьями. Вода в ручье была холодной и прозрачной. Захотелось пить.

«Там дальше должно быть озеро», – подумал он. И действительно, вскоре стволы поредели, и они вышли на опушку, за которой расстиралось большое озеро. Ручей вытекал из него с высоты около пяти метров. У самого берега стоял деревянный двухэтажный коттедж, именно такой, какой ему хотелось когда-то иметь.

Они подошли к дому и поднялись на крыльцо. Дверь была открыта. Они вошли и очутились в просторном холле.

– Есть кто-нибудь! – крикнул он, не надеясь почему-то получить ответ. Он уже знал, что дом принадлежит ему.

Осмотр дома занял полчаса. Здесь было все, что только можно желать. Библиотека, заставленная дубовыми шкафами с книгами, кабинет, спальня, ванная, современная кухня. Обставлен дом был со вкусом, старинной, XIX века мебелью, причём вещи казались чем-то давно знакомым, во всяком случае они отвечали его представлению об удобстве и красоте. В холле стоял большой холодильник. Открыв его, он обнаружил бутылку шампанского, банку икры и много другой снеди. Все было в таком виде, как будто только что туда положено.

Позавтракав (это можно было назвать завтраком, так как было около восьми часов утра), Сергей с Ольгой хотели было пойти на

берег озера, но в это время стена холла, не имевшая дверей и не заставленная мебелью, засветилась, и на ней появилось объёмное, изображённое человека. Это был мужчина лет пятидесяти в сером, спортивного покрою костюме. Он приветливо улыбнулся Сергею, не замечая почему-то Ольги.

– Доброе утро, профессор, – обратился он к Сергею. – Как вы себя чувствуете? Добро пожаловать на Землю!

– Спасибо, – ответил Сергей. – С кем я говорю, кто вы?

– Николай Владимирович Кравцов. Я старший научный сотрудник института сверхсложных систем. Но это не важно. У вас, конечно, масса вопросов. Давайте их, но не спешите, все постепенно. Сначала разрешите передать вам благодарность Академии наук за ценные результаты вашей экспедиции. Академия поручила вам передать, что в ближайшем будущем на открытую вами планету будет послана специальная экспедиция.

– Каким образом? Ведь материалы экспедиции почти полностью погибли во время катастрофы.

– Мы сняли мнемофильм с вашей памяти. Если хотите, я вам продемонстрирую.

На экране появилось изображение первой высадки на Счастливую. Затем его сменили другие кадры разведки в пурпурных скалах, возвращения, наконец, момента катастрофы. Сергей видел своих товарищей, погруженных в анабиозные ванны, когда он помогал капитану корабля отнести почти недвижимые их тела в анабиозный пункт. Затем над ним склонилось лицо капитана, и все исчезло. На экране снова появился Кравцов.

– Сергей, к сожалению, больше, кроме вас, никого не удалось спасти. Доза излучения вызвала распад нервной ткани, они были мертвы уже тогда, когда вы их поместили в камеры. Вам повезло. Доза излучения, полученная вами, не превышала 20 000 рентген. Капитан, по-видимому, получил меньше, но он задержался со входом в анабиоз, проверяя курс корабля. И последнее. Сейчас 2280 год. Население Земли превышает 20 миллиардов человек. Теперь задавайте вопросы.

– Во-первых, где мы находимся? Я имею в виду себя и Ольгу, мою жену.

– А ваша жена здесь? – Кравцов оглядел комнату, не замечая стоящую рядом с Сергеем Ольгу. – Хорошо! Прекрасно! – вдруг как-то странно обрадовался он. – Здравствуйте, Ольга!

– Здравствуйте! – ответила Ольга. – Где мы находимся? – повторила она вопрос Сергея.

– Вы не удивляйтесь, но я сам пока ещё не знаю, где вы находитесь, – сказал Кравцов. – Автомат перенёс вас, согласно вашему скрытому желанию, в место, которое мне пока неизвестно.

– ??

– Я же вас просил не удивляться, – Кравцов отвёл глаза в сторону. – Мы наладили с вами контакт, ну, а место, в котором вы находитесь, оно что, вам не нравится?

– Нет, нравится, конечно, но как это вы не можете знать, где я нахожусь? Я этого никак понять не могу. Допустим, мне понадобится срочная помощь. Вы ведь мне сказали, что доза, которую я

получил, где-то около 20 тысяч рентген. В моё время она в 20 раз превышала абсолютно смертельную дозу.

– Не забывайте, что прошло 200 лет. За это время наука далеко продвинулась вперёд. Я вам гарантирую, что медицинская помощь вам никогда, т.е. я хотел сказать, что долго не понадобится. Ведь вы почувствуете себя превосходно, не так ли?

– Да! У меня такое впечатление, что я даже помолодел.

– Вот именно. В данном случае все зависит от вашего психологического состояния. Если вы хотите, то можете ещё помолодеть, скажем, лет до 20, но смотрите, не превратитесь в младенца, – пошутил он. – Одним словом, вы должны желать быть здоровым. Что касается места вашего пребывания, то не могли бы вы описать его мне.

– Охотно. Это, по-видимому, остров, довольно большой, в субтропиках.

– Понятно! Вы находитесь на одном из островов Тихого океана. Все необходимое вам будет доставляться немедленно. Достаточно только мысленно пожелать этого. На острове много, по-видимому, дичи. Вы не охотник?

– Почему же?

– Тогда в вашем кабинете вы найдёте превосходное ружьё. Стреляйте на здоровье.

– Но, может быть, это запрещено?

– Нисколько. Вы можете охотиться на оленей, если они там есть, на медведей, на фазанов и даже на павлинов. Сколько хотите и когда хотите. Этим вас никто не будет ограничивать.

– Спасибо, но мне непонятно, каким образом при населении 20 миллиардов вы смогли мне выделить целый остров, который по размерам с хорошим районом, если не областью.

– Сергей, пусть вас это не беспокоит. Со временем вы все поймёте. А пока позвольте проститься. Мы встретимся с вами через несколько дней. Пока отдыхайте.

– Когда я могу вернуться к работе?

– Не думайте пока об этом. Вы заслужили отдых. Во всяком случае месяц – другой ни о чем, кроме отдыха, не думайте.

Экран погас.

* * *

Прошло три года. Жизнь на острове нравилась Сергею, но его начинало тяготить бездействие. Охота, рыбная ловля приносили много азартного удовлетворения, прогулки по морю на яхте вместе с Ольгой – все это вроде бы и заполняло время, но не заполняло жизни. Рождение маленькой Оленьки не внесло больших забот. Девочка была идеально здоровой и быстро развивалась.

Тяготило отсутствие связи с большим миром. Ни телевизора, ни радиоприёмника в доме не оказалось. Он много раз пытался постичь тайну экрана, но безуспешно. На вид это была обычная стена, покрытая гладким непрозрачным пластиком серого цвета. Ни выключателя, ни кнопок, ни малейшего намёка на управление. В тот день первой и последней встречи этот пластик как бы превратился в экран телевизора, но с тех пор, как этого Сергей ни ждал, связь не включалась.

В доме было много книг. Большая часть их была художественной литературой, но было также много по математике, биологии и системотехнике. Книг по истории, касающейся последних ста пятидесяти лет, он не обнаружил, хотя тщательно пересмотрел всю библиотеку. Не было также художественных произведений последнего столетия.

Читая, Сергей заметил в себе некоторую странность. Содержание прочитанного легко запоминалось. Он и раньше обладал прекрасной, почти феноменальной памятью, иначе он бы просто не попал в отряд космонавтов. Но та, прошлая память не шла ни в какое сравнение с этой. При желании он мог теперь без всякого затруднения, почти мгновенно, вспомнить любое место в прочитанной книге, процитировать целые страницы текста. Необходимая информация в нужный момент как бы всплывала у него перед глазами, но в то же время не была навязчивой, т.е. заявляла о себе только в нужный момент. В остальное же время она хранила скромное молчание, ничем не напоминая о себе.

Как ни странно, Ольга не проявляла никакого интереса к чтению, что за ней ранее не замечалось. Она была всегда рядом, всегда внимательная, заботливая и ласковая. Характер её, если и претерпел изменения, то только в лучшую сторону. Ранее она часто не соглашалась с мужем, была язвительной в споре. Эта язвительность одновременно нравилась и приводила в раздражение его, тем более, что он сам обладал сходными чертами характера, а такое сходство, как правило, приводит к размолвкам и ссорам. За год до отлёта столкновение характеров чуть было не привело к полному разрыву.

Теперь Ольга всегда и во всем соглашалась с мужем, часто развивала его мысль, как бы предугадывая её. Странно было, что, почти ничего не читая, она прекрасно разбиралась в сложных вопросах и научных положениях, которые ещё вчера для самого Сергея были откровениями. Наконец, случилось то, чего так долго ждал Сергей.

Как-то вечером, когда все семейство, отужинав копчёным окороком убитого несколько дней назад оленя, сидело на веранде и любовалось красочным закатом солнца, из-за приоткрытой двери холла послышался шум работающего экрана видеосвязи. Сергей быстро встал и вошёл в холл.

Экран светился бледно-голубым светом, но на нем ничего не было. Минуты через три на экране возник Николай Кравцов.

– Доброе утро, – лицо его расплылось в улыбку.

– Добрый вечер, – поправил его Сергей.

– Простите, вечер, – смутился Николай, – я забыл разницу во времени. У нас сейчас утро.

– Послушайте, – начал Сергей, – как это понимать? Три года! Вы что, забыли про меня?

– Простите нас, Сергей Владимирович. Дело в том, что мы просто хотели дать вам хорошенько отдохнуть и поэтому не беспокоили. Поздравляем с рождением дочки!

– Спасибо... Но...

– Во-вторых, – перебил Николай, – двусторонняя связь не-

сколько затруднена...

– Не понимаю...

– Пока это все, что я могу вам сказать. Если вы испытываете в чем-либо потребность – говорите! Мы все исполним.

– Дело не в этом. Меня интересует, сколько мне, вернее, нам, торчать на этом острове?

– Боюсь, что долго. Но разве он вам не нравится?

– Опять не то! Место прекрасное, лучшего не пожелаешь. Меня тяготит безделье. Я хочу работать! – Сергей начал злиться. – Работать, работать! Вы это понимаете?

– Вот об этом я и хотел бы с вами поговорить, – обрадовался Николай.

– Слушаю.

– Вы, насколько я знаю, полевик?

– Да, это моя основная специальность. Смежная – биология.

– Нам известно, что ещё в студенческие годы вы увлекались проблемой времени.

– Да, я даже опубликовал работу о фазности времени, но меня тогда не поддержали.

– Знаю. За прошедшие двести лет ваша идея, высказанная ещё студентом, нашла подтверждение в ряде косвенных феноменов, и нам бы хотелось, чтобы вы вернулись к этой проблеме.

– Я очень рад, но я давно уже этим не занимаюсь.

– Не беда. В вашей библиотеке вы найдёте весь материал, касающийся этого вопроса.

– Странно, я ничего подобного не встречал.

– Поищите получше. Это на второй полке сверху, в четвёртом шкафу от двери.

– Но там только художественная литература. Кажется, Кервуд, – удивился Сергей.

– Да? Но вы все-таки посмотрите.

– Хорошо! Что я должен делать?

– Ознакомьтесь с состоянием вопроса и, если у вас появятся идеи, проработайте их.

– Хорошо! Как я вам сообщу результат?

– Пусть это вас не беспокоит. Не спешите. Времени у вас более чем достаточно, не забывайте об отдыхе и развлечениях.

– Не понял?

– Ну, например, если у вас появятся какие-то особые желания, даже странные, пожалуйста, не стесняйтесь. Мы можем многое!

– Меня тяготит отсутствие связи. Хотя бы телевизор...

– Пожалуйста! Экран будет включаться по вашему мысленному желанию. Вы будете смотреть фильмы, развлекательные программы, но пока это все, что мы можем вам обещать в этом отношении.

– Странно, что при такой технике...

– Увы! Есть обстоятельства, которые даже наша техника не может пока преодолеть. До свидания.

– Опять через три года, – горько усмехнулся Сергей.

Но экран уже погас.

Сергей полностью погрузился в работу. Несколько дней он читал найденные в шкафу книги. «Странно, – думал он, – как я их

раньше не заметил».

Необыкновенные, никогда раньше не испытанные приливы сил и энергии, воображения привели к какому-то особому состоянию его организма. Сознание было предельно ясное и в то же время как бы затуманенное. Время исчезло, оно скрутилось в клубок и одновременно было растянуто до бесконечности. Работа доставляла то крайнее наслаждение, знакомое только немногим, в сравнении с которым все другие, известные человеку наслаждения представляются мелкими, не заслуживающими внимания. Строки уравнений, выводов, казалось, сами ложились на бумагу. В статье профессора Сытникова он нашёл ссылку на свою студенческую работу и с удивлением узнал, что его считают основоположником современной теории времени. Идея, пришедшая ему в юности, казалась теперь наивной, но продолжала будить воображение.

Что, если идти дальше? Волнообразность... Да, конечно... Переход в противофазу... Но если это так, то пульсация Вселенной – только отражение этой волнообразности... Тогда в точке экстремума... постой... А если, если все другие измерения тоже имеют волнообразную функцию... Совпадение экстремумов... Ну, конечно. Тогда вся Вселенная вмещается в размеры атома... и никакого нарушения... второго начала...

Выходит, мы не можем знать, в какой фазе времени мы находимся и расширяется ли Вселенная или сужается. Для наших чувств и наших приборов она только расширяется. В любом случае мы видим только рост энтропии... Так, если пойти дальше... Нет, этого быть не может, потому что быть не может... Многомерность времени! Бред!

Сергей встал из-за стола, сложил разбросанные на нем листки бумаги и вышел на веранду, забыв выключить компьютер.

– Доброе утро, – Ольга шла к нему с дымящейся чашкой кофе.

Сергей только сейчас заметил, что наступило утро. Лёгкий туман окутывал стволы деревьев. Воздух был свеж и прохладен. Машинально выпив кофе и поцеловав Ольгу, все ещё во власти возбуждения, Сергей спустился с крыльца и подошёл к берегу озера. Туман клубился на его гладкой поверхности. На противоположном берегу стволы сосен были не видны, и только их вершины чётко обозначались на фоне голубого неба.

Сергей постоял немного на берегу, всматриваясь зачем-то в противоположный берег. Сзади слышались лёгкие шажки. К берегу спускалась Оленька. В руках она несла удочки и банку с червями.

– Папа, поедem на рыбалку. Я уже вчера червей накопила. Посмотри, какие жирные! – она протянула ему банку с червями.

– Поздновато вроде!

– Ну, немножко. Пожалуйста, – стала просить Оленька.

Ей шёл третий год, но по своему развитию она не уступала пяти-шестилетней девочке. Сергей в этом году впервые взял её с собой на лодку. Девчушке так понравилась рыбалка, что она с нетерпением ждала, когда отец возьмёт её снова.

К ним подошла Ольга. Она несла тёплые куртки дочери и Сергею.

– Оденьтесь, – категорически потребовала она. – На озере прохладно. Ещё простудитесь. Возись с вами потом! – это уже звучало приторно-сердито.

Они покорно натянули куртки. Сергей взял у дочери короткие зимние удочки с катушками лески, на конце каждой была небольшая пружинка – сторожок. При клёве эта пружинка сгибалась, каждый раз по-своему, в зависимости от того, какая рыба сидела на крючке. В озере водилось много лещей и угрей.

Сергей оттолкнул лодку, на корме которой уже сидела Оленька и хлопала от радости в ладошки, и направил её к прикормленному месту, обозначенному белым буйком из пенопласта.

Бросив якоря, он установил удочки и стал ждать. Вскоре сторожок на одной из них медленно стал сгибаться, затем выпрямился. Сергей резко подсёк и почувствовал знакомую вибрирующую тяжесть – источник вечного рыбацкого волнения, когда чувствуешь, что там, в глубине, на крючке сидит крупная рыба. Сергей отбросил удочку, и перебирая руками леску, сбрасывая её в воду, осторожно, но достаточно быстро стал вытягивать рыбу. Вскоре сквозь прозрачную воду можно было увидеть идущего громадного, килограммов на пять, леща. Когда лещ уже был почти на поверхности, Сергей перебросил леску в левую руку, взяв правой подсак и дождавшись, когда лещ, выйдя на поверхность, глотнёт воздуха и, одурев от него, начнёт ложиться на бок, быстрым движением подвёл подсак и вбросил рыбу в лодку.

– С приездом! – подражая отцу, крикнула Оленька. Так всегда почему-то говорил Сергей, вытягивая крупную рыбу.

Лещ, придя в себя, начал буянить в лодке и весь покрылся слизью. Сергей затолкал его в рюкзак. Слизь леща, знал Сергей, попадая в воду, является сигналом тревоги для других в стае, и уже тогда клёва не жди.

– Не вытирай руки о штаны. Мама будет ругаться, – наиздательно сказала Оленька. – На, – протянула ему полотенце, – возьми.

«Почему маленькие девочки такие глубокомысленные? – подумал Сергей. – Может быть, потому, что весь запас расходуется в детском возрасте?» – внутренне усмехнулся он. Однако послушно вытер руки протянутым дочерью полотенцем.

Поймав ещё двух лещей, затратив на это около часа, Сергей вытащил якоря и направил лодку к берегу. Туман уже давно рассеялся, и яркое солнце, ещё не поднявшись над верхушками сосен, плясало рассеянными лучами по глади озера.

Только сейчас Сергей почувствовал, как он проголодался, так как со вчерашнего обеда, кроме кофе и бутерброда с икрой, ничего не ел.

– Как дела, рыбаки? – встретила их Ольга. На ней был ситцевый фартук, руки в муке. Она почесала тыльной стороной кисти правый глаз и вопросительно посмотрела на Сергея.

– Вот! – Сергей протянул было ей рыбу, но, видя, что руки её в муке, положил лещей на цемент крыльца.

– Значит, на второе будет жареная рыба.

– А что на обед вообще? – спросил Сергей. – Учти, что мы го-

лодные, как черти.

– Я это давно учла. Грибной суп, вареники с черникой и те-перь – жареная рыба. Вы пока погуляйте и переоденьтесь. Через полчаса я вас позову. Да, – она замолчала в нерешительности, но потом продолжила. – Я там прибрала у тебя на столе. Ты забыл выключить компьютер. Я немного подсчитала. У тебя там в уравнении $7/15$ небольшая ошибка. А так все верно! Если учесть ошибку, то выходит, что любое измерение многомерно!

Сергей, ничего не понимая, ошалело смотрел на жену.

– А что такое, – пожала она плечами. – Пока вы там рыбачили, я немного посчитала. Мне хотелось тебе помочь. Ты страшно устал. Сегодня уже не работай!

Сергей бросился в кабинет. Да, ошибка была! Как он её раньше не заметил. Но выводы... выводы. Они были ошеломляющие!

– Немедленно иди отдыхай! – потребовала вошедшая Ольга. – Иначе я с тобой разведусь! – полушутя-полу-серьёзно пригрозила Ольга. – Такой муж мне не нужен. Ты совсем перестал замечать меня. Не считаешь меня женщиной!

– Олька! Милая, ты – гений! – восхищённо вскричал Сергей, заключая её в объятия и покрывая поцелуями её перепачканное мукой лицо.

– Но как ты додумалась?

– Обыкновенно. Все! Разговор на эту тему считаю законченным, и если ты не пойдёшь отдыхать, то...

– То мы разведёмся, – продолжил Сергей. – Мне, конечно, не хочется терять такую жену и поэтому иду.

– Папа! Я тоже с тобой разведусь, – Оленька стояла в дверях и внимательно слушала разговор родителей, – если ты не будешь слушаться маму, – добавила она, смягчая угрозу.

Весь оставшийся день, выполняя обещание, данное жене, Сергей не подходил к письменному столу. До обеда он сходил на огород и нарвал свежей зелени. Как никогда, в этом году удались помидоры. Ярко-красные, сочные, они на разрезе отливали белым сахаристым отливом. Особенно они были хороши маринованные. По чистоте кулинарии Ольга была непревзойдённым мастером. Маринованные подосиновики, солёные рыжики, мочёная брусника – вся эта продукция её тонких, ловких и красивых рук была каждодневным украшением обеденного стола.

– Куда нам столько, – говорил Сергей, наблюдая, как она ловким движением закручивала очередную банку разносолов жестяной крышкой.

– Мне это просто нравится, – отвечала она. – Нравится смотреть, как ты ешь с аппетитом. Для женщины, – продолжала она, – большое удовольствие наблюдать, как мужчина насыщается. Тебе этого не понять!

Сергей любил в такие часы сидеть рядом, украдкой любуясь стройной фигурой жены. Одновременно в её хрупкости и стройности чувствовалась, и Сергей это точно знал, скрытая сила.

«Как заблуждаются те, – думал Сергей, – кто считает, что красивая женщина, как правило, глупа. Красивая не может быть глупой, как не может быть глупой красота. Природа либо щедра, либо

скупа, и если она дарит, так дарит щедро и обильно. Красота – это носитель какой-то высшей, непонятной нам мудрости, которую можно постичь чувством, но не разумом». В такие минуты его буквально захлёстывала волна нежности к жене, и ему страстно хотелось сделать ей что-то особенно приятное, увидеть на её лице радостную улыбку.

– Да ты растёшь! – воскликнул Сергей, пристально вглядываясь в Ольгу. Они лежали на прибрежном песке. Было время отлива. Море ушло, обнажив поросшие водорослями камни, среди которых копошились крабы. Их дочь пыталась оседлать медленно ползущую к берегу гигантскую черепаху, достойную представительницу своего рода, стада которого заселяли всю прибрежную зону.

– Я это заметила, – спокойно отозвалась жена. – Месяц назад, – продолжала она, – когда мы с тобой поехали ловить рыбу, я, не имея ничего другого подходящего, надела твои парусиновые брюки. Помнишь, те, в которых ты был в первые дни нашего пребывания на острове. И ты знаешь, – она смущённо улыбнулась, – они мне оказались почти впору. По длине, конечно! – ещё более смущаясь, добавила она.

– В таком случае твой рост более ста восьмидесяти сантиметров. Почему же я этого не замечал?!

– Потому, что ты растёшь сам, – ответила Ольга. – В тебе сейчас чуть больше двух метров!

– Тогда наша дочь...

– Да, она по росту соответствует семилетней. Ты заметил, как она быстро развивается! Я тебе не говорила, но она уже умеет читать! Причём, овладела чтением поразительно быстро!

– Интересно, интересно. Сколько это будет продолжаться?

– Ты имеешь в виду рост?

– Не только рост, но и его тоже. В таком возрасте расти?

– Ну, твой биологический, вернее, земной возраст 42 года, а биологический трудно определить. Здесь все не так. Я думаю, что нам, судя по состоянию организма (учитывая мою вторую специальность врача, я могу это утверждать), где-то 25–27 лет. В этом возрасте иногда бывает вторая вспышка роста, но мне кажется, что дело не в этом. Рост, я думаю, скоро прекратится. Скажу тебе другое. У меня было два запломбированных зуба. Я тебе об этом не говорила, стеснялась. Зубы что-то за два года до твоего отлёта на Счастливую начали портиться. Здесь они меня не беспокоили, и я о них почти забыла. Три дня назад я вдруг обнаружила, что все зубы здоровые, без всяких признаков пломбирования.

– Двести лет – немалый срок, – сказал Сергей. – Может быть, они продвинулись в биологии настолько, что могут возвращать молодость? Хотя, – продолжал он, – этот Кравцов не выглядит молодым человеком. Он седой, и на лице морщины. Ты вылетела через два года после меня и не можешь тоже ничего пояснить. Кстати, ты никогда не рассказывала мне о своём полёте.

– Я ничего не помню. Странно, я все помню до твоего отлёта, а дальше – ничего, вплоть до нашей встречи на этом острове.

– Да, странностей хоть отбавляй, – поддержал Сергей. – Я не говорю о том, как мы здесь очутились. Почему меня оставили ле-

жать голым на песке, бросив рядом мою старую одежду. Это ещё можно как-то объяснить. Но, скажи мне, откуда берутся продукты в кладовой? Сахар, мука, одежда и все прочее? Как появился в доме компьютер, которого раньше не было? Почему я, я только сейчас об этом подумал, не зная его принципа действия, я не мог этого знать, до моего отлёта таких компьютеров и в помине не было, почему я, не задумываясь, смог ввести в него программу?

– Вполне возможно, если они смогли снять с тебя мнемofilm, то и могли ввести необходимую для работы с компьютером информацию.

– Все равно здесь много странностей!

– Не будем пока об этом думать! Все со временем разрешится!

– Но я не хочу быть подопытным кроликом, – возмутился Сергей.

– А что ты сделаешь? А потом, согласишься, что клетка, я имею в виду этот остров, для кролика просто шикарна!

– Да! Ты права. Остров поистине прекрасен. Если хочешь, мы как-нибудь пойдём на его южный берег. Помнишь то фантастическое нагромождение скал, гротов?

– Лучше взойдём на гору, – предложила Ольга, – нам не мешало бы осмотреть сверху все его окрестности.

– Хорошо! Мы это сделаем в ближайшие дни. А тебе не хотелось бы вернуться в большой мир, снова быть среди людей?

– Зачем... Мой мир здесь... рядом с тобой и дочкой. Оля, Оленька! – внезапно закричала она, поднявшись, – вернись сейчас же!

Голова ребёнка виднелась среди обнажённых отливом валунов метрах уже в тридцати от берега. Сергей вскочил и, проваливаясь ногами между скользкими камнями, побежал к ребёнку.

Дочь, визжа и смеясь, пыталась увернуться, но он быстро поймал её, взял на руки и отнёс к матери.

На второй день Сергей с утра принялся за работу. Что-то не получалось. Сергей встал, походил по комнате, зачем-то вышел на веранду. Начало светать. Лес ещё стоял тёмный. С озера доносились всплески играющей на рассвете рыбы. Снежная вершина горы Франклина, так назвал её Сергей в память о своей любимой и детстве книге, уже была озарена лучами невидимого пока солнца.

Сергей вернулся в кабинет и стал перечитывать вчерашние записи. Постепенно он почувствовал знакомую волну возбуждения. Итак, многомерность времени. Пусть это пока бред! Интересно, к чему он приведёт... Расчёты Ольги верны... Следовательно, точка в одном измерении может вмещать в себя... Время может суживаться до бесконечности и одновременно существовать в бесконечно большой размерности... и в этом бесконечно малом интервале взрывающейся Вселенной образуются звезды и планеты, развивается разум, чтобы погибнуть в новом взрыве и возродиться вновь... и так до бесконечности... и эта бесконечность – мгновение...

Сергей встал из-за стола. Выключил компьютер. Солнце стояло уже высоко над лесом. Слышно было, как на кухне Ольга готовила завтрак. Сергей вышел из дому и углубился в лес. Возле опалённой солнцем сосны стоял гигантский муравейник. Десяток

красных больших муравьёв тащили по его склону жирную зеленую гусеницу. Сергей взял тонкий прутик и тронул гусеницу. Сейчас же два муравья, присев, приняли угрожающую позу, остальные побежали по прутику. Сергей осторожно положил прутик и пошёл дальше.

«Древние, – думал он, – как мудры они. Уран – пространство, Гея – материя, Хронос – время. Уран и Гея, материя и пространство породили Хронос – время. Великий Крон оплодотворяет Гею-материю, порождает племя титанов и богов, звезды и планеты, жизнь и разум... Как могли они это знать?! Как могла эта догадка родиться в их детском сознании? Хотя... что мы знаем о разуме? Какие тайны хранит он в себе о нас самих? Нет ли там, в мозге, скрытого аппарата сверхразума, работающего по совершенно другим законам логики, закрытого от сознания? И прорывы этого сверхразума в наше сознание создают гениальные озарения? Софрат, Христос, Будда, Лобачевский, Менделеев, Эйнштейн – не были ли они людьми, у которых, выражаясь техническим языком, перегорел защитный экран? А если найти способ снимать этот экран?..

...Но будет ли счастливо от этого само человечество? Созрело ли оно для того, чтобы стать сверхразумным... Не таится ли в этом смертельная опасность?»

Лес, чем дальше, становился гуще. Толстые стволы деревьев, переплетённые лианами, преграждали путь. Лучи солнца едва проникали сквозь гущу листвы и ложились на землю лёгкими бликами.

Сзади послышался шорох. Сергей быстро обернулся. На тропинке стояла девушка. Длинные золотистые волосы спадали ей на плечи, закрывая обнажённую грудь. Широкая косая повязка едва прикрывала её стан, почти полностью обнажая правую ногу. Стройные, с золотистым загаром ноги были обуты в лёгкие сандалии, закреплённые на голенях кожаными ремешками. Её зеленоватые, широко раскрытые глаза со страхом и любопытством смотрели на Сергея.

Сергей от неожиданности зажмурился и невольно покрутил головой, как бы стряхивая с себя наваждение. Когда он открыл глаза, тропинка была пуста.

Прошло три месяца. Чувство странного возбуждения, охватившее Сергея после встречи с незнакомкой, постепенно улеглось. Сергею стало казаться, и он вскоре почти убедил себя в этом, что юная лесная нимфа с зелёными глазами, встретившаяся ему на тропинке леса, – плод его воображения и усталого мозга. Он был доволен собой, что ни слова о случившемся не сказал Ольге. Постепенно насторожённость покинула его. Если вначале присутствие, как он подумал, людей на острове его обрадовало, то потом он стал опасаться неожиданностей, связанных с этим, тем более что наряд лесной нимфы был более чем странным. Испытывая двойственное чувство желания встречи и одновременно опасения её, он часто углублялся в лес, держа наготове заряженный карабин, но, кроме диких кабанов и оленей, не встречал никого в своих лесных

прогулках.

Ещё раз проверив свои записи и расчёты, он переписал их все начисто, пронумеровав, как положено, последовательно уравнения, и стал ждать связи с Кравцовым.

И все же встреча, если это была встреча, а не плод воображения, взволновала Сергея, и это волнение каким-то образом передалось Ольге. Сергей замечал на себе украдкой брошенные, тревожно-вопросительные взгляды жены. Ольга стала раздражительной, но эта раздражительность проявлялась только на дочери и имела естественное объяснение. Девочка поразительно быстро развивалась. Она уже самостоятельно читала детские книжки, найденные в библиотеке, но была страшно непоседливой и вечно куда-то пропадала. Её можно было найти в самом неожиданном и неподходящем месте: то на чердаке дома с неизвестно откуда появившейся кошкой, то на дереве, и было страшно смотреть, как она, по требованию матери, слезала с высокого ствола росшего возле самого крыльца развесистого дуба.

– Девочке нужна сестричка или братик, – категорически заявила наконец Ольга Сергею, стоявшему на крыльце и наблюдавшему, как дочь тщетно пытается одеть кошку в платье куклы. Платье явно было меньше требуемого размера. Кошка отчаянно мотала головой и пыталась лапами сорвать предлагаемую одежду.

Сергей, продолжая наблюдать за дочерью, молча обнял правой рукой плечи Ольги, привлёк её к себе и прижался губами к её виску. Только сейчас он заметил, что волосы Ольги, ранее светло-пепельного цвета, приобрели золотистый оттенок.

– Мы, кажется, покрасились? – шутливо, с лёгкой иронией спросил он.

– Мне показалось, что тебе так больше понравится, – ответила Ольга.

Сергей покраснел.

– С чего ты это взяла? – спросил он.

– Сама не знаю, скорее, чувствую...

– Что же ты чувствуешь? – шутливо, но с внутренней настороженностью спросил Сергей.

– Чувствую, что ты стал как-то дальше... Ты перестал замечать меня, – продолжала она. – Тебя что-то постоянно беспокоит.

– Ну, естественно, беспокоит длительное отсутствие связи с Кравцовым. Я хочу передать ему расчёты, а он не появляется...

– Нет, милый, это не то беспокойство. Это совсем другое. Я, не забывай, женщина и чувствую, какого рода беспокойство у мужчины, особенно у мужчины любимого и единственного.

– Ты моя любимая и ты моя единственная, – Сергей крепче обнял плечи жены.

Ольга повернула к нему лицо и, глядя снизу вверх, в самую глубину глаз, сказала:

– Достаточно быть любимой... а единственной... это не так важно... Что бы ни случилось, – продолжала она, – я хочу иметь от тебя ещё ребёнка...

– Милая, но что может случиться? Все, что могло с нами случиться, уже случилось. Мы побывали на далёких планетах и встре-

тились вновь, как ни невероятно была эта встреча. Там, на Счастливой, и ещё на одной планете, – Сергей внезапно остановился. – Странно, – задумчиво сказал он. – Очень странно! Я вдруг вспомнил, что Счастливая была не единственной планетой, где побывала наша экспедиция... Но я больше ничего не помню... Постой, постой... Не может быть!

– Что?

– На Земле ли мы?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Вся эта странность. Длительное отсутствие связи, Кравцов. Может быть, это не Кравцов, может быть, мы...

– Какая чепуха, – возмутилась Ольга. – Ты посмотри на небо! Наши звезды...

– Действительно, – облегчённо вздохнул Сергей. – Как я... да что там, – он махнул рукой. – Вспомнил, вспомнил! – закричал он вдруг, отпуская Ольгу.

– Что же ты вспомнил?

– Вспомнил, как называлась та планета! Перун!

– Перун, кажется, древнее божество славян.

– Да, это бог молнии и огня. В этом названии что-то есть... Пытаюсь вспомнить, но не могу. Почему мы дали ей такое название? Счастливую мы назвали так потому, что она как бы родная сестра Земли. Зеленые долины, прохладные реки, океаны, чистый воздух. Перун, почему Перун? Не помню!

– Я тоже ничего не помню о своём полёте, – вздохнула Ольга. – Ну, ладно. Пойдём обедать. Оля! – закричала она дочери, которая бросила кошку и гоняла по двору большого белого петуха. Петух боком отскакивал в сторону и, наклонив голову, волоча крыло по земле, описывал вокруг ребёнка воинственные круги. – Сейчас же иди домой и мой руки!

Обед прошёл в молчании. Только, когда после чере-пахового супа Ольга подала на стол великолепный заячий паштет с уложенными вокруг жареными трюфелями, Сергей оживился и вопросительно посмотрел на жену.

– Тебе надо сегодня набраться сил, – шутливо сказала она, но в её глазах Сергей подметил едва уловимую грусть.

Утром следующего дня случилось то, что вызвало у Сергея крайнее возмущение и раздражение. Войдя к себе в кабинет, он обнаружил на столе записку, подписанную «Кравцов». В записке Кравцов благодарил Сергея за расчёты и поздравлял его с избранием в члены Всемирной Академии наук. Записки, которые лежали в правом углу стола, исчезли. Сергей поделился новостью с Ольгой, выразив при этом своё возмущение бестактностью Кравцова и глупой таинственностью появления записки.

– Если уж он был здесь, а об этом свидетельствует записка, то почему не дал о себе знать. Черт знает что! – негодовал он. – Пробрать подобно ночному вору...

– Ну, не преувеличивай, – ответила Ольга. – Он мог и не быть здесь!

– А как же записка? Она что, с неба свалилась?

– Записка появилась здесь таким же способом, как появляется

одежда, еда в холодильнике, куклы для Оленьки, наконец.

– Ты права, – согласился Сергей, – но, – продолжал он, – проще было бы выйти на связь.

– Кто знает, может быть, и сложнее. Ведь он предуп-реждал те-бя.

Прошло ещё три года. Население острова увеличилось. Появил-ся Вовка, названный так в честь отца Сергея, которого Сергей пом-нил только по рассказан матери, так как тот умер, когда Сергею не было ещё года. Оленьке шёл уже шестой год. Она сильно выросла и обещала быть очень красивой девушкой. Рождение брата для неё было большой радостью. Целыми днями они проводили вместе. Все заботы по уходу за малышом она взяла на себя.

Сергей много работал. В доме появился новый, более совер-шённый компьютер. Сергей этому уже не удивлялся, как и не удив-лялся тому, что его законченные работы таинственно исчезают со стола и вместо них появляются записки с выражением признатель-ности. Это уже стало привычным.

Время от времени они с Ольгой предпринимали много-дневные экскурсии по острову. Оленька в таких случаях оставалась дома и присматривала за малышом. В одной из таких экскурси Сергей в южном склоне горы Франклина обнаружил большую, разветвлён-ную пещеру. Два дня они при свете факелов обследовали её. Пеще-ра оказалась большой и тянулась куда-то вглубь горы. Летучие мыши были единственными её обитателями.

На юго-восток от пещеры, почти в центре острова, они обнару-жили обширное болото. На болоте водилась масса дичи: серых уток, казарок, водяных курочек. Рай для охотника. Но, к сожале-нию, у них не было собаки. И однажды Сергей чуть было не попла-тился жизнью, пытаясь достать убитую утку. Он провалился в так называемое окно. Ольга, которая на этот раз сопровождала его, рискуя жизнью, вытащила его из трясины при помощи длинной жерди.

За шесть лет, проведённых на острове, они обследовали его вдоль и поперёк. На север от болота, километров на пять, тянулся огромный крутой овраг, вернее, каньон, происхождение которого было непонятно. Его склоны в центре были настолько высоки и круты, что думать о том, чтобы его преодолеть, не приходилось. На запад и восток овраг мелел. С другой стороны, он представлял со-бой довольно удобную дорогу от дома по направлению к горе. Не-далеко от озера в него можно было войти без особого труда, так же, как и выйти из него километрах в четырех от подножия горы. Идти по его дну значительно легче, чем по лесу, поросшему густым, под-час непроходимым, подлеском. Из болота вытекала довольно пол-новодная река. Весной в реку заходили на нерест стаи лосося. Рыба шла так густо, что её можно было ловить руками.

Весь юго-запад был покрыт холмами, поросшими великолеп-ными кедрами и соснами, между которыми струились бесчислен-ные прозрачные ручьи. Деревья здесь стояли реже, чем в центре острова, и лес изобиловал дичью. Из птиц встречался дикий аме-риканский индюк, мясо которого часто украшало стол острови-ян.

Северная часть острова была лесиста. Здесь часто встречались старые, давно заросшие болота. Болота чередовались с обширными участками песчаной почвы, поросшей дубом и соснами. На болотах росло много черники и брусники. Тут же можно было найти целые поляны белых грибов, а в ельниках — рыжики.

Казалось, ничто не угрожало счастью невольных робинзонов. Они ни в чем не нуждались, все необходимое, что не мог дать им сам остров, появлялось незамедлительно, словно кто-то следил за их желаниями и, угадывая их, немедленно выполнял. Климат на острове был ровным. Лето сменялось золотой осенью, за которой сразу же, минуя зиму, наступала весна.

И тем не менее беда пришла. Она пришла не откуда-то извне. Источником беды был сам Сергей. Все чаще и чаще его охватывало смутное беспокойство и раздражительность. Все реже он садился за письменный стол и включал компьютер. Ольга, которой он еще недавно в часы отдыха любовался и восхищался, стала его раздражать. Особенно ее неизменная покладистость. Казалось, она угадывала его желания и это угадывание и следующие за ним поступки вместо радости вызывали все усиливающееся раздражение. В таких случаях Ольга терялась, жалобно смотрела на него, тщетно стараясь понять причину. Нет, Сергей внешне никак не проявлял свое состояние, он был по-прежнему ровен и спокоен, но она неизменно, каким-то шестым чувством, угадывала его недовольство.

Однажды, проснувшись ночью, Сергей заметил, что она плачет. Раньше это взволновало бы его, обеспокоило, во всяком случае он постарался бы выяснить причину, но теперь лишь с досадой повернулся на другой бок и сделал вид, что спит. Это не укрылось от жены, и она весь следующий день была грустной и старалась не попадаться ему на глаза.

В последний год такое случалось все чаще. Сергей стал теперь уходить надолго в лес, возвращаясь только к вечеру, а иногда и на следующий день.

Особенно его тянуло на холмы юго-западной части острова. Он давно уже привык спать под открытым небом. На острове не встречались крупные хищники и ядовитые змеи. Однажды, правда, он обнаружил следы, судя по признакам, кошачей породы, но не мог определить его вида.

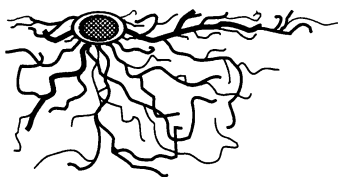
Сидя во время одной из таких прогулок у костра и наблюдая, как его отблески пляшут в окружающей тьме ночи, Сергей задумался, стараясь разобраться в самом себе. Его чувства к жене не вызывали у него никакого сомнения. Он любил ее и твердо знал это. Он тяготился своей раздражительностью, приносящей жене огорчения. Часто засыпая и вспоминая прошедший день, Сергей давал себе слово завтра быть предельно внимательным к Ольге, но наступало утро, и все оставалось по-прежнему. Приступы беспричинной раздражительности учащались. Хуже было то, что его уже не тянуло к работе. Не было того всеохватывающего волнения, когда под его рукой рождались новые уравнения и формулы. Все сделанное им ранее представлялось ненужным. «Может быть, я дичаю, — с горькой усмешкой думал Сергей. — Я даже перестал бриться». Он провел рукой по щеке. «Отпустить, что ли, бороду и

стать настоящим дикарем с всклокоченной бородой и крепкими длинными когтями. Нет, с этим пора кончать». Ему вдруг захотелось искупаться.

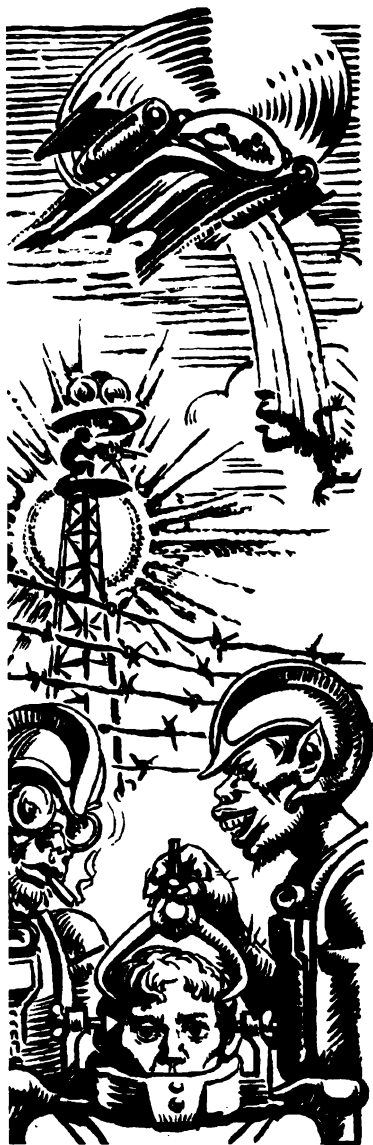
До побережья по прямой было недалеко. Он быстро поел поджарившееся уже мясо, взял карабин и сумку и пошел к берегу, намереваясь провести ночь на берегу моря.

Он шел мимо холмов, вершины которых темнели на фоне неба. Погруженный в свои мысли, Сергей не заметил, что прошел уже порядочно, а берега, который должен был быть рядом, все не чувствовалось.

«По-видимому, я несколько завернул к северу», — подумал он и сменил направление. Прошел еще час, но берег так и не показывался. «Что за черт! — выругался Сергей. — Придется дожидаться утра». Он огляделся. Холмы исчезли. Поверхность была ровной. Деревья росли очень редко. Под ногами — высокая трава. Сергей положил под голову сумку и лег, но сейчас же вскочил. Небо!.. Оно было чужое...

ПОД НОВОЙ ЛУНОЙ

Постепенно стало светать. Сергей остановился. Охвативший его вначале страх прошел. Возможно, необычности ситуаций за последние шесть лет жизни приучили его не удивляться внезапности перемен. Скорее не разумом, а подсознанием он уже давно ощутил странность реальности, если эта реальность была действительно реальностью, а не искусственным созданием развившейся за двести лет его отсутствия на Земле цивилизации. Поэтому чужое небо, поразившее его, могло бы вызвать у кого-то другого психологический шок, у него же это после вполне естественного испуга теперь вызывало скорее чувство любопытства. Поэтому он спокойно воспринял восход огромной луны, диаметр которой превышал раз в пять диаметр земного спутника. Стало почти светло. Серебристый свет ночного светила искажал краски, но Сергею казалось, что листва деревьев, так же, как и трава, окрашена в привычный зеленый цвет. Это его совсем успокоило.

Он ждал, что наваждение скоро кончится, и он снова будет у себя дома и увидит жену и детей. Чтобы не сидеть на месте, Сергей пошел, выбрав себе для ориентира холм, видневшийся на горизонте. Горизонт ему показался несколько суженным. «Если это другая планета, — подумал он, — то ее радиус уступает земному». Легкость в членах подтверждала догадку.

Теоретически он вполне допускал подобные смещения про-

странства и времени, тем более что его собственные расчеты доказывали их возможность, но это только теоретически. Что касается практики, тем более практики, где он сам оказался действующим лицом, то это как-то не укладывалось в сознании.

Так, мы часто теоретически понимаем вероятность катастроф, крушения поездов, самолетов, но не можем себе представить, вернее, не хотим представить себя их участниками. Мы все знаем, что умрем, но стараемся не думать об этом; планируем свои действия на время, превышающее подчас тот отрезок, который нам остается пройти в этой жизни. Наша душа окружена коконом иллюзии своей собственной исключительности и нашептывает нам из этого кокона: «Спокойно, с тобой ничего не случится, а если и случится, то не с тобой, а с твоим соседом». Как хорошо, как это удобно и как это необходимо!

Тысячи и тысячи людей на нашей планете ежедневно попадают под машины. Мы это спокойно воспринимаем как вынужденную дань развитию техники и цивилизации. Но узнай кто-нибудь из нас, что через три года он попадет под колеса автомобиля и его бездыханное тело увезут в морг, оставшиеся три года покажутся мучительнейшей пыткой. Разве не это чувствует раковый больной, когда ему со скорбным, приличествующим ситуации выражением лица сообщают диагноз.

«По-видимому, — решил Сергей, — со мной производят эксперимент, в котором я пока ничего не понимаю, но и ничего изменить не могу. Надо быть спокойным! Посмотрим, что будет дальше».

Поэтому Сергей совсем не удивился, когда перед ним внезапно выросли три низкорослые фигуры, одетые в нечто подобное скафандрам. Он остановился и даже приветливо помахал им рукой.

— Привет, мальчики.

«Мальчики» подошли поближе. Ростом они не достигали даже плеча Сергея. «Метр шестьдесят, не больше», — определил он. Однако в руках «мальчиков» Сергей заметил то, что заставило его быть настороже. Это были бластеры, во всяком случае нечто, очень на них похожее. Судя по тому, что эти штуки висели у них на шее и все трое многозначительно направили их на Сергея, он решил, что не ошибся в их назначении.

— Но-но, — произнес он, стараясь придать голосу как можно больше спокойствия и дружелюбия. — Нам нечего с вами делить, и, если я вам чем-то не нравлюсь, я могу спокойно удалиться.

Тот, что стоял посредине и, очевидно, был старшим, отступил в сторону и протянул руку, приглашая Сергея пройти в указанном направлении. При этом он повел бластером, явно подчеркивая категорический характер предложения. Сергею ничего не оставалось, как подчиниться. Один из низкорослых вышел вперед, показывая дорогу, остальные пошли сзади на расстоянии метров шести-семи.

«Опытные», — подумал Сергей. Присходящее ему все меньше и меньше нравилось. Он задержал шаг и остановился. Сейчас же послышался свистящий окрик. Сергей продолжал стоять. Мгновенная вспышка, и земля у его ног оплавилась.

«Ого, — подумал Сергей, немедленно двигаясь с места. — Эти коротышки шутить не любят. Выходит, я пленник!»

Вскоре они подошли к забору, поверх которого тянулась колючая проволока. По углам забора стояли вышки. «Вот и концлагерь, — подумал Сергей. — Странно, бластеры и концлагерь... Что-то не вяжется».

Они подошли к воротам. У ворот расхаживал часовой. Конвоиры свистнули ему. Часовой что-то просвистел в ответ и открыл ворота. Сергей шагнул внутрь. Вокруг широкого двора стояли бараки. Судя по отблескам — луна уже высоко взошла — они были сделаны из металла. Прошли через плац и направились к расположенному поодаль приземистому строению. У крыльца его тоже стоял часовой. Последовал обмен свистом, и Сергея втолкнули внутрь дома. В комнате за обычным столом сидело подобие человека в голубом мундире с ярко-желтыми нашивками. Увидев входящего Сергея, он вскочил и что-то, как показалось, возбужденно засвистел. Последовал длительный обмен свистящими звуками, в которых трудно было различить подобие слов.

Человечек вскочил, подбежал, семена короткими ножками, к Сергею и, протянув руку, попытался достать до его головы. Тут только Сергей обратил внимание, что пальцев у него шесть. Руки, как, впрочем, и лицо, покрыты густой шерстью, и только ладони и пальцы были от нее свободными. Рассматривая вблизи, при свете плафона, канцеляриста, как окрестил его про себя Сергей, он не мог не содрогнуться от отвращения. Человек был уродлив в прямом смысле этого слова. Из-под волос головы торчали остроконечные собачьи уши, нос был как бы вывернут и смотрел вперед ноздрями, из которых свешивались клочья шерсти. От человека неприятно пахло чем-то вроде псины, и Сергей невольно поморщился.

Канцелярист вернулся к столу и, наклонившись над ним, что-то снова просвистел. Оттуда послышался ответный свист.

Конвоир ткнул его бластером в спину, приказывая выходить. Теперь с Сергеем шли четверо. Поодаль находилось еще строение, но больше по размерам и значительно выше. Они вошли туда.

Сергея втолкнули в отделанную пластиком комнату и знаками велели раздеться. Затем совершенно голого повели через коридор в другую комнату, где уже сидело несколько обезьян, так теперь возмущенный Сергей решил называть их. Его, видимо, ждали, и сейчас же окружили. Его измеряли, щупали, заглядывали в рот, трогали органы и что-то возбужденно свистели. Затем повели куда-то еще и усадили в кресло. На голову надели шлем, а перед ним поставили большой экран и знаками предложили смотреть. На экране появился треугольник, затем шар. Сергей, уже понимая, в чем дело, вообразил неевклидову поверхность. Ее изображение сразу же появилось на экране. Обезьяны возбужденно засвистели. Одна из них, по-видимому, самая эмоциональная, забегала по комнате, свистя и размахивая руками.

Затем на экране появились какие-то знаки. Сергей понял и изобразил азбуку. Затем «стер» ее и изобразил слова «Пошли вы все на ...». «Стер» и снова изобразил азбуку. Возбуждение среди обезьян росло.

На экране появилось изображение звездного неба. Две звездочки мигали при этом. Сколько ни пытался Сергей понять звездную карту, но не мог ничего припомнить. Расположение их было незнакомым. На всякий случай он по памяти разместил на экране знакомые созвездия и затем изменил их расположение и показал небо таким, каким оно вы-

глядело с Марса. Землю он обозначил мигающей точкой. Обезьяны были чем-то ошеломлены. Снова появилась карта неба. Сергей перечеркнул ее жирной чертой и снова изобразил свою. Затем — ему это уже надоело — изобразил одетого человека, потом голого и снова одетого, давая им знать, что он хочет, чтобы ему вернули одежду. Сейчас же на экране появился одетый Сергей, перечеркнутый чертой, и затем он же голый. Сергей возмутился и хотел встать. Но конвоирующие обезьяны направили на него бластеры. Снова появилось изображение. Сергей покорился и стал отвечать на вопросы.

Самым интересным было изображение разреза мозга с контурами черт обезьян-хозяев. Сергей обратил внимание на сильно развитые височные доли. Что касается лобных, то они были значительно меньше. Сергей изобразил мозг человека. Это у обезьян вызвало, как показалось Сергею, разочарование. Тогда Сергей изобразил атомный взрыв. Это произвело на обезьян шокое впечатление. Они вдруг притихли. Минут пять они тихо между собой пересвистывались. На экране вдруг появилось изображение космического корабля. Обезьяны вопросительно посмотрели на пленника. Сергею вдруг смертельно все надоело. Хотелось пить. Он дал знак, но обезьяны продолжали показывать ему на экран. Сергей изобразил стакан с водой, потом человека, пьющего воду. Они поняли. Одна из обезьян вышла и скоро вернулась, неся грязную миску, в которой было что-то напоминающее воду, но с гнилостным запахом. Сергей с отвращением отвернулся. Охранник ткнул бластером в плечо и указал на экран. Сергей окончательно разозлился. Он изобразил телегу и лошадь. Обезьяны ошеломленно перёглянулись, потом схватились за бока и, раскачиваясь, залились свистом. Одна из них подскочила к Сергею и покровительственно похлопала по плечу. Сергей злился все больше.

Вдруг обезьяна что-то возбужденно засвистела, показывая на Сергея и охранников. На экране появилось изображение бластера. Сергей послал на экран изображение зонтика. Потом человека, стоящего под проливным дождем под зонтом. Это изображение привело обезьян в еще большее веселье. Одна из них подбежала к охраннику и, весело свистя, схватила бластер и, подняв над головой, заплясала по комнате. Общее веселье возросло.

Затем они оставили его в покое и стали совещаться. Очевидно, единство во мнениях не было достигнуто. Особенно горячился один из них, в расшитом золотом мундире. Он несколько раз вскакивал, стучал себя кулаком по лбу. Затем, захватив со стола предмет, который оказался циркулем, подобно применяемому в акушерстве, стал мерить череп Сергея, что-то возбужденно свистя. Другие, по-видимому, с ним не соглашались, так как тот злился все больше.

Сергей от нечего делать послал на экран изображение обезьяны, одетой в мундир с эполетами, но без штанов и с циркулем в руках. Обезьяны покатались со смеху, а тот, чье изображение светилось на экране, выбежал вон, возбужденно размахивая руками. У двери он еще раз остановился, повернулся к другим и несколько раз постучал себе по голове. Очевидно, его точка зрения не одержала верх.

Оставшиеся снова подошли к Сергею, что-то посвистывая и еще тщательнее разглядывая его. Затем одна из них протянула Сергею

предмет, в котором он узнал обыкновенный динамометр. Сергей сжал его, послышался треск лопнувшей пружины. Принесли побольше, с ним случилось то же самое. Обезьяны возбужденно засвистели.

Ему снова показали на экран. Сергей вздрогнул. На экране стояла его лесная нимфа. Та или крайне похожая на нее, что внезапно встретилась ему три года назад в лесу у дома. Сам не зная почему, он тут же послал на экран свое изображение, которое стало рядом. В это время дверь открылась, и вошли две обезьяны. В первой он узнал обезьяну с циркулем. Вторая обезьяна была одета в такой же голубой мундир, но с большим количеством нашивок. По тому, как остальные обезьяны встали и почтительно вытянулись, Сергей понял, что вошедший является их начальником.

Начальник что-то просвистел, и конвоиры велели Сергею встать. Его повели по длинному коридору, затем поднялись на второй этаж и вошли в большую комнату, в которой Сергей безошибочно узнал операционную. Он весь напрягся. Намерения обезьян уже не вызывали сомнения. На одном из столов лежал человек. Он был такой же, как и Сергей, но значительно ниже ростом. Череп его был подготовлен к операции.

Сергей скосил глаза. Охранники стояли рядом. «Это хорошо. Вырвать бластер не представит труда», — подумал он. За секунду до прыжка его вдруг остановил засветившийся большой экран на противоположной стороне операционной. На нем появилось изображение обезьяны в красном мундире. Она сердито, как показалось, засвистела, обращаясь к начальнику, который стоял по стойке смирно и что-то отрывисто просвистел в ответ. Красный мундир взглянул на Сергея и отдал отрывистое приказание. Сейчас же охранники дернули Сергея за руку и кивком головы показали на выход. «Ага, операция откладывается», — понял Сергей, — что ж, это к лучшему. Надо осмотреться».

Осматриваться долго не пришлось. Если у Сергея и были какие-то сомнения, то скоро рассеялись.

Он находился в самом обычном концлагере, знакомом ему до сих пор только по книгам исторического содержания. Когда-то, еще задолго до рождения Сергея, такие лагеря покрывали планету. Облеченные властью загоняли в эти лагеря недовольных. Впрочем, считал Сергей, это была только замена скрытого рабства, прикрытого хламидой законов, при которых любой человек мог быть жертвой произвола властей, на рабство, при котором носителем этой неограниченной власти мог быть любой охранник. Менялись только форма и условия существования, а сущность оставалась той же.

«Дела давно минувших дней,

Преданья старины глубокой...»

— пришли в голову строки Пушкина...

Сергей горько усмехнулся.казалось, что космические корабли, бластеры, психозкраны, управляемые мыслью, — вещи несовместимые с концлагерями и опытами над людьми. Сергей вспомнил операционную. Фашисты, в литературе так назывались экстремисты конца XX века, могут носить не только коричневые рубашки и автоматы, но и космические скафандры и бластеры. На смену танкам приходят космические корабли, и фашизм выходит в космос, захватывает планеты и звездные

системы, насаждая везде концлагеря с колючей проволокой и вышками с прожекторами.

Какой-то слюняй, вспомнил Сергей с раздражением прочитанную когда-то книгу по социологии, — разглагольствовал о том, что технический прогресс неизбежно приведет к демократии, социальной справедливости и всеобщему равенству. Нет, чем больше развивается техника, тем большей опасности подвергается человечество, ибо на смену автоматам и пулеметам приходят нейропаралитические газы, новейшая вычислительная техника, химические препараты, один укол которых делает человека безвольным; нейрохирургия, услужливые психиатры, угодливо превращающие каждого инакомыслящего в шизофреника. «Какое счастье, — подумал Сергей, — что человечество избежало подобной участи».

Утром каждого дня барак просыпался от воя сирены. Надо было быстро вскакивать и бежать на плац. Заключенные выстраивались в шеренги. Появлялись надзиратели в голубых мундирах с желтыми полосами на груди. Помимо бластеров, у надзирателей были короткие, около метра в длину, жезлы, окрашенные в черную краску с белыми полосами. Это были и дубинки, и электроразрядники одновременно. Ими можно было подстегивать электроударами замешкавшихся заключенных, а можно было и убить, если дать разряд больше. Заключенных строем вели к воротам, там приходилось проходить по двое. Каждому совали в руки пластмассовый пакет с едой, которую ели уже в дороге. Их грузили на платформы, которые с воем неслись в двух метрах от земли по направлению к строящемуся космодрому. Что это космодром, можно было не сомневаться. Сергей был специалистом и прекрасно знал все атрибуты подобных сооружений. Вдобавок несколько вдали от строительства высилась черная громада космического корабля.

Работали весь день до заката желтого, удивительно похожего на земное, солнца. Оно дольше держалось на небе. Сутки здесь продолжались тридцать часов, а не двадцать четыре, как на Земле. Второй раз кормили только после заката. Затем работали еще три часа, и заключенных отвозили в бараки.

Так прошли две первые недели заключения.

За это время Сергей успел уже познакомиться со своими новыми товарищами. Это были самые настоящие люди, ничем не отличающиеся от Сергея, разве что отсутствием растительности на лице и несколько меньшим ростом. Самый высокий из них достигал макушкой до уровня глаз Сергея. Их несколько хрупкое, даже изящное строение тела больше напоминало строение тела подростка, чем взрослого мужчины. Вообще, они были очень красивы с человеческой точки зрения. Правильные черты лица, большие глаза и несколько мягкая, округлая линия подбородка, пожалуй, подходили бы женщине. Ноги, это были ноги прирощенных бегунов, отличались длинными голеньями и высоким подъемом ступни. Ясно было, что им не доставало физической силы землян. Мощный атлетический торс Сергея, его широкие плечи вызывали у его новых товарищей восхищение, граничащее со страхом и каким-то, как потом выяснилось, обожествлением. Некоторых он уже знал по имени. Особенно он сблизился с Высоким, его имя, как он узнал позже, было Гор. Их язык, певучий, но твердый, по своим чередованиям гласных

и согласных ничем не отличался от земных языков и даже, пожалуй, был ближе к родному языку Сергея, чем, например, китайский или арабский. Вскоре Сергей научился объясняться со своими новыми знакомыми. Они тоже усвоили много слов русского языка и, как показало Сергею, со значительно большей легкостью, чем он сам усваивал незнакомые слова их певучего наречия. Потом Сергей узнал секрет этого. Он вскоре сдружился с Гором, и тот перебрался к нему на нары. Нары, металлические полки из дюрала в четыре этажа, поднимались по бокам и в центре каждого барака. Подстилкой служила сухая трава, которую меняли раз в три месяца. Сверху травы каждому был дан кусок синтетического материала, чем-то напоминающий Сергею обыкновенный полиэтилен, но гораздо прочнее.

По мере того как языковой барьер снижался, Сергей узнавал все больше и больше о жителях этой планеты. Обезьяны, он упорно продолжал так называть своих первых знакомцев и хозяев концлагеря, были пришельцами, появившимися здесь сравнительно недавно. Коренное население планеты жило отдельными небольшими племенами. Что такое государство, они не знали. Поражала их беспомощность в отношении техники. Обезьяны, или свистуны, как их называли туземцы, доверяли последним самые примитивные орудия труда: лопаты, кирки, носилки. Бульдозерами и кранами управляли сами свистуны. Сергей как-то предложил свои услуги свистуну, работающему на бульдозере, когда заметил, что тот, по-видимому, устал. Тот недоверчиво покачал головой, но пропустил Сергея в кабину. Кабина была страшно тесна, но он все-таки смог в нее залезть, и вскоре бульдозер заработал не хуже, чем в руках свистуна. Посмотреть на это чудо сбегались другие. Они покатывались со смеху, показывая пальцами на Сергея. По-видимому, они относили Сергея, как и его товарищей, к низшим существам, которым недоступно управление техникой. Их веселье в этом случае было понятно, как было бы понятно веселье людей, если бы за рычагами управления сидела обезьяна или бурый медведь.

С тех пор то одна, то другая обезьяна из работающих на бульдозерах свистом подзывала Сергея и, показывая рукой на машину, предлагала, вернее, приказывала приступить к работе.

После этого случая новые товарищи Сергея начали было сторониться его, но именно тогда и произошло знакомство Сергея с Гором, которое вскоре переросло в крепкую дружбу.

Однажды Гор, это было в самом начале их знакомства, приблизился к нему и, заметив, что охранник смотрит в другую сторону — разговоры во время работы строго запрещались, за что следовало немедленное наказание в виде удара током, — сказал:

— Я тебя знаю, — он продолжил что-то на своем наречии, но Сергей не понял, что.

Ночью, когда уже все спали, Гор снова начал разговор.

— Ты с Прохода, — утвердительно сказал он и добавил: — Тебя видела Стелла.

Поразительное сходство с земным именем заставило Сергея вздрогнуть.

— Стелла-стрела, — сказал он.

Гор что-то сказал, и в его голосе слышалось удивление. Сергей кратко объяснил ему, что такое стрела. Гор обрадовался:

— Да! Стелла стройная, как стрела, — произнес он по-русски. — Она мне сестра, — добавил он на своем языке, но Сергей его понял.

Он понял также и то, что таинственная лесная незнакомка была сестрой Гора. Но что такое Проход и как Стелла очутилась на острове, этого Сергей не мог понять. Лишь потом, когда запас его слов, вернее, запас слов Гора, который явно опережал Сергея в этом отношении, увеличился, он узнал то, что пробудило в нем надежду на скорое избавление.

Проход, как он понял, составлял великую тайну племени, к которому принадлежал Гор. Это было скрытое место между двумя холмами в нескольких километрах от лагеря, пройдя которое можно очутиться в новом мире.

— Звезды этого мира другие, — сказал Гор. — Луна маленькая и иногда умирает вся, не как у нас.

Только старейший племени Дук знал тайну Прохода. Гор был посвящен в нее, так как должен был после смерти Дука стать во главе племени. Он же как-то показал Проход сестре.

— Время там течет не так, — загадочно сказал Гор. — Год назад, — продолжал Гор, — прилетели свистуны и стали ловить наших женщин и мужчин. Племя ушло далеко на юг, чтобы не встречаться с врагами, но они прилетели на платформах, многих убили, а многих поймали в плен. Я не знаю, удалось ли Дуку и Стелле избежать этой участи. Если да, то они, наверное, в долине двух рек, далеко отсюда, на юге. Ночи не проходит, чтобы я не думал о побеге. Несколько наших пытались бежать, но были убиты неведомой силой, когда перелезали через забор.

— Забор они, видимо, держат под током, — сказал Сергей.

Что такое ток, Гору было непонятно, и он покачал печально головой.

— Ничего, мы это как-нибудь разрешим, — пообещал Сергей. — Но ты должен показать мне путь к Проходу. Там, понимаешь, остались моя жена и дети.

Гор кивнул головой в знак согласия.

Надежда на скорое возвращение оживила Сергея. Он даже пропустил мимо ушей замечание Гора о времени. В голове зародился план освобождения.

— Хорошо, что у свистунов нет собак, — сказал он.

— Что такое собак? — спросил Гор.

Сергей объяснил.

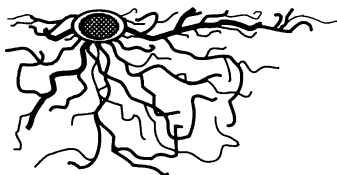
— Плохо, что нет, — покачал головой Гор. — Раньше были, но их всех свистуны поубивали.

— Почему же плохо, — удивился Сергей. — Ведь собака почует человека и подымет тревогу, тогда тайно нельзя будет бежать.

— Я немного могу приказывать собаке, — загадочно ответил Гор. — Они меня слушают, я им приказываю, они бросаются на охранников, и мы бежим, — пояснил он. — Так было, когда они явились к нам в первый раз. Мы тогда убили много свистунов, так как нам помогли их собаки.

Позже, прожив известное время с людьми племени Гора, Сергей понял, что цивилизация планеты Элиа, так она звучала на языке Гора, отличалась от цивилизации Земли своим направлением развития. Это была не техническая, а биологическая цивилизация. Элиане составляли единое целое с природой и получали от нее все, что хотели, не прибегая к насилию над ее недрами и живым миром. Он видел их стада и поля, сады и огороды и не уставал поражаться гармонии и совершенству народа Элии и той щедрости, с какой природа одаривала своих любимых детей. Это были действительно любимые дети природы. Они понимали языки животных и растений. Да, именно растений, хотя это не могло уложиться в голову. На его глазах дерево сгибалось и протягивало свои плоды прекрасной элианке. На его глазах свирепый хищник, чем-то напоминающий нашего тигра, покорно ложился у ног человека. «Может быть, — думал Сергей, — это и есть тот забытый и потерянный сад библейского Эдема, в котором обитали наши прародители до грехопадения».

Но это все в будущем. Сейчас же над ним был дюралевый свод барака, нестерпимо нагревшийся на солнце, отчего духота держалась до середины ночи. Надо было думать о том, как скорее выбраться.

НЕНАВИСТЬ

Каждое утро, когда заключенные выстраивались на плацу, надсмотрщики отбирали шесть элиан и отводили в сторону. Что с ними было дальше — никто не знал. Они больше не появлялись в бараке. Смутная догадка беспокоила Сергея. Вскоре произошло событие, которое ее подтвердило.

В лагере от каждого барака по двенадцать человек работала команда заключенных, которых использовали на внутренних работах. Их кормили немного лучше остальных, и им доставалась часть пайков умерших в этот день элиан. Обычно таких было не больше тридцати человек. Элиане, как уже говорилось, от природы не были физически крепкими людьми. Тяжелый физический труд на космодроме и скудная еда быстро подтачивали силы, многие не выдерживали и двух месяцев лагерной жизни. Останавливаться на работе, отдыхать, а тем более разговаривать строго запрещалось. На глазах остальных в первый же день пребывания в лагере были забиты охранниками двое только за то, что присели отдохнуть на край котлована.

Убыль в рабочей силе время от времени пополнялась новыми партиями заключенных. Их обычно привозили на платформах. Это были пленники регулярных набегов свистунов на те селения, которые еще не успели откочевать на юг страны. Обычно это были мужчины, но однажды привезли и женщин. Их быстро отделили от остальных, погрузили на платформу, и та с воем умчалась.

Элиане, используемые на внутренних работах, держались особняком. Может быть, потому, что остальные заключенные относились к ним с каким-то презрением и брезгливостью. Эта враждебность к ним подкреплялась еще тем, что рабочим зондеркоманды, как ее окрестил Сергей, позволялось спать еще час после подъема и еще час до отбоя. Во всяком случае, когда заключенные возвращались в бараки, те уже спали на своих привилегированных местах у самого выхода из барака. Здесь воздух был чище и не наполнен так испарениями немывших человеческих тел. Это была лагерная аристократия и лагерные парии одновременно.

Думая постоянно о побеге, Сергей старался в то небольшое время, которое оставалось от утренней проверки до погрузки, когда колонна заключенных шла к воротам, разобраться в строении лагеря, расположении барачков и наиболее удобных подходов к забору. Это ему пока не удалось. Сделать же такую разведку перед сном не представлялось никакой возможности. Сразу же после прибытия в лагерь заключенных загоняли в барак, ворота которого запирались снаружи.

Единственно, от кого он мог получить необходимые сведения, — были люди из зондеркоманды.

От его внимания не ускользнуло то подчеркнутое уважение, которое заключенные оказывали Гору. Поэтому он решил действовать через него. Когда он изложил свой план Гору, тот вначале недовольно поморщился. Вступать в разговор с людьми из зондеркоманды ему явно не хотелось.

— Что ты имеешь против них? Это такие же, как и ты, несчастные пленники. Не их вина, что на них пал выбор. С таким же успехом могли выбрать и тебя.

— Никогда, — гордо ответил Гор. — Никогда Гор не унижится до роли предателя!

— Ну какие же они предатели? — сказал Сергей. — Их заставили. Если бы кто-нибудь из них не подчинился, то ты знаешь, что с ним бы сделали.

Подумав еще немного, Гор согласился. Этой ночью он не спал рядом с Сергеем.

В следующую ночь, когда все уже, казалось, спали, Гор толкнул локтем Сергея.

— Есть тут один, — прошептал он. — Он из моего селения, и ему можно верить. Он поговорит с другими.

— Только осторожно, — предупредил Сергей.

— Если кто-то задумает предательство, мы будем знать заранее, — пообещал Гор. — У нас нельзя хранить тайну, — загадочно добавил он. — Если у человека черные мысли, то у него черное лицо.

— А какое лицо у меня? — шутливо спросил Сергей. Его борода и волосы на голове настолько отросли за это время, что закрывали почти все лицо, оставляя свободное место только для глаз и носа.

— У тебя лицо, как чистое небо! — серьезно сказал Гор, и в его голосе послышалась теплота.

Прошло еще три дня. Ночью Сергей уже знал во всех подробностях план лагеря, но, увы, ничего не мог путного придумать. Подступы к за-

бору хорошо просматривались с вышек. Обнаружить провод, подающий электроток к забору, так и не удалось. «Что, если спрыгнуть с платформы во время ее полета?» — подумал Сергей, но тут же отбросил глупую мысль. Платформа мчалась со скоростью не меньше двухсот пятидесяти километров в час. Прыгать на такой скорости с высоты четырех-пяти метров было равносильно самоубийству. Кроме того, на каждой платформе находилось по четыре охранника, вооруженных бластерами. Даже если удастся не разбиться при прыжке, то укрыться от луча бластера на открытой каменистой местности невозможно.

Было ясно, что свистуны предусмотрели все возможности побега. По-видимому, они располагали в этом отношении немалым опытом как у себя, на своей планете, так и, возможно, на других. «Но все же должно быть слабое звено! — думал землянин. — Нет такой системы, которая бы не имела уязвимого места!» Это он точно знал. Неуязвимую систему просто теоретически создать нельзя. Об этом свидетельствовал весь его опыт. «И не только мой, — подумал он, — но и опыт всего человечества. Сколько раз создавались, как утверждалось, незлыблемые системы в его истории, создавались тысячетелные рейхи, империи, где, казалось, все было предусмотрено, где каждый шаг человека был заранее предопределен и рассчитан, где все население чуть ли не с грудного возраста подвергалось тотальной обработке гигантским пропагандистским аппаратом, где первое слово, которое читал ребенок, было имя фюрера, вождя нации, вождя страны, гения всех времен и народов! Где сейчас эти империи? Память о них — только на свалках истории».

Прикосновение Гора заставило его очнуться от своих дум.

— Здесь один, — прошептал Гор, — хочет говорить с тобой.

Сергей кивнул в знак согласия. У края нар показалась голова человека. Сергею показалось, что он его видел раньше. «Да, конечно, это он», — решил Сергей. Он вспомнил, что при возвращении в барак этот элианин, спавший среди других из зондеркоманды у входа, каждый раз, когда мимо проходил Сергей, приподнимал голову, как-будто хотел что-то сказать, но не решался.

То, что узнал Сергей, было страшным.

Элианин работал в группе зондеркоманды, которая была занята подсобными работами и уборкой помещений в большом корпусе лагеря. В том корпусе, куда поначалу привели Сергея и усадили перед экраном. Ежедневно он и два его напарника выносили из операционной тела прооперированных и бросали их в лифт. Что потом делали с этими телами, он не знает, но точно знает, что у каждого прооперированного была спилена крышка черепа и удален мозг. Однажды он увидел, замешкавшись с погрузкой трупов, как мимо него провезли тележку с большими стеклянными банками, наполненными прозрачной жидкостью. В каждой банке лежал живой мозг. Он пульсировал. Тележку поставили в лифт, не тот, куда грузят трупы, а в другой, в противоположной стороне коридора, и лифт пошел вниз. Этим лифтом, сообщил он, пользуются часто. На нем, он видел однажды, спускался даже свистун в красном мундире. Раньше он его никогда в лагере не видел.

— Как тебя зовут? — спросил Сергей.

— Ларт, — ответил тот и добавил: — Я из племени Гора.

— Ему можно верить, — подтвердил Гор.

— Слушай, Ларт, — тихо проговорил Сергей. — Надо попытаться пробраться в то помещение, куда они свозят мозг. Это очень важно! От этого зависит судьба твоего народа!

Сергею стало все ясно. Еще до его отлета на Счастливую на Земле в науке существовала трудная проблема, которая получила название сначала магнитной несовместимости электронных систем, а затем общее название как несовместимость больших вычислительных систем. Развитие радиоэлектроники, начавшееся в конце XX века, вскоре столкнулось с трудной проблемой. По мере роста электронных систем, соединения их в сверхбольшие системы в их работе появились непреодолимые помехи, источником которых были сами составляющие ее подсистемы. Нельзя было добиться слаженности в ритме их работы. Такие системы иногда принимали ошибочные решения. Однажды это чуть ли не закончилось тотальной катастрофой. Выведенная на орбиту спутника Земли система дала команду подводным лодкам начать обстрел якобы баллистических ракет противника. Лодки дали залп. Только сдержанность и экстренные меры другой стороны предотвратили тогда всеобщую ядерную катастрофу. Человечество стояло на пороге всеобщего уничтожения.

Тогда-то и было высказано предположение, что ключ к решению проблемы несовместимости лежит в изучении функциональной структуры мозга. Это послужило большим толчком в развитии нейрофизиологии и нейробионики. Проблема была решена, и ее решение позволило развиваться дальше электронике, без чего развитие человечества было бы немыслимо.

Сергей вспомнил, что где-то предлагалось сращивание мозга человека с электронной системой. Но это предложение было отвергнуто как негуманное, к тому же для такой системы нужен был еще живой мозг, т.е. взятый у живого человека. Замена же мозга человека мозгом животного не дала ожидаемых результатов.

Сергей понял, что свистуны используют мозг элиан именно в этих целях, создавая гигантскую вычислительную систему, может быть, даже искусственный интеллект.

— Я воспользуюсь тем, что нас не запирают в бараке до вашего возвращения, и постараюсь незаметно выскользнуть из него и пробраться в корпус. Я не умею управлять лифтом, — продолжал он, — и спущусь по его клетке. Кроме того, движение лифта сразу заметят.

— Там, в корпусе, свистуны не носят защитных сеток, — заметил Гор. — Постарайся поэтому узнать побольше.

— Что за защитные сетки? — спросил Сергей.

— Мы можем знать, что человек думает, если на нем нет железа, — ответил Гор. — Железо нам мешает. Когда свистуны догадались об этом, они начали носить на теле железо.

— Как плохо, что вы, элиане, совсем ничего не смыслите в технике! — с сожалением сказал Сергей и вдруг замолк, пораженный мыслью, которая буквально его обожгла.

— Постой, — вдруг сказал Гор, обращаясь к Ларту. — Как ты вернешься назад? Ведь ночью бараки заперты.

— Я не буду возвращаться, — сказал он. Я останусь на всю ночь там, а утром, когда вас выведут и погрузят на платформы, проскользну в барак. Он будет открыт.

Риск был велик. За каждого недосчитанного при проверке человека, если тот не умер от истощения и труп его не найден в бараке, немедленно казнили двадцать четыре элианина. У свистунов была шестиричная система исчисления. Это Сергей отметил про себя уже давно. В том плане, который он задумал, это могло сыграть свою роль.

— Может быть, — начал Сергей, испытывая некоторое колебание, — подождать два-три дня и подготовиться получше.

— Нельзя! — жестко отрезал Гор. — Через три дня восход луны будет сразу же за заходом солнца. У нас не будет темного промежутка времени.

— Надо достать труп, — оживился вдруг Ларт.

Действительно, если подsunуть охранникам труп, который они, наверно, не будут рассматривать, то отсутствие одного из заключенных можно объяснить его смертью.

— Наши это сделают, — успокоил Ларт.

— Тогда, — оживился Сергей, — если с трупом все выйдет, то постарайся затаиться в корпусе. Наверное, там найдется укромное место. Все, что увидишь, передашь со своими. Я через них укажу тебе, что надо будет делать.

Гор вдруг замер. Видно, у него появилась новая идея.

— Ты что-то хочешь предложить? — тихо спросил Сергей.

— Не знаю, как получится. У нас некоторые умеют это делать.

— Что? — не понял Сергей.

— Сейчас... Что свистуны делают с телами умерших? — обратился он к Ларту.

— Этим занимается другая группа, — ответил тот. — Если трупов мало, то их держат в сарае у северной части забора. Когда наберется больше ста, грузят на платформу и с четырьмя охранниками везут к вырытому еще в прошлом году рву. Это не так далеко. Там их сбрасывают и присыпают землей.

— Сильно засыпают?

— Нет, только, чтобы присыпать. Свистуны обычно торопятся назад.

— Тогда скажи своим, чтобы на этот раз присыпали только слегка.

Гор тихо соскользнул с нар.

— Ждите меня здесь, — прошептал он и растворился во мраке барака.

Ждать пришлось долго. Сергей начал смутно догадываться, в чем дело. Действительно, если план Гора осуществится, то затруднения, связанные с отсутствием в бараке Ларта, исчезнут. Кроме того, это можно будет использовать и в дальнейшем.

Наконец Гор вернулся.

— В нашем бараке есть пять таких, что умеют, — сообщил он.

— Становиться временно «мертвыми»? — проверил свою догадку Сергей.

Гор кивнул.

— У нас это тоже умеют некоторые, но их очень мало.

— У нас их тоже мало. В моем племени это умели делать только человек тридцать. Это вообще не нужно нам. Так просто...

— Постой, постой! А сколько таких людей наберется во всех бараках?

— Не знаю. Может, сто, может, меньше... Зачем это?

— Попробуй разузнать, — попросил Сергей. — Это очень важно!

Его план начал обрисовываться четче.

— Есть два варианта. Можно использовать один или оба вместе.

«Посмотрим, что даст завтрашний эксперимент», — подумал он, но пока ничего не сказал Гору и Ларту.

Утром следующего дня, когда заключенных разместили на платформе, Сергей постарался протиснуться ближе к переднему ее краю и стал за спиной охранника, стоящего в правом углу платформы. Он единственный стоял спиной к заключенным, остальные три всегда стояли лицом к ним, держа их под прицелом бластеров. Этот же смотрел вперед, и платформа, повинувшись его взгляду, как заметил Сергей, двигалась в указанном направлении.

Когда они отлетели уже на порядочное расстояние и лагерь скрылся за горизонтом, Сергей приступил к эксперименту. Сначала у него ничего не получалось. Он все не мог избавиться от словесного отображения мысли. Но вот платформа чуть-чуть стала отставать от впереди идущей. Охранник это вскоре заметил, и платформа понеслась быстрее. Теперь Сергей стал мысленно подгонять ее. Расстояние между платформами стало быстро сокращаться. Сергей прекратил опыты. Он знал уже достаточно! Продолжать дальше бессмысленно и могло вызвать подозрения.

Вся следующая неделя ушла на подготовку задуманного. В лагере была образована подпольная группа руководства восстанием. Гор связался с другими бараками, и все ждали сигнала.

Элиане были все прирожденными экстрасенсами, как понял Сергей. В общении между собой они могли обходиться почти без слов, понимая настроение и намерения друг друга. Конечно, такое общение не заменяло словесного и уступало ему в точности определения, но значительно в данном случае облегчало организацию заговора.

Каждую ночь Сергей получал вести от Ларта, который нашел скрытое убежище в подвале центрального корпуса. Сведения, переданные Лартом, касались главного назначения концлагеря. Свистуны строили ракетодром для принятия большого десанта. В подземных помещениях главного корпуса концлагеря усиленными темпами оборудовался вычислительный центр. Фактически это был искусственный интеллект. В качестве составной части согласования огромной электронной системы использовался живой мозг человека, вернее, множество вырезанного живого мозга элиан. Ритмы их работы согласовывали ритмы электронной части искусственного интеллекта, подавляя, вернее, не позволяя развиваться явлениям магнитной несовместимости его составных частей. Всего этого Ларт, конечно, не понимал. Но его сообщения и описания позволили Сергею точнее понять происходящее. Врожденные свойства элианина позволяли ему избежать роковой для него встречи с дежурными в помещениях центра.

В назначенный час Ларт должен был перекрыть подачу кислорода к сосудам с питательной жидкостью, в которых находился человеческий

мозг. Шести минут такого удушья было бы достаточно, чтобы вывести органическую часть искусственного интеллекта из строя и вызвать общее рассогласование всей системы. Сергей подозревал, что все внутренние службы концлагеря также подключены к системе искусственного интеллекта, хотя и не был уверен в этом. Одно он знал наверняка, что готовящийся на Элиу десант не может быть осуществлен без помощи искусственного интеллекта. Сергей, как мог, объяснил это Гору, чтобы элианин четко себе представлял, что от успеха задуманного восстания зависит судьба всей его планеты.

Создание системы искусственного интеллекта, по-видимому, шло к завершению, так как число ежедневно отбираемых для этого элиан увеличивалось с каждым днем. Операционная работала полным ходом.

В утро дня восстания в бараках было обнаружено больше умерших, чем в обычный день. Так как перевозка трупов в ров была сделана накануне, то новых поместили пока в сарай. После захода солнца к прибытию платформ часть умерших должна была «ожить» и обеспечить успех восстания ударом с тыла. В их задачу входило вывести из строя щит распределения подачи электроэнергии, обнаружить который удалось недавно с помощью людей из зондеркоманды. В их же задачу входило открыть ночью бараки и выпустить заключенных, если решающий эксперимент, намеченный на сегодня Сергеем, будет неудачен. От этого эксперимента зависело, будет ли у восставших оружие или его придется добывать голыми руками. Эксперимент был очень рискованным.

Как и предполагал Сергей, хорошо продуманная система охраны заключенных имела слабое место. Это слабое место заключалось в глубоком презрении свистунов к элианам. Элиане, как уже говорилось, совершенно не понимали техники, так как их развитие шло в другом направлении. Это направление сделало элиан повелителями всей органической природы планеты, но одновременно не развило в них агрессивности и, следовательно, инициативы. Врожденные качества экстрасенсов наложили свой отпечаток на мораль их общества, сочетающую в себе непосредственность с исключительной тактичностью во взаимоотношениях между людьми. В их эволюции действовал особый естественный отбор, до некоторой степени противоположный естественному отбору землян. Непорядочный человек в обществе элиан не мог от других скрыть своей непорядочности, нечестности и вскоре оказывался в изоляции. Ни одна женщина, читающая его мысли, как свои собственные, не захотела бы иметь от него детей. Элиане называли таких людей людьми с черными лицами и всячески избегали их. Подобно тому, как на Земле человек с отталкивающим физическим уродством не смог бы скрыть своего уродства от окружающих, так и у элиан люди с уродством душевным были у всех на виду. Элиане не знали ни войн, ни насилия. Поэтому агрессия свистунов не вызвала эффективного отпора. Появление в обществе элиан землянина с присущей этой расе агрессивной инициативой внесло необходимое дополнение к организации сопротивления.

— Помните, — инструктировал Сергей Гора и его товарищей, — как только я подам знак, сразу же образно представьте себе резкую остановку платформы. Но не раньше поданного сигнала.

Он рассчитывал, что свистуны примут такую остановку за ошибку «водителя», поэтому планировал произвести ее в конце пути, на территории ракетододрома, когда платформа начинала плавно снижать скорость.

Эксперимент удался полностью. Платформа так резко остановилась, что стоящие в ней люди попадали, а охранников, место которых было впереди платформы, буквально выбросило за борт.

Как и предполагал Сергей, вся вина за случившееся легла на «водителя», его долго распекал свистун в желто-голубом мундире с золотыми нашивками на рукавах. «Водитель» стоял вытянувшись, не смея шелохнуться. Под конец начальник стукнул кулаком по лбу провинившегося и отошел. «Водитель» с досады избил электродубинкой двух попавшихся под руку элиан. Одного настолько сильно, что тот остался лежать на бетонной полосе. Подошел охранник и хладнокровно прикончил его электроразрядом. Начальник, стоя неподалеку, наблюдал за экзекуцией и, когда все было кончено, спокойно повернулся и пошел прочь. Все остальные, включая и элиан, настолько привыкли к этим ежедневно повторяющимся сценам, что не обратили на происходящее особого внимания. Сергей же, хотя тоже «привык», да и не мог не привыкнуть, если у него на глазах ежедневно несколько элиан становились жертвами произвола, а иногда и просто развлечения охраны, внутренне кипел от негодования и ненависти.

Обычным развлечением охраны была такая сцена. Два охранника становились поодаль друг от друга и знаками и свистом начинали подзывать к себе одного из элиан. Когда тот направлялся к первому, второй начинал делать вид, что страшно рассержен. Элианин бросался к нему. Первый тогда, в свою очередь, показывал свое негодование. Несчастный кидался от одного к другому. Зрители хохотали, упершись лапами в животы. Наконец жертва делала выбор и подходила к одному из двух, тот давал ей «поручение» что-то принести. Когда несчастный кидался выполнять поручение, второй убивал его электроразрядом в наказание за непослушание. После этого артисты и зрители, продолжая хохотать, шли пить пиво.

Другим развлечением была игра, носящая название «Съесть лягушку». Охранник подходил к элианину и, дружески похлопывая его по плечу, угощал глотком пива. Отказаться — значит оскорбить охранника, что каралось смертью. Когда элианин подчинялся и выпивал предложенное пиво, свистун начинал делать вид, что ищет закуску, но не находит ее. Он огорченно разводит руками и вроде бы извиняется перед элианином. В это время другой свистун подбрасывает им под ноги отвратительное существо, похожее на лягушку. Первый «вдруг» замечает ее и указывает несчастному. Тот должен был встать на четвереньки и, поймав ее ртом, съесть живьем. Чтобы он ловил проворнее, его подгоняют легкими разрядами тока. Об отказе не может быть и речи. Наконец элианин ловит лягушку и под хохот зрителей ест ее. Элиане на редкость брезгливые и чистоплотные люди. Съесть живьем отвратительную тварь для элианина смертельная мука. Его начинает выворачивать наизнанку. Это уже серьезное преступление, за что следует наказание смертью.

Такие развлечения на ракетододроме происходили ежедневно по нескольку раз в день и поощрялись начальством.

Два описанных развлечения были самыми невинными. Были и другие, более грубые, одно воспоминание о которых вызывало у Сергея приступ тошноты даже спустя много времени.

Вдруг Сергей с ужасом заметил, что один из охранников направляется, неся в руке кружку пива, к Гору. Гор был связующим звеном между Сергеем и остальными. Он один владел хорошо русским языком, и, случись что-нибудь с ним, восстание могло бы закончиться неудачей. Кроме того, Сергей искренне полюбил этого высокого, стройного юношу.

Решение еще не пришло, но, нарушая все правила, Сергей быстро, наперерез, направился к идущему к Гору охраннику. Тот остановился недоуменно и направил на Сергея бластер. Сергей показал на него, затем на себя. Охранник подумал, что Сергей хочет пива, рассмеялся и показал знаком, что «ты его получишь в другой раз, а сейчас» — он посмотрел в сторону Гора. Сергей энергично закачал головой и снова показал на себя. Собрались другие свистуны и с любопытством стали ждать, что будет. Охранник пожал плечами и протянул Сергею пиво. Сергей снова отрицательно покачал головой. Затем, не давая никому опомниться, высоко подпрыгнул и сделал сальто. Свистуны возбужденно засвистели. Сергей чуть разогнался, подпрыгнул еще выше и сделал двойное сальто, затем, отталкиваясь от грунта, целый их каскад. Свистуны пришли в восторг. Они начали хлопать в ладоши, окружили Сергея, шупали его мышцы, возбужденно пересвистываясь. Гор тем временем затерялся в толпе заключенных.

Прибежал начальник. Охранники объяснили ему, в чем дело. Тому захотелось посмотреть это чудо, и Сергею пришлось все повторить сначала. Начальник остался очень доволен. Он даже покровительственно похлопал Сергея по животу и о чем-то распорядился относительно него. О чем — Сергей так и не узнал. Во всяком случае до самой отправки в концлагерь развлечений больше не было.

Перед самой погрузкой на платформы Сергей увидел устремленные на него влажные глаза Гора.

— Скоро «развлекаться» будем мы, — шепнул он ему.

Вскоре огни космодрома потухли за горизонтом. По знаку, поданному Сергеем, платформы начали вдруг ускоряться. Охранники, естественно, заметив это, стали их тормозить. Когда напряжение взаимного противодействия мысленных приказов дошло до предела, последовал новый сигнал, и платформы почти мгновенно остановились. Наклонившись, они упали на землю. Через минуту все было кончено. В распоряжении восставших было 48 бластеров, по четыре с каждой платформы.

Полчаса ушло на то, чтобы обучить ударный отряд обращению с оружием.

— По платформам! — скомандовал Сергей.

Он и ударная группа поместились на первой платформе. По бокам каждой из платформ стояли низкорослые элиане, одетые в форму свистунов.

Вскоре на горизонте показались огни концлагеря. Сергей встревожился. Вдруг, как бы успокаивая его, огни погасли, и концлагерь погрузился во тьму.

— Молодцы «покойнички»!

В этот момент передняя платформа опустилась у ворот лагеря. Все остальное происходило быстро. В каждом восстании, как и в военной операции, бывают моменты, когда уже нет никакого управления. Восстание летит, как стрела, направленная в цель, и, когда тетива уже спущена, изменить направление ее полета нельзя. Цель поражается или стрела летит мимо.

Когда все было кончено и «покойники» включили освещение, весь двор концлагеря был завален трупами. Элиане лежали вперемешку со свистунами. Пылали, подожженные бластерами, сторожевые вышки. Сергей из-за осторожности немедленно послал команду потушить пожары. Он боялся, что зарево пожара привлечет внимание свистунов на космодроме, хотя расстояние было достаточно велико.

Из десяти тысяч заключенных в живых осталось только пятьсот человек. Такова цена победы. Все четыреста свистунов охраны и гарнизона были уничтожены. В живых остался только один «хирург», который спрятался в лифте. Его спасло то, что в момент выключения тока он застрял между этажами. Обнаружил его Ларт.

Подтакивая его бластером, он подвел «хирурга» к Сергею. Обезьяна вся покрылась потом, и от нее страшно воняло псиной. Сергей хотел было его прикончить, но передумал, вспомнив свой допрос перед экраном.

Комнату с экраном вскоре нашли и дрожащего свистуна усадили в кресло. Сергей стал задавать вопросы.

Допрос много не дал в сравнении с тем, о чем Сергей уже имел догадку. Однако он узнал много необходимого. На космодроме оставалось еще триста свистунов. Космический корабль имел на вооружении ядерное оружие и снаряды с бинарным газом. Последнего Сергей больше всего опасался. В концлагере не удалось обнаружить ни одного противогаса.

Когда свистуна прикончили тут же в кресле, Сергей с тремя элианами и Лартом спустился в подземные помещения. Ларт выполнил свое задание. В прозрачных сосудах, где находился мозг погибших элиан, плавали бесформенные сгустки распавшейся ткани.

Залпы бластеров довершили остальное. Лопались защитные экраны, коржились в огне плазмы стены, напичканные микроэлектроникой.

Пора было уходить.

Когда они вышли во двор, Гор уже построил оставшихся в живых и ждал распоряжений Сергея. Почти у всех на груди висели захваченные бластеры.

— Теперь быстро поджигайте все и на платформы! — распорядился Сергей.

Когда зарево лагеря уже скрылось за горизонтом, он дал знак остановки. Надо было решать, что делать дальше. Сергей сейчас понял, что успех восстания висел на волоске. Свистуны оказались хорошими солдатами. Несмотря на неожиданность, которая сыграла решающую роль, они не растерялись и быстро организовали сопротивление. Каждый из них сражался, надо быть справедливым, стойко и упорно. Сергей отдавал себе отчет, что движение платформ уже фиксируется на экранах звездолета. Было бы наивно думать, что свистуны не позаботились о размещении на орбите Элии искусственных спутников, приборы кото-

рых фиксируют сейчас движение и расположение платформ. Кроме того, на звездолете есть другие транспортные средства, при помощи которых им ничего не стоит догнать и уничтожить элиан. «Платформы придется бросить, — решил Сергей, — но не сейчас. Сейчас надо выиграть немного времени».

— Есть ли здесь поблизости леса? — спросил он Гора.

— Здесь, почти рядом, — был ответ.

— Как далеко они тянутся?

— Дальше на юг до самого трехречья, где обитает сейчас мое племя. Но платформы не пройдут. Они не смогут подняться выше деревьев.

— Нам этого и не надо.

Вскоре платформы подошли к опушке леса.

— Здесь мы их оставим, — сказал Сергей.

— А сами пойдем лесом?

— Не сейчас, — ответил он, ища глазами подходящие убежища в местности на краю леса. Местность была покрыта высокой, в рост человека, травой и кустарником.

— Оставим платформы здесь, а сами ляжем в траве и кустарниках, — распорядился Сергей. — Сейчас к нам пожалуют гости.

Действительно, не успели повстанцы занять указанные их предводителем места и получить точные инструкции, как послышался нарастающий гул реактивных двигателей.

Вертолеты зависли над брошенными платформами, потом развернулись и пошли над лесом, обстреливая его снарядами с отравляющим газом.

— Они думают, что мы в лесу, — прошептал Гор.

Обстрел продолжался около получаса. Затем, видимо, решив, что с беглецами покончено, вертолеты вернулись и опустились на траву рядом с брошенными платформами.

— Двух — обязательно живыми, — строго предупредил Сергей.

Из вертолета вышли по двое свистунов, подошли к платформам и осмотрели внимательно каждую. Очевидно, проверяя их пригодность. Затем что-то просигналили остальным, и из вертолетов посыпались свистуны. Их было не меньше сорока.

Скоро все было кончено. На этот раз нападение было настолько неожиданным, что противник не оказал никакого сопротивления. Подвели двух захваченных.

— Ты сможешь их допросить? — спросил Сергей Гора.

— Да, если их раздеть догола, чтобы у них не было этих штучек, что глушат мои мысли, — ответил он.

Свистунов раздели. Сергей с омерзением смотрел на их волосатые колченогие фигуры. Грудная клетка каждого имела бочкообразный вид. Голова была почти лишена шеи и сидела прямо на плечах, как будто вдавленная. «Интересно, — подумал Сергей, — возможно, и мой вид вызывает у них физическое отвращение. По-видимому, все дело в привычке».

Гор между тем что-то искал на опушке леса. Наконец, видимо, нашел и знаком попросил подойти. Пленников, подталкивая бластерами, погнали к ожидающему их Гору.

Гор стоял рядом с огромным, достигающим почти до его роста муравейником, в котором копошились здоровенные муравьи, каждый размером с палец взрослого человека.

Гор внимательно осмотрел пленников и вдруг протянул руку и вытащил, вернее, выдрал, с груди одного из них маленькую металлическую пластинку на присоске и подал Сергею.

— Вот их штука, — сказал он.

— По-видимому, это генератор каких-то волн, — сказал Сергей.

У второго тоже была обнаружена подобная пластинка. Сергей распорядился отнести их подальше.

Гор посмотрел на пленников и кивнул головой на одного из них.

— Это старший, — сказал он.

Начался допрос. Он был странен для Сергея, который еще не совсем привык к экстраординарным способностям своего друга. Гор и пленник молчали, затем Гор переводил ответ пленника Сергею.

Начало допроса было характерным:

— Ты знаешь, что я читаю твои мысли? — спросил Гор.

— Да, господин, — отвечал пленник.

— Ты хочешь жить?

— Хочу.

— Ты будешь жить, если выполнишь все то, что мы тебе прикажем, но если попытаешься обмануть... Посмотри на муравейник. Эти муравьи могут очистить кости от мяса за день, а может быть, и раньше. Но ты долго еще будешь жить, пока муравьи будут обедать твоим мясом. Ты меня понял?

— Да!

— Тогда отвечай, — и Гор повернулся к Сергею за вопросами.

— Спроси его, есть ли еще на космодроме такие вертолеты и каким еще транспортом располагают они.

— Вертолетов было вначале четыре. Но два повреждены еще при посадке. Есть бронетранспортеры с ракетами ближнего действия. Два. Это все.

— Он не врет?

— Он не может врать. Я это сразу почувствую, и он это знает.

Допрос продолжался еще минут сорок. Затем стали допрашивать второго, проверяя показания первого. Уже совсем рассвело.

Вдруг Гор насторожился:

— Он еще что-то скрывает. Не пойму... — Он внимательно посмотрел на пленника. — Какие-то строения. Женщины...

— Спроси, нет ли еще одного концлагеря? — догадался Сергей.

— Он отвечает, что есть. Неподалеку, полчаса на вертолете. Женский концлагерь. Там делают опыты на людях.

Сергей мгновенно принял решение.

— Спроси, умеет ли он водить вертолет.

— Он отвечает, что это обязаны уметь все, так же, как и работать с радиопередатчиком.

— Тогда вот что. Ты, — Сергей посмотрел на свистуна, — передашь на базу, что у вас на борту есть раненые и вы направляетесь сначала к женскому концлагерю за медицинской помощью. И только посмей что-то схитрить. Сразу же очутишься в муравейнике!

Свистун, выслушав «перевод» Гора, энергично закивал головой.

— Далее, — продолжал Сергей, — ты и твой приятель поведете два вертолета вслед за мной. Я разберусь в его управлении, а если что не так, ты мне подсказешь! Какая охрана в женском концлагере?

— Там десять мужчин и сто женщин. Но наши женщины такие же храбрые солдаты, как и мужчины! — ответил свистун.

Операция по захвату женского концлагеря прошла как нельзя лучше. Заключенные были под замком, и охранницы расхаживали безоружные по двору, ожидая прибытия «раненых». Тут же находились и их немногочисленные мужчины. Четырех сторожевых на вышках сняли в первые же секунды. Остальных перебили на площади. Трех охранниц захватили живьем. Приказав их бдительно охранять, Сергей с Гором и остальными направились к баракам. Бараки эти отличались от их собственных меньшими размерами и тем, что вместо металла в строительстве были использованы камень и дерево. Они были значительно благоустроеннее. Вскоре эта «гуманность» нашла свое логическое объяснение. По своему назначению эти бараки были «родильными» отделениями. Более половины всех женщин были беременны на различных сроках. Лишь небольшая часть пленниц, человек сто, находилась в так называемом карантинном отделении.

Возмущению элиан и Сергея не было предела. Тут же, в небольшом бараке, под замком сидели десять мужчин-элиан. В лагере практиковалось искусственное осеменение, подобно тому, как это делается на скотофермах. Сергей еле удержал своих подчиненных от немедленной расправы над пленниками, которые нужны были ему еще для допроса.

Как выяснилось, «осемененным» элианкам вводились какие-то химические препараты. Затем, когда беременность достигала известного срока, плод вырезался и помещался в особую камеру. Все это выяснилось на допросе оставшихся в живых охранниц. Еще через месяц у младенца извлекался мозг и помещался в камеру с искусственным питанием. Мозг, не стесненный черепной коробкой, вырастал до огромных размеров. Сергей видел все это.

— Зачем вводились химические препараты? — спросил он охранницу.

— Больше половины закладываемых в эмбриональном развитии нейронов головного мозга гибнет в результате того, что межнейронные связи не успевают у них прорасти. Не происходит необходимой деполаризации мембраны нейронов, и они гибнут в результате нарушения дыхания и обмена веществ. Вводимые препараты усиливают процесс образования межнейронных связей. Поэтому все нервные клетки сохраняют жизнеспособность. Однако мозг растет тогда слишком быстро, и, чтобы он не повредился в результате внутриутробного давления, мы вырезали плод, а когда рост черепной коробки настолько отставал, что мешал развитию мозга, мы пересаживали его в инкубатор, где он продолжал расти.

Для получения этого ответа Сергею пришлось потратить не меньше часа. Сказывалось то, что некоторые физиологические понятия для Гора были новы.

— С какой целью это все делалось? — продолжил Сергей допрос.

— Мы ждали прилета десанта на планету. К этому времени нам было поручено приготовить большое количество препаратов. Много было отходов.

По-видимому, свистуны готовились создать какую-то сверхмощную интеллектуальную систему, назначение которой выходило за рамки порождения Элии. Что это? Бросок дальше в космос?

Первый раз в своей жизни Сергей не сдержал слова, но никогда потом об этом не жалел и не раскаивался.

Сергей подозвал к себе Гора:

— Через час выступаем. Все в лагере уничтожить.

— Что делать с этими? — спросил Гор, указывая на охранниц.

— А, делайте, что хотите, — устало отмахнулся Сергей.

Его занимало другое. Звездолет пришельцев, как он понял из допросов пленных, не мог покинуть планету, так как электронный мозг, управляющий выходом корабля в гиперпространство, вышел из строя. Вынужденно очутившись на планете, которая, видимо, им понравилась, они решили сделать два дела. Исправить электронный мозг корабля и создать одновременно гиперсистему наведения и приемки десанта со своей планеты или одной из их многочисленных баз в космосе. Для этого они строили ракетодром и усиленно занимались сборкой гиперсистемы наведения, используя для синхронизации ее работы живой мозг туземцев. По-видимому, в этом они располагали большим опытом, так как в их действиях чувствовались отработанный план и большие практические навыки. Восстание все это сорвало, и теперь они, если не захотят смириться с перспективой вечной стоянки на планете с враждебным населением и неминуемой гибелью, то попытаются закончить восстановление электронного мозга управления кораблем. По-видимому, у них нет другого технического решения, как использовать в качестве синхронизатора магнитной совместимости живой мозг человека. Поэтому, — продолжал рассуждать Сергей, — они попытаются захватить в плен побольше аборигенов. Для этого у них еще остались транспортные средства — бронетранспортеры. Они менее пригодны для этих целей, чем вертолеты и платформы, но все же представляют реальную опасность. Ясно, что атака звездолета, даже после такого ощутимого урона, нанесенного его команде, представляет собой авантюру. Этот вариант надо отбросить сразу. Но выпускать пришельцев с планеты нельзя. Они вернуться. Это — как дважды два! Следовательно, необходимо лишить их оставшихся наземных средств передвижения. Но как?! Бронетранспортеру не противопоставишь бластер... На вертолетах есть ракетные установки. Но бронетранспортер немедленно соьет вертолет, так как противник использует спутник в качестве системы наведения и поразит его ракетой задолго до того, как можно будет сблизиться с бронетранспортером для пуска ракеты. Остается одно. Снять ракеты с пусковой установкой и использовать их в наземном бою.

Надо было торопиться. Ум землянина, впитавший в себя многовековой опыт воинственных предков, хорошо понимал, что недооценка противника ведет всегда к поражению. Необходимо было как можно скорее вывести людей из лагеря, так как с минуты на минуту можно ожидать ракетного удара со стороны корабля. Наивно думать, что за прошедший час там не догадались о случившемся. Корабль уже, наверное, не-

сколько раз запрашивал лагерь, и его молчание могло быть истолковано только как захват его повстанцами.

Самое трудное — провести людей из лагеря к началу леса. Любое движение фиксируется спутником и передается на корабль. Немедленно последовал бы ракетный удар. У них был часовой промежуток времени, когда спутник будет находиться на противоположной стороне планеты. Это время должно вот-вот наступить, судя по данным, которые удалось получить у пленных. За час необходимо достигнуть леса и рассредоточиться в нем отдельными группами. Это был единственный шанс на спасение.

Гор сообщил, что все уже готово. Люди размещены на платформах и ждут. Человек двадцать, вооруженных бластерами, стояли наготове, ожидая сигнала.

— Поджигайте! — распорядился Сергей.

Те принялись полосовать лучами бластеров по строениям лагеря, которые мгновенно запылали.

— Теперь быстро!

Платформы взмыли и понеслись на максимально возможной скорости.

Сергей сидел на каких-то ящиках.

— Что здесь? — спросил он Гора.

Вместо ответа Гор протянул ему продолговатый предмет, который чем-то напоминал его охотничий карабин. Сходство завершало наличие оптического прицельного устройства. Но это был явно не бластер. Сергей повертел его в руках и, обнаружив нечто вроде обоймы, вытащил ее. Там были обыкновенные патроны, но со странными пулями. Пули были игольчатые и мягкие на ощупь. Его осенила догадка.

— Ты рассказывал, что тебя взяли в плен в бессознательном состоянии. Ты думал, что ранен, но не обнаружил потом раны. Так?

— Так, — согласился Гор.

— Остальных тоже так брали в плен?

— Да, большинство именно так.

— Так вот, тебя ранили этой пулей. У нас, на моей планете, такие пули применялись раньше для отлова диких зверей. Пуля содержит быстродействующее наркотическое вещество. Ранка получается совсем незаметной и не кровоточит. Но зверь сразу же засыпает, и его спокойно помещают в клетку. Понял?

— Так, может быть, их выбросить? — огорчился Гор.

— Напротив! Они нам могут здорово пригодиться. Меня вот что заинтересовало. Как мы узнали, свистуны попали на вашу планету случайно. Это очень хорошо. Связи с базой у них нет, и поэтому подкрепления они не получают. Но наличие таких ружей говорит о том, что их экспедиция заранее была рассчитана на то, чтобы отлавливать людей для известных нам уже целей. Понимаешь, их ни за что нельзя выпускать отсюда! Оставить их живыми — значит совершить тягчайшее преступление! Тебе трудно понять, но постарайся! Таких планет, как твоя, в космосе сотни тысяч! И, наверное, на тысячах из них стоят концлагеря, идет охота за людьми... Если бы я мог, я не задумываясь, с чистой совестью уничтожил бы их логово вместе с их планетой-матерью, родившей таких ублюдков. Да что

там планету, всю Галактику, если бы это было возможно! Это страшная зараза космоса! Что, если они придут и на мою планету?

Платформы начали тормозить. Лес был рядом.

Сергей посмотрел на часы. Эти часы вместе с его старой одеждой, охотничьим ножом и карабином он нашел на складе концлагеря. До восхода спутника оставалось десять минут. Успели, но надо было торопиться.

Уничтожив платформы, люди углубились в лес. Впереди шел отряд проводников, за ним цепочкой — остальные.

Прошло часа два. Двигаться было трудно, особенно впередиидущим и женщинам. Наконец деревья стали редеть, и беглецы выступили на обширную поляну, где решено было сделать первый привал. С момента захвата женского лагеря прошло всего четыре часа. Сергей мысленно поздравил себя с оперативностью.

Где-то вдали, заглушенные пространством, слышались взрывы. Это свистуны запоздало обстреливали лагерь и окружающую его местность.

Только сейчас Сергей почувствовал, как он устал. Он опустился на траву и лег на спину, положив голову на руки. Пока Гор и его помощники раздавали людям прихваченные в лагере пакеты с пищей, он решил немного отдохнуть. Только сейчас, когда напряжение спало, он подумал о возвращении домой через известный Горы Проход, но тут же отогнал от себя эту мысль. Пока не будет уничтожена команда космического корабля, он не имеет морального права покидать своих новых друзей, даже, если эта борьба займет годы. Ольгу можно будет поставить в известность, послав через Проход к ней кого-нибудь из элиан. Надо настраивать себя, решил он, на длительное пребывание здесь. А вдруг Проход исчезнет? Ему стало не по себе. Сколько он ни пытался найти научное объяснение возникновению Прохода, ему это не удавалось. Напряженная психически атмосфера лагерной жизни как-то приглушила в нем все остальное, что не было связано с планами побега и восстановления. Теперь мысли, волна за волной, нахлынули на него. Невероятность случившегося с ним приключения только сейчас полностью дошла до его сознания. «Такое могло случиться, — думал он, — только на страницах научно-фантастического романа конца XX столетия, когда писатели-фантасты обращались с пространством и временем как им заблагорассудится».

Он забывал, что его четкие теоретические выводы по многомерности времени и многомерности каждого измерения привели бы в замешательство любого самого смелого фантаста того времени. Имея все качества лидера, он никогда не стремился к этому, а если становился им, то вынужденно, под давлением обстоятельств. Когда же вынудившая его к этому обстановка менялась, он отходил в сторону, охотно уступая лидерство другому. Будучи великодушным и по сути добрым, он становился жестоким, когда видел явное зло, и не успокаивался до тех пор, пока не уничтожал это зло и его источник, ни на минуту не колеблясь в выборе самых действенных средств, проявляя при этом исключительную быстроту действия и холодную рациональность. В других же случаях он охотно шел на компромисс и уступки, ничуть не заботясь о своей личной выгоде или интересах.

Эти свойства его характера нравились женщинам. Женщина каким-то шестым чувством безошибочно угадывает в человеке настоящего мужчину. Повелительный зов инстинкта, отработанный тысячелетиями эволюции, бросает ее в его объятия, руководствуясь какой-то высшей рациональностью, необъяснимой обычной человеческой логикой. Эта вечная загадка чувства будет всегда удивлять, восхищать, но никогда и никем не сможет быть объяснена, ибо разум человека недостаточно совершенен, чтобы понять и объяснить ее своими обычными категориями. Всякий рационализм в этом отношении, а тем более попытки анализа неизбежно приводят к драматизму, можно сказать, к поломке тонкого механизма чувств при помощи вмешательства грубого инструмента.

Сергей это понимал. И может быть, именно это так нравилось в нем женщинам. Что касается его самого, то его восхищение прекрасным никогда не сопровождалось элементами драматизма, который был чужд ему по самой своей природе, поскольку содержал в себе элементы насилия. А насилие, как ничто другое, вызывало у него чувство отвращения и ненависти.

Его отношения с женщинами были всегда светлыми и радостными, лишенными наязывчивости, зависти и ревности.

Находясь на острове и не видя других женщин, кроме своей жены, Сергей как-то и не думал о них. Никогда ему в голову не приходила мысль о том, что, кроме Ольги, его жены, у него может быть другая женщина. Он любил Ольгу и продолжал ее любить сейчас. В то же время он не мог не признать самому себе, что восхищается стройными точеными телами юных элианок, освобожденных сегодня из карантинного отделения женского концлагеря. Особенно привлекала его внимание высокая темноволосая девушка с большими темными, чуть продолговатыми глазами. Ее слегка выходящие волосы, перехваченные на лбу белой лентой, свободно спадали на спину. Одета она, как и все ее подруги, в короткую, не доходящую до колен тунику. Длинные стройные ноги перехвачены ремешками легких сандалий. По земным меркам она была удивительно красива, но и здесь, среди своих подруг, таких же юных и прекрасных, как и весь народ Элии, несколько выделялась утонченным благородством черт лица и линий тела.

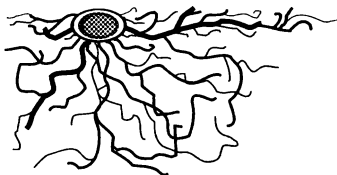
Солнце постепенно приближалось к зениту. Люди уже достаточно отдохнули, и многие из них рассыпались по полюне и лесу в поисках ягод, грибов и другой пищи. Сергею вскоре принесли несколько пригоршней ярко-красной, сочной и душистой ягоды, напоминающей по вкусу и запаху землянику. Он с большим удовольствием поел. После длительного периода пресной лагерной пищи ягоды показались ему просто божественными.

Он поискал глазами Гора и увидел его в окружении целой толпы прекрасных элианок, которые ему что-то возбужденно доказывали. Гор пожимал плечами, разводил руками, бросая временами взгляд на Сергея. Тот сделал вид, что полностью поглощен земляникой, но с интересом украдкой стал наблюдать за своим другом и толпой девушек. Среди них Сергей заметил стоящую несколько поодаль свою темноволосую незнакомку. Она не принимала участия в общем споре и, казалось, была чем-то смущена.

Гор, видимо, не соглашался. Тогда одна из элианок, покинув своих подруг, подбежала к группе стоящих в стороне мужчин и что-то им сказала. Те подошли к спорящим и вмешались в разговор. По-видимому, они приняли сторону женщин, так как Гор махнул рукой, как бы говоря: делайте, что хотите. Я свое мнение высказал. И отошел с явно недовольным видом.

Женщины радостно зашумели и стали совещаться.

В это время Сергея отвлек от наблюдения вернувшийся с группой проводников Ларт.

ЛЮБИМЫЕ ДЕТИ ПРИРОДЫ

Ларт сообщил, что в двух часах перехода они нашли удобное место для ночлега. Место, по его словам, представляло собой узкую плодородную долину небольшой речки, текущей из горного ущелья. Это ущелье было единственной дорогой, открывающей путь через горный перевал в широкую долину по ту сторону гор, где теперь обитало их племя.

Горный перевал труден для перехода, предупредил Ларт. Люди должны хорошо перед этим отдохнуть и набраться сил. В долине много дичи и съедобных растений.

Решено было двигаться немедленно. Снова узкой цепочкой сквозь подчас почти непролазные чащи и овраги беглецы углубились в дремучий лес. Толстые гладкие стволы деревьев, похожих на земные буки, чередовались с гигантскими соснами и елями. Кое-где под ногами земля начинала пружинить. Значит, когда-то здесь простирались болота. Почва была покрыта метровым слоем полуперепревших листьев, в которых ноги тонули по щиколотки. Идти становилось все труднее. Начался подъем. В лесу было почти темно. Ни один луч не пробивался сквозь густую листву многоярусного леса. Где-то там, наверху, пели птицы и сияло яркое солнце. Иногда тишину леса прерывал резкий, неприятный скрип, и нельзя было понять, то ли это скрип сухого де-

рева, то ли крик какой-то неизвестной птицы.

Но вот постепенно деревья стали редеть, посветлело. Вскоре они вышли на край глинистого обрыва, поросшего редкой травой, и перед глазами открылась картина, невольно вызвавшая возглас восхищения.

Там, глубоко внизу, среди редких групп исполинских деревьев извивалась по узкой долине небольшая река. Долина, шириною не больше трех километров, ограничивалась с двух сторон крутыми отрогами гор, поросших лесом, с которых каскадами небольших водопадов спускались многочисленные ручьи, несущие свои воды в реку. На полянах вблизи реки видны были пасущиеся стада диких копытных животных, чем-то напоминающих земных европейских оленей. Далее река делала поворот и скрывалась за выступами горных отрогов.

Когда спуск наконец был закончен и отряд вышел к берегу реки, Сергей первым делом решил искупаться. Все остальные последовали его примеру, и скоро река огласилась веселыми криками...

Так получилось, что, когда опасность миновала, руководство отрядом перешло к Гору и Ларту. Они уже не спрашивали, как бывало, указаний Сергея, а делали сами то, что считали нужным. Это было вполне естественно. Они были на своей планете. Вот и сейчас они занялись устройством ночлега. Под сенью деревьев вырос целый поселок легких шалашей, дымились костры, доносился запах жареного мяса. Мужчины принесли на носилках большие груды крупных желтых плодов, напоминающих дыни. Эти дыни в изобилии произрастали на склонах долины, переплетая своими корнями и стеблями глинисто-песчаную почву. По вкусу они и не отличались от обыкновенных земных дынь, разве что имели еще неуловимый привкус, напоминающий вкус ананаса.

На ужин были поданы большие куски ароматного, еще дымящегося мяса с многочисленной приправой из каких-то растений.

Сидя сейчас за ужином, в кругу элиан, Сергей все не мог отделаться от чувства нереальности происходящего. Хотя со времени начала восстания прошли только сутки, всего тридцать часов, оно казалось уже далеким прошлым. Наверное, не только ему, так как и среди элиан — вчерашних узников, царило веселое оживление. Казалось, не было концлагеря, не было восстания и сражения, не было гор трупов на плацу, не было банок с плавающими в бесцветной жидкости мозгами, не было тел молодых женщин со вспоротыми животами, с извлеченными из чрева младенцами. Все это походило больше на веселый туристический лагерь студентов, которые только-только вернулись из длительного похода и теперь отдыхают, делясь впечатлениями. Эта веселая беспечность после пережитого побуждала к сомнению: сможет ли этот красивый, но по-детски беспечный народ оказать серьезное сопротивление жестоким пришельцам в ближайшем будущем? То, что последние предпримут карательные акции и постараются, несмотря на потери, восстановить положение, у него не вызывало никаких сомнений.

Он поделился своими мыслями с Гором. Тот задумался. Помолчал немного, затем ответил:

— Ты прав, Эрик, — он называл так Сергея во второй раз. Первый раз он назвал его этим именем после разгрома концлагеря. Имя это обозначало «сын света», нечто равнозначное нашему «герой». Оно дава-

лось редко, за исключительные заслуги перед народом Элии. Как рассказывал Гор, его прадед был последним, кто носил почетное имя.

— Ты прав, — повторил он. — Наш народ никогда не знал войн. Единственное оружие, которое у нас когда-либо было, — это луки, но и ими мы редко пользовались даже на охоте, так как все, что нам нужно, мы имеем в достаточном количестве. У нас редко кто умирал насильственной смертью, разве что отвергнутая в своем выборе девушка, чтобы избежать позора, бросалась со скалы в пропасть. Но это тоже очень и очень редко происходило. Я за свою жизнь не помню ни одного случая.

— Ты сказал «в своем выборе», — заинтересовался Сергей. — Разве у вас женщины выбирают себе мужей, а не наоборот?

— Конечно, а как же иначе? — в свою очередь удивился Гор. — Только женщина может решать, кто будет отцом ее ребенка!

— Ну, а если мужчина не захочет быть ее мужем?

— Если он ей откажет, то его изгоняют из племени. Таков закон всех племен на Элии. Его больше никто не примет в общество, и он будет одинок до конца жизни! Его даже могут убить, если родственники невесты сочтут себя оскорбленными.

— Постой, постой! Но ведь это несправедливо!

— Это очень справедливо, — возразил Гор. — Как же иначе?

— Ну, а если, например, ему нравится совсем другая?

— Никто не мешает жениться на этой другой, если она его выберет.

— А с первой что? Он может развестись?

— Нет, право развода у нас, как и право выбора, принадлежит исключительно женщинам. Если жена захочет уйти, то она может это сделать, но муж не может покинуть жену.

— А как же со второй? Не может же он иметь двух жен?

— Почему не может? — искренне удивился Гор. — Каждый мужчина может иметь столько жен, сколько женщин выберут его в мужья.

— Тогда выходит, что у некоторых мужчин вообще не будет жен.

— Конечно! Так оно всегда происходит.

— Черт-те что! Ох, прости.

— Ничего.

— Ну да ладно, это ваше дело. Хотя, признаться, мне это странно.

— Ничего странного нет! Странно было бы иначе. Наше развитие зависит от тех качеств, которые наследуют дети. Женщина заранее знает, какие дети у нее будут, если ее мужем будет тот или другой мужчина. Ее право выбрать лучшее! У нас нет машин. Мы обходимся без них, но все, что мы можем делать, а мы можем многое, ты увидишь это сам, зависит от нас самих и лежит в нас самих! Мы можем ускорять рост растений, их созревание. От этих качеств зависит жизнь нашего народа, и мы не можем рисковать потерять эти качества. Смотри! Видишь верхушку того дерева? — Он кивнул на сосну, стоящую метрах в тридцати от них. — Сейчас верхушка ее наклонится в нашу сторону.

И действительно, вершина сосны, будто под порывом сильного ветра, наклонилась.

Сергей, пораженный увиденным, молчал.

— Ну а с неодушевленными предметами неорганического происхождения вы тоже можете так манипулировать?

— Нет, конечно. Только с живыми. Если бы свистуны не нацепили на себя эти металлические штучки, мы с ними могли расправиться без труда. Первый раз, когда они явились к нам, они не имели при себе этой защиты. Мы могли бы их уничтожить, но просто прогнали. Они с ужасом бежали, а затем вернулись, и бежать пришлось нам.

— Следовательно, — догадался Сергей, — у вас могут родиться дети, не имеющие таких свойств.

— Конечно! Поэтому женщина, которой дано это чувствовать, имеет исключительное право выбора.

— А мужчина, что же он, не чувствует, как ты говоришь, какие у него могут быть дети от женщины?

— Нет! У нас женщины могут то, что недоступно мужчинам, и, напротив, многое из того, что умеют мужчины, не могут делать женщины. Например, ты помнишь наших «мертвецов»? Ни одна женщина не может подавить в себе настолько все жизнепроявления, чтобы показаться мертвой. Но зато ни один из мужчин не сможет приказать дикому зверю лечь у его ног. Поэтому мы носим луки там, где можем встретить крупных хищников, а женщина может, не рискуя ничем, пройти через стаю самых кровожадных зверей.

— Скажи мне, Гор, а у вас не было таких случаев, когда женщина подвергалась насилию со стороны мужчины? Ну, скажем, со стороны того, на ком ни одна женщина не остановила своего выбора?

— Это невозможно! Женщина всегда заранее это почувствует и успеет принять меры.

— Какие? Ведь она слабее.

— Дело не в этом. Женщина, если хочет, сможет подавить у мужчины всякое желание к ней. Но если захочет, то может возбудить так, что ни один не сможет устоять. Это то, что является ее привилегией и недоступно нам. Так что, берегись! — шуточно пригрозил он.

— Ну, ко мне это может и не относиться. Я из другого теста! У меня совсем, может быть, другая природа и даже генетический код!

— Ты такой же, как все! Я это уже хорошо знаю. Ты только не умеешь делать то, что свойственно нашему народу. Но у тебя есть такие качества, которые были бы полезны моему народу, особенно теперь, когда нам грозит вторжение пришельцев.

— Почему ты так думаешь?

— Наши женщины тебя уже обследовали.

— Что?

— Ну, они уже знают о тебе все, о твоём организме и о том, что ты чувствуешь.

— Вот как? Когда же они это успели?

— Еще на первом привале.

— Что же мне теперь делать? — растерянно проговорил Сергей.

— А ничего! Быть как все, — философски закончил беседу Гор. — Мы только очень просим тебя, — добавил он, — не покидать нас хотя бы до тех пор, пока мы не сможем покончить со свистунами.

Костер уже потух. Шум в лагере сник. Утомленные дневным переходом, люди спали. Серебряный диск луны тускло освещал долину, отражаясь в водах реки.

Гор заснул сразу. Сергей же, под впечатлением увиденного и услышанного, долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок на подстилке из сухих водорослей. Все, что он узнал, было для него неожиданным и не укладывалось в привычные понятия землянина, воспитанного цивилизацией, столь отличной от биологической цивилизации Элии. Уже одно то, что его чувства, мысли могли быть предметом всеобщего обозрения, он, конечно, сейчас преувеличивал, вызвало сильный душевный протест. Он вдруг почувствовал себя так, как может почувствовать себя совершенно голый человек в толпе одетых людей.

Если бы не чувство долга, он бы не задумываясь покинул их и отправился сам на поиски таинственного Прохода. Но с другой стороны, очень хотелось познакомиться с необычной организацией общества Элии. В этой организации была не только странность, но и своя рациональность. Эту рациональность он скорее интуитивно чувствовал, чем понимал. Во всяком случае этот мир, с которым ему предстоит знакомство, был миром без насилия. Насилие, которое играло чуть ли не ведущую роль в истории человеческой цивилизации, здесь начисто отсутствовало. Что же тогда являлось той цементирующей основой, которая объединяла здешнее человечество в разумную хозяйственную организацию? Как это сказалось на нравах, морали, на развитии искусства? Существует ли здесь наука? Литература? Если нет, то что может компенсировать? Естественно, ни Ромео, ни Отелло не могли родиться на этой планете, как не могли здесь родиться ни Гомер, ни его герои. Но что-то должно быть носителем выражения творческой активности народа!

В нем вновь проснулся исследователь, который, казалось, умер в последние месяцы его пребывания на острове.

«Вряд ли во всей Вселенной, — подумал он, — существует еще одна такая цивилизация. Скорее можно встретить несколько цивилизаций свистунов, чем еще одну Элиу. Им надо помочь во что бы то ни стало! Этот редкий цветок Вселенной необходимо сохранить. Но как? Что противопоставить отравляющим газам и ядерному оружию?

На второй день под развесистым дубом на большой поляне состоялся совет. Корни дуба высоко выступали из земли, образуя нечто вроде удобного кресла, на которое Гор жестом пригласил сесть Эрика. Сам же стал справа от него.

— Можно начинать? — тихо спросил он Эрика. Тот кивнул головой. Осмотревшись, он заметил, что на поляне собрались все мужчины и та часть женщин, что была освобождена из карантина. Остальные женщины и десять мужчин из женского лагеря стояли поодаль, словно ожидая своей участи.

— Мы собрались здесь для того, чтобы решить, что будем делать дальше. Пойдем ли мы каждый в свое племя или останемся вместе, пока не уничтожим проклятых захватчиков? Что скажет об этом Эрик?

Тот поднялся и оглядел окружающих. Многих он уже хорошо знал в лицо и по имени. Все они были храбрыми, как он убедился, воинами, показавшими себя в деле с самой лучшей стороны. В то же время он несколько опасался, что свобода, добытая кровью большей части восставших, оставшихся лежать там, на плацу концлагеря, вызовет расслабление и понизит

боеспособность отряда. Эти опасения были не излишни. Как он убедился, элиане с трудом понимали необходимость дисциплины.

— Пока вы все вместе, — начал Эрик, — вы представляете внушительную силу, способную вести борьбу с захватчиками. В отдельности, маленькими группами, мы не сможем им оказать существенного сопротивления и будем уничтожены поодиночке. Кроме того, мы должны полностью уничтожить противника, не дать ему покинуть планету. Если это ему удастся, он вернется снова с большим подкреплением, и тогда ваша прекрасная Элиа будет усеяна концентрационными лагерями. Я считаю, что нам надо держаться вместе, пока враг не уничтожен.

Элиане одобрительно зашумели.

— Тогда решено, — подытожил Гор. — Мы идем к моему племени. Затем возвращаемся с подкреплением и начинаем войну с пришельцами.

— Теперь, — продолжил он, — что делать с этими несчастными? — он кивком головы показал на стоящую поодаль группу. — Ясно, что идти им с нами нельзя!

— Почему? — не понял Эрик.

— По нашим законам, женщина, которая не может указать отца своего ребенка, не имеет права жить в племени. Племя ее с позором изгоняет.

— Но разве они виноваты в этом? — запротестовал Эрик-Сергей.

— Нет, конечно, но закон есть закон, и никто его отменить не может!

Послышался одобрительный ропот, хотя в нем Эрик уловил нотки сомнения. Он решил бороться за судьбу несчастных, которых хотели бросить здесь на произвол судьбы. Он говорил, казалось ему, убедительно, о человеколюбии, гуманности, о праве каждого на жизнь и счастье. Его слушали внимательно, не перебивая, но, когда он кончил, в ответ было молчание. Снова поднялся Гор:

— Эрик! — начал он. — Твое лицо чисто, как небо (одобрительный гул). Ты нам брат и отец, ты наш самый дорогой друг (снова одобрительный ропот), но ты пришел к нам издалека, где время течет иначе ("Опять это время", — подумал Сергей) и обычаи там другие. Ты не знаешь наших законов. Эти законы создали далекие предки, которых мы чтим, как чтим и их законы. Ты, когда поживешь с нами, поймешь их мудрость. Эти законы объединяют наши племена и дают жизнь всему нашему народу. Наша жизнь была счастливой именно благодаря этим законам. Но нельзя вытаскать камни из фундамента дома и не повредить при этом дом. Нельзя отменить часть законов, чтобы не разрушить все здание закона.

— Что же ты предлагаешь?

— Им и их десятерым мужчинам нужно остаться здесь. Мы здесь задержимся на несколько дней, достаточных для того, чтобы построить им дома, а потом с остальными пойдём к моему племени.

— Но их же почти тысяча, в то время как мужчин...

Гор сокрушенно развел руками, показывая, что он не в состоянии что-то другое придумать.

— Тогда вот что, — принял решение Эрик. — Эта долина является единственным проходом на перевал? — спросил он.

Гор утвердительно кивнул.

— Мы не можем, — продолжил свою мысль Эрик, — оставить этот проход без охраны. Десяти человек, даже вооруженных бластерами, не хватит. Если враги пробьются через перевал, то...

Собравшиеся одобрительно зашумели.

— Поэтому, — продолжал Эрик, — нам необходимо укрепить его и оставить для охраны большой вооруженный отряд, человек сто—сто пятьдесят. Только в этом случае мы будем гарантированы от неожиданного нападения.

— Я предлагаю вызвать добровольцев! Кто согласится охранять долину и путь к перевалу?

Собрание молчало. Затем поднялся один, за ним другой, и вскоре отряд добровольцев был отобран. Вместе с этим было решено отправить отряд в десять человек известить племя Гора о скором прибытии остальных. Отряд должен вернуться и пригнать скот, необходимый остающимся на жительство в долине, а также принести семена домашних растений для огородов.

Все двенадцать дней, пока строились хижины, Эрик занимался с отрядом добровольцев, обучал их меткой стрельбе, маскировке, скрыто подползать к воображаемому противнику, приемам каратэ и всему тому, что он знал в этом отношении по обязательной программе космических десантных частей. Обучение шло успешно. Элиане были народ сообразительный, хотя резко уступали Эрику в физическом развитии. Его утешало то, что, как он убедился, свистуны физически еще более слабосильны и у них нет той природной гибкости тела, которая так выгодно отличала элиан.

Помимо бластеров, заградительному отряду Эрик оставил два десятка ружей, стреляющих парализующими пулями, с приказом, по возможности, доставить языка. Элиане уже познакомились с военной терминологией своего предводителя.

Было решено, что небольшими группами, предельно скрытно, элиане будут просачиваться через лес и наблюдать за космодромом. Сергей разобрал несколько штук фугасных ракет, захваченных с вертолета, и смастерил из них нечто вроде противотанковых мин. Он выбрал из оставшихся пять человек и долго занимался с ними особо, показывая, как эти мины закладывать. Он не питал большой надежды, что им удастся подорвать бронетранспортер, но все же решил воспользоваться этим, пусть маленьким, но вполне реальным шансом.

Весь отряд из ста пятидесяти человек Эрик разделил на пять групп, назначив в каждой группе командиров из наиболее сообразительных элиан. Каждая группа по очереди, в течение недели, должна нести караульную службу, базируясь у кромки леса и открытого пространства, наблюдая за возможными действиями противника. Им же было дано задание по возможности приблизиться к расположению ракетного склада и попытаться захватить пленного.

После пятидневного обучения, которое было проведено Эриком особенно тщательно, первая группа ушла на задание.

Неожиданно для Сергея элиане оказались искусными строителями. Часть из них хорошо освоилась с захваченными при отступлении из лагеря инструментами, другие же вооружились изготовленными тут же.

на месте. Это были инструменты из особого дерева. Древесина его имела свойство сильно затвердевать после того, как со ствола снималась кора. Спустя сутки затвердевшую древесину уже не брал стальной топор. Инструмент из этого дерева изготавливался до того, как начинался процесс затвердевания. Топор, например, изготовленный таким образом, может быть, и уступал железному, но совсем немного. Сергею рассказали, что имеются специально выведенные породы такого дерева, древесина которого затвердевает более медленно, но зато значительно сильнее. Из этого же дерева элиане изготавливают гвозди, ножи, лопаты. Металлургия им знакома, но, как понял Сергей, они используют для извлечения металла из руды какой-то неизвестный ему биологический метод.

Постепенно у Сергея крепло решение остаться с заградительным отрядом в долине. Этому были свои веские причины. Находясь ближе к месту предполагаемых военных действий, он смог бы принимать оперативные решения. Сергей чувствовал, что противник вскоре обязательно предпримет шаги, направленные на восстановление положения, и его присутствие в заградительном отряде будет необходимым. Затем, ему не хотелось слишком отдаляться от Прохода. Последнюю причину он не стал излагать Гору.

Гор, когда понял, что Сергей решил остаться, очень огорчился. В свою очередь, он привел веские доводы против, указывая, что Эрику необходимо встретиться с вождями племен, чтобы возглавить организованное сопротивление пришельцам. При этом он намекнул, что в распоряжении вождей племен есть эффективные средства ведения войны. Поэтому решено, что месяца через два, если обстоятельства не изменятся, а может быть, раньше, Эрик посетит племя Гора.

В связи с решением Сергея остаться ему был сооружен отдельный дом, который поставили несколько в отдалении от основного поселка. Дом представлял собой фактически одну большую комнату, которая разделялась раздвижной перегородкой на две. Одна из стен дома, выходящая на веранду, была тоже раздвижной. При желании эта перегородка раздвигалась, и внутреннее помещение дома соединялось с верандой в один комплекс. За то время, пока строители заканчивали свои работы, женщины сплели огромное множество циновок, которые теперь покрывали пол, стены и примитивную мебель, состоящую из кровати, стола и нескольких стульев.

После ночевки в шалаше эта примитивная обстановка могла показаться даже роскошной.

Прошло две недели с момента восстания. В этот вечер Сергей должен был уже перейти из шалаша, в котором он продолжал спать все это время, на новое жительство.

Как всегда, закончив занятия с бойцами заградотряда, он быстро искупался в речке и уже направился было к своему дому, когда заметил, что у его входа собралась большая толпа элиан. Он повернулся к сопровождающему его Ларту, но тот весело улыбнулся и сделал успокаивающий жест, мол, все в порядке, иди — все тебя ждут.

Когда он подошел, толпа, пропуская его, молча расступилась. Он только обратил внимание, что большинство из собравшихся были девушки из карантинного отделения. Когда он поднялся на веранду, из

толпы вышел Гор, которого он раньше не заметил. Одновременно с этим девушки затянули песню и отступили назад, образовав полукруг. Песня продолжалась недолго. Во время ее исполнения Гор стоял с важным видом, сосредоточившись, и чувствовалось, что в этой непонятной для Сергея церемонии он играет одну из главных ролей.

Когда песня кончилась, Гор сделал полшага вперед и произнес речь. Речь была краткой, но выразительной, и содержание ее крайне поразило и смутило Сергея.

— Эрик, — начал торжественно Гор. — По обычаям и законам нашего народа, спасенная от смерти девушка выбирает своего спасителя в мужа. Ты спас всех здесь присутствующих. — Он сделал многозначительную паузу. Если бы не многообещающее начало, Сергей расхохотался бы, до того ему был уморителен надувшийся от важности его друг. — Любая из присутствующих и спасенных тобою почла бы за счастье сесть у твоего очага, — продолжал Гор и обвел глазами толпу стоящих элианок, как бы требуя подтверждения. Те зашумели и закивали головами в знак согласия. — Поэтому, — продолжал он, — наши девушки выбрали среди себя самую прекрасную из красивых, которая станет отныне твоею женою.

Снова началось пение. Толпа расступилась, и вперед вышла молодая элианка в сопровождении двух девушек, которые поддерживали ее за локти. Лицо ее было закрыто. Подруги подвели ее к Гору, который взял ее за руку и поднялся с ней по ступенькам крыльца.

— Не вздумай отказываться, — услышал он позади себя шепот Ларта. — Девушка погибнет!

Сергей был настолько ошеломлен случившимся, что за все время церемонии не произнес ни одного слова, не сделал ни одного движения.

Между тем Гор резким движением руки сорвал с головы девушки покрывало и бросил его под ноги Сергею. Сергей увидел лицо невесты — это была уже знакомая ему темноволосая элианка. Она опустилась на колени перед Сергеем и склонила голову. В этой позе было столько трогательной и такой доверчивой беззащитности, что Сергей, сам того не понимая, что он делает, быстро наклонился и поднял склонившуюся перед ним девушку. Торжественно-приветствующий крик раздался в ответ на его движение. Церемония была завершена! Его жест, по обычаю элиан, он узнал это вскоре, означал согласие взять невесту в жены. Теперь их брак был освящен древним обычаем и нерасторжим.

Когда Сергей наконец очнулся от свалившейся на него неожиданности, вокруг никого уже не было. Исчез Ларт, справедливо считая, что больше его советы и присутствие не понадобятся.

Если бы Сергею было дано время или церемония не была бы столь неожиданной, он, конечно, протестовал бы. Сейчас же предпринимать что-либо было уже поздно. И тут он сам себе признался, что страшно рад этому, рад, что уже ничего нельзя предпринять против и что перед самим собой у него есть оправдание отсутствия всякого с его стороны сопротивления. Ему совсем не хотелось сопротивляться.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Эола! — послышался нежный тихий голос.

Тут Сергей заметил, что продолжает держать девушку в объятиях. Он смущенно опустил ее и отступил в сторону. Она, в свою очередь, поняла это как приглашение и зашла в дом.

На следующий день Сергей проснулся, когда солнце уже давно поднялось над верхушками сосен. Эола еще спала. Сергей невольно залюбовался совершенством форм юной элианки. Никогда на Земле он не встречал подобной утонченной красоты. Каждая черточка, каждый изгиб этого тела свидетельствовали о безграничном таланте величайшего ваятеля прекрасного — природы и о той безграничной любви к своему мастерству, которую ваятель проявил, создавая этот шедевр.

Осторожно, чтобы не разбудить спящую жену, он поднялся, встал, оделся и вышел.

Целый оставшийся день Сергей упорно отрабатывал приемы боя с бойцами заградотряда. Каждый боец, вооруженный учебным бластером, деревянной моделью, сделав «выстрел», быстро откатывался в сторону и изготавливался к другому. Эти приемы повторялись множество раз. Сергей хотел выработать у бойцов мгновенную реакцию.

Бойцы скрыто подползали к условному противнику. Взмах ножом, и тот беззвучно валился на траву. Бойцы учились ползать, вдавливая тело в землю, сливаясь с ней в неразличимое целое. Ни малейший шорох не должен был нарушить тишины во время сближения нападающего с «часовым». Если «часовой» замечал и настораживался, это повторялось еще и еще, пока боец не научится ползти совершенно бесшумно.

Особое внимание Сергей уделял саперам, заставляя их сотни раз на день откапывать и закапывать противотанковые мины, скрыто маскировать их под наблюдением воображаемого противника.

За этим занятием его застал Гор. Он пришел сообщить, что вернулся отряд, посланный с вестями к его племени. Вместе с отрядом пришла большая группа его соплеменников, которая пригнала скот и привезла необходимые для поселка вещи.

Оставив командование Ларту с заданием дальше отрабатывать приемы сближения с противником, Сергей поспешил с Гором к поселку. Как-то получилось, что все «административные» и хозяйственные функции выполнял теперь Гор. Ларт же был неотступно с Сергеем, выполняя обязанности адъютанта и заменяя его во время занятий с бойцами, когда тому приходилось отлучаться.

Сергей заметил, что Ларт проявляет недюженные способности будущего военачальника. Это его радовало, так как в случае чего у него была замена.

По дороге к поселку между ним и Гором произошел крутой разговор, который изредка срывался на повышенные ноты.

— Это когда же состоялись выборы? — начал он.

— Ты имеешь в виду Эолу?

— Кого же еще!

— Еще в первый день после освобождения, на первом привале, — просто ответил Гор и спросил с веселой усмешкой:

— Ты разве недоволен?

— Дело не в этом. Почему меня даже не спросили? А во-вторых, я же тебе говорил, что я женат.

— Во-первых, тебя не надо было спрашивать. Все было видно по тебе самому. Неужели ты думаешь, что наши женщины делают свой выбор, не зная чувств того, кого они выбирают в мужья? Ты забываешь, что нам не надо для этого слов. А то, что ты имеешь «во-вторых», по нашим законам не имеет никакого значения.

— Но то по вашим! А я ведь не элианин!

— Живя здесь, ты элианин и должен подчиняться законам нашего народа. Никакие заслуги перед народом не освобождают человека от подчинения его законам.

Сергей был вынужден признать справедливость слов друга, однако еще пытался возражать, правда, больше для успокоения собственной совести.

— Но... — хотел было он продолжить спор.

— Никаких «но»! Либо ты наш и подчиняешься нашим законам, либо ты уходишь... как это ни горько для всех нас и как это ни опасно для будущего нашей планеты...

Гор остановился и пристально посмотрел в глаза Сергею. Тот не выдержал укоризненного взгляда и опустил глаза. Гор понял его и ласково положил ему руку на плечо. Они некоторое время шли молча. Сергей видел, что Гор хочет ему сказать что-то важное. Наконец тот промолвил:

— Я был против твоего брака с Эолой!

— Почему? — Сергей остановился он неожиданности и вопросительно посмотрел на друга.

— Я хотел, чтобы первой женой была моя сестра Стелла. Теперь она, — грустно продолжил Гор, — будет только второй, хотя все права имела быть первой!

— О Господи! — вырвалось у Сергея. — Как, еще? Ну, знаешь... — Он остановился и даже пошел назад, тем самым подчеркивая, что большего от него не дождутся. Гор некоторое время недоуменно смотрел ему вслед. Потом догнал и, схватив за руку, горячо заговорил. В его голосе слышалась даже ярость:

— Ты не смеешь мне в этом отказывать. Еще тогда, когда ты спас меня, там, на ракетодроме, я решил, что моя сестра будет твоею женою. Все знают это. Ты не захочешь, чтобы я и весь мой род покрылись позором отказа. Тем более, что Стелла знает все и ждет тебя! Она полюбила тебя еще там, на твоей земле. Она несколько раз приходила туда, издали наблюдала за тобою, когда ты со своей женой купался в море.

Гор остановился и вдруг с умоляющей тоскою в голосе проговорил:

— Я прошу тебя, не губи мою сестру. Она для меня самое дорогое на этом свете!

Ошеломленный и растроганный, Сергей молчал.

— Но почему, — начал он спустя некоторое время, — почему Стелла обязательно должна погибнуть. Разве она не сможет выбрать себе другого?

Гор, видя, что Сергей уже сдается, заговорил более спокойно:

— Дорогой Эрик, тебе предстоит еще многое узнать о нашем народе. Я уже тебе говорил, что мы не такие, как вы. У нас, если девушка полюбит и встретит отказ, переживает такое сильное душевное потрясение, которое лишает ее разума. Она рано или поздно гибнет. Чувства

наших женщин настолько сильны, что сжигают им душу. Наши жены преданы и верны своим мужьям. У нас нет измен. Бывает, правда, очень редко, когда эти чувства угасают. Тогда жена уходит от мужа. Вот почему у нас разрешается развод со стороны жены, но запрещается развод со стороны мужа, так как последнее равносильно убийству и называется как убийство.

— Но как же они уживаются вместе, ведь они должны испытывать ревность!

Гор, видя, что его друг уже сдался, весело рассмеялся:

— А ты сам это увидишь скоро!

Сергей тяжело вздохнул и последовал за ним.

Поселок гудел, как разбуженный рой пчел. Посреди площади, образуемой полукругом стоящих хижин, стоял целый караван вьючных животных, чем-то напоминающих верблюдов. Рядом лежала большая груда снятых уже с них вьюков. От стоящей толпы отделилась группа людей во главе с высоким седовласым элианином в длинной белой одежде и направилась навстречу подходящим Сергею и Гору. Подойдя на расстояние пяти шагов, старик остановился. Сергей почуствовал невольное почтение к старцу и низко склонил перед ним голову. Старец подошел и по-отечески обнял его, приложившись щекой к щеке землянина. Затем отступил на шаг и, в свою очередь, склонил перед ним голову, украшенную тяжелым золотым обручем, посреди которого сверкал огромный, с голубинное яйцо, бриллиант.

Это был отец Гора, почтенный Дук, глава племени.

— Великий Эрик! — произнес старик глубоким и звучным голосом. — Народ Элии приветствует тебя и благодарит за спасение его сынов и дочерей. Будь нашим сыном и располагай всем, что мы имеем.

— Спасибо, отец! — с чувством ответил Сергей.

— Народ Элии просит тебя, Эрик, остаться с ним навсегда.

— Отец, — проникновенно произнес Сергей, называя так старика с большой теплотой и радостью, — я не могу сказать тебе «да»! Там, на моей земле, меня ждут жена и дети. Я не могу их оставить совсем. Но я останусь здесь до тех пор, пока ненавистные вам и мне грязные пришельцы из чужого мира не будут уничтожены. В этом я тебе торжественно клянусь и выполняю свою клятву, даже если мне придется остаться здесь навсегда, живым или мертвым!

Старик вновь приблизился к Сергею и ласково обнял его. Так они стояли с минуту под радостными и приветливыми криками столпившихся вокруг элиан. Затем старик осторожно высвободился из объятий и жестом обратил внимание Сергея на привезенные тюки. Часть их уже успели распаковать. Здесь была одежда, ткани, утварь.

— Это должно хватить вам не первое время, — произнес Дук. — Затем мы пришлем еще. Но, — продолжал он, — мы ждем тебя вскоре у себя дома.

— Я непременно, как только позволят дела здесь, приеду.

— Пойдем, я покажу тебе еще кое-что, — предложил Дук и направился через площадь за пределы поселка. Сергей с Гором и частью элиан последовал за ним. Они прошли метров пятьсот и свернули за выступ скалы. Здесь находился обширный луг, на котором раньше, до прихода людей в долину, было пастбище диких оленей. Сергей остано-

вился, не веря своим глазам. На лугу перед ним пасся табун прекрасных лошадей, по своим статьям не уступающим лучшим породам земных Ахал-текинов. Высокий, могучегрудый, тонконогий жеребец с пронзительным ржанием выбежал им навстречу и, изогнув хвост, начал галопировать вокруг табуна.

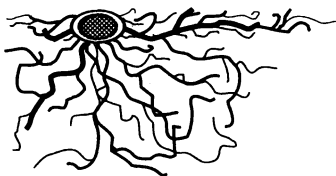
Тут же, под навесом из толстой шерстяной ткани, лежала груда искусно изготовленных седел, уздечек и всей необходимой экипировки для верховой лошади.

Еще до отлета на Счастливую любимым видом спорта Сергея было пятиборье. Поэтому он понимал толк в верховых лошадях и даже при беглом осмотре вынужден был признать, что подобных красавцев видит впервые в жизни.

Растроганный Сергей горячо поблагодарил старца, еле сдерживая из-за вежливости желание взнуздать и опробовать жеребца — вожака табуна, который ему сразу же приглянулся. Дук, словно угадывая его желание, вышел вперед и остановился, глядя в сторону табуна. Сейчас же послышалось ржание и дробный топот копыт. Вороной жеребец выбежал из табуна и поскакал к старцу. Приблизившись, он остановился и без всякого сопротивления дал себя взнуздать. Старик протянул уздечку Сергею.

Еще раз воочию Сергей стал свидетелем необычных свойств этого народа, которому охотно покорялось все живущее на планете.

Пока он приходил в себя от удивления и восхищения, элиане приготовили вторую лошадь. На нее, проявив неожиданную ловкость, сел верхом Дук. Сергей не заставил себя ждать и, вспомнив былые навыки, буквально взлетел в седло, заслужив одобрение зрителей.

НЕПОНЯТНОЕ ВСЕГДА СТРАННО

Дук пробыл в поселке несколько дней. Он с большим интересом наблюдал за занятиями заградительного отряда, много расспрашивал Сергея о свистунах и концлагере. Жил он со своими спутниками в больших шатрах, которые разбили недалеко от поселка.

Вскоре случилось событие, вызвавшее тревогу и заставившее в корне изменить все выработанные уже планы.

Сторожевой отряд, посланный на разведку, наткнулся внезапно на группу свистунов. В завязавшемся бою отряд потерял убитыми тридцать человек, т.е. больше половины всех бойцов. Свистуны были уничтожены, а что самое главное, двух из них удалось взять в плен, применив ружья с паралитическими пулями. Этот бой показал, что подготовка бойцов заградотряда пока слабая. Элиане значительно уступали свистунам в боевой сноровке и умении вести открытый бой.

Для Сергея это не было полной неожиданностью, так как со стойкостью противника в бою он уже встретился при разгроме концлагеря, но все же такие большие потери встревожили его. Элиане при неожиданной встрече с противником проявили растерянность и дали ему возможность первому открыть огонь. Сторожевой отряд продвигался не рассредоточенно, как того требовали обстоятельства

несения сторожевой службы, а скученно, толпою, не выставив впереди боевого охранения. Казалось, все уроки и наставления Сергея были бойцами отряда начисто забыты. Утешало одно, что арсенал пополнился еще десятью бластерами и, несмотря на тяжелые потери, которые понес отряд, ни один из врагов не ушел живым, а следовательно, противник оставался в неведении. Большой удачей был также захват двух пленных, от которых можно получить сведения о ближайших намерениях противника.

На допросе пленные показали, что после разгрома обоих концлагерей и уничтожения вычислительного центра на звездолете не утратили полностью надежды связаться с базой и вызвать подкрепление. Для этого там решили начать строительство нового вычислительного центра и передатчика сигналов с выходом в гиперпространство, но уже непосредственно на космодроме, под охраной его вооружения. Поэтому были посланы отряды с задачей захватить пленных в качестве рабочей силы и, как они сказали, источника сырья для создания передатчика. Их отряд был одним из посланных.

Сергея обрадовало известие, что система спутника вышла из строя и у свистунов нет возможности запустить новый, так как необходимое для этого оборудование повреждено при посадке звездолета на планету. Это, пожалуй, была самая радостная весть. Сергей боялся, что доведенные до отчаяния свистуны, лишенные возможности покинуть планету, обрушат на поселения Элиан удар ракет с ядерными боеголовками. Теперь, хотя угроза такого удара и оставалась, исключалось прицельное наведение. Звездолет противника ослеп и ослеп навсегда. Была и другая, на этот раз крайне неприятная новость. Оказывается, что свистунов значительно больше, чем рассчитал Сергей. Помимо оставшихся трехсот на космодроме, еще сто свистунов находились на построенном еще до концлагеря небольшом заводе, где изготовлялись дюралевые листы, из которых построены бараки и произведена сборка платформ. Сейчас на космодром взято больше половины рабочих, а оставшаяся часть занята тем, что пытаются собрать новые платформы, что, правда, затруднительно из-за отсутствия главных комплектующих элементов управления и мощных двигателей, уничтоженных вместе с платформами восставшими элианами. Эти двигатели, вернее, все, что от них осталось после того, как по ним прошлись лучи бластеров, были доставлены при помощи бронетранспортера на завод, и там пытаются их отремонтировать.

Сергей мысленно выругал себя за беспечность. Ему надо было проверить, говорил он себе, оставшиеся на опушке леса платформы и лишний раз пройти бластером по их вскрытым внутренностям, довершить разрушение. Теперь же свистуны смогут из трех-четырех поврежденных двигателей сделать один работающий. Но, как говорится, после драки кулаками не машут. Необходимо решить, что делать дальше.

Надо готовиться к штурму самого космодрома.

Все это Сергей изложил на срочном совете, на котором, кроме командиров групп, присутствовал Дук. Судя по всему, силы противника исчислялись теперь в 390 человек. Элиане имели в своем распоряжении 430 бластеров. Если учитывать соотношение потерь при столкновениях с опытными и закаленными бойцами противника, то силы были явно не-

достаточны, и прямой штурм звездолета приведет к уничтожению нападающих, даже если им удастся скрыто подойти и неожиданно начать атаку. Противнику надо предложить такую тактику, к которой он совсем не готов. Но какую? Ни Сергей, ни присутствующие на совете, включая самого Дука, ничего реального предложить не могли. Пока же было решено усилить патрулирование сторожевых отрядов. Им вменялось уничтожение мелких групп свистунов и их экспедиции по захвату пленных. Одновременно Дук послал несколько человек в селения, расположенные ближе двухсот километров от базы пришельцев, с настоятельным требованием немедленной эвакуации в область двуречья через перевал или же в другие отдаленные места. Населению покидаемых поселков предписывалось уничтожение посевов, огородов и по возможности всей растительности и животных в покидаемой области. Источники водоснабжения, колодцы, родники должны быть отравлены или завалены трупами убитых животных. Травяной покров надо было сжечь, чтобы не оставлять пищи для диких животных. Таким образом, вокруг космодрома должна быть создана мертвая зона, не дающая пришельцам ни воды, ни пищи.

Сергей рассчитывал, что голод вынудит свистунов к посылке экспедиции для добычи продовольствия. Эти экспедиции должны быть встречены сторожевыми отрядами и уничтожены. Решено было также не отпускать людей из поселка, создать из остающихся новые рейдовые отряды и усилить с ними занятия по боевой подготовке. Дук обещал в ближайшее время прислать еще двести человек подкрепления и строителей для постройки домов. Регулярно в поселок будет доставляться продовольствие и предметы первой необходимости.

Тут же было сформировано еще три отряда по пятьдесят человек. Теперь на патрулирование посылались сразу три отряда. Два из них предназначались для глубоких рейдов и один для прикрытия.

Постепенно стали вырисовываться черты четкой военной организации. Ежедневно от сторожевых отрядов приходили посланцы со сведениями о противнике и о расположении самих отрядов. В качестве первой крупной акции Сергей планировал нападение на завод и его уничтожение. Работы у него значительно прибавилось. Сто пятьдесят строителей снова стали бойцами вновь организованных отрядов, и их еще предстояло хорошо обучить. Сергей возвращался домой только поздно ночью, обедая в расположении учебных групп. Обычно на занятия его сопровождал Дук, проявляя все больший и больший интерес ко всему происходящему на учебных площадках.

За день до отъезда Дук утром зашел к Сергею домой.

— Я завтра уезжаю, — сказал он, — и хотел бы поговорить с тобой до отъезда. Разговор будет долгий.

Сергей крикнул ожидавшему его возле крыльца Ларту, что сегодня он будет занят, и попросил заменить его на занятиях.

Дук предложил прогулку верхом, они выехали за пределы поселка и углубились в ущелье. Некоторое время они ехали молча. Дук, видно, обдумывал предстоящий разговор, и Сергей не стал ему мешать. Ущелье постепенно суживалось, дорога вилась вдоль берега быстро бегущей реки. Дук свернул направо, на едва заметную тропинку, и стал по ней подниматься. Сергей последовал за ним. Тропа вела вверх, в горы.

Вскоре они поднялись на вершину столообразной горы, с которой открывался вид на всю долину. Внизу, словно картонные, стояли маленькие домики, вокруг которых сновали точки-люди. Был виден луг, на котором пасся скот, а несколько поодаль — плац, где Ларт проводил занятия. Дук слез с лошади и пустил ее пастись, сам же уселся на большой камень, знаком предлагая Сергею последовать его примеру. Сергей отпустил своего вороного и присел рядом со стариком.

— Сергей Владимирович, — произнес внезапно Дук на чистейшем русском языке.

Сергей от неожиданности чуть ли не вскочил и пристально посмотрел на старца. Тот спокойно продолжал, не разжимая, впрочем, губ:

— Успокойся, Сергей! Так нам лучше будет беседовать. На нашем языке нет таких слов, которые мне понадобятся в беседе с тобой, так что лучше, если мы будем говорить на твоём языке. Вернее, ты будешь меня слушать.

Сергей, конечно, знал о существовании телепатического способа общения. На Земле этот метод был уже давно освоен, но владели им очень немногие, и сам он лично только сейчас встретился с этим явлением. Поэтому его естественное удивление быстро прошло, и он, немного сосредоточившись, стал отвечать.

— Не надо напрягаться, — поморщился Дук. — Расслабься. Вот! Так-то значительно лучше. — Я, — продолжал он, — знаю все о тебе. Не удивляйся. Для меня читать мысли человека и даже то, о чем он в это время не думает, не представляет большого труда. Я знаю о том, что ты летал к звездам. Знаю и о том, что все товарищи твои погибли. Все это заложено в твоей памяти, которая для меня — раскрытая книга.

— Нет, конечно, — отвечая на мысленный вопрос Сергея, продолжал старик, — не все умеют у нас вот так вторгаться в чужой мозг и читать его записи. Только немногие имеют этот дар с рождения, и из этих только некоторые могут развить его к старости. Я из тех, кто это смог сделать. Я пригласил тебя вот зачем. Страшная беда обрушилась на мой народ, и только ты его можешь спасти. Я исследовал твой мозг. У тебя есть центр, называемый вами центром агрессии. Благодаря ему ваш мозг становится изобретательным и предприимчивым, побуждает вас к решительным действиям. Наш мозг тоже имеет такой центр, но он значительно слабее и немного по-другому устроен. Я наблюдал за вашими военными занятиями. Во время них твой мозг излучал энергию, которая заряжала бойцов, и они были полны решимости. Но когда ты уходил и тебя заменял Ларт, этого подъема уже не было. Они повторяли все по памяти, не проявляя при этом той необходимой энергии, которая нужна в бою. То, что сторожевой отряд потерял больше половины своих бойцов, — не случайность, а скорее закономерность. Твои люди в бою будут прекрасными исполнителями, если ты будешь рядом, но они будут беспомощными и безынициативными вдали от тебя. Там, в концлагере, им никогда бы не пришла идея восстания. Самое большее, на что они были способны, — это побег. Я изучал также мозг свистунов, плененных, которых доставили в поселок недавно. Он полон злобы и грязи, но это инициативный и очень агрессивный мозг! В создавшемся положении контакта двух противоположных цивилизаций неизбежно

уничтожение нашей. Когда-то, может быть, сотни тысяч лет назад, строение нашего мозга, возможно, не отличалось от твоего. Но эволюция у нас пошла другим путем, и мы утратили необходимую агрессивность, так как в условиях нашего существования она нам не нужна. Теперь же мы вынуждены платить за эту утрату тяжелую дань...

— Так что же? Разве вам не хватает злости и ненависти к захватчикам? — спросил Сергей, имея в виду бойцов отряда.

— Что-то, а злости и ненависти у них больше чем достаточно. Я имею в виду другое, не эмоции, а напротив, твой трезвый, холодный расчет и способность мгновенно превращать его в действие. К этому мы, элиане, не способны по своей природе. В твоей памяти я прочел образ одной большой птицы. У нее сильные длинные ноги и атрофированные крылья. Вот теперь всплыло ее название — страус. Так вот, как эта птица не сможет подняться в воздух, так и мы, элиане, не сможем быть хорошими воинами, так как подобно тому, как страус утратил крылья, так и мы утратили те структуры мозга, которые могли бы сделать нас солдатами.

— Я же дал клятву, что не покину вас до тех пор, пока свистуны не будут уничтожены!

— Дело не только в этом. Пришельцы смогут появиться на нашей планете и тогда, когда тебя не будет с нами. Мы теперь поняли, что мы не одни в бесконечной Вселенной, что кроме нас в ней живут существа, противоположные нам по своей природе, несущие зло и уничтожение.

— Чем же я могу помочь вам?

— Сначала я хочу рассказать тебе о своем народе. Для этого я и пригласил тебя с собой на прогулку. Наша цивилизация очень древняя. Сотни тысяч лет прошло с тех пор, как разрозненные маленькие племена охотников, вооруженных каменными топорами и копьями с костяными наконечниками, стали селиться по берегам рек, приручать скот и возделывать поля. Вначале наша цивилизация развивалась подобно вашей. Мы воевали друг с другом, делали набег, угоняя скот и захватывая в плен женщин. Мы научились выплавлять металл и делать из него первые изделия. Может быть, наша цивилизация, в конечном итоге превратилась бы в подобную вашей, и мы жили бы сейчас среди грохота машин и истощенной природы, если бы не произошли события, которые все в корне изменили. Давным-давно среди нашего народа стали появляться люди с новыми свойствами, теперь я могу сказать, свойствами мозга, а тогда их вначале принимали за колдунов, боялись, но не преследовали, так как они служили хорошую службу племени. Эти люди могли разговаривать молча, как это мы делаем сейчас с тобою. Они приманивали дичь, видели в природе вещей то, что недоступно другим. Сначала эти свойства появились у мужчин, а потом их получили и женщины, отцами которых были эти мужчины. Женщины передавали их своим детям, и постепенно таких становилось все больше и больше. Потом произошло такое, что резко ускорило развитие моего народа в этом направлении и определило путь, по которому пошла наша цивилизация. Женщины получили способность предсказывать качества своего будущего потомства, включая его здоровье и развитие в нем этих новых свойств, которые вы называете телепатией, хотя это не одно и то же. Когда это произошло, а это было более десяти тысяч лет назад, женщина получи-

ла право выбора отца своих будущих детей, и это право выбора стало первым и основным законом нашего общества. Благодаря ему мы не знаем болезней, мы живем долго, очень долго. И так же долго сохраняем молодость и здоровье. Мне, например, давно уже исполнилось триста лет, но я еще думаю пожить. Я еще легко езжу верхом, и у меня целы все зубы. Благодаря врожденному знанию природы вещей мы вывели новые растения, которые с избытком дают нам пищу, новые породы домашних животных, а те, в свою очередь, — много молока, мяса, шерсти. Что такое голод, мы давно позабыли, так же, как и позабыли, что такое тяжелый труд. Все, что нам надо, нам предоставляет щедрая природа нашей планеты, и мы берем у нее столько, сколько нам необходимо, не истощая ее запасов и живородящих сил. Можно сказать, что нашу цивилизацию создала женщина, хотя она не принимает у нас участия ни в труде, ни в обсуждении вопросов внутренней жизни народа. Вся ее деятельность ограничивается семьей — мужем и детьми. Все работы выполняются мужчинами, которые возделывают землю и пасут скот. Впрочем, если ты поживешь у нас подольше, то увидишь, что этот труд не занимает много времени и не истощает сил благодаря власти над силами живой природы, которую мы получаем с самого своего рождения. Поэтому наше развитие и наше благополучие всецело зависят от нашего потомства, от закрепления и развития наших возможностей управления живой природой.

Как и раньше, все новые свойства появляются сначала у мужчин, но некоторые из них с рождения лишены этих приобретенных в эволюции свойств и, сле-

довательно, не способны передать их своим детям. Эти мужчины обречены у нас на безбрачие, так как ни одна женщина не захочет иметь от них детей. Да и не в интересах всего народа, чтобы они оставляли после себя потомство.

Как видишь, наша эволюция идет не по пути развития техники и машин, как у вас, а развития нас самих. Вы ведь не будете производить на своих заводах устаревшую технику, если в вашем распоряжении будут ее новые, более совершенные образцы.

Тебя, я чувствую, волнует моральная сторона вопроса? Но что такое мораль, как не освященные обычаем правила оптимального приспособления общества к условиям его существования? В истории вашего народа были периоды, когда моральным считалось убийство пленного, затем моральным стало считаться обращение его в рабство. Менялись условия, менялась и мораль! У вас долгое время, да, наверное, и сейчас организация общества содержит в себе элементы насилия. Это вами принимается как должное. У нас же насилие человека над человеком уже тысячи лет назад стало невозможным. У нас нет власти, как таковой. Я являюсь вождем племени, но меня избрали и в любой момент могут лишить этого звания, если появится другой, более мудрый. Да я и сам безропотно уступлю ему свою должность, не испытывая при этом ни малейшего чувства обиды. Обман среди нашего народа просто невозможен, как невозможно скрыть темные мысли от окружающих. Если такой и появляется среди нас, то о нем говорят, что он человек с черным лицом... Такой человек обречен у нас на полное одиночество. Его все знают, и никто ни в чем не захочет иметь с ним дело. Ни одна женщина не войдет в его дом. Таким образом, наша мораль вытекает из тех особых условий, в которых развивается и живет наш народ.

В то же время, здесь я хочу развеять твои сомнения, которые, я знаю, гложут тебя. У нас моральным считается, когда у мужчины есть несколько жен. Женщины сами выбирают его в мужья, если видят, что их потомство от этого мужчины будет здоровым и сможет обладать полезными свойствами. Их никто не заставляет этого делать. Женщина, если она этого хочет, может вообще не выходить замуж и оставаться одинокой. Но этого никогда не происходит. Дело в том, что чувства наших женщин по их глубине и силе во много раз превосходят чувства мужчин. Женщина, которая не получит удовлетворения в своих чувствах, испытывает такие сильные переживания, которые несовместимы с ее дальнейшим существованием. Это самый сильный из инстинктов, неудовлетворение его равносильно смерти. Это сделала с нами эволюция. Поэтому по нашему закону ни один мужчина не имеет права отказать женщине в любви. Это считается самым тяжким преступлением.

— Но если женщина заранее знает, какое у нее будет потомство и делает в соответствии с этим выбор, откуда у вас появляются обратные мутации? Я имею в виду появление потомства, лишенного приобретенных вашим народом свойств.

— Этого никто не знает! Может быть, источником их является сама женщина, которая не может полностью определить наследственных свойств своего собственного организма, как она определяет их у мужчины. А может быть, здесь что-то иное, в чем мы не смогли еще разобратся.

— И много таких?

— Не очень, но встречаются!

— А потомство этих обратных мутантов?

— Оно полностью лишено приобретенных свойств.

— Но, может быть, среди этих обратных мутантов и будут встречаться люди с выраженной агрессивностью, именно тем, что сейчас так важно вашему народу?

— К сожалению, это исключено.

— Из чего это видно?

— Трусловость, — просто ответил старец. — Элиане, как ты заметил, довольно храбрые люди. Они лишены агрессивной инициативы и предприимчивости, но их нельзя обвинить в трусости. Эти же — обычно жалкие и несчастные люди. Конечно, не у всех трусость выражена одинаково, и только женщина может определить их истинную принадлежность к обратным мутантам, но определяет безошибочно. Ее природа так устроена, она чувствует к ним предельное отвращение.

— Какова же их судьба?

— Они тихо живут в племени, не доставляя ему особых хлопот. Иногда уходят и поселяются отдельно. Обычно они тоже не испытывают влечения к женщинам. Впрочем, я вижу, у вас тоже есть такие выродки... По-видимому, это одно из общих свойств живого, так как встречается и у животных. К счастью, они живут недолго.

— Возможно, — печально продолжал Дук, — гены, выражаясь твоим языком, формирующие центр агрессивности и активности, утрачены нашим народом полностью в процессе его эволюции. Нам слишком хорошо жилось на нашей планете, и мы думали, что так будет всегда... Я не могу не думать о будущем своего народа и прошу тебя быть его спасителем.

— Но как? — не понял Сергей. — Я ведь не могу жить вечно. Даже если я останусь с вами навсегда, на что мне трудно решиться, когда-нибудь настанет время, и я умру. А мертвый я уже ничем не смогу помочь вам при всем своем желании.

— Но с нами останутся твои дети! Они унаследуют твою силу характера и станут во главе нашего народа, если ему будет угрожать опасность со стороны пришельцев из далекого космоса. Наш народ бережно вырастит их — твоих детей, внуков и внуков их внуков. В этом единственное наше спасение, и ты не можешь нам в этом отказать.

— Так вот к чему ты все клонишь!

— Да! Я не вижу другого выхода. Если ты его нашел, то скажи!

— Но мне как-то не по себе... Мне даже стыдно! Пойми меня, отец! Все мое сознание протестует!

— Тебе стыдно? Сейчас, извини меня, ты говоришь пошлость! Стыдиться можно подлости, насилия, но как можно стыдиться любви и рождения детей?! Как можно стыдиться того, что принесет спасение всей планете? Вот если ты откажешь нам в нашей просьбе, то тебя всю жизнь будут преследовать стыд и угрызения совести за гибель нашего народа, за концлагеря, которые покроют нашу планету, за вскрытые чрепа мужчин и чрева женщин!

— Отец, ты мудр, и я не могу ничего возразить тебе, — проговорил наконец Сергей после некоторого молчания.

— Сын мой! — старик ласково обнял Сергея. — Мой народ никогда не забудет своего спасителя! Мы дадим тебе все, что имеем. Самые красивые и лучшие дочери моего народа придут в твой дом, который мы тебе построим, и среди них будет и моя дочь. Но береги себя. Не дай возможности врагу поразить тебя в будущих боях, которые, я чувствую, скоро настанут и унесут много жизней.

— Я вот что думаю, — задумчиво промолвил Сергей. Смутная мысль промелькнула у него в голове и сразу же как-то растаяла, оставив еле заметный намек на что-то особо важное.

Дук внимательно посмотрел на Сергея, но тоже ничего не уловил конкретного.

— Я думаю, — продолжил Сергей, тщетно пытаюсь поймать конец мысли, — нельзя ли противопоставить пришельцам что-то такое новое, к чему они совсем не готовы. Мне показалось, что это новое как-то связано с особенностями вашего народа. Нет! Не могу уловить!

Старик покачал головой:

— Вряд ли мой народ сможет создать сильное оружие, которое превысит оружие пришельцев. Мы совершенно несведущи в технике.

— Нет-нет! Не в технике дело! Совсем не в ней!

— Но в чем же тогда?

— Я подумаю. Мысль должна вернуться! В тот момент, когда ты мне напомнил про жертвы концлагерей, я подумал, что все средства в борьбе с этими выродками хороши. И тогда у меня в голове мелькнула какая-то смутная догадка. Ты знаешь, — Сергей оживился, — я тогда подумал, что хорошо, что мы сохранили жизнь двум пленным. Я должен их еще и еще раз допросить!

Вечером этого же дня Дук посетил Сергея в его доме. Критически осмотрев дом со всех сторон, он что-то тихо сказал одному из сопровождающих. Тот почтительно наклонил голову, соглашаясь со старцем.

— Раз ты здесь решил остаться, — обратился Дук к Сергею, — то разреши нам построить тебе другое жилище. А пока, — он обернулся к сопровождающим и сделал им знак рукой, — прими от меня этот небольшой подарок. Двое элиан внесли небольшой деревянный, с искусной резьбой короб и поставили посреди комнаты. Третий из сопровождающих старика наклонился и открыл его, затем по знаку, данному Дуком, поклонился и удалился с остальными, оставив старого вождя наедине с хозяевами.

Дук подозвал к себе Эолу, вынул из короба тонкий золотой обруч, в который был вделан прекрасный изумруд, и надел его на голову молодой женщины.

— Это все твоей жене, — Дук показал рукой на раскрытый ящик. — Там всякая мелочь и одежда.

Эола вскрикнула от восторга и, взяв что-то из ящика, скрылась за перегородкой. Через несколько минут она появилась снова. На ней была новая туника из тонкой белоснежной шерстяной ткани, перевязь на правом плече которой скреплялась золотой брошью, усеянной мелкими алмазами, в ушах были изумрудные серьги, а голову венчала уже знакомая диадема.

Сергей с восторгом смотрел на свою жену. Крупный зеленый камень изумительно шел к ее темным волосам, создавая непередаваемую

гармонию красоты и изящества. «Воистину, — подумал он, — красота женщины, подобно драгоценному камню, требует для себя соответствующей оправы». Он взглянул на Дука. Тот тоже залюбовался Эолой:

— Прекрасны дочери моего народа, — с гордостью произнес старый вождь. — Они — вершина того, что создала природа нашей планеты. Мы, мужчины, только пьедестал ее и созданы для того, чтобы служить ей опорой.

— Ты знаешь, — он знаком отпустил Эолу, которой явно не терпелось выйти в новом наряде из дому, — мне кажется, что цивилизация только тогда истинна и только тогда оправдывает себя, если она служит женщине!

— Возможно, ты и прав, отец, я как-то не задумывался над этим...

— А ты задумайся! Ведь для чего живем мы и живет все живое? Для того, чтобы дать росток новой жизни в ее бесконечном обновлении. Женщина — это то поле, которое растит и пестует этот росток жизни. Она — хранительница жизни и ее конечный смысл!

— А разум? Ведь смысл развития — это развитие разума, приводящего человека к господству над природой!

— Разум мертв, если не служит жизни! Только единство разума с красотой вечного обновления жизни — достойная цель развития. И не господство над природой, а взаимопонимание разума и природы — его величайшая цель. Разум, если он разум, не может быть враждебен природе, ибо он только часть ее, а часть не может отрицать целое, ибо, отрицая целое, часть отрицает и саму себя. Потеряв это единение, разум будет вечно метаться в океане времени в поисках счастья, но не найдет его в своем бесконечном, бесплодном беге. Он, словно лишенное солнца растение, вытянется и приобретет уродливую форму, являя собой воплощение боли и ужаса смерти.

Дук замолчал и вопросительно посмотрел на Сергея. Тот тоже молчал, обдумывая услышанное, сердцем и разумом чувствуя правоту мудрого старца. Дук улыбнулся, и его улыбка была удивительно светлой и доброй, так же как его глаза, еще не потерявшие синеву молодости.

Удивительный прилив сыновей нежности почувствовал Сергей к этому старику, которого он знал всего лишь неделю, но ему казалось, что знает его всю жизнь и всю эту жизнь старый Дук был рядом с ним, был его отцом и наставником. Дук угадывал его чувства, и это, было видно, доставляло ему большую радость.

— Сын мой, — наконец проникновенно произнес он. — Уезжая, я принес тебе дары. Это необычные дары. Отныне они всегда будут с тобой, и где бы ты ни был, они будут напоминать тебе старого Дука. Но надо, чтобы ты захотел их принять!

Сергей удивленно посмотрел на него.

— Сейчас я тебе объясню. Твой мозг, я его хорошо изучил за это время, содержит в себе в заторможенном состоянии то, что у нас развито с самого рождения. Очевидно, наши народы имели общие корни развития разума, но вы пошли по одной дороге развития, а мы по другой. Может быть, наши дороги когда-нибудь сойдутся. Я разбужу эти спящие в твоём мозгу центры, и ты сможешь чувствовать и видеть так же,

как чувствуем и видим мы. Прошу тебя! Полностью расслабься и доверься мне! Еще! Еще! Ни о чем не думай... так... хорошо...

Голос Дука звучал как бы в отдалении. В глазах возникла голубая пелена, она сгущалась и пульсировала. Сергею казалось, что он парит в пространстве, где нет ни верха, ни низа, ни границ. Это пространство скручивалось в спираль, конец которой уходил и терялся в бесконечности. Вспышки, подобные молниям, пронизывали это пространство, разрывали его, обнажая черные провалы бесконечной бездны. Сознание было и отсутствовало. Его мозг, покинув тело, мчался в бесконечной Вселенной, обгоняя свет, расталкивая звездные скопления. Затем наступила тьма и Ничто. В этом Ничто не было ни малейшего движения, ни пространства, ни времени...

— Ну вот и все! — услышал он спокойный голос Дука. *

Сознание вернулось внезапно. Он открыл глаза и сразу же испуганно закрыл их, пораженный необычной яркостью окраски, четкости и глубины зрительного восприятия.

— Не бойся. Открой глаза. Таким видим мир мы. И теперь таким будешь видеть его ты, — голос Дука звучал торжественно. — Ты будешь видеть скрытую природу вещей, познаешь истинную красоту мироздания!

Сергей снова открыл глаза. Неповторимая красота форм и гармонии красок обступила его со всех сторон, но в этой красоте одновременно не было навязчивости и броскости, как в картинах некоторых живописцев. Это была та спокойная красота, которая является вершиной ее выражения и совершенства. Она входила внутрь его организма, сливалась с ним в единое целое, и он, как никогда раньше, почувствовал свое неразрывное единство с этим миром. Его собственное «Я» слилось с ним и расширилось до бесконечности, впитывая в себя этот прохладный вечерний воздух, тень окружающих отрогов гор, серебряный звон струящейся по камням реки и бесконечное небо, окрашенное лучами заходящего солнца.

Дук явно наслаждался восторгом Сергея. Он торжествующе смотрел на него, это был взгляд отца при виде успехов сына.

— Это еще не все, — произнес он довольным голосом. — Тебе теперь не понадобится переводчик, когда ты будешь допрашивать пленных пришельцев. Мысли их станут тебе слышны так же, как мои слова. Стены не будут служить преградой для твоего взора. Посмотри сюда, — он указал рукой на стену комнаты. — Что ты видишь?

— Стену!

— А теперь мысленно представь себе, что ее нет.

Стена исчезла, и он увидел берег реки. На берегу стояла Эола в окружении подруг. Ошеломленный Сергей отвел глаза и снова посмотрел. Стена была на месте. Он вновь перенес взор вглубь, и снова стена исчезла.

— Все зависит от твоего желания. Если ты хочешь видеть — ты видишь. Если нет, то нет! Так же ты сможешь читать чужие мысли, если у тебя возникнет желание их прочесть. В других случаях они не будут тебе мешать.

— Но как? — невольно вырвалось у Сергея.

— Я же тебе говорил, что мы, мой народ и твой, одинаковы. Просто эти качества у вас не развивались. Они спят. Я разбудил их у тебя. Придет время, и они проснутся у вашего народа, как это случилось у нас на самой заре нашего развития. Это дало нам счастье, но сделало нас слабыми, за что мы сейчас расплачиваемся. У вас же будет иначе. Вы получите этот дар, не утратив при этом силы, приобретенной в тяжелой борьбе за существование. Вы, как и мы, — носители светлого разума, но вы способны его защитить в борьбе со злом и насилием, так как сами прошли через зло и насилие, но нашли в себе силы выбраться из тьмы и устремиться к свету. Может быть, — он задумчиво покачал головой, — мы слишком рано познали высшую мудрость бытия... и не окрепли, чтобы суметь ее защитить и сохранить.

— Прощай! — Он поднялся, собираясь уходить. Послышались шаги подходящей к дому Эолы. — Я жду тебя, мой сын.

Он обнял Сергея и вышел. На пороге стояла Эола. Взглянув на нее, Сергей обомлел. Он впервые увидел ее новым зрением. Перед ним стояла прекрасная богиня, каждая черта лица и тело которой были неповторимой симфонией неслышимых звуков, сливающихся в музыку высшей гармонии мироздания, соединяющей в себе величие Космоса и ненасытной радости жизни. Почти осязаемая волна нежности, страсти и величайшего, никогда не испытанного и не подозреваемого в своем существовании счастья исходила от нее, охватывая Сергея со всех сторон, проникая в него и сливаясь с ним. Только сейчас до него дошел истинный смысл всего сказанного мудрым Дуком.

На следующий день рано утром Дук и сопровождавшие его элиане уехали. С ними уехал и Гор, обещая вскоре вернуться с подкреплением.

Несколько дней Сергей был занят подготовкой рейда на завод противника, уничтожение которого ставилось первоочередной задачей. Когда для рейда было все готово, Сергей решил еще раз допросить пленных. Один из них, по всей видимости, был командиром отряда, и именно от него Сергей рассчитывал получить необходимые ему сведения.

Древняя мудрость учит: если хочешь победить противника, постарайся хорошо его понять. Понять не только его тактику и замыслы, но само его мышление. Только в этом случае ты мысленно можешь поставить себя на место противника, прочувствовать его желания и понять, каким образом он эти желания хочет осуществить. Без этого нет победы, и лишь горечь поражения достанется на долю самонадеянного героя и незадачливого полководца. Как бы ни был ненавистен враг, нельзя, чтобы ненависть к нему привела к утрате объективности оценки его мастерства и искусства. Презрение к врагу... Как часто приходилось расплачиваться за это презрение кровью, поражением и неволей!

«Безродный выскочка», — морщилась аристократическая Европа, услышав о первых победах Наполеона в Италии. «Бесноватый ефрейтор», — вторили им потомки солдат Аустерлица, Бородино и Ватерлоо спустя сто тридцать лет. «Запевай, «Если завтра война!» — глумились в ответ немецкие солдаты, конвоируя многотысячные толпы пленных по пыльным дорогам Украины и Белоруссии.

Все это было, и никуда от этого не денешься... Где те ученые, поэты, архитекторы, художники, неродившиеся Эйнштейны, Лобачевские и Байроны, кости отцов которых лежат в братских могилах? Неродившаяся и, кто знает, может быть, неповторимая возможность! Не понесло ли человечество утрату, которая задержит его развитие на сотни, а может быть, и тысячи лет и будет сказываться долго в его грядущих поколениях?

Человеческая жизнь! Это целая Вселенная по своей сложности и неповторимости. Кто дал право обрывать эту нить жизни, конец которой уходит в глубь веков и теряется где-то в грядущих поколениях? Настанет когда-нибудь время, когда из жизни человечества исчезнет убийство и насилие? Или же это навсегда останется прекрасной мечтой, беспочвенной в своей основе, и дети наших детей будут убивать друг друга, убивать, чтобы жить самим, убивать во имя жизни, во имя справедливости... во имя высших ценностей человечества?..

Господи, если ты существуешь, ответь, до каких пор проклятие твое будет тяготеть над детьми твоя и какую еще искупительную жертву требует твое ненасытное сердце?! Молчишь, старик! А не потому ли ты молчишь, что сам не знаешь ответа? Ты, подобно плохому учителю, который не может ответить на вопрос пытливого ученика, пускаешься в рассуждения вокруг да около, пытаешься скрыть свою несостоятельность. Нет, человек это не бог, он не созрел еще для того, чтобы понять самого себя. Беда для тебя, человек, если старость наступит раньше зрелости.

Сергей приказал привести пленных. За неимением подходящего помещения их держали в глубокой яме, верх которой был покрыт решеткой из твердеющей древесины. Охраняли пленных по двое, сменяющихся каждые четыре часа, часовых.

Когда пленных доставили, Сергей чуть ли не задохнулся от непереносимого густого запаха псины, исходившего от них. Чувствуя, что теряет сознание от отвращения, он приказал отвести их на речку и заставить вымыться.

Прошло полчаса, прежде чем свистуны поняли, что от них хотят. Они неохотно разделись и зашли по колени в воду. Видно было, что предлагаемая процедура была им крайне неприятна. Охраннику это надоело. Он вошел в воду и увесистыми пинками в зад уложил обоих в речку и затем, угрожая бластером, погнал глубже. Так или иначе, но свистунам пришлось основательно вымыться и, когда они снова предстали перед Сергеем, от них уже почти не воняло.

Для допроса Сергей выбрал старшего. Судя по количеству нашивок на его желто-голубом мундире, он занимал довольно высокую должность, и сведения, которые удастся вытащить у него, могут представить большую ценность.

Не нуждаясь теперь в переводчике, Сергей стал сам задавать вопросы, стараясь уловить малейший оттенок эмоциональной окраски в ответах пленного.

— Знаешь, кто я? — спросил он мысленно, еще не совсем уверенный, что пленный поймет его.

— Да, — последовал немедленный ответ. — Я был с теми, кто допрашивал тебя у экрана, в первый день твоего прибытия. К сожалению,

мы тебя недооценили. Мы приняли тебя за высокорослого элианина и решили, что ты представитель какого-то неизвестного нам еще племени этого народа.

— Ну, а теперь?

— Теперь-то мы понимаем, что ты житель другой планеты, черт знает откуда появившийся здесь, на Элии. Во всяком случае мы точно знаем, что, кроме нашего, на планете нет ни одного космического корабля. Поэтому твое появление остается до сих пор загадкой.

— Что бы вы сделали, если бы знали, что я инопланетянин?

— Не знаю. Во всяком случае, ты не сидел бы со всеми в концлагере.

— Вы бы вырезали мой мозг?

— Это бы не я решал, — пожал плечами свистун.

— Ты знаешь, что тебя ожидает?

— Конечно! Но меня это не страшит. Мы с детства привыкли к мысли, что долг каждого из нас — отдать свою жизнь за родину, и мы не боимся смерти. Рано или поздно... не все ли равно! Каждый из нас — маленькая капля в океане великого народа. Капля — ничто, капля может испариться, а океан будет жить!

— Ради чего живет этот «океан»?

— Ха! Океан живет ради океана. Разве этого недостаточно? Но если ты хочешь знать, то мы все живем ради великой цели, которая объединяет нас, сплавливает в единый организм, — это торжество Разума над бездушной мертвой Вселенной! Покорение ее человеку!

— Так ради человека вы уничтожаете людей, вскрываете чрева женщинам?

— Ты имеешь в виду этих... Но разве это люди? Это человекообразные, которые застыли в своем развитии. Какая от них польза Разуму? Самое большое, на что они способны, — это служить сырьем для наших вычислительных систем и выполнять примитивные трудовые операции. Эволюция безжалостна! Ты, как представитель разумной расы, должен это понимать. Низшие всегда служат высшим. Без этого нет прогресса. Можно ли обучать будущего врача медицине, если не дать ему возможность экспериментировать на животных? Разве вы на своей планете не используете для этих целей низшие организмы?

— Да, но ведь вы использовали для своих экспериментов людей, разумных людей!

— А что такое разум? Можно ли говорить о разуме вообще, или только о степени его развития? Лягушка тоже имеет разум, но ведь вы без угрызания совести будете ее резать, если это необходимо для обучения студента. Что касается элиан, то по степени своего развития они так же отличаются от нас, как лягушка от них. Это примитивные существа. Их нельзя причислить к категории разумных.

— А ты не думаешь, что в Космосе найдутся настолько развитые в своем разуме существа, для которых вы сами будете представлять низшую группу неразумных?

— Мы не встречали таких, но я могу допустить это. Что ж, если они поступят с нами так же, как мы с элианами, то это их законное право. Как видишь, я предельно объективен!

— Значит, жизнь ради разума! Ну, а разум для чего?

— Разум не может быть для чего! Разум — это высшая стадия развития материи и существует ради самого себя! Низшее существует для высшего! Выше разума нет ничего, и поэтому разум служит самому себе, ради себя, ради своего развития!

— Все так думают на твоей планете?

— Ты хочешь сказать «на планетах»? Теперь все! Мы едины!

— Ты сказал «теперь»?

— Да, раньше были и такие, которые не понимали или, вернее, не хотели понять истины. Это слюнявые гуманитарии. Они рассуждали вроде тебя, не понимая объективных законов развития общества, его поступательного движения вперед, неизбежность смен общественных формаций. Они рассуждали о каких-то забытых моральных ценностях, не понимая, что мораль — это отражение социального развития и не может быть застывшей.

— Что же стало с этими людьми?

— Наше общество избавилось от них!

— Концлагеря?

— Да!

— Следовательно, вы их просто уничтожили?

— Но для блага абсолютного большинства народа. История не делается в белых перчатках. Если организм начинает гнить, то необходимо отсечь гниющую его часть, чтобы сохранить здоровую.

— И часто вам приходилось делать такие отсеечения?

— О, у нас было славное столетие борьбы. Было время, когда исход ее вызывал сомнение. Но в конце концов народ пошел за теми вождями, которые предлагали реальную программу действий, были способны поставить перед обществом великую цель, ради которой можно было идти на жертвы и лишения. Было время, когда дети не понимали отцов, а отцы детей. Когда множество идей сталкивалось друг с другом, когда истина тонула в хаосе ложных учений, и надо было родиться величайшему гению, который смог в этом хаосе отыскать зерно истины и вырастить из него могучее дерево, вырвав с корнем растущие вокруг сорняки лже-наук и лжеучений.

— И это принесло вам счастье?

— Что такое счастье? Это борьба! Да, мы счастливы нашей великой борьбой за торжество разума, за будущее его царство во Вселенной! И ради этой борьбы мне не жалко отдать свою жизнь! Да и что тебе даст моя жизнь? Даже если вам удастся уничтожить наш корабль, на смену ему прилетят новые! Никому еще не удавалось остановить историю, остановить прогресс. Мы пишем историю Космоса. Мы идем по космосу, и пусть он дрожит под поступью носителей разума. Пусть мы, очутившиеся здесь случайно, погибнем, но придет время — и на наших костях здесь вырастут космодромы, города, фабрики, заводы, зацветут поля и нивы, зазвучат детские голоса, распеваящие гимн покорителей Космоса.

— Но вначале будут концлагеря?

— Я все сказал! Ты можешь теперь выпытывать у меня нужные тебе сведения. Я знаю, что ты проникаешь в мой мозг, и я не могу утаить их от тебя, но знай, что это тебе не поможет!

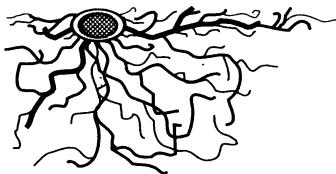
— Теперь послушай меня! В истории моей планеты были уже такие периоды и были сверхгении, которые толкали человечество к безумию. Мы переболели этой болезнью, но выздоровели и теперь имеем стойкий иммунитет. Ваша же болезнь зашла слишком далеко. Никакие вы не носители разума, ваш свихнувшийся разум замкнулся сам на себе. Это печальный дефект развития. Природа, я подразумеваю под ней весь Космос, имеет заслоны от этого. Мы называем это защитой от дураков. Вам удалось пробить первую линию обороны, но за первой стоит вторая, более прочная. Вы погибнете! И я скажу, как! Вы уничтожите сами себя! Вам этого не понять, поскольку у психически ненормального человека отсутствует сознание собственной болезни. А теперь иди.

Сергей подозревал охранника:

— Отведи его подальше, — кивнул он в сторону пленника.

Тот подтолкнул его бластером и повел в глубь ущелья.

Допрос второго пленного не занял много времени. Сергей быстро узнал все, что ему было нужно, и его отвели туда же, куда и первого.

СРАЖЕНИЕ

Перед самым отходом отряда в рейд на завод противника Сергей забежал домой проститься с Эолой. Накануне Эола, счастливо улыбаясь, сообщила ему, что у них будет сын.

— Почему ты думаешь, что сын? Вдруг будет дочь? — спросил Сергей, нежно обнимая и целуя жену.

— Я это знаю. Он будет такой же большой и смелый, как ты! Она встала на цыпочки и, вскинув руку ладонью вниз, показала, какой у нее будет сын. Сергей счастливо засмеялся, любуясь женою. Ольга была где-то далеко, по ту сторону реальности. Эола была здесь, рядом, ощутима теплотой тела и свежестью запаха волос, отдающих солнцем и ветром. Каждый раз, лаская это прекрасное, гибкое тело, извивающееся в порыве ответной страсти, Сергей испытывал ту щедрую и истощающую радость, которую капризное Счастье дает в дар очень немногим своим избранныкам, оставляя большинство обездоленными, так и не испытывшими за всю свою жизнь этого непередаваемого словами чувства.

— Ты, по обычаю, должен сделать подарок своему будущему сыну, — потребовала Эола.

— Что же ему подарить?

— Подари этот кинжал, — она тронула рукой висящий у него на поясе прощальный подарок Дука в богато украшенных ножнах.

— Бери! — Сергей отцепил ножны и протянул кинжал Эоле. Та взяла его и спрятала у себя на груди.

— Возвращайся скорее! — попросила она его на прощанье, когда он уже сидел верхом, удерживая нетерпеливо вздрагивающего вороного жеребца. Она долго стояла на крыльце дома, провожая взглядом удаляющийся отряд.

Отряд насчитывал полторы сотни конников. Сотня бойцов, под командованием Ларта, оставалась в поседке, и еще пятьдесят несли сторожевую службу, прикрывая пути к лагерю со стороны леса.

Отряд продвигался долиной реки. Предварительно посланные саперы расчистили минные заграждения, поставленные на случай проникновения противника через вход в долину, и должны были поставить их снова, пропустив отряд конников. На обратном пути мины должны быть снова сняты. Для этого в районе их расположения постоянно дежурили пять человек саперов.

Перед самым отъездом к Сергею вдруг вернулась мысль, которая промелькнула тогда, на вершине горы. Он долго растолковывал Ларту, что надо сделать, пока наконец до того дошел смысл сказанного. Он взглянул на своего командира, как бы спрашивая взглядом, все ли он правильно понял. В его взгляде, который он бросил на Сергея, была надежда и страх, восторг и ужас, и непонятно было, одобряет он замысел Сергея или осуждает его, но во всяком случае он пообещал сейчас же, после отъезда отряда, приступить к его исполнению и послать к Гору двух бойцов с соответствующим заданием.

Уже отъехав далеко от поселка и миновав болотистую низину, где горная речка текла в густых зарослях камыша, Сергей понял, что эта идея, которая показалась его другу страшной, пришла к нему только благодаря длительной беседе со свистуном, когда тот изложил основы своего мировоззрения. Идея действительно была бесчеловечной по своей сущности. «Но разве, — думал Сергей, — к фашизму может быть применена человеческая сущность?»

Если бы у него сейчас была возможность взорвать целую планету вместе с ее обитателями, он ни на минуту бы не поколебался и не испытывал при этом ни малейшего угрызения совести. Жестокость человека так же безгранична, как и его доброта. И чем выше поднимается интеллект по лестнице своего развития, тем больше диапазон этих двух противоположных чувств, одинаково доступных его сознанию и действию.

«Если бы я был художником, — подумал он, — я бы символически изобразил человеческий интеллект как прекрасную богиню, в руках которой спит ужасная кобра. Ею нельзя не восхищаться, но бойтесь рассердить богиню — ее кара будет мгновенной и неотвратимой».

В расположение завода прибыли только к вечеру следующего дня. Оставив коней под присмотром трех человек в небольшой ложбине, ночью тихо подкрались к заводу. Часовых сняли бесшумно паралитическими пулями. Свистуны не ждали нападения и спокойно спали в длинном бараке неподалеку от цехов.

Это было не сражение, а бойня. Ошеломленных внезапным нападением, мечущихся по двору раздетых свистунов скашивали лучи бластеров, поражали паралитические пули. Скоро все было кончено. Ни один из элиан не получил даже ранения.

Всего насчитали сорок убитых. Десять свистунов, пораженных паралитическими пулями, стащили в отдельную кучу у ворот завода и поставили часовых.

Осматривая завод, Сергей обнаружил две совершенно исправные платформы. По-видимому, ремонт их только-только закончился, так как вокруг валялись еще не убранные инструменты и заваренные швы блестя свежей краской. Это была большая удача, так как, случись нападение завтра, платформы были бы уже отправлены на космодром.

Сергей распорядился сложить добытое оружие и инструменты на платформы, а также поместить туда пленных, предварительно тщательно связав им руки и ноги.

— Зачем они нам? — с некоторой досадой спросил его один из командиров. — Одна возня!

— Пригодятся! И смотрите, чтобы все были живы и здоровы, — строго предупредил он, не вдаваясь в дальнейшие объяснения.

Осмотрев склады заводского имущества, он нашел наконец то, что искал. В одном из неглубоких погребов хранились взрывпакеты. Взяв несколько ящиков и погрузив их на платформы, он рассовал остальные по цехам завода.

— Сейчас будет фейерверк! — предупредил он бойцов отряда и приказал покинуть территорию.

Нагруженные платформы поднялись на метр от земли и выплыли за ворота. Спустя десять минут выбежал Сергей, вскочил на первую из них, и платформы помчались по направлению к ложбине. Вслед за ними раздался страшный взрыв. Очевидно, кроме обнаруженных запасов взрывчатки, были и другие, скрытые склады.

У ложбины Сергей остановил платформы и оставил десять бойцов с приказом пригнать следом за ними лошадей в поселок. На платформах поселка можно было достичь за час. Сергей торопился. Предчувствие беды, появившееся внезапно, подгоняло его.

— Скорее!

Платформы понеслись, управляемые волей людей, которым передалось волнение и беспокойство их начальника.

Вот и вход в долину. Промелькнуло болото. За поворотом должен показаться сторожевой пост саперов. Но что это? В опрокинутой взрывом черной громадине Сергей без труда узнал боевую машину. Платформы затормозили и зависли в воздухе. Вокруг опрокинутого и сгоревшего бронетранспортера лежали трупы свистунов. Сергей обратил внимание, что все они были без оружия. Кто-то уже собрал его. Весь вопрос в том — кто? Платформы медленно поплыли дальше. Среди валявшихся на земле трупов стали попадаться элиане. Их становилось все больше и больше. Стало видно зарево. Это горел поселок.

— Вперед! — скомандовал Сергей.

Платформы понеслись. Горели почти все дома. У одного дома, избежавшего общей участи, толпились фигурки. Сергей вскоре заметил, что на них знакомые ему желто-голубые мундиры. Фигурки, завидев платформы, приветливо и радостно замахали руками. Испепеляющий залп последовал в ответ. Фигурки заматались, но лучи бластеров настигали их, резали буквально пополам. Только две или три вспышки последовали в ответ со стороны загона, где элиане держали скот, но и с этим про-

тивником было покончено так же быстро. Платформы опустились на землю, и бойцы рассыпались по поселку в поисках уцелевших, как своих, так и чужих.

Убедившись, что со свистунами покончено, Сергей бросился к своему дому. Дом, по-видимому, загорелся совсем недавно, так как крыша еще не успела провалиться. Сергей бросился вовнутрь. Его волосы и борода вспыхнули. Не обращая внимания на боль, задыхаясь от дыма, он обшарил все помещение. Эолы дома не было.

Выскочив наконец из дома и сорвав горящую одежду, Сергей кинулся в воду. Холодная вода несколько успокоила боль обожженного тела. К нему стали подходить бойцы.

Из всех жителей поселка уцелели только три десятка женщин, которых свистуны поместили в загон. Эолы среди них не было. Последняя надежда увидеть жену среди живых угасла. Ее вскоре нашли, лежащую в воде. Длинные темные волосы распустились и колыхались в такт прибрежной волне. Из груди ее торчала рукоятка. Это была рукоятка того кинжала, который Сергей подарил своему будущему сыну. Ее похоронили тут же, на вершине небольшого холма на берегу реки, которой теперь суждено было носить имя Эолы.

Принесли убитого Ларта. Луч бластера полоснул его поперек тела, почти перерезав пополам.

Никого из ста мужчин не осталось в живых. Все они были перебиты на подступах к поселку. В поселке были обнаружены только трупы женщин. Свистуны убивали их с садистским наслаждением. У одних были аккуратно отрезаны ступни ног, у других — руки. Кровавая оргия, видно, длилась долго.

От обезумевших от ужаса женщин нельзя было пока добиться ни слова. Подсчитав трупы убитых свистунов, Сергей поразился их малым количеством. Их, вместе с убитыми в поселке залпами с платформы, оказалось всего пятьдесят. Трупы погрузили на платформы и сбросили в болото. Своих мужчин и замученных женщин похоронили вместе в братской могиле, насыпав поверху большой холм.

Сергей отделился от остальных. Ему хотелось побыть наедине со своим горем. Он сел у холмика, под которым поконилось тело жены. Его кожа еще носила память прикосновения ее рук, в ушах звучал ее голос, а ее уже не было... Сергея охватило оцепенение, при котором органы чувств перестают воспринимать окружающий мир, когда все вокруг погружается в тишину и в этой тишине медленно струит свои воды черная, как сама бездна, река, с середины которой ему явственно слышится зов о помощи.

Его оцепенение прервал многоголосый яростный рев. Он вскочил на ноги и посмотрел в ту сторону, откуда доносились крики. Невдалеке он увидел колеблющуюся толпу элиан. Толпа пульсировала, напирала, отталкивалась, словно какое-то гигантское одноклеточное чудовище выбрасывало и убирало свои щупальца. Уже смутно догадываясь, в чем дело, Сергей поспешил к ней. Расталкивая в стороны людей, он пробрался в середину. Там, внутри развороченного гигантского муравейника, корчилось и извивалось человеческое тело. Двое бойцов его отряда тащили еще одного из захваченных на заводе пленных с явным намерением присоединить его к первому.

— Назад! — гаркнул Сергей, приходя в ярость.

Те посмотрели на него, отвернулись и продолжали свой путь. В два прыжка Сергей очутился рядом. Первый ближайший к нему боец покатылся по земле, сбитый увесистой оплеухой двухметрового землянина. Второй бросил ноги дрыгающегося всем телом свистуна, растерянно заморгал глазами, ожидая своей очереди.

— Встань! — приказал Сергей лежащему на земле. Тот покорно поднялся, шатаясь, видимо, еще не совсем придя в себя от удара.

— Отнести на место! — брезгливо ткнул он ногой свистуна.

Сергей обвел взглядом толпу и, увидев среди нее двух командиров групп, приказал:

— Пленных охранять! Вы мне головой за них отвечаете! — И тихо, чтобы не слышали другие, добавил: — В них наше спасение.

В это время к нему подвели одну из оставшихся женщин. Всклипывая, сбиваясь в слова, она рассказала, что нападение было совершено перед рассветом. Она выскочила из дома, когда уже все было кончено. Ее вместе с другими оставшимися в живых женщинами бросили в загон для скота и приставили часовых. Сколько было свистунов, она не могла сказать, но утверждала, что много.

— Очень много, — сказала она, — больше, чем оставалось в поселке наших.

— Ты не ошибаешься? — спросил Сергей, чувствуя, как новая тревога закрадывается в душу.

— Когда меня схватили, они толпились на площади. Их было очень много.

— Ну сколько? Человек двадцать?

— Больше, значительно больше, около двухсот!

— Ты, наверное, ошибаешься!

И вдруг страшная мысль ударила его — перевал!

Несомненно, противник, разгромив поселок, устремился на перевал, и теперь ему открыта дорога к незащищенным селениям элиан.

Прошло не меньше шести часов. Кони подойдут только к вечеру. Использовать платформы в узком ущелье невозможно, так как они могут двигаться только над ровной поверхностью. Остается одно — догонять их пешком, нагнать и вынудить к бою в гористой местности, до того, как они спустятся на равнину, к селениям. А если они оставят заслон? На узкой тропе два бойца могут сдерживать целый отряд почти сутки. Что произойдет за это время в мирных селениях, где не ждут нападения, Сергей ясно себе представлял. Судя по зверствам, совершенным свистунами в поселке, это была карательная экспедиция, цель которой не только захват «сырья», но и наведение ужаса на местное население и тем самым приведение его в полную покорность. Не найдя среди убитых Сергея, которого они хорошо знали и могли отличить по росту, они, несомненно, догадались, что в тылу у них осталась боеспособная часть. Следовательно, заслоны будут поставлены обязательно. Более того, в их планы входило, что Сергей с оставшимися бойцами кинется им вдогонку и попадет в ловушку. Вот почему они не остались ждать его в лагере, а устремились на перевал, оставив, больше для вида, человек десять охранять пленных женщин. Сергей теперь понял, что жестокость свистунов и их садистская расправа над женщинами имела

своей целью заставить элиан «очертя голову» броситься вдогонку за противником.

При всей своей ненависти к фашистам — Сергей поймал себя на том, что применил к свистунам земное название, знакомое ему по исторической литературе — он не мог не отдать должное их тактическому мастерству и умению вести бой. Несомненно, это были закаленные солдаты и искусные тактики.

Одной из основных черт характера Сергея было то, что гнев и ярость нисколько не мешали трезвому расчету, но, напротив, казалось, чем большая ярость охватывала его, тем точнее становились его действия и тем более спокойным он выглядел внешне. Вот и сейчас, вместо того чтобы броситься преследовать противника, он задумался в поисках выигрышного варианта, подобно шахматисту, которому предложили интересную и трудную задачу.

Он собрал командиров групп и кратко изложил им ситуацию.

— Мне надо знать, — сказал он, внимательно посмотрев в глаза каждому, словно подчеркивая важность сказанного, — существует ли еще один путь в долину, кроме известного, через перевал.

Один из командиров встал:

— У меня в группе есть бойцы, которые хорошо знают эти горы. Я сейчас их пришлю к тебе!

— Через тридцать минут выступаем, — предупредил Сергей командиров. — С собой взять, кроме бластеров, взрывпакеты и несколько ружей, по два на каждую группу.

В это время к нему подошел командир только что вернувшегося из леса сторожевого отряда в пятьдесят человек. Он уже знал, что произошло в поселке. Сергей не стал его ни в чем упрекать, да и упрекать было не в чем. Отголосок боя не мог донестись до места расположения сторожевого отряда. Если Сергей и упрекал кого в случившемся, то только себя. С одной стороны, он понимал, что уничтожение завода было жизненной необходимостью, но с другой — подавленный горем, он клял себя за то, что не оставил в поселке больше бойцов. Теперь он знал, что с заводом управился бы, и располагая полусотней, а сотня лишних бойцов здесь могла бы предотвратить катастрофу. В то же время, понимая важность разгрома завода и лишения противника тем самым ремонтной базы и транспортных средств, он вынужден был действовать наверняка, так как неудача в первом нападении привела бы к тому, что противник укрепил бы завод и увеличил его охрану.

— Ты с тридцатью людьми запрешь наглухо вход из ущелья, — приказал он командиру сторожевого отряда. — Размести их в укрытиях, но так, чтобы дорога простреливалась со всех сторон. Возьмешь взрывпакеты. Если кто не умеет с ними обращаться — срочно научить. Каждому выдать по четыре пакета. — Смотри, — строго предупредил он, — чтобы ни одна живая душа не выбралась из ущелья. На каждый пост выдели двух. Сектор обстрела одного поста должен перекрываться двумя другими. Спать по очереди! Скалу, что нависла над дорогой, заминировать! Взорвать, когда под ней окажется противник. Все понял? Иди.

К нему подвели двух бойцов.

— Они знают другой путь, — сообщил командир группы.

— Есть тропа, — ответил один из них на вопросительный взгляд Сергея, — путь по ней в три раза короче, но идти очень трудно. В некоторых местах придется боком пробираться по узкому карнизу. Необходимо взять веревки, а подошвы смазать соком вот этой травы.

Он подал Сергею пучок травы, с оборванных концов которой капал тягучий липкий сок. Трава эта росла повсюду. Сергей видел целые ее заросли.

Через двадцать минут отряд углубился в ущелье. Продвигаться действительно было очень трудно. Тропа шла круто вверх, иногда совсем теряясь среди нагромождения валунов. Единственными живыми существами, проходившими когда-либо по этой дороге, были горные козы, которые и сейчас попадались на пути отряда, то появляясь, то исчезая среди каменистых нагромождений.

Вскоре можно было продвигаться, только идя друг за другом. Узкие карнизы, на которых нельзя разойтись двум встречным, висели над пропастью, внизу еле заметной нитью вислась горная речка. Вскоре тропа ушла в сторону и забралась еще круче. Стало холодно.

— Сейчас будет самый трудный участок, — предупредил проводник. Он показал на видневшуюся невдалеке, казалось, рядом, высокую гору, вершина которой была покрыта снегом.

— Тропа огибает гору и выходит уже за основным перевалом и затем спускается на общую дорогу.

Вскоре тропа настолько сузилась, что люди могли продвигаться только боком, обратясь лицом к стене и цепляясь руками за ее малейшие неровности.

Сзади раздался пронзительный крик — один из бойцов сделал неверное движение и сорвался вниз, увлекая за собой второго, привязанного к нему длинной веревкой. Остальные пятеро, которые шли вместе в одной связке, буквально прилипли к скале. Видно было, как от напряжения вздулись яремные вены. Второму из сорвавшихся удалось зацепиться руками за выступающий камень, и он делал невероятные усилия, стараясь подтянуться и выбраться на тропу. Движение остановилось. Люди стояли, припав к скале, не зная, что предпринять. Сорвавшийся висел над бездной, раскачиваясь на веревке. Видно было, как его товарищ, уцепившийся за камень, вздрагивает в такт каждому качку.

Бывают моменты, когда командующий, от воли и решения которого зависит жизнь сотен вверенных ему людей, должен принять на себя безраздельно всю тяжесть моральной ответственности и из множества решений выбрать единственно правильное. Если человек не способен на это, ему не следует браться командовать людьми.

Сергей видел, что еще несколько секунд — и сведенные судорогой руки висящего над пропастью человека разомкнутся, и он полетит вслед за первым, увлекая за собой всю цепочку. Ни повернуться, ни зацепиться за что-то на узкой тропе не было возможности. Отряд был не готов к продвижению в таких трудных условиях. Ни обычных для таких целей клиньев, ни молотков в их распоряжении не было. Веревка, которой связаны бойцы, в создавшихся условиях не только не страховала, но увеличивала опасность, ибо один сорвавшийся увлекал за собою осталь-

ных, у которых на узкой тропе не было никакой возможности удержаться.

Потом, спустя несколько лет, перед глазами Сергея всплывали эти расширенные от ужаса глаза молодого парня. Много раз спрашивал он себя: мог ли он тогда, стоя на узкой тропе в горах, принять другое решение? Нет, не мог. Это была бы трусость, трусость перед тяжестью поступка, и эта трусость могла бы привести к гибели всего отряда.

Люди стояли, боясь пошевелиться, обдуваемые со всех сторон холодным сырым ветром гор. Лёгкая одежда элиан не приспособлена к пронизывающему холоду. Бойцы ооченели, а им предстояло пройти еще много. Нет! Решение было единственным...

Тропа все поднималась. Она стала шире, но ветер усилился, неся с собой мокрый снег. Обнаженные руки и ноги бойцов посинели от холода. Сергей прикинул: было не меньше двух градусов ниже нуля по столбунной шкале.

Наконец начался долгожданный спуск. Тропа настолько расширилась, что можно было идти уже по двое. Сергей скомандовал периодически меняться местами. Шли, по очереди прикрывая своим телом тело товарища от ветра. Тропа все расширялась. Исчез снег, стали попадаться первые растения. Люди взбодрились и пошли быстрее. Ветер хотя еще дул в полную силу, но не нес уже того пронизывающего холода, как там, на вершине.

Вскоре стали попадаться ровные площадки, от которых вниз отходили едва заметные тропы. На одной из них, закрытой со всех сторон скалами, Сергей разрешил десятиминутный отдых. Костров не разжигали. Дорога с перевала должна была проходить где-то рядом, и дым костра мог быть обнаружен противником. Чтобы отогреться, люди сгрудились в плотную массу, отогревая находящихся в центре, которые спустя некоторое время выходили и пропускали в середину других.

Сергей мерз, пожалуй, больше других, так как его полуобгорелая одежда совсем не защищала тело от ветра.

Через десять минут двинулись дальше. Наконец, когда солнце уже начинало склоняться к закату, они достигли намеченного места, описание которого было известно Сергею со слов проводника. Оно представляло обширную ровную площадку, переходящую в крутой спуск, усеянный крупными гранитными и базальтовыми глыбами. Внизу, под ними, метрах в двухстах, в узком ущелье, прижимаясь к отвесной стене, шла дорога с перевала. Под выбранным местом она вытягивалась в километровый ровный пролет, а затем исчезала из видимости за отрогом горы.

По расчету Сергея, противник должен был появиться часа через два, перед самым закатом солнца. На всякий случай он послал двух бойцов вниз. Они должны были добраться как можно скорее до ближайшего селения и предупредить о возможном нападении. Сергей послал через посланцев всех жителей покинуть селения, увести женщин и детей. Мужчин, вооруженным луками и отравленными стрелами, Сергей передал приказ занять возможные укрытия на выходе из ущелья и бить из-за них, ни в коем случае не выходя на открытую местность. Сам же с бойцами отряда немедленно занялся необходимыми приготовлениями.

Метрах в двадцати ниже он заметил две нависшие над ущельем скалы. Под них заложили по пять взрывпакетов. Прикатали большое количество крупных, по полтонны каждый, валунов и оставили их на краю обрыва. Наибольшая часть их была сосредоточена в местах, нависших над началом и концом прямого пролета дороги. Все было готово к приему гостей, оставалось только ждать. И все же у Сергея было такое ощущение, что он что-то упустил из виду.

Вдруг он понял, что его беспокоит, и подозвал одного из командиров групп:

— Быстро отбери человек тридцать поздоровее и дуй, что есть силы, к выходу из ущелья. Там примешь команду над остальными.

Через три минуты отобранные бойцы во главе с командиром мчались вниз по склону. Вскоре они вышли на дорогу и исчезли за поворотом. Сергей облегченно вздохнул.

Минуты тянулись медленно. Сергей слегка нервничал. Он лежал на животе у края обрыва, не спуская глаз с дороги.

Наконец показался отряд свистунов. Как и ожидал Сергей, их было немного. Он насчитал человек пятнадцать. Это было боевое охранение, идущее впереди главных сил.

Видя, что его бойцы зашевелились, вопросительно поглядывая на своего командира, он сделал успокаивающий жест рукой: пропустить. Небольшой отряд прошел беспрепятственно и скрылся за поворотом. Прошло еще минут тридцать. Появились главные силы противника. Сергей всмотрелся и невольно присвистнул от удивления и удовлетворения. Впереди отряда вышагивал его старый знакомый. Сергей узнал его по красному мундиру.

— Какая встреча! — радостно, словно это была встреча с добрым старым приятелем, тихо проговорил он.

Следом за генералом изгибающейся лентой продвигался отряд. Сергей пытался сосчитать, но сбился. Их было не меньше двухсот пятидесяти.

— Теперь все понятно! — подумал он. — Они решили массированным ударом покончить с нами за один раз. Потеряв отряд при мелкой стычке, они решили изменить тактику. Что же, решение, в принципе, правильное. Но вот результат...

Дождавшись, когда весь отряд вышел на прямую, он дал условный сигнал. Один за другим прозвучали взрывы, и лавина камней, сметая все на пути, со страшным грохотом устремилась вниз. Некоторое время ничего не было видно из-за густого облака пыли.

Когда спустя полчаса облако рассеялось и стало ясно, что произошло, бойцы вскочили на ноги с приветственными криками. Они приветствовали своего вождя. Дороги не было. Ее просто не существовало. Вместо нее была громадная насыпь камней и осколков скал, из-под которой не доносилось ни звука.

«Какая прекрасная битва», — вспомнил Сергей слова Наполеона, которые тот произнес при известии, что ни один человек из высадившегося англо-турецкого десанта в Египте не ушел живым.

Однако надо было кончать начатое. Подозвал к себе командира второй группы:

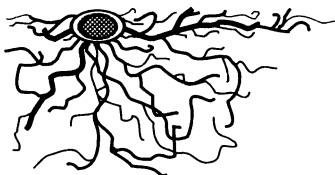
— Возьми человек тридцать с паралитическими ружьями и встретить бегущих назад, если такие будут и уйдут живыми из засады на выходе из ущелья. Мне они надобны живыми! — подчеркнул он. — Их легко будет подстрелить, так как они уже в панике.

— Ну, а теперь, — обратился он к остальным, — не худо было бы чего-нибудь перекусить!

Десять человек сразу же куда-то исчезли. Остальные стали собирать хворост и сухие ветки. На площадке запылали костры. Спустя полчаса вернулись посланные и принесли полдюжины диких коз, туши которых тут же разделали. Вскоре нанизанное на ветки мясо жарилось на углях.

Солнце уже зашло, и стало темно. Послышался шум карабкающихся по насыпи людей. Это возвращались посланные. Они несли трех связанных, еще не пришедших в себя от паралитического яда солдат противника.

Взошла луна и посеребрила вершины гор, создавая фантастическую мозаику светотеней, мягко скользящих по крутым отрогам, но Сергей уже не видел этой красоты ночного горного пейзажа. Он спал крепким сном. Кто-то из бойцов снял свою туннику и прикрыл его оголенные, покрытые волдырями ожогов плечи. Сам же, почти обнаженный, подвинулся ближе к костру.

ДНЕВНИК, НАЙДЕННЫЙ В ЗВЕЗДОЛЕТЕ

Этот документ никогда бы не удалось прочесть, если бы Сергей не догадался, вернее, не настоял на том, чтобы сохранить жизнь одному из пленных. Надо признать, что это стоило ему немалых трудов и чуть ли не привело к крупной ссоре с Гором. Но об этом потом.

Дневник представлял известный интерес. Сергей записал его перевод, чтобы еще раз осмыслить, насколько это возможно, учитывая известную скудость информации, психологию народа, случайно, это он теперь точно знал, заброшенного сюда из глубин далекого космоса.

Имена собственные, звучание которых невозможно было передать в языковом отражении, Сергей заменил произвольными буквенными обозначениями. Двенадцатичленную систему исчисления, где можно, перевел на десятичную.

527 год 62 день со дня рождения Величайшего гения всех времен и народов, вечно живущего в сердцах поколений строителей прекрасного будущего. (Эти титулы повторялись постоянно на каждой странице дневника, и в дальнейшем Сергей сократил их до одного «Величайшего»).

Сергей, для интереса, попросил пленного произнести этот титул вслух. Тот в течение трех минут самозабвенно свистел, вытянувшись по стойке смирно. Видно было, что

даже сейчас, когда родина была бесконечно далека и навсегда утрачена, это имя и все, что связано с ним, оставалось для него священным и дорогим. А может быть, здесь просто срабатывал простой рефлекс, выработанный с детства.

Наш звездолет потерял управление. Органическая часть большого мозга корабля распалась. Возникли явления магнитной несовместимости. Где мы находимся — никто не знает. Связь потеряна. Когда это случилось, управление кораблем взял на себя малый мозг. Командир корабля, генерал, приказал всем лечь в анабиозные ванны.

562 год 10 день со дня рождения Величайшего. Команда разбужена. Мы находимся вблизи системы небольшой желтой звезды, вокруг которой вращаются восемь планет. На пятой обнаружена жизнь. Решено идти на посадку и попытаться там восстановить поврежденный большой мозг. Командир надеется найти для этого на планете подходящее сырье.

562 год 30 день со дня рождения Величайшего. Посадка произошла неудачно. Грузовой отсек полностью поврежден. Пытаемся спасти хотя бы часть грузов. Но почти все искорежено. Повреждена защита реактора.

562 год 72 день со дня рождения Величайшего. Сегодня мы хоронили своих товарищей. Этим героям мы обязаны жизнью. Память о них никогда не исчезнет. Зная, что идут на верную смерть, они исправили повреждения в реакторе. Мы похоронили их всех двадцать неподалеку от корабля в общей могиле. Как тяжело терять друзей, с кем жила и работала многие годы! Хочется плакать. Я плачу, когда остаюсь одна и никто меня не видит. Баба остается бабой, даже если ее одеть в мундир солдата космического флота. Как хорошо сказал генерал в своей речи на траурном митинге, обращаясь к нашим далеким потомкам:

«Помните, что ваши прекрасные, светлые города и ваши космодромы стоят на наших костях первопроходцев космоса и в этом их крепость и неизбежность. Никогда не забывайте о тех, кто отдал жизнь во имя жизни будущих поколений!»

562 год 86 день. Сегодня привели первого жителя планеты. Его поймали в нескольких километрах от космодрома. Боже, до чего он уродлив! Длинные, как у паука, нижние конечности. Кожа голая, как у лягушки, волосы растут только на голове! Уши круглые. А нос! Что за нос! Ноздри вывернуты вниз, как будто постоянно нюхают землю. На руках и на ногах не хватает одного пальца. Голос низкий, почти на пределе слышимости, грубый, напоминающий рычание зверя. Сильно развита мускулатура. Это говорит о примитивном образе жизни. К счастью, под черепной коробкой у него был довольно развитый мозг. Височные доли, правда, маленькие, зато массивные лобные. Кора, как и у нас, имеет слоистое строение. Нервные клетки на окрашенных препаратах ничем не отличаются от наших. Химизм тоже идентичен. Это значительно все упрощает, так как не надо будет разрабатывать новый состав питательной жидкости. Командир говорил, что нам здорово повезло с этим.

Сегодня нам удалось починить три вертолета. Первый же полет установил, что поблизости есть селения аборигенов. На днях туда отправится отряд, чтобы добыть побольше материала.

562 год 104 день. Нас преследуют несчастья. Больше ста наших товарищей погибло. Неудача начала преследовать нас в тот день, когда отряд загонщиков отправился в селение для захвата аборигенов. Как всегда в этих случаях, они взяли с собой собак, всех, что имелись на корабле. Эти собаки специально выдрессированы и были прекрасными, милыми, послушными животными. Что случилось с ними в селении — не поддается никакому объяснению. Сначала все шло хорошо. Уже отобрали более двухсот аборигенов и погрузили их на платформы. Штук тридцать, особенно упрямых, пришлось, естественно, прикончить тут же на месте. Вдруг ни с того ни с сего собаки взбесились и набросились на людей. Это было так неожиданно, что наши товарищи растерялись. Воспользовавшись этим, аборигены напали на них, поражая стрелами. Не объяснимо было еще то, что людей охватила какая-то паника. Все, кто остался в живых, бросились на платформы и вернулись к кораблю. Там, в селении, осталось человек двадцать наших, убитых стрелами, и все собаки.

Через три дня вернувшиеся из поселка товарищи все заболели, а еще через три дня болезнь стала распространяться среди команды. Заболевших поместили отдельно в изолированном отсеке. Пока наши медики определили причину болезни и синтезировали антибиотик против местного вируса, погибло еще восемьдесят человек. Всей команде были сделаны прививки. Странно, что этот вирус не был обнаружен в самом начале, когда брали пробу воздуха, почвы, растений и тканей первого пойманного аборигена.

562 год 312 день. Наконец-то все стало на свои места! За прошедшие двести дней у меня не было времени, чтобы написать хотя бы пару строк в свой дневник. Работа не оставляла ни минуты свободного времени. Сначала строительство завода, потом двух лагерей для аборигенов. Их у нас уже больше десяти тысяч самцов, и во втором лагере мы содержим больше тысячи самок. Уже начали восстанавливать большой мозг. Генерал распорядился произвести первую сборку, пока на месте. Во-первых, это освобождает нас от необходимости размещения операционных на самом корабле и тем самым страхует от возможности повторной инфекции. Во-вторых, при посадке был поврежден один из отсеков большого мозга, и его необходимо вначале привести в порядок. Нам необходима титановая руда. С этой целью мы запустили единственный неповрежденный спутник, который, к счастью, оказался именно геологическим разведчиком. Залежи титановой руды были вскоре обнаружены, но находятся очень далеко, на противоположной стороне планеты. Это затруднит ее доставку, так как придется изготовить соответствующие транспортные средства взамен уничтоженных при посадке.

563 год 10 день. Сегодня было торжественное собрание по поводу годовщины высадки на Элии, так называют аборигены свою планету. Генерал делал доклад. Он говорил, что мы можем гордиться тем, что преподнесли в подарок нашей прекрасной родине целую планету, пригодную для жизни людей. Недалек тот день, когда мы сможем выйти на связь и отрапортовать родному правительству и лично великому продолжателю дела В., имя которого нам пока неизвестно, о проделанной работе.

Все встали и дружно запели гимн покорителей космоса. Генерал прочитал список отличившихся из команды корабля. Я счастлива, что и мое имя попало в этот список. Нам вручили традиционные памятные сувениры первооткрывателей планет. Надо отдать должное С — только она умеет так искусно приготовить и засушить препараты. Но какая хитрая. Ни словом не обмолвилась. Все сделала тайно. Мне досталась головка самочки со светлыми волосами на подставке из отшлифованного дерева.

Говорят, что у генерала самая богатая коллекция на всей нашей планете. У него даже есть (тс!) голова человека. Она ему досталась от прадеда, который был бойцом Великой революции. Генерал рассказывал, что это голова писателя. Имя его неизвестно, так как все его книги и других писак того времени, стоявших в лагере контрреволюционеров и врагов народа, были сожжены. Генерал редко кому показывает свою коллекцию. Только С, которая следит за ее сохранностью. Она говорит, что это что-то потрясающее!

После вручения сувениров был концерт. Мы пели песни, много смеялись. Жаль, что нет подходящего помещения. Я так соскучилась по танцам.

563 год 79 день. Вот уже сорок дней работаю в лагере, где мы держим самок. Моя смена продлится еще двадцать дней. В мои обязанности входит гистологический контроль за действием препаратов, стимулирующих образование контактов между нервными клетками мозга эмбрионов и плодов. Мне для исследования предоставляют каждый из 72. Наибольшей активностью обладает препарат СЦ 12. Под его воздействием шипики на дендритном дереве уже на шестой день после введения препарата образуются в два-три раза скорее, чем на других, и в пять раз быстрее, чем на контрольных.

Каждый день привозят новых самок, их нехватает, так как работа идет полным ходом.

Два раза приезжал генерал. Он остался доволен нашей работой. Нас всех построили на плацу, и генерал объявил всем благодарность, подчеркнул высокое чувство долга и моральной ответственности наших женщин, которые наряду с мужчинами трудятся на самых ответственных участках, куда только не посылает их родина.

Нет, говорил он, такой работы, где наши славные женщины не могли бы заменить мужчин. У станка и у штурвала космического корабля, в научных лабораториях и в правительственных учреждениях — везде трудятся прекрасные и нежные женские руки. Великая слава вам и низкий поклон. И он действительно поклонился нам. После этого хочется работать еще лучше!

Я, воодушевленная похвалой, подошла к генералу и поделилась с ним своими соображениями. Я сказала, что мы нерационально используем материал. Например, как показал структурный химический анализ, инсулин аборигенов идентичен нашему и значительно более физиологичен, чем тот, что добывают у аборигенов планеты Сиус. Учитывая его хроническую нехватку, я предлагаю наладить уже сейчас его производство. Затем, почему бы не использовать кожу для поделок. Например, дамской обуви, перчаток, сумочек. Раз мы уже здесь, то надо начинать развитие промышленности планеты хотя бы с этого. Планета

заселена негусто, но при рациональном использовании местных ресурсов их должно хватить лет на 60—70. В конце концов можно будет создать специальные питомники.

Генерал похвалил меня и сказал, что подумает о моем предложении. Вообще он очень демократичен и всегда прислушивается к мнению подчиненных. Несомненно, это прирожденный руководитель. Я уверена, что по возвращении он займет важный правительственный пост.

Под впечатлением разговора с генералом я размышляла и долго не могла заснуть. Несомненно, это низшая раса, остановившаяся в своем развитии. Им незнакома техника, а это главный признак эволюционной отсталости. В то же время они имеют большие способности к гипнозу. Насколько большие, что мы вынуждены носить при себе генераторы особых волн, предохраняющие нас от этого воздействия. Хотя сам по себе этот факт говорит в пользу того, что мы имеем дело с тупиковой ветвью развития человека. Я уже привыкла к ним, и они не кажутся мне уже столь безобразными, как при первом знакомстве. Что, если приручить их ласковым обращением и сделать себе слуг.

Я вообще против жестокости. Когда я участвую в изъятии плода из тела самки, я стараюсь делать это как можно быстрее, чтобы не причинять лишних страданий. Мы не применяем наркоза, чтобы не вызвать повреждения в мозге плода. Но как только операция заканчивается, я ввожу внутривенно воздух, чтобы скорее пресечь страдания. Надо мною мои подруги смеются и прозвали милосердной феей. Может быть, я действительно слишком сентиментальна? Я, например, не принимаю участия в развлечении подруг и наших мужчин на плацу, так как они всегда заканчиваются смертью одной-двух самочек. Я как-то сказала, что это нерациональная трата материала, но наша начальница, строгая М, возразила, что нельзя забывать о людях, что надо как-то скрашивать их однообразную жизнь и ничего страшного, если девочки немного развлекаются. Что же, может быть, она и права.

563 год 90 день. Какой ужас! Какой ужас! Я до сих пор не могу прийти в себя. Мои милые, нежные подруги, я никогда больше вас не увижу? Слезы душат меня. С — ласковая, добрая. Ее полубогоревшее тело, разрезанное лучом бластера, нашли среди других, зверски убитых разъяренными животными. Все плоды нашего кропотливого труда, ювелирной работы нейрофизиологов и кибернетиков были варварски уничтожены.

Генерал страшно взволнован. Мы фактически остались без транспорта. Захвачены платформы и вертолеты. Их потом нашли разбитыми у леса. Удивительно, как эти животные смогли постичь тайну управления нашей техникой! Главный нейрохирург, который чудом уцелел лишь потому, что в день бунта был вызван на корабль, утверждает, что виною всему абориген гигантского роста, которого поймали сравнительно недавно ночью, невдалеке от самого лагеря.

Он винит генерала, который не разрешил взять его сразу же в операционную. Между ними произошел резкий разговор. Непонятно, как эти животные смогли управлять платформами. Они даже не воспользовались усилителями биополя, которые мы обнаружили нетронутыми на телах убитых, найденных в полупути от космодрома до лагеря. Нас ос-

талось меньше половины! Сегодня генерал будет проводить совещание с офицерами корабля.

563 год 130 день. Один из посланных отрядов был полностью уничтожен. Однако теперь мы знаем, где они скрываются. Генерал хотел было отдать приказ накрыть их ядерным ударом, но остальные воспротивились. Расстояние небольшое, и вся местность, в том числе космодром, будет заражена радиоактивностью. Главный тоже выступал против. Он требует восстановить положение и приступить к сборке нового большого мозга. Без него мы не вернемся на родину, сказал он. Он прав! Родина! Как ты близка и как ты далека! Хочу домой! Хочу иметь семью, детей! Боже мой! Какое это, наверное, счастье чувствовать в себе зарождение новой жизни. Держать у груди маленькое беззубое существо, ощущать прикосновение его ротика к соску груди и кормить его своим молоком. Радость материнства... Неужели я никогда не испытаю ее?

563 год 141 день. Завтра все решится. Все мужчины идут в карательную экспедицию вместе с генералом. Мы, сорок женщин, остаемся на корабле. Еще пятьдесят мужчин и женщины заняты на заводе, работа которого не может прекращаться.

На прощанье генерал пообещал раз и навсегда покончить со всяким сопротивлением аборигенов. «Я был в еще более трудных ситуациях, — сказал он. — Но там, где проходили мои солдаты...» Он многозначительно помолчал, и мы все его поняли. Надежда снова вернулась к нам.

Ситуация, которая возникла, требовала решительных действий. Дело в том, что аборигены своими действиями лишили нас источников пищи и воды. Все водоемы вокруг завалены трупами животных. Мы боимся возникновения эпидемии. Питаемся только консервами, которых осталось совсем мало. Этого скудного пайка едва хватает на то, чтобы не умереть с голоду.

Не могу не отметить событие, которое всех нас очень взволновало. В вещах одной из погибших подруг, не хочу даже поганить бумагу ее именем, нашли запрещенную книгу. Нет, каково! Эта гадюка, иначе ее не назовешь, жила вместе с нами, ела, пила, разговаривала, как и мы все, пела вместе с нами гимн Покорителей космоса и... на тебе! Какая низость и подлость! И как она могла пробраться в наш коллектив, куда тщательно отбирают лучших из лучших, беззаветно преданных идеям **В.**? Как органы безопасности могли проглядеть такое! Это несмываемое пятно позора для всего нашего коллектива! Книгу торжественно сожгли, а пепел развеяли. **М** по секрету сказала мне, что это книга по истории и издана еще за сорок лет до эры **В.** Не пойму, что эта низкая тварь, вещи которой также сожгли вместе с ее книгой, чтобы они не оскверняли наш дом, могла найти интересного в этом мусоре прошлых столетий. Все, что нам надо знать об этой эпохе, излагается в кратком школьном учебнике, всем доступном, написанном специальной группой самых крупных историков и одобренным правительством. Нет! Поистине у нее ум зашел за разум! Рисковать проташить запрещенную книгу на звездолет! Ведь только за одно чтение ее следует пожизненное заключение в концлагере, а за хранение — смертная казнь. Не пойму и не хочу понимать! Это какой-то идиотизм! Рисковать своей жизнью, да не только своей, но и ближайших родственников, случись это дома, чтобы заби-

вать себе голову никому не нужным дерьмом?! Ведь, как сказал ученик и последователь В. (имя так и не удалось перевести), история — это дерьмо, от которого надо очистить наши ноги, прежде чем войти в чистый дом будущего. Единственно, что надо изучать, это эпоху В., читать его произведения, заучивать наизусть, ибо в них мы всегда найдем ответ на любой вопрос современности. Это живительный и неиссякаемый источник истины! Я сама несколько раз перечитывала его замечательную книгу «Расы и прогресс» и всегда восхищалась его научным предвидением. Что было бы, если бы на нашей планете продолжали существовать несколько различных рас? Наша высшая раса растворилась бы в океане недочеловеков, потеряла бы свой потенциал, и мы бы влачили сейчас жалкое существование, запертые навсегда на своей планете, ресурсы которой уже тогда начинали истощаться. Только единая раса, объединенная единой идеей, единой истинной теорией, во главе с великим вождем способна к великим свершениям! Прочь жалость! Да здравствует великое самоочищение, и пусть оно идет постоянно!

563 год 154 день. Все кончено! Наши все погибли! Еще раньше, в день ухода отряда, до нас донесся страшный взрыв. Это взорвался завод. Рация молчит. Нет никаких сведений об ушедших. Продукты на исходе. Несем круглосуточную вахту у бортовых орудий, опасаясь внезапного нападения. Страшно хочется есть. Мы все похудели. С меня сползает одежда. Я несколько раз уже ушивала пояс брюк. Эх! Снести бы все живое массивированным ядерным ударом! Но зачем мечтать о том, что неосуществимо. Среди нас нет ни одной, кто был бы знаком с управлением запуска, и даже не знаем, где оно находится. Сегодня открыли последнюю банку консервов. Варим суп. На его поверхности, как острова в океане, плавают капельки жира. Несколько девочек, вооружившись бластерами, ходили на поиск пищи. Тщетно! Кругом на многие километры выжженная пустыня. Ни одного животного. От водоемов несет нестерпимым смрадом. Истощенные голодом, они едва вернулись на корабль.

563 год 160 день. Ура! Ура! Ура! На космодроме в бункере охранников мы нашли целый ящик пакетов еды для аборигенов и два ящика пива. Сегодня мы пировали и съели почти пол-ящика. Девочки все напились, и мы пели песни. Потом плакали. Страшно умирать. Мы все, кроме М, молодые... Как несправедливо умирать в таком возрасте, не испытав радости материнства. Но если надо, мы примем смерть достойно, как дочери великого народа!

563 год 165 день. Появилась надежда на спасение и угасла... Вернулись пятеро мужчин. Им удалось бежать из плена. Что они рассказывают — страшно передать. Сначала все было хорошо. Отряд вторгся в поселок аборигенов и быстро сломил сопротивление. Правда, бронетранспортер подорвался на mine. Сорок человек наших погибло. Но зато потом наши солдаты хорошо позабавились с захваченными в плен самками. Боже мой! Как я их ненавижу! Жаль, что меня не было с нашими. С каким удовольствием я бы их резала живьем и наслаждалась их криками и воплями. Теперь я жалею, что не принимала участия в забавах подруг. Потом, как рассказали спасшиеся товарищи, отряд попал в засаду в горах и все были раздавлены обрушившейся лавиной

камней. Какая ужасная и жестокая смерть! Мое женское сердце трепещет и разрывается от жалости. К сожалению, и из спасшихся никто не знает, как запустать ракеты. Неужели нам придется погибнуть, не отомстив этим зверям?

563 год 170 день. Вернувшиеся принесли болезнь, против которой все антибиотики бессильны. У нас уже десять девочек больны. Они лежат в жару и бредят. Все мужчины погибли. У нас нет сил их похоронить.

563 год 172 день. Пишу с трудом, болит голова...

На этом дневник обрывается.

Сергей закрыл тетрадь. Чувство отрешенности и какого-то разлитого оупления охватило его, не оставляя места ни гневу, ни возмущению, ни даже естественному в такой ситуации отвращению. Он вышел из дома, зашел в конюшню, оседлал своего вороного жеребца и, не сказав никому ни слова, выехал со двора.

За селением он погнал коня быстрее. В ушах засвистел ветер. Конь мчался, едва касаясь земли копытами. Застоявшись, он был рад быстрому бегу и несся мимо садов и возделанных огородов все быстрее и быстрее. Дорога пошла по крутому берегу реки, потом свернула в лес. Могучие стволы деревьев обступили со всех сторон всадника. Миновав выступающий к реке лес, дорога вышла в широкую степь. Лес остался слева. Справа, резко заворачивая на запад, блестела река. Впереди была бескрайняя степь, поросшая серебристым ковылем, на которой там и сям паслись небольшие стада туров. Туры двигались медленно, казалось, с чувством собственного достоинства, а между ними носились степные белые антилопы с длинными, вертикально поставленными острыми рогами. Так могла выглядеть степь где-то на Южной Украине много веков назад, пока человек не вытоптал ее своими многочисленными стадами и не распахал железным плугом. Первозданная природа Элии и то, как ее жители бережно относились к ней, восхищало Сергея — человека, как он сам себя в этих случаях называл, асфальтной цивилизации.

Жизнь есть жизнь! И эта жизнь иногда может так «напоить» тебя помоями, что кажется, внутри не осталось ни одной клеточки, которую не захлестнул бы этот поток грязи. У тебя такое ощущение, что ты провалился в огромную мусорную яму. Мусор и нечистоты льются сверху, и ты физически чувствуешь, что не хватает воздуха, что вот-вот задохнешься... Единственно, кто может спасти тебя, человек, — это твоя Первома́терь. Беги к ней! Она заботливая и прощающая. Мать очистит тебя от грязи, даст тебе наглотаться свежего воздуха, обдует своими ветрами, напоит запахом трав, согреет теплом земли... Человек! Береги свою Мать! В трудную минуту она придет тебе на помощь, ободрит, даст мудрый совет. Береги, ибо, как бы высоко ты ни забрался на вершины Разума, ты не создашь ничего более великого, более прекрасного, чем то, что было создано до тебя и что породило самого тебя, Человек!

Самонадеянный Человек, ты говоришь, что Природа неразумна. Действительно, кто найдет разум в струящейся реке, в нагромождении гор, в лесном массиве и бескрайней степи? Но разве одна клеточка твоего тела является сама носителем разума? Может быть, эта совокуп-

ность полей и озер, рек и гор, лесов и болот — все вместе в своем единстве является носителем Разума, другого, непонятного тебе. Что ты знаешь об этом? Ты изучил законы физики, химии. Но не являются ли твои знания разрозненными кусочками общего Знания, которые ты еще не можешь соединить в единое целое? Человек — ты младенец и познаешь свою мать подобно младенцу, для которого мать пока еще — только кормящая грудь, наполненная теплым материнским молоком. Но пройдет время, и ты начнешь понимать ее голос и те слова, которые она будет говорить тебе, учить тебя доброте и мудрости.

Сергей соскочил с коня и пустил его пастись в степь. Сам же лег на спину и, заложив руки под голову, широко раскрыл глаза в чистое голубое небо, по которому медленно ползли облака.

Он искал ответа на давно мучивший его вопрос, но не находил его.

Вопрос заключался в следующем. Сергей мог дать народу Элии начала технических знаний, познакомить их с математикой, механикой, физикой. Но имел ли он право это делать? Принесет ли это народу Элии счастье или же даст начало цепной реакции развития нежелательных явлений, которые могут сопровождать техническое развитие? Он видел, что народ Элии счастлив, счастлив тем высшим счастьем, которое никогда в истории его планеты не было достоянием ни одного народа. Рост производительности труда, накопление собственности привели на Земле к росту неравенства, к насилию. Вся история земной цивилизации залита кровью. Бесконечные войны, грабеж и насилие, возведенные в ранг доблести и геройства, тоталитарная власть, начиная с фараонов Египта и кончая фашиствующими режимами, костры инквизиции и концлагеря, фанатический аскетизм и порнография, садизм и ханжество, пошлость, доведенная в своем развитии до уровня мировоззрения, — это одно лицо земной цивилизации. Другое лицо — вечный мучительный поиск истины, доброты и познания, давший человеку в целом возможность достичь подъема на вершины развития, понимания основ Мироздания... Как разделить это? И возможно ли дать одно, не дав одновременно другого?

Вот почему Сергей постоянно уклонялся от настоятельных просьб Гора создать школу обучения элиан технике и математике. Несмотря на то, что вот уже больше года он находился на Элии, он не мог понять сущности ее цивилизации. Ему были хорошо известны все ее черты, но что-то главное, он это хорошо чувствовал, ускользало от понимания, а не понимая этого главного, он не мог принять решения. Он боялся, что, делая, как могло показаться, добро, он принесет непоправимое зло этому народу, который он полюбил за время своего пребывания всем сердцем. Искренность и чистота помыслов этих людей одновременно восхищали его и пугали, пугали своей беззащитностью перед возможным насилием извне. И хотя он знал, что повторный контакт с противоположной по своему характеру цивилизацией маловероятен, но корабль, который случайно оказался на Элии... — он же есть! Страх перед повторением аналогичных событий ни на минуту не покидал его, прочно засев в глубине подсознания. Если бы не этот страх! Тогда бы решение не вызывало затруднения. Он ушел бы с этой планеты, оставив элиан развиваться по тому пути, который они сами выработали. Вмешиваться в эту цивилизацию и

вносить в нее изменения было все равно, что попытаться резцом скульптора внести изменения, приделать руки статуе Венеры Милосской. Это было бы равносильно вандализму.

Пока Сергею казалось, что любое решение, принятое им, будет ошибочным, и сознание этого приводило его в отчаяние. Мозг метался в поисках, но не мог рассчитать последствий того или другого варианта, натываясь на стену непреодолимой неопределенности, за которой не было ни малейшего просвета. Каждый раз, как только в его сознании начинала складываться цепь логических доказательств в пользу принятия одного решения, как тут же всплывал один и тот же вопрос «А если?» — и все начиналось сначала. Это было мучительно и несло в себе ту противную нервозность, которая охватывает человека, когда обстоятельства вынуждают его принимать решение по жизненно важным вопросам в условиях крайнего дефицита необходимой информации. Часто интеллект человека преодолевает этот дефицит, восполняет его построением гипотез, допущений, и в конце концов благодаря этому находится правильное решение. Но бывает и так, что уровень дефицита информации превышает интеллектуальные возможности, и тогда, если не последует отказа от нахождения единственно правильного решения, ему грозит распад в результате возникновения внутренней логической несовместимости и раздирающих противоречий. Несколько раз он пытался найти решения с помощью компьютера или, как его называли, Малого Мозга звездолета. С помощью пленного свистуна он без особого труда разобрался, в общем не особенно сложном, наборе входных команд и языковой системе машины. Много времени потратил он на составление вводных программ, но особого успеха не достиг. Машина неизменно выдавала множество неоднозначных решений, и вполне возможно, что того единственного оптимального решения, которое он так искал, не существовало вообще.

Многое из того, что он обнаружил в звездолете, ему, как профессионалу, было хорошо знакомо. Некоторые же части его, узлы и механизмы вызвали недоумение, которое при более тщательном знакомстве перерастало в чувство восхищения остроумием технического решения. Несомненно, его бывшие противники были талантливыми инженерами и смелыми конструкторами. Восхищение инженерной техникой несколько не заглушало в нем чувства крайнего омерзения к духовной и социальной культуре этой далекой цивилизации, которое только росло по мере того, как он все больше и больше знакомился с различными предметами корабля, отражавшими быт и нравы своих хозяев. Он обнаружил вскоре обширную видеотеку, без особого труда разобрался в механизмах воспроизведения записанных на кристаллах подвижных голограмм. Он просмотрел массу видеофильмов, запечатлевших военные парады, спортивные празднества, историческую хронику захвата и покорения планет, знакомые уже концлагеря и зверские расправы над местным населением, превращением его в рабочий скот и объект медицинских экспериментов. Это было тоталитарное общество, милитаризм и государственный деспотизм которого были доведены до своей логически обоснованной вершины развития, после чего уже нет обратного пути, ибо все, что произошло в этом обществе, носило необ-

ратимый характер. Это общество уже не могло остановиться, вернуться к исходному состоянию, оно могло только двигаться вперед к неизбежной гибели.

В школе космонавтов, где медицина была обязательным предметом, ему раз попался в руки старый учебник по хирургии, изданный, может быть, на рубеже XIX и XX столетий. Как он попал в библиотеку — неизвестно. Ему запомнилась фотография человека с огромной паховой грыжей. В грыжевой мешок был опущен весь кишечник и даже желудок. Жить в таком состоянии ему оставалось недолго, но и оперировать его было невозможно, ибо, как образно было сказано в описании этого случая, «органы потеряли гражданство».

Ему вспомнился этот случай в ассоциации с тем, что он узнал о цивилизации хозяев звездолета. Это такая же запущенная социальная грыжа, не подлежащая операции. В чем же первоначальная причина болезни, где и в чем произошел вывих этой цивилизации? Не в том ли, подумал он, вспоминая прочитанный дневник и просмотренные видеохроники, что в обществе появляются время от времени «пророки», претендующие на монополию в знании истины, и одураченный ими обыватель, представляющий главную физическую силу общества, позволяет надеть на себя шоры и, закусив удила, несется по пути, указанному пророком, круша копытами на своем пути культуру и человеческие ценности, накопленные предыдущими поколениями. Обыватель и политик, конь и седок, фюрер и озверевшие лавочники в коричневых рубашках, сжигающие на кострах книги, ничтожества в мундирах и орденах, поправляющие ученых и писателей, запрещающие и уничтожающие целые области науки и культуры, вы, злейшие враги человечества, всегда были на его пути. Вы только меняли мундиры, рядясь то в тогу римского диктатора, то в мантию инквизитора, то надевая полувойенный мундир фюрера и вождя, но сущность ваша оставалась одинаковой. Вы говорили: «Вот перед вами величие, царство добра и справедливости. Идите, не забудьте, что путь к нему идет через болото насилия. Идите и отрешитесь от радости жизни во имя великой цели, переносите голод и нужду во имя будущего счастья. Будьте непримиримы! Вооружитесь верой! И мы, только мы, знающие истину, и никто другой, поведем вас по пути к счастью!». И человечество шло. Шло при свете костров инквизиции, шло под стук деревянных колодок перегоняемых из тюрьмы в тюрьму колонн заключенных и окрики конвоиров. Шло! Дети доносили на отцов, жены на мужей. И все это во имя счастья!

А ведь мы были близки к тому, чтобы перейти этот незримый рубеж... Мы стояли почти рядом... Почему мы не сделали этот шаг?.. Что помешало нам, или, вернее, что спасло нас и нашу цивилизацию от самоуничтожения, а может быть, еще хуже, чем самоуничтожение?.. Конец XX столетия. Тогда впервые, сначала несмело, но затем все громче прозвучало «Общечеловеческое». Общечеловеческая культура, общечеловеческие знания, общечеловеческие ценности. И тогда это общечеловеческое начало брать верх над политическим. Итальянцы и французы, немцы и русские, англичане и испанцы вдруг впервые почувствовали себя в первую очередь людьми, а уж потом гражданами или подданными своих государств и правительств. Это было начало нового мышле-

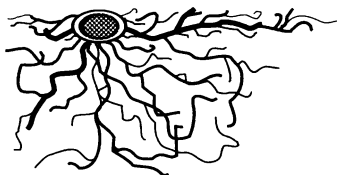
ния, нового миропонимания. Человечество вдруг прозрело и увидело, что оно стоит на краю пропасти. Необходимо было остановиться и осмыслить, что привело его к пропасти, осмыслить весь пройденный путь и понять, где произошел тот роковой поворот тропы, которая чуть не привела его к гибели. Но чтобы это сделать, ему надо было подняться выше самого себя, научиться смотреть на себя со стороны. Это был тот переломный период в мышлении и психологии, после которого кончается детство и начинается зрелость. Не все проходило гладко и безболезненно. Было и мучительно, и стыдно, когда срывались покровы тайн, когда на всеобщее обозрение выставлялись язвы и уродства прошлого, далекого и близкого. Но это надо было сделать! На это надо было пойти. Это была своего рода прививка, пусть болезненная, но дающая стойкий иммунитет.

Обыватель испугался. Он уже не хотел маршировать. Он хотел жить! Но чтобы жить в новых условиях, надо было научиться думать. И он задумался. А задумавшись, перестал быть обывателем. И это, пожалуй, было самой великой революцией в истории человечества, революцией, уничтожившей обывателя. Пророки лишились своей лошадки. Пешочком пришлось теперь ходить и сильным личностям. И тут обнаружилось, что ни одна сильная личность не может оставаться долго сильной. Одно дело ехать верхом на обывателе, другое — идти пешком и постоянно доказывать, что ты — сильная личность, что можешь еще идти. Нет — так сходи с дистанции! Власть потеряла свою «привлекательность», ибо несла в себе обязанности, но не давала преимуществ. Власть уже не давала удовлетворения тем низменным инстинктам и чувствам человека, унаследованным им от своих покрытых шерстью предков, которые получает он от насилия над себе подобными, терзая волю, мораль и тело человека.

Почему же мы все-таки не превратились в уродливую фашиствующую цивилизацию? Может быть, потому, что мы были слишком разные, чтобы создать единое политическое объединение, слишком плюралистичны, чтобы выработать общую философскую доктрину, и единственное, что нас могло объединить, — это общие человеческие гуманитарные ценности. Поэтому, когда развитие мировой экономики настоятельно потребовало интеграции, эта интеграция не могла произойти насильственным путем, только на основании единства общечеловеческих интересов. Человечество вынуждено было раз и навсегда отказаться от политического глобализма, который нес ему гибель или деградацию. Мы объединились, сохраняя свой плюрализм. Он постоянно менялся. Плюрализм сегодняшнего дня отличается от вчерашнего, а завтра ему на смену придет другой, но плюрализм будет, и он основа вечного творческого поиска. Он — гарантия от культурного, социального и научного застоя.

Цивилизации свистунов на каком-то этапе развития удалось достичь политической интеграции идеологического однообразия. Это «достижение» обернулось для них трагедией. В этих случаях неизбежны создание правящей элиты, деградация духовной жизни общества, управляемой жесткой доктриной, рост однообразия и идеологической деспотии. Такое общество не развивается даже технически, оно «стрижет купоны» прежних научных накоплений, но ничего не способно создать принципиально

нового. В правящей элите происходит постоянная борьба за власть, сопровождающаяся «дворцовыми переворотами» и физическим уничтожением противников. Если это общество не погибнет в результате самоуничтожения, то оно гибнет вследствие прогрессирующей с каждым поколением деградации во всех сферах, в том числе и экономической. Или оно погибнет в борьбе с Природой и Разумом.

ЭЛИАНКИ

Из задумчивости его вывел топот копыт быстро бегущей по степи лошади. Он приподнялся на локтях и посмотрел в сторону приближающегося звука. Распластавшись в быстром беге, почти сливаясь с серебристой ковыльной степью, скакал белый конь. На его спине приник к гриве всадник в развевающемся на ветру голубом плаще. Сергей встал. Всадник заметил его и круто, на скаку повернул лошадь. Вдалеке показались еще две приближающиеся точки. Всадник подъехал и легко соскочил с коня. Это была младшая дочь вождя племени Дука и жена Эрика — златокудрая и зеленоглазая Стелла, та самая лесная нимфа, которую он встретил там, у себя на острове, на глухой лесной тропинке. Всего четыре месяца назад у них родился сын, получивший в память о погибшем друге имя Ларт. Старый Дук души не чаял во внуке и часами сидел у его колыбели. Роды протекали тяжело и долго, и Сергей, естественно, с беспокойством и тревогой посмотрел на жену, явно недовольный ее поступком. Он уже хотел сделать ей выговор, но она, чувствуя это, опередила его:

— Эрик! Ты забыл, какой сегодня день? Уехал с самого утра и ничего не сказал. Мы с ног сбились, разыскивая тебя. Хорошо, что тебя видели у берега реки. Все уже собрались и ждут. Приехали даже вожди из далеких приморских селений. Народу собралось... Больше двух тысяч. На площади поставили столы. Их уже накрывают.

— Постой! Как я забыл? Неужели прошел уже год?

— Да, представь себе, уже год и скоро будет год, как я твоя жена!

Сергей все еще не мог привыкнуть к особенностям элианского календаря, который, если судить земными мерками, содержал четырнадцать месяцев. Трудность еще заключалась в том, что на Элии не было привычных времен года. Ось вращения планеты в орбите составляла 90 градусов и на планете царила вечная весна. По элианскому календарю прошел ровно год с памятной битвы в горах. Эта дата теперь стала праздником, который сейчас впервые должны были отметить.

Подъехали еще два всадника. Это были Гор и его младший брат Юл — юноша, удивительно похожий на сестру, как тонкими точеными чертами лица, так и большими ярко-зелеными глазами. Он был только повыше, и цвет волос его был несколько темнее. Вместе с этим под его туникой и таким же голубым, как и у сестры, плащом скрывалась крепкие мускулы тренированного атлета. Гор отличался внешностью от сестры и брата. Как потом Сергей узнал, матери у них разные. Гор был темноволос и выше. Других сыновей и дочерей Дука Сергей неоднократно встречал в селении. Они жили отдельно от Дука своими семьями. Многие из них были уже пожилого и преклонного возраста. Многочисленная семья старого вождя иногда собиралась вместе в его доме за общим застольем. В этих случаях Дук надевал свою парадную одежду — белоснежный плащ из шерсти с тонким золотым шитьем, а на голову — диадему с крупным сверкающим алмазом. Он восседал во главе длинного стола, окруженный женами и дочерьми, подобно библейскому патриарху.

Стол в этих случаях ломился от всевозможных яств, но вместе с этой торжественностью и обилием за столом царила простота и непринужденность. Уважение, каким пользовался старый вождь среди жителей обширного селения и за его пределами, никогда не переходило в раболепие. Сказывалось естественное почитание власти. Дук был равный среди равных, и его советам следовали только потому, что в них содержались опыт и мудрость. Случись ему попытаться навязать свою волю вопреки здравому смыслу, его бы никто не послушался. Единственной реакцией было бы в этом случае удивление: как это мудрый Дук мог предложить такую глупость. И скорее всего этот день был бы последним днем Дука-вождя.

В доме Дука не было слуг. Элиане просто не представляли себе, как может человек служить человеку, выполняя за него ту работу, которую он должен делать сам. Все обширное хозяйство Дука велось его детьми, которые еще не были женаты или продолжали жить вместе с отцом. Иногда помочь заходили его сыновья и внуки, живущие отдельными семьями. Впрочем, работа не была тяжелой. Земля круглый год непрерывно давала такие урожаи, что малый клочок земли возле дома мог вполне прокормить целое семейство. Элиане были искуснейшими селекционерами, знаниями которых могли позавидовать селекционеры и генетики Земли. Эти знания природы вещей были чуть ли не врожденными. Вернее, они видели то, что не видел взгляд землянина, вооруженный даже новейшей оптической и электронной техникой.

«Мы слышим, как растут растения, — говорил Дук Сергею. — Они говорят нам, что им нужно, и мы это им даем. Вот это дерево, — Дук

показал на чайное дерево, из листьев которого элиане приготавливали напиток, — говорит мне, что на одном из его корней образовалась опухоль, которая, если ее не удалить, погубит корневую систему».

Он взял лопату и стал копать. Сантиметрах в пятидесяти от поверхности почвы был обнаружен корешок с наростом величиною с кулак. Дук взял нож и вырезал кусок корня вместе с наростом. Затем смазал концы среза какой-то жидкостью и забросал землей.

— Теперь ему ничего не угрожает, — проговорил он, распрямляя спину.

Сергей был свидетелем случая, который ему показался просто невероятным. Рано утром его разбудило громкое мычание, переходящее в рев. Он подошел к окну. У ворот дома стоял молодой тур. Возле него уже был один из сыновей Дука. В плече тура зияла рана, нанесенная, видимо, его собратом в поединке. Рана уже гнивала. Сын Дука обработал рану какой-то жидкостью и потом замазал густой темной мазью, похожей на смолу. Как только операция была закончена, тур повернулся и спокойно пошел прочь.

Сергей постепенно привыкал к подобным отношениям элиан и природы планеты. Его уже не удивляло то, что маленькие птички, подобные мухоловкам, живущие под крышей дома, поутру садились на плечи его жены, когда она выходила из дома, и выпрашивали корм. Но однажды ему пришлось пережить несколько неприятных минут. Это было на первом месяце их супружества. Он полюбил утренние верховые прогулки. Вставая задолго до завтрака, он седлал коня и около полудня прогуливался по лесным опушкам, наслаждаясь утренним шумом леса, переполненного птичьими голосами. Стелла обычно сопровождала его. Во время одной из таких прогулок, когда они, спешившись, медленно шли по опушке, ведя за собой лошадей, из чащи леса им навстречу выскочила огромная полосатая кошка, чуть меньше уссурийского тигра. Сергей, схватившись за рукоятку тяжелого кинжала, другого оружия при нем не было, вышел вперед, заслоняя своим телом жену. Тигр прижал уши и присел на задние лапы, приготовившись к прыжку. Его длинный хвост яростно бил по бокам. Еще мгновение, и он взвывается в прыжке. Сергей согнул левую руку, защищая грудь и горло, выхватил кинжал и приготовился к нападению. И тут вперед вышла Стелла. Тигр сразу же перестал бить хвостом, как-то расслабился и, не обращая никакого внимания на Сергея, медленно подошел к женщине и стал тереться мордой о ее ноги. Стелла, запустив руку в шерсть его загривка, весело засмеялась. Тут только Сергей обратил внимание, что кони, насколько не испугавшись хищника, спокойно продолжали стоять за его спиной, не выявляя никаких признаков страха.

— Ни один зверь не причинит вреда женщине и тем, кто находится рядом.

— А мужчинам? — спросил Сергей, приходя в себя от изумления.

— Это привилегия женщин. Мужчине, если он один, не поздоровится.

— Выходит, что женщина всегда в полной безопасности?

— Да, ни зверь, ни мужчина не может угрожать женщине. Женщина может пройти всю планету, не подвергаясь нигде никакой опасности. Эту безопасность и эту силу мы наследуем от своих матерей и передаем

дочерям. Это наш мир, и мы его хозяйки. Мы создали его законы, и мы управляем им. Мы, женщины!

— Так у вас матриархат?

— Что такое матриархат?

Сергей объяснил, как мог.

— Фу, какая гадость! — поморщилась Стелла. — Никогда больше мне об этом не рассказывай! Мне просто не верится, что вы могли жить в таком разврате.

— Ты имеешь в виду групповой брак?

— Не только! При вашем матриархате женщина была просто добычей более сильного самца. Ее желания никто не спрашивал, с ее выбором никто не считался. Самое отвратительное насилие — это насилие над чувствами и телом женщины. Любая элианка предпочла бы смерть, чем жизнь с нелюбимым человеком. Как может женщина носить в своем теле ребенка от мужчины, который не вызывает у нее ответных чувств, а еще хуже — неизвестно от кого, как это было при вашем матриархате? Нет! Это отвратительно! Грязно! Хорошо хоть, что это имело место сотни тысяч лет назад! За это время ваш народ успел уже очиститься от этой грязи.

Сергей промолчал о том, что и сейчас на Земле сплошь и рядом бывают случаи, когда не только супруг, но и сама женщина толком не знают, кто является отцом их ребенка. Действительно, скотство, подумал он. Может быть, женщины мстят нам, мужчинам, за то, что мы безраздельно присвоили себе право выбора? Разве не имеет раб право обманывать своего господина? Сергей хорошо знал историю, хотя она не была его профессией. Просто он иногда читал исторические труды с таким же интересом и с такой же легкостью, как и художественные произведения. Ему было известно, что даже в гаремах восточных владык, охраняемых сонмом евнухов, женщина ухитрялась наставить рога своему повелителю. Ее не пугала страшная казнь в мешке с негашеной известью. И чем больше мужчина стремился властвовать, тем чаще ему приходилось носить на голове украшения. Все революции, вместе взятые, не сменили столько династий, сколько сменила их женщина. Династия Романовых в России, трехсотлетие которой справлялось перед первой революцией, фактически закончилась на третьем ее представителе. Великий преобразователь России Петр I уже не был Романовым. Династия Бурбонов во Франции закончилась ее основателем Генрихом IV, на смену которому пришел жалкий отпрыск итальянского проходца Манчини.

— Вот видишь! — услышал он голос жены. — Если вы, мужчины, хотите быть уверенными, что дети, которых мы принесем вам, — ваши дети, вы должны предоставить нам право выбора отца ребенка. Тогда все станет на свои места.

Сергей вздрогнул. Он все не мог свыкнуться с тем, что мысли человека на этой странной планете не являются его безраздельной собственностью. И хотя элиане не злоупотребляли своими возможностями, в этом отношении у него каждый раз возникало чувство раздражения.

Ему было это так же неприятно, как было бы неприятно человеку, в рот которому любой посторонний мог засунуть палец. Это возмущало и вызывало чувство брезгливости.

— Прости, — мягко сказала Стелла, — я больше не буду.

— Да ничего... Я все еще не могу привыкнуть...

Было и другое, что поначалу смутило его, заставило почувствовать некоторую неполноценность. Потом он привык и старался не думать об этом, принимая как должное или, вернее, подчиняясь неотвратимости, которой он ничего не мог противопоставить.

Это произошло на следующий день после памятной битвы в горах. Когда он со своим отрядом утром следующего дня спустился с гор в долину, жители окрестных селений, зная уже о происшедших событиях, устроили Сергею и его бойцам торжественную встречу. По дороге, усыпанной цветами, его провели к дому Дука. Дук со слезами на глазах встретил его на крыльце дома.

— Сын мой! Сын мой! — повторял он, не находя других слов, протягивая руки для объятия.

Сергей с радостью обнял старика под ликующие крики толпы элиан, заполнивших широкий двор. Не выпуская из объятий, Дук повел Сергея в дом. И здесь он увидел Стеллу. Он без труда узнал в ней лесную незнакомку. И вдруг... С ним случилось нечто такое, что заставило забыть обо всем на свете. Все, кроме стоящей в двух шагах от него девушки, потеряло реальность и значение. Куда-то в небытие ушла родная Земля, Ольга, дети, трагически погибшая Эола... События предыдущего дня стали далекими, как будто они произошли много лет назад с кем-то другим, не было ни свистунов, ни их победителей... Реально существовала только она одна. Ее одну он искал всю жизнь, и в ней одной-единственной был весь смысл его жизни. Вся остальная жизнь была только прелюдией к этой встрече.

Потом, спустя много времени, когда Стелла уже ждала ребенка, он из разговора с Дуком узнал, что такие же чувства испытывает каждый элианин, когда полюбившая женщина выбирает его своим мужем.

— Вот почему сыновья нашего народа не могут противиться его дочерям, — пояснил Дук. — Чувства женщины, усиленные во много раз ее биополем, передаются мужчине, и он не в силах противиться выбору. Они делают с нами что хотят, — засмеялся он, — но мы этому не противимся, да и не смогли бы... Биополе женщины превосходит биополе мужчины во много раз. Они властвуют над нами, но притворяются, что подчиняются нам. Если жена захочет уйти к другому, она сделает так, что муж расстанется с ней без всякого сожаления. Мы все это знаем, но что мы можем сделать?! Женщина позволяет себя любить до тех пор, пока любит сама. А сколько это будет продолжаться, никто не знает, часто всю жизнь, а иногда и быстро кончается. Зато наши жены никогда не изменяют своим мужьям.

— Выходит, в отношениях с женщиной мужчина совсем лишен свободы выбора?

— А кому от этого плохо? У нас нет неразделенной любви, зависти, ревности, нет связанных с этими чувствами трагедий. Тебе надо только привыкнуть. Ты сам увидишь, что это неплохо, хотя, конечно, тебя, человека другого мира, мораль которого отличается от нашей, это немного шокирует и даже возмущает. Эти чувства пройдут, поверь мне.

— Трудно смириться, что с тобой обращаются, как с прибором, произвольно крутят ручку установки громкости.

— Да не думай ты об этом! Я вот всю жизнь подчиняюсь воле и капризам своих женщин, но счастлив тем, что еще могу выполнять их. Какими сыновьями и дочерьми наградили они меня! Мое сердце преисполнено гордостью, когда я вижу их, статных, красивых, полных благородства чувств и помыслов! Разве у вас там, на Земле, женщины не покоряют так же мужчин красотой лица, тела, мягкостью и нежностью души? Разве у вас есть возможность противиться этому? Единственно, чем вы отличаетесь от нас, это тем, что над вашими женщинами можно произвести насилие: физическое, моральное, духовное, принудить ее к сожительству материальными преимуществами, т.е. купить ее, как вещь. Согласись, при сопоставлении моралей ваша проигрывает.

— Да, но у вас узаконена полигамия! Это сводит на нет все преимущества вашей морали. Я согласен, что во многом ваши нравы более благородны. Я бы сказал, более рациональны, чем нравы народов моей планеты, но...

— Остановись! Не смешивай полигамию, устанавливаемую мужчинами, где женщина становилась рабой и игрушкой сладострастия, с полигамией, которую устанавливают сами женщины. Причем она совершенно необязательна. Женщина просто получает то, что она хочет. Если она хочет то, что уже занято, что ей остается делать? У вас это может заканчиваться распадом семьи, дети лишаются одного из родителей, покинутая женщина может остаться одинокой на всю оставшуюся жизнь, лишенная поддержки мужчины. Или же она в поиске новой семьи переходит из одних рук в другие, легко становится добычей проходимца, теряет чувство достоинства. Какими у нее могут быть дети, на глазах которых происходит моральное падение их родной матери? Разве ваши женщины останавливаются перед тем, чтобы разбить чужую семью, разве они чувствуют жалость к сопернице? Мужчина, если он настоящий мужчина, не приведет к себе в дом жену своего друга или даже просто знакомого, женщина же не останавливается перед тем, чтобы соблазнить мужа родной сестры, не то что подруги или знакомой. Такова их природа! Ее надо принимать такой, какая она есть, ни больше, ни меньше. Любовь для женщины — та могучая сила, которой она не может сопротивляться. Любовь сильнее принятой морали, сильнее родственных чувств и даже сильнее материнского инстинкта. Насиловать это чувство у женщины, общество насилует само себя, порождая разврат, трагедии и в конечном итоге калечит будущие поколения, передавая им в наследство как пороки своих отцов, так и новые, приобретенные в течение всей жизни. Не пытайтесь понять женщину. Это недоступно мужчине. Предоставьте ей возможность самой устраивать жизнь общества, как она хочет. И будьте довольны тем, как она это сделает, ибо в любом случае результат будет лучше, чем у мужчины. Эмансипация, как вы говорите, женщины заключается не в том, что она работает у станка или в управлении государством. Ее эмансипация — это свобода проявления чувств и возможность их удовлетворения. Женщина может сохранить достоинство, благородство, верность — если она любит. Женщина, лишенная любви, — нищая, униженная и оскорбленная. Разве может нищий сохранить гордость и достоинство? Вы в течение всей своей истории унижаете женщину. Мы ей поклоняемся, и мы счастливы. Женщина тоже может иметь много мужей, если захочет. Но не одновременно.

Дети должны знать своих отцов! Это один из наших основных законов! Женщина, которая не знает отца своего ребенка, это случается крайне редко, будет покрыта позором и изгнана из общества. Но она может уйти от своего мужа к другому, и никому в голову не придет осудить ее за это. У вас же есть такие женщины, которые зарабатывают на жизнь, торгуя своим телом. И эту мораль ты можешь противопоставить нашей?!

— У нас это запрещено и преследуется, — попытался защищаться Сергей.

— А что толку в запретах, если ваше общество создает условия для их существования? Так вот, если ты берешься судить о морали нашего общества, то положи на одну чашу весов право наших женщин на свободу выбора, свободу без ограничений и отказа, приводящих часто к полигамной семье, что, повторяю, не обязательно, а на другую чашу положи все известные пороки своего общества: прелюбодеяния, проституцию, венерические заболевания, распад семьи, беспризорное детство и тому подобное, и честно скажи, какая чаша тяжелее?

— И все же...

— Что?

— Мне непонятно одно.

— Говори.

— Как в такой семье жены не испытывают ревности? Это противостоительно!

— Я тебе отвечу так, как мне ответила первая жена, когда в наш дом вошла вторая, остановив на мне свой выбор. Она спросила меня, что бы я предпочел: есть в одиночестве кусок сырого теста или в кругу семьи сидеть за сладким пирогом, ожидая своей очереди, зная, что твое от тебя никуда не уйдет и ты получишь свою долю?..

Воспользовавшись удобным случаем, Дук снова вернулся к теме, которую Сергей старался избегать. Дук, что говорится, упорно гнул свою линию, и Сергей, не находя обоснованных аргументов против доводов старика, вынужден был каждый раз с ним соглашаться. Это вызывало раздражение и злость на самого себя. Он искал поводов, чтобы оттянуть исполнение замыслов мудрого элианина, рассчитывая, что со временем могут измениться обстоятельства и план Дука не состоится. Иногда же становилось стыдно за свое упрямство. Собственно говоря, если так принято здесь, то что в этом зазорного, думал он, и, если бы не одно обстоятельство, которое в корне изменило его положение, в споре с Дуком он, несомненно, занял бы более твердую позицию, а сейчас...

Надо ли говорить о том, что в первые же дни после уничтожения остатков команды звездолета Сергей попытался найти Проход. Снова и снова он повторял и уточнял у Гора описание местности. Первый раз, когда ему представилась возможность, Сергей направился туда прямо с космодрома. Он не думал покидать Элиу навсегда. Хотелось только удостовериться в существовании Прохода и повидать семью. Стараясь всегда быть откровенным перед самим собой, он вдруг понял, что жаждет и одновременно боится встречи с Ольгой и детьми. Как все, что случилось с ним, будет воспринято Ольгой? И захочет ли она последовать за ним на Элиу? Покинуть Элиу навсегда, ничего не сказав и не пре-

дупредив своих новых друзей, ему, конечно, не приходило в голову. Не говоря уже о том, что это было бы подло по отношению к ним, он не мог вот так просто расстаться со Стеллой. В таком состоянии крайней неопределенности, не приняв никакого решения, он ехал к Проходу. Ехал потому, что не мог не ехать... Чувство долга перед Ольгой, детьми говорило ему «иди», чувство долга перед новыми друзьями, которым надо еще помочь, перед Стеллой говорило «останься»! Два чувства, два долга сталкивались друг с другом, и ни одно не могло перевесить. Психологически состояние было крайне тяжелое, когда собственное «Я» испытывает мучительное раздвоение и, какое бы ты ни принял решение, второе «Я» тебе скажет «подлец!» Это надо хоть раз пережить, чтобы понять, почему Сергей, не обнаружив Прохода, почувствовал даже облегчение. Он тщательно обследовал местность, многократно возвращался сюда с Гором. Прохода не было. Земля, Ольга и дети были навсегда для него потеряны. Тоска, страх, растерянность, чувство невосполнимой утраты — все это обрушивалось на него раз за разом. Но одновременно он чувствовал и облегчение от того, что обстоятельства избавляли его от необходимости принимать решение, которое он не мог принять, не совершив над собой морального насилия.

Однажды, рассказывает легенда, Мать у колыбели умирающих двух ее детей взмолилась Смерти: «Смерть, оставь мне хотя бы одного!» Явилась Смерть: «Хорошо, я оставляю тебе одного, но ты сама должна его выбрать. Я вернусь через час». Через час Смерть пришла: «Выбрала?» Что ответила Мать — никто не знает, легенда об этом молчит.

Некоторые считают, что на любой вопрос жизни можно найти ответ. Хорошо им живется! Все-то им ясно, все-то им понятно. Можно было бы им позавидовать. Но как позавидовать улитке? А ведь, пожалуй, на Земле это самое «здоровомыслящее» существо. Живет — и никаких проблем! То ли дело — осел! Ослу иной раз приходится решать трудные задачи. И вот из двух охапок сена осел выбирает одну. Проблема решена? Нет! Появляется второй осел и начинает критиковать первого: не ту охапку выбрал. И становится проблема охапки мировой ослиной проблемой, которую ослы до сих пор решить не могут. Противоречия растут, становятся антагонистическими, и готовы эти ослы друг друга залягать насмерть копытами. Тоже проблема.

Сергею ничего не оставалось делать, как подчиниться реальности и превратиться окончательно в Эрика, т.е. стать элианином фактически и формально. Это значило подчиниться законам Элии и принять ее мораль.

При контактах двух цивилизаций неизбежно возникают моральные противоречия. Когда европейцы поселились на новом континенте, их мораль столкнулась с моралью коренных жителей. То, что было с точки зрения европейца аморальным, воспринималось индейцем само собой разумеющимся, и, напротив, поведение европейцев вызывало возмущение у коренных жителей. Разве снятие паранджи с женщин Средней Азии не продиктовано самыми лучшими и благородными намерениями? Но какую бурю вызвало у коренных жителей? Не было ли это равносильно тому, как если бы в Рязани или в Тамбове женщин заставили ходить обнаженными выше пояса? Народная мудрость гласит: в чужой монастырь со своим уставом не лезь! Даже если твой устав лучше. Дай

самим разобраться и понять. Было время, и рабство воспринималось как моральное явление. Городской житель приезжает в глухое село и сталкивается с массой условностей в поведении людей. Многие из них кажутся ему странными. Но если этот приезжий не будет выполнять принятых условностей, он останется чужим и даже будет вызывать у коренных жителей негативные чувства.

«Париж стоит мессы», — говорит Генрих VI, Александр Невский проходит унизительную процедуру очищения дымом в стане Батыя. А как звали Тверского князя, зарубленного монголами, когда тот, сохраняя достоинство, гордо отказался пройти сквозь «очистительный дым»?

Идя на компромисс с обстоятельствами, человек должен совершить над собой моральное насилие. Но где граница допустимого? Плохо, если твой разум, человек, ошибется. Ошибешься в одну сторону — будешь смешон, в другую — имя твое будет покрыто позором и презрением.

Итак, чтобы не быть смешным, Сергею суждено стать Эриком. Однако у него оставался довод, который он приберег на последний случай.

— Есть ли у тебя уверенность, отец, что мой сын унаследует мои качества землянина? Может быть, он родится элианином, и тогда никаких преимуществ вы не получите? Но может быть еще хуже. Мои дети, способные к насилию и агрессии, не внесут ли они зло в ваш устроенный мир? Подумай об этом.

— Что ж, в первом случае ты прав. Подождем, если ты уж так хочешь, до рождения моего внука. А что касается второго — я не боюсь. Во-первых, нравственные качества человека в большей части своей определяются воспитанием, и в этом случае опасения излишни. Во-вторых, агрессивность включает в себя не только способность к насилию, а, что более важно, способность к поступку. Мне хорошо известно, как ты поступил там, в горах, на узкой тропе. Ни один элианин этого не смог бы сделать. Что бы произошло? Погиб бы отряд. Погибли селения, и снова наш народ был бы загнан в концлагеря. Я понимаю твоё состояние. Ты решился взять на себя всю тяжесть решения. Но ты это сделал!

— Не знаю, отец! Мне кажется, я всю жизнь буду видеть перед собой этого парня, его расширенные от ужаса глаза... Одно дело убить врага. Но пожертвовать своим... В бою — это было бы понятно... но там, когда он висел, цепляясь судорожно за камень...

— Успокойся! У тебя не было другого выхода. Тебе приходилось выбирать между двумя и целым народом.

— Так-то оно так, но как часто такими доводами оправдывают самые отвратительные акты насилия. Пожертвовать тысячью для блага миллионов! Боюсь, как бы это не вошло в вашу жизнь. Это джинн, которого, раз выпустив из бутылки, уже не загонишь назад. Вот вторая сторона... поступка.

Дук долго молчал. Потом посмотрел в глаза Сергею.

— Как я рад, что ты у нас! Рад, что ты существуешь.

— А что же мне остается делать?

Сергей постарался свести все к шутке, но ему было приятно, что Дук его понял.

И вот теперь настало время, когда Сергей, теперь уже Эрик, окончательно и бесповоротно должен выполнить обещание, данное им в тот

памятный день старому вождю. Сразу же после празднества он должен будет принять в свой дом дочерей окрестных племен и тем самым воплотить в жизнь план Дука: способствовать созданию нечто вроде крупного объединения, которое в случае чего могло бы противопоставить пришельцам, если такие появятся вновь, реальную силу. Кроме того, Дук и особенно Гор вынашивали планы создания очага если не машинной цивилизации, то во всяком случае технического развития. Породившись с соседними племенами в лице Эрика, племя Дука и Гора, естественно, должно занять ведущее положение в этом союзе. Все выходило так, как задумал Дук. Его дочь должна стать отныне старшей женой Эрика, и ее сын, естественно, как старший, должен встать во главе будущих своих братьев, а следовательно, положить начало старшему, главенствующему роду новых сынов Элин, более энергичных, чем их расслабленные биологической цивилизацией братья. Не означало ли это закладывания основ будущей государственности? При тщательном анализе Эрик вынужден был отвергнуть такую возможность. Для создания государственности необходима постоянная внешняя угроза и, что еще важнее, исходная нищета и нужда населения. Эти два, соединенные вместе фактора создают условия для узаконения принуждения, порождают насилие, без которого ни одно государство не может ни возникнуть, ни продолжать существовать. Нищий и раб предшествуют богачу и диктатору, но не наоборот. Потом уже богач, чтобы существовать, должен создавать нищего, а диктатор — раба. Чтобы существовать и оправдать свое существование, государство вынуждено задираться и конфликтовать с соседями, находя в этих конфликтах основание для грабежа и насилия над своим собственным населением. «Мир расслабляет государство!» Кто это сказал, Эрик не помнил, но сказано было точно! Возникшее как средство обеспечения безопасности населения, государство существует до тех пор, пока существует реальная и перспективная опасность, но как только эта опасность окончательно исчезает, исчезают все моральные основы оправдания существования государства. Может случиться и так, что развитие оружия перечеркнет любую возможность государства защищать свое население от уничтожения. В этом случае государство также теряет смысл и моральное оправдание своего существования, и общество, чтобы выжить, должно найти новую форму организации, отвечающую современным условиям.

Может быть, действительно, Дук прав, думал Эрик, и этой цивилизации не хватает только способности к поступку, только решительности. Не такая уж беззащитная эта цивилизация. Она располагает всеми средствами «союзной» с ней биосферы. Но только мне, землянину, пришла в голову мысль использовать эти средства в борьбе с пришельцами. Даже Ларт, испытывавший на себе все ужасы концлагеря, и тот вначале не принял мою идею и даже пытался возражать, пораженный ее жестокостью и бесчеловечностью. А чем, собственно, она более бесчеловечна по сравнению с бинарными газами, атомным оружием и даже лучом бластера? Когда речь идет о жизни и смерти, каждый волен выбирать любое оружие. Следовательно, Дук хочет, чтобы в их обществе были люди, способные к решительным действиям, способные применить любые доступные средства, если эти средства несут спасение от нападения извне. В таком случае мое сопротивление Дуку неморально в своей основе.

Что же, приходится признать этот факт... Только..., по-видимому, в истории взаимоотношений народов такая форма помощи «слаборазвитым странам» будет оказана впервые.

...Всадники медленно приближались к селению. Ехали молча. Эрик погрузился в свои мысли. Его спутники, понимая его состояние, приотстали. Только приближаясь к площади, догнали его и поехали рядом.

Огромная площадь перед домом Дука была заполнена народом. Люди сновали между почти накрытыми столами, собирались группами, что-то оживленно обсуждали. Завидев Эрика, толпа расступилась, давая ему дорогу. Многие приветствовали его восклицаниями. Среди них Эрик заметил и своих бывших боевых товарищей. Их можно было отличить по почетному серебряному обручу на голове с небольшим рубином посередине. Эти обручи были изготовлены через месяц после памятной битвы и отныне должны быть отличительными знаками ее участников.

Бойцы окружили Эрика плотной толпой. Кто-то взял под уздцы лошадь. Послышались приветствия, добрые пожелания. Так, окруженный толпой соратников, Эрик въехал во двор своего дома.

До начала праздника оставалось около двух часов. Время достаточное, чтобы немного отдохнуть и переодеться в парадную одежду. Собственно, эта одежда отличалась от обычной только качеством материала и его выделкой. Форма же и покрой были одинаковы. Эрик долго не мог привыкнуть к ней. Его раздражало отсутствие брюк, так как вся одежда — это тунника, фактически — длинная рубашка с поясом на бедрах. Праздничное одеяние было чуть-чуть длиннее и наполовину закрывало голени. Обычная же тунника по длине едва доходила до колен. Эти голые ноги постоянно раздражали Эрика. Поэтому он обычно дополнял свой костюм длинным белым плащом из шерсти. Иногда в нем было довольно жарко. Постепенно он привык к своему внешнему виду и только иногда во время бритья, когда ему волей-неволей приходилось смотреть в зеркало, этот вид «двухметрового мужика в женском платье» вызывал чувство дискомфорта. Именно здешнее платье, которое заменило ему окончательно пришедшую в негодность земную одежду, заставило его сбрить бороду. У элиан не было бритвенных принадлежностей, поскольку они были лишены растительности на лице. Поэтому бритву заменил остро отточенный нож. Привыкнув у себя на острове к механической бритве, Эрик в первый раз страшно порезал лицо. Причем один порез был особенно глубоким и рана сильно кровоточила. Увидев его в таком виде, Стелла сначала испугалась, но потом, сообразив что к чему, улыбаясь приблизила к его лицу ладони. Кровотечение сразу же прекратилось. Эрик ожидал, что на месте пореза будет шрам, но на второй день на его лице не осталось никаких следов. Такой же процедуре были подвергнуты его обожженные плечи, и с тем же результатом.

Перед самым началом праздника Эрику представили вождей племен. Большинство из них было преклонного возраста, и только двое в возрасте тридцати — тридцати пяти лет. Некоторых Эрик знал раньше. Это были вожди близлежащих поселений элиан, понесших наибольшие потери от нашествия. Многих же из них видел впервые. Один, низкорослый, обратил на себя особое внимание. На его плечах был плащ из бле-

стоящей материи, переливающейся в лучах заходящего солнца всеми оттенками цветов радуги. На голове красовалась диадема, богато украшенная крупным жемчугом. Это был Ваак — вождь морского племени, живущего далеко на юге, примерно километрах в семистах от селения Дука. Дук тихонько пояснил Эрику, что люди этих племен выращивают себе жабры, разблокируя атавистические гены. На дне моря они разводят обширные плантации особых водорослей, которые временами завозят сюда, выменивая на шерстяную ткань и муку. Эрику уже доводилось пробовать их за столом у гостеприимного Дука. Это были мясистые стебли, толстые, красноватого цвета. Вкус особый, ни с чем не сравнимый, весьма приятный. Стебли содержали большое количество белка и, по-видимому, являлись основной пищей приморских народов, наряду с рыбой и огромными раками, которые уже лежали на накрытых праздничных столах.

Ваак преподнес Эрику в подарок для его жены ожерелье из розового жемчуга и настоятельно просил посетить их племя при первой же возможности. Каждый из представляемых вождей преподносил Эрику памятный подарок, и скоро весь стол в гостиную его дома был завален всевозможными сувенирами.

Особенно поразила Эрика необычайно прочная ткань. По виду она напоминала шелк. Подаривший ее вождь племени отрезал узкую полоску и предложил Эрику разорвать ее. Как тот ни старался, напрягая до предела мышцы, ткань не поддавалась. Ему объяснили, что ткань эту ткут особые паучки, используя ее как основу для кладки своих яиц. Для этого им изготавливаются деревянные рамы, которые помещаются в тень. Как только паучки заканчивают свою пряжу, она быстро убирается и ставится на солнце. Если задержаться, то образовавшиеся из яиц личинки начинают поедать ее, и она будет испорчена. Ткань абсолютно не мнется и не теряет своей окраски, которая зависит от вида паучков. Ткань долго сушат на солнце, после чего она приобретает исключительную прочность. Особые виды паучков-ткачей, полученных селекционным отбором, ткут веревки и канаты, а также абсолютно прозрачную ткань, которую используют вместо оконных стекол.

Еще Эрик обратил внимание на исключительную чистоту золота в подаренных украшениях. По роду службы ему часто приходилось работать с приборами, в деталях которых использовалось золото. Он умел поэтому буквально на глаз определять его пробу. Однако такую чистоту этого благородного металла он встречал впервые. В чем секрет? На Земле, чтобы иметь очищенное от примесей серебра и меди золото, требовалась сложная технология и аппаратура, которые, естественно, недоступны элианам. Ему объяснили, что золото получено из сжигаемых водорослей, которые накапливают в себе этот металл. Таким же способом добывают и другие металлы, хотя в основном железо и сталь получают примитивным металлургическим способом.

Солнце уже зашло, когда все уселись за столы. Столы были поставлены громадной буквой П, внутреннюю часть которой устлали коврами. После краткой, но выразительной речи Дука, содержащей похвалу Эрику и бойцам его отряда, начался пир. Вино было превосходным, хотя элиане редко прибегают к этому напитку. За последние семь лет Эрик второй раз пил вино. После памятной бутылки шампанского, которую

они с Ольгой обнаружили в холодильнике, он как-то ни разу не почувствовал потребности в алкоголе. Содержание алкоголя в вине оказалось незначительным, но букет запаха и вкусовых ощущений был замечательен, и Эрик с удовольствием осушил поданную ему чашу. Прошел час. За столом стало шумно. Тосты следовали за тостами. Каждый из присутствующих вождей племен считал своим долгом произнести краткую речь. За столом никто не прислуживал. Все приготовленные блюда были поставлены заранее, и никаких перемен не следовало. Но и того, что стояло на столе, было бы достаточно, чтобы накормить народу в два раза больше, чем его здесь собралось.

За исключением Дука и Эрика, первого, как хозяина, второго, как героя дня, сидевших на почетных местах в центре, все остальные расселись, где кому понравилось, не соблюдая никаких рангов различия. Элианки объединились группами, обсуждая что-то свое, мало обращая внимания на торжественные речи и тосты вождей племен. Все женщины были в своих лучших нарядах из блестящей материи, богато украшенной дорогой вышивкой. Почти все носили диадемы и ожерелья с драгоценными камнями, которые в свете зажженных факелов сверкали подобно звездам в открытом космосе. По-видимому, драгоценности на Элии не имели того валютного значения, как на Земле, и служили главным образом в качестве женских украшений. Хотя и мужчины украшали себя ими. Но это были преимущественно диадемы, носящие в себе признаки отличия и почета. Денег на Элии не существовало. Торговля велась путем товарообмена и была в зачаточном состоянии. В основном преобладало натуральное хозяйство. Каждое селение, каждая семья фактически полностью обеспечивали себя всем необходимым. На Элии не было ни бедных, ни голодных, но и не было концентрации богатств в одних руках или в руках немногих. Материального неравенства просто не существовало, и само понятие такого неравенства было чуждо населению этой планеты, так же, как и принуждение человека человеком к труду или услугам. Был ли это коммунизм? Вряд ли. Земля была в частной собственности, хотя никому не приходило в голову заявить права на большее, чем можно обработать своими руками, покупать-продавать, выменивать. Ни налогов, никакой власти, кроме чисто символической власти выборного вождя, не существовало. Не было нищеты и голода, уголовных преступлений, воровства и обмана. Никто никого не оскорблял, никто ни перед кем не унижался. Это было просто невозможно. Любое недоброе намерение, любая злая мысль немедленно становилась открытой для всеобщего обозрения. В этом обществе, естественный отбор которого затрагивал моральные качества человека, выживали только те, кто, как говорится, были джентльменами не по воспитанию, а по рождению.

Из задумчивости Эрика вывел мягкий толчок в бок. Стелла уже минута три предлагала ему блюдо с фаршированным трюфелями фазаном.

— Ты совсем ничего не ешь, — упрекнула она его. — Мы все так старались приготовить побольше вкусного. Съешь хотя бы вот это.

Блюдо действительно было изумительным. Еда просто таяла во рту. Французы говорят, что с трюфелями можно съесть собственный язык, а

они понимают толк в еде, не то что англичане, воспитанные с детства на традиционной овсянке.

Покончив с фазаном, Эрик, к явному удовольствию Стеллы, принял-ся за заячий паштет, а затем уничтожил пару омаров или гигантских морских раков, что привезли с побережья.

Все уже давно насытились, но не покидали стола, оживленно беседуя и ожидая еще чего-то.

Вскоре на покрытое ковром пространство вышла небольшая группа элиан с музыкальными инструментами, похожими на земные. Правда, преобладали всевозможные рожки и ударные инструменты. Музыка элиан отличалась исключительной ритмичностью и в то же время ненавязчивой мелодией. Эрик был не то что равнодушен к музыке, но мог прожить без нее. Он не терпел громкого исполнения, и в этом отношении манера элиан ему понравилась. Песни и музыкальные произведения аборигенов отличались большим разнообразием, плавными переходами и особой логичностью, которая на Земле встречается только в произведениях великих композиторов XIX столетия. Сочетание твердости с певучестью в языке элиан, частота следования гласных А, О, Э чем-то роднили их песни с песнями родных русских просторов и, если не вслушиваться в слова, казалось, песня прилетела с берегов далекой Волги или холодного Ильмень-озера.

Содержание песен чаще всего посвящалось воспеванию красоты природы и женщин. В них не было трагических оттенков, так характерных для русских песен. Эрик давно обратил внимание на то, что элианам не знакома религия. Религию им заменяли легенды, сказания, но почитание богов, а тем более единого бога—творца всего живого, не встречалось ни в обрядах, ни в песнях, ни в сказаниях. По-видимому, свойство элиан понимать, как они говорили, природу вещей не создавало той мучительной неопределенности, свойственной мышлению человека, когда он, достаточно разумный, чтобы понять странность мира, не мог объяснить его.

Человек создал гипотезу высших сил, свалил на них всю ответственность за происходящее и, успокоившись, стал развиваться дальше. Без этой гипотезы, ошибочной, но гениальной по своему психологическому эффекту, нравственное, культурное, а возможно, и научно-техническое развитие было бы невозможно, так как им мешал бы страх перед необъяснимыми силами природы. Элиане, по всей вероятности, в своем развитии в такой гипотезе не нуждались. Их мозг интуитивно воспринимал всю глубину сущности окружающего мира, а их сенсорное восприятие, представление о котором Эрик получил благодаря дару Дука, позволяло им видеть то, что недоступно восприятию землян даже при помощи самых точных приборов. Прибор, каким бы точным он ни был, дает возможность заглянуть в мир недоступного только через узкую щель проводимых измерений. Глубина восприятия мира позволила элианам обойтись без религии. Место бога заняла природа. Ее понимали, восхищались ею, берегли ее, но не обожествляли. Может быть, думал Эрик, их непосредственность, лишенная всяких условностей отношений между собой и окружающим миром, содержит в себе тот высший рационализм, который дается нам только путем длительных, мучительных размышлений и нравственных открытий. Им не нужны ни Сократ, ни

Платон, ни Аристотель, так как каждый из них является и тем, и другим, и третьим, а в своей совокупности превосходит их глубиной нравственного понятия и совершенства. Что бы сказала Стелла, если бы знала, что ярого проповедника группового брака мы почитаем как первого мудреца и основателя философии? Жан Жак Руссо — человек, страдавший сексуальными извращениями, создал произведения, воодушевившие первых социалистов. Почему наша земная нравственность никогда не была чиста и всегда содержала пятна грязи, прикрытые одеждой ханжества и лицемерия? А могла ли она быть иной?.. Мифы, легенды, библейские предания, переполненные описанием жестокости, насилия, сексуальных извращений, кровосмесительных связей, детоубийств, — все это, приукрашенное и опозитизированное, становилось основой нашей культуры, вдохновляло поэтов, художников, композиторов.

Испорченное детство человечества? Возможно. Но избавится ли когда-нибудь оно от всего этого наслоения, не проявятся ли эти наслоения в будущих поколениях, когда мощь человечества достигнет такого уровня, при котором проявившийся дефект нравственного воспитания дает ужасные плоды. Ничто ведь не исчезает бесследно...

Мелодия затихла, оставив лишь мерные звуки барабана. Эрик посмотрел на сцену. На нее из темноты ночи в круг, освещенный факелами, медленно выступала вереница элианок. Раскачиваясь в такт ударов барабана, они медленно обошли сцену. Темные длинные покрывала скрывали лица и фигуры. Факелы вдруг погасли, затем снова зажглись, еще ярче освещая сцену. Когда они зажглись, женщины были уже без покрывал. Их обнаженные тела перекрывали только узкие полоски материи, усеянные сплошь сверкающими в свете факелов, камнями. Барабаны забили сильнее. Начались танцы. Если бы Эрик и попытался описать их и то впечатление, которое они оставили у него, ничего бы не вышло. В движении танцовщиц было столько гармонии, грации и одновременно пылкости и необузданной страсти, что ничего подобного он никогда не видел и не мог себе представить. Движения молодых элианок были откровенны, даже, можно сказать, предельно откровенны, но в их откровенности не было ничего низменного. Напротив, понимая естественный скептицизм человека, не видевшего подобный танец, а следовательно, не воспринявшего всей его глубины и красоты, можно утверждать, что в танце достигалось несовместимое, казалось бы, сочетание целомудрия и эротики. Эрик сделал для себя еще одно открытие: физическая красота человеческого тела не может вызывать других чувств, каждая поза, принятая телом, воспринимается как законченное, доведенное до совершенства художественное произведение.

Эрик и раньше оценил физическое совершенство элиан, но только теперь понял всю глубину процессов развития этого народа. Ни один вид организмов ни здесь, на Элии, ни на Земле не был подвержен такому жесткому естественному отбору, как человек этой планеты. Физическое уродство здесь столь редко, что за год пребывания на Элии он ни разу не встретил человека с тем или иным физическим недостатком. Такие, он знал по рассказам Дука, время от времени рождались, но это были засохшие ветви на древе жизни, не дававшие после себя потомства. Мужчины на Элии были носителями изменчивости, как в сторону совершенства, так и в противоположном направлении. В давние времена

вторых было значительно больше и, если бы не жесткий отбор, регулируемый исключительным правом женщины, народ Элии деградировал бы из поколения в поколение, пока не лишился бы своих исключительных свойств. Наследственные болезни, психические заболевания здесь отсутствовали. До глубокой старости люди сохраняли все зубы. Бич землян — пародонтоз не тронул ни одного жителя. Не было лысых и тучных, близоруких и дальновзорких. Человек жил долго, сохраняя до глубокой старости ясность ума и упругость походки. Умирали легко, как бы засыпая, не чувствуя при этом ни ужаса смерти, ни агонии.

...Было уже далеко за полночь, когда гости, наконец, покинули столы.

Под впечатлением увиденного Эрик долго не мог заснуть. Но зато когда заснул, то проспал почти до вечера следующего дня. Солнце уже давно прошло зенит и склонялось к закату, когда его разбудила Стелла:

— Вставай, соня! — тормошила она его. — Отец хочет тебя видеть.

Эрик проснулся, но сделал вид, что еще спит. Улучив момент, он охватил жену руками и повалил на себя, осыпая ее шею и грудь поцелуями. Стелла поначалу пыталась вырваться, но затем замерла, прижавшись щекой к его обнаженной груди. Так они лежали до тех пор, пока за дверью не послышалось легкое нетерпеливое покашливание Дука.

Быстро одевшись, он вышел. Дук ждал его во дворе.

— Скорее ешь и поедем смотреть твоё хозяйство.

— Какое хозяйство? — не понял Эрик.

— Увидишь, — пообещал Дук.

Наспех перекусив остатками вчерашнего паштета, Эрик вышел во двор. Дук и Стелла уже сидели верхом. Стелла на своей белой кобыле, держа в руке повод вороного жеребца, нетерпеливо роющего копытами землю. Сергей вскочил в седло.

— А что Гор и Юл? — спросил он по привычке, предполагая, что братья, как всегда, будут его сопровождать.

— Они выехали с восходом и уже давно ждут нас на месте, — улыбаясь, ответил Дук.

Выехав из селения, всадники углубились в лес по хорошо наезженной дороге. Видно было, что ею в последнее время часто пользовались. Она была укатана колесами повозок. Земля настолько утрамбовалась, что уже не оставляла на себе следов.

Проехав километров шесть, они выехали на широкую поляну, если поляной можно назвать обширное пространство километров четыре-пять в поперечнике. Эрик замер от восхищения. Вид был поистине прекрасным. Поляна с трех сторон окружена скалистыми, покрытыми вековыми деревьями горами. Сотни ручьев водопадами струились вниз и впадали в реку, которая блестела на открытом пространстве, и терялись среди стволов могучих деревьев справа, уходя в лес. Вдалеке виднелись строения. Дорога пошла мимо возделанных полей и огородов, фруктовых садов. Сады, видимо, насажены недавно, так как все деревья были молодыми, хотя многие из них уже сгибались под тяжестью спелых плодов. Эрик прикинул, что общая площадь обработанной земли превышала двести гектаров.

— Как тебе нравится твоё хозяйство? — спросил Дук.

— Тебе не кажется, что это слишком много?

— Много ртов — много земли, — ограничил свой ответ Дук.

Показались пастбища, примыкающие непосредственно к реке. На пастбищах паслись коровы и лошади. Тут же стояли какие-то сараи. Через реку был перекинут деревянный мост. Легкий, но достаточно прочный, чтобы через него могла проехать тяжело нагруженная телега.

Подъехали к группе высоких и длинных строений.

— Школа, мастерские, лаборатория, арсенал, — как гид, пояснял Дук, не вдаваясь в подробности.

Недалеке от школы расположился целый поселок маленьких деревянных домиков, возле которых Эрик заметил людей.

— А это жилье твоих учеников, — снова заговорил Дук. — Женатых. Холостые будут жить вон в том доме, — и он показал на один из больших, вытянутых в длину домов. — Всего их будет около двухсот. Каждый год они будут сменяться. Тебе предстоит обучать их всему, что знаешь, но особенно военному искусству. Мы не можем больше оставаться беззащитными, как бы ни мала была вероятность повторения прошлогодних событий. Они же будут обрабатывать землю и следить за хозяйством. Если случится нехватка продуктов, мы привезем столько, сколько потребуется.

«И опять, — подумал Эрик, но уже без досады, — все решается за меня. Этот Дук, оказывается, упрямый старик и, если что решил, то обязательно должен довести до конца. Меня же который раз ставят перед свершившимся фактом. Впрочем, у меня нет оснований для проявления недовольства. Посмотрим, что дальше».

Дальше был обширный плац для занятий. Даже полоса препятствий, точная копия того, что было сделано в памятном ущелье, была предусмотрительно расположена на краю плаца. Все оборудовано добротно и солидно.

«Когда же они успели? — подумал Эрик, рассматривая строения и площадь для занятий. — По-видимому, строительство началось сразу же после битвы в горах. Выходит, они уже тогда все решили, хотя я и не давал на то никакого согласия...»

Пересекли плац, проехали через обширный парк, отделенный от площади живой изгородью, и очутились перед трехметровой стеной из выходящих роз. Проехав проем через открытые кованые ворота, они остановились на просторном дворе, засаженном розами и другими цветами. Посреди двора возвышался большой двухэтажный каменный дом на высоком цоколе. Рядом с крыльцом стояли Гор и Юл, очевидно, давно уже ожидающие их приезд.

— Нравится? — наслаждаясь произведенным эффектом, спросил Дук.

— Когда же вы это все успели и кто это сделал?

— Строили целый год все окрестные селения. Это тебе наш общий подарок к годовщине битвы в горах. Там, внутри, ты найдешь подарки от всех племен нашей планеты. Каждое племя старалось одарить тебя чем-то особенным, чего нет у других. Стены и мебель сделаны из дорогих пород дерева, доставленных сюда за сотни километров. Ты увидишь на полу шкуры редких зверей, ковры, изготовленные лучшими мастера-

ми, громадные раковины, доставленные со дна океана, светильники из горного хрусталя, посуду из тончайшего фарфора и серебра. Но пойдем, посмотрим еще кое-что.

Они прошли широким коридором, стены которого обшиты мореным дубом с искусно вырезанными цветами и листьями, переплетающимися в сложном рисунке. Через открытую дверь, проем которой был затянут прозрачной материей, они вошли во внутренний дворик, метров тридцать в поперечнике. Посреди дворика — бассейн, со дна которого мощной струей метра два в высоту бил природный источник. Судя по пузырькам на поверхности, вода насыщалась углекислым газом. Подойдя ближе, Эрик удостоверился в этом по резкому, бьющему в нос специфическому запаху. Над двориком, на деревянной раме, был натянут купол из прозрачной, но прочной материи. Между куполом и стенами дома светился зазор высотой в полтора метра, обеспечивающий свободную циркуляцию воздуха.

— Мы все хотим, чтобы жизнь твоя была приятной и ты никогда не думал о возвращении на Землю, — торжественно сказал Дук. — А теперь мы будем прощаться. Остальное ты досмотришь сам с моей дочерью. Юл уедет со мной, а Гор переночует в одном из домиков.

— Разве нельзя здесь? — удивился Эрик.

— Здесь достаточно жильцов, — засмеялся Дук, подмигивая Стелле...

— Не понял?!

— Ты забыл, какой сегодня день, — напомнил Дук и, видя, что Эрик молчит, пояснил, кивая головой на второй этаж дома. — Там ждут те, кто выбрал тебя. И не вздумай сопротивляться, — шутливо, но в то же время строго, предупредил он.

Эрик беспомощно и отрешенно махнул рукой. Он уже хорошо знал, что сопротивляться бесполезно. Да и хотел ли он сопротивляться? Психологический барьер, поставленный воспитанием и жизнью на далекой теперь Земле, был снят новыми условиями. От него остался лишь фундамент, через который легко можно было перешагнуть, разве что случайно задев ногой.

Любовь многолика, и каждое лицо ее прекрасно и неповторимо. Природа мудра. Она разделила все живое на две сущности, чтобы в стремлении друг к другу порождалось вечное движение, без которого сама природа не могла бы существовать. Она дала живому боль, чтобы избегать, и наслаждение — чтобы следовать. Наказание и поощрение. Не лежит ли это сочетание в основе любого обучения? Природа учит своих детей. Любой педагог скажет, что поощрение часто более эффективно, чем наказание.

Элиане это поняли и довели систему поощрения до того возможного предела, перейти который значило бы превратиться в пепел.

СЕРГЕЙ ИЛИ ЭРИК?

Через неделю после вселения Эрика в новое жилище к нему пришел Гор и сообщил, что все готово для начала обучения и курсанты ждут своего преподавателя. Отпуск кончился. Пора было приниматься за дело.

Первое знакомство с учениками состоялось в большом учебном классе. Когда Эрик вошел туда, там уже сидело на скамьях человек двести — двести пятьдесят. Среди них он заметил группу бойцов своего отряда, расположившихся отдельно от остальных. Может быть, для того, чтобы Эрик их сразу же заметил, они надели на себя почетные серебряные диадемы.

Гор пояснил, что он отобрал двадцать пять наиболее способных бойцов на роль младших командиров. Эрик по достоинству оценил предусмотрительность своего друга.

Он раза два прошелся перед рядами сидящих, собираясь с мыслями. Ему никогда не приходилось быть преподавателем, но он интуитивно понимал, что от первых слов, которые он скажет своим слушателям, зависит очень многое, так как первые слова врезаются в память, определяя отношение слушателя ко всей последующей информации.

— Обстоятельства, — начал он, — заставляют меня учить вас тому, чему бы я никогда и никого не хотел учить.

Он сделал паузу, как бы раздумывая, на самом же деле, давая аудитории время, необходимое для выработки соответствующего психологического настроения.

Внимательно окинул взглядом слушателей и продолжал:

— Я буду учить вас убивать, убивать, чтобы самим не быть убитыми. Убивать, в целях сохранения вашего народа и вашего уклада жизни. Чтобы вы и ваши дети могли жить свободными, чтобы вас не загоняли в концлагеря, не вскрывали чрева ваших жен и дочерей.

Вы должны стать жестокими. Но, став жестокими, вы призваны сохранить в себе присущую вам мягкость и доброту. Эта доброта — ваше главное богатство, и только защищая это богатство от посягательств и насилия, вы можете прибегать к жестокости. В других случаях она, жестокость, должна быть глубоко упрятана в ваших душах, подобно оружию, хранимому в арсенале.

Берегитесь употребить это оружие друг против друга. От вашей цивилизации тогда ничего не останется. Вы узнаете нищету и голод, гнет и страдания. Ваши добродетели обратятся в порок. Ваши нивы порастут сорняками. Ваши женщины потеряют красоту, а ваши дети — почтение и любовь к родителям. Ничто уже тогда не поможет вам!

Я пришел к вам из того мира, который тысячелетиями раздирался войнами и насилием. Людей сжигали на кострах, закапывали живьем в землю, покупали и продавали, как скот... В этом мире озверевший деспот развлекался стрельбой из лука в женщин, патриарх церкви пил эликсир молодости, приготовленный из крови невинных младенцев, жены завоевателей принимали ванны из крови девственниц покоренного народа, из кожи людей изготавливали дамские сумочки и абажуры...

Мучительной была история народа моей планеты. Только угроза самоуничтожения повернула историю на путь мирного развития, но до этого человечество пролило океаны крови и моря слез.

Помните, выпущенное на волю зло уже никогда нельзя будет заточить под замок!

Когда-то, более двух тысяч лет назад, на Земле жил пророк, который учил доброте и всепрощению. Он говорил: «Возлюби врага своего! Ибо, возлюбив врага своего, ты сделаешь его другом.» Раб должен был возлюбить своего господина, ибо господин — враг раба. Господин лишил раба свободы, и раб должен любить его, следуя заветам пророка.

Я говорю: пойми врага своего. Пойми, что он хочет, и поступай соответственно. Если враг хочет лишить тебя свободы — убей его! Но если ты видишь, что вражда между вами основана на недоразумении, обиде и может прекратиться, найди в себе мужество протянуть ему первым руку примирения. Думай и действуй! Думай мудро, действуй решительно и быстро! Поспешные решения и промедления в действиях всегда были причиной неудач и поражения. Я научу вас действовать быстро и решительно, но я не смогу научить вас думать. Это вы должны сделать сами. И еще... Трудно превратить врага в друга, но друга во врага — очень легко! Овладев средствами насилия, помните об этом всегда!

И последнее. Прошу это принять, как мое завещание. Все мы смертны, и когда-нибудь умру и я. Но те знания, которые я вам дам, останутся жить. Если среди вас, знающих тайну оружия, появится один или больше, которые будут призывать вас применить это оружие против

своих же, убейте его без промедления и сожаления, не принимая во внимание ни его заслуги, ни оправдания. И пусть это будет законом! Только в этом случае я буду вас учить! Вы должны будете дать присягу верности этому закону, который, я думаю, мы вскоре примем, — он посмотрел на Гора, — после обсуждения с вождями племен. Сейчас Гор распределит вас по группам. До принятия закона вы будете заниматься спортивной и строевой подготовкой под руководством младших командиров. Занятия по боевой подготовке, повторяю, начнутся после принятия закона и присяги. Перерыв!

Он вышел в сопровождении Гора.

— Ты ничего раньше не говорил о таком законе! — начал Гор.

— А разве вы меня поставили в известность о всем этом? — он повел вокруг рукой. — Мне это пришло в голову во время лекции, и я счастлив, что вовремя.

— Что же делать? Для принятия закона надо собрать совет племен. Это потребует времени.

— Время есть! Поставь в известность Дука, что это мое неременное условие! Пусть он пошлет гонцов во все племена, и в первую очередь в те, которые присылают курсантов для обучения. Остальные могут присоединиться и позже. Важно, чтобы закон был принят всеми окрестными племенами на расстоянии пятисот—шестисот километров, т.е. вокруг очага обучения. Закон должен предусматривать, чтоб те племена, которые будут входить в систему подготовки обороны, принимали этот закон и присягали ему, а также нераспространение военных и технических знаний на те регионы, где закон еще не принят.

— Ты все предусмотрел!

— Увы, тому виною опыт истории моей планеты.

— Ты прав. Сразу же после распределения курсантов по группам и назначения командиров я еду к Дуку.

На этом они расстались, и Эрик вернулся домой.

Созыв конференции представителей племен занял два месяца. За это время раз пять приезжал Дук за разъяснениями и сам рассказывал Эрику, как идет подготовка к созыву конференции.

— Большинство, — говорил он, — сознает необходимость принятия нового закона, но некоторые возражают.

Два месяца Эрик, дожидаясь выполнения выдвинутых условий, не появлялся в расположении учебных групп и, что называется, бездельничал. Все дело в привычке. Его новое «семейное» положение, окружающая роскошь воспринимались теперь как само собой разумеющиеся. Более того, они нравились ему, и скажи сейчас кто-нибудь Эрику, что придет время и он лишится всего этого и вернется снова на свой остров, он бы не поверил, а если поверил, то воспринял бы как невосполнимую утрату.

Целыми днями он «нежил» на коврах возле «нарзанового» бассейна в окружении своих друзей, в каждой из которых находил свои отличительные прелести и неповторимость. Не оделяя ни одну из них вниманием, он был с каждой одинаково ласков и предупредителен. Землянин в нем почти умер. Если не совсем, то в значительной части. Правда, он часто обращался мыслями к родной планете, но только мыслями, ни разу не испытывая желания вернуться.

Бытие определяет сознание. Это верно во всех случаях. Почему же Эрик должен составлять исключение? Земля исторгла его, не спрашивая его желания. Эта планета приняла его. Вместе с ее народом он переносил опасности и лишения. Вместе с ним он шел на смерть, горе этого народа было его горем, радости — его радостями. Он стал теперь элианином окончательно и бесповоротно. Каждая молекула его тела, согласно биохимии, была уже элианской. Земной осталась только память. Но не является ли память главным? Не придет ли время, когда это главное скажет о себе и его голос будет решающим?

За два месяца он один раз побывал в ущелье, на месте первого лагеря. На могиле Эолы стоял теперь гранитный обелиск. Искусно высеченная из мрамора голова застыла в полуобороте в глубине гранитной ниши. Внизу золотой насечкой были обозначены контуры рокового кинжала — его подарка так и не родившемуся сыну.

Насыпь вокруг братской могилы была выложена гранитными плитами. На насыпи — скульптурная группа из трех бойцов. В центре стоял Ларт. На месте пепелищ, оставшихся от домов, бурно росла трава. Опрокинутый взрывом мины бронетранспортер покрылся ржавчиной. Рядом с бронетранспортером лежал начисто обглоданный шакалами и воронами скелет шестипалого пришельца. Очевидно, его не заметили в тот памятный день. Иначе бы сбросили вместе с остальными в болото. Так испокон веков победители хоронят побежденных. Где могилы миллионов немецких солдат, похороненных на земле Украины, Белоруссии, под Москвой, под Орлом и у подступов к Волге? Не придет на могилу ни мать, ни сын, ни внук, ни правнук. Что занесло вас на чужую землю? Чужая земля... Она мягка только для своих сынов и не приемлет чужеземного захватчика, даже мертвого.

Эрик поймал себя на том, что он постоянно в мыслях возвращается к родной планете. Кто я? Сергей или Эрик? Эрик молчал, но даже в этом молчании постоянно чувствовалось его присутствие.

Полмесяца ушло на экспедицию к звездолету. Эрик собрал десяток подвод и с командой в сорок человек побывал на космодроме. Там, по его указанию, подводы нагрузили снятыми со звездолета приборами, которые он рассчитывал использовать в дальнейшем. Уходя, как и всякий раз, Эрик тщательно закрыл все люки. Открыть их мог только человек, знающий шифр, который он никому не доверял, даже Гору. Конечно, элиане, если бы захотели, могли «покопаться у него в мозгах» и найти в конце концов шифр, открывающий люки. Но Эрик должен был признать, что в этом отношении его друзья сохраняли щепетильность. Проникнуть в звездолет можно было, правда, через поврежденный корпус грузового отсека, как это было сделано при первом его посещении, но теперь он позаботился, чтобы из грузового отсека нельзя было проникнуть дальше. Еще раньше он как мог наглухо заделал поврежденную ударом сплюсшившегося при этом второго бронетранспортера переборку между грузовым отсеком и центральным коридором космического корабля. Это удалось с помощью найденного электросварочного аппарата. Собственно, он лежал рядом. По-видимому, оставшиеся в живых женщины команды в самый последний момент решили

наглухо закрыть вход в корабль, но внезапно начавшаяся эпидемия помешала им.

Еще раньше, семь месяцев назад, возвращаясь с очередной экскурсии на космодром, Эрик решил заглянуть на завод, рассчитывая найти там не поврежденные взрывом металлические листы. К счастью, он захватил с собой со звездолета счетчик радиоизлучения, машинально бросив его на повозку вместе с другими необходимыми предметами.

Подъезжая к заводу, он случайно кинул взгляд на шкалу счетчика и тут же приказал остановиться. Счетчик показывал 0,5 рентгена в час. До завода оставалось еще километров пять. Вся местность вокруг была радиоактивной. Тогда он понял, что свистуны в качестве источника электрической энергии использовали переносные атомные генераторы. Поврежденные взрывом, они и явились источником радиации.

На этот раз ему хотелось найти хотя бы один такой генератор. Вскоре это удалось. Прикинув, он определил, что вес его не меньше, чем десять тонн. Со временем его можно будет перетащить, но для этого придется соорудить громадную телегу, в которую впрячь десятка два, а то и три, лошадей. Кроме того, надо изготовить нечто вроде крана или по крайней мере лебедки.

Без электричества не обойтись. Почти все бластеры разряжены. И найденные приборы требовали электроэнергии. Вряд ли, при технике элиан, удастся сделать электрогенератор. Платформы, захваченные на заводе, работали на какой-то неизвестной ему энергии. Во всяком случае, после трехмесячного стояния в ущелье, они потеряли свои подъемные свойства. Эрик пытался разобраться в их конструкции, но безуспешно.

Искал он на звездолете и упомянутый в дневнике усилитель биополя. Тоже не нашел, так как даже не представлял его внешнего вида. К сожалению, пленный свистун, при помощи которого он прочитал дневник, умер неизвестно от чего на второй день после празднества годовщины битвы в горах. Последнее звено, которое могло бы дать информацию о пришельцах, исчезло.

Наконец вынужденное безделье закончилось. Постепенно стали съезжаться вожди племен и выбранные народом Элии делегаты на конференцию.

Конференцию решено было провести в учебном зале, так как на всей Элии не было помещения больших размеров. В таком помещении здесь никогда не испытывали нужды. Законы Элии установлены сотни лет назад и с тех пор не изменялись и не дополнялись. Собственно, никаких сводов законов здесь не было. Основной закон Элии — исключительное право выбора женщины — определял все остальное. Другие обычаи и правила поведения вытекали из этого права. Элианская цивилизация развивалась без сложностей, связанных с накоплением богатств, развитой экономикой, финансами, политической властью и уголовными преступлениями. Поэтому слух о введении нового закона вызвал всеобщий интерес. О нем говорили, спорили. Некоторые недоумевали, другие были против, но большинство, по-видимому, понимало его необходимость.

Делегаты собирались в селении Дука и должны были приехать на место конференции в день ее открытия. Юл ежедневно приезжал и со-

общал Эрику, как идет подготовка и кто уже приехал. Собралось уже свыше пятисот человек, сообщил он накануне открытия. Очевидно, несмотря на примитивность связи, информация о нашествии пришельцев распространилась если не по всей планете, то стала известна большинству ее народов. В связи с тем, что делегатов оказалось больше, чем рассчитывали, решили снять деревянную перегородку между учебными классами и расширить зал. Работы едва успели закончить, как прискакал Юл и сообщил: делегаты уже в пути и через полчаса будут на месте.

Эрик надел парадный костюм и приготовился к встрече.

Знакомясь с прибывшими, он поразился разнообразию расовых типов элиан, о котором и не подозревал. Среди них были бородатые, двухметрового роста жители Севера, смуглые до черноты негра — с далекого юга, наконец, чуть раскосые, с кожей цвета светлой бронзы, темноволосые, с длинными шеями — скотоводы степных просторов Востока. Они говорили на разных языках, но язык Дука преобладал, как и преобладал среди делегатов тип уже знакомых ему элиан. «Почти, как на Земле», — невольно подумал он.

Конференцию открыл Дук. Поблагодарив собравшихся за приезд, он кратко изложил суть вопроса, подчеркнув, что принятие закона является непременным условием военного и технического обучения. Затем Эрик расширил доводы Дука и стал отвечать на вопросы. Вопросов было много. Большинство их сводилось к вероятности повторения событий. На это Эрик, естественно, не мог дать ответа.

— Единственно, что я вам могу сказать и вы это знаете: мы не одни во Вселенной. Второй контакт может произойти через тысячи лет, может вообще не произойдет, а может случиться и завтра. Никто на это не даст ответа. Я тоже.

После часового перерыва началось обсуждение. Большая часть делегатов одобряла план Дука и условия Эрика, но были и такие предложения, как немедленно уничтожить все сохранившееся оружие и корабль пришельцев. Другие, не возражая против военного обучения, не соглашались на принятие закона, считая его излишним.

— Свыше двух тысяч лет, — сказал в заключение один из делегатов, — мы в своей жизни обходились одним законом. Обойдемся и теперь.

Отвечая ему, Эрик заметил:

— Испытав нашествие пришельцев, ваше общество уже изменилось. В него вошло насилие. От этого никуда не денешься. И если мы хотим оградить себя от насилия извне, то одновременно должны думать о том, чтобы это насилие не угрожало вашему обществу изнутри. Только принятие закона в формулировке, не допускающей произвольного толкования, может оградить вас от этой опасности.

На этом первое заседание закончилось. На второй день утром конференция должна будет собраться и без дальнейшего обсуждения приступить к голосованию по предложенному закону.

Делегатов разместили ночевать в домиках. Жившие в них командиры групп поставили поодаль палатки для ночлега. Дук, на правах тестя, отправился ночевать к Эрику.

Сидя после ужина у пылающего камина в гостиной, они продолжали разговор о конференции.

— Как ты думаешь, чем закончится голосование? — спросил Эрик.

Дук поцеловал в голову сидящего у него на коленях Ларта и передал его Стелле. Та приняла его и вышла, оставив мужчин одних.

— Большинство проголосует за, — немного помолчав, ответил старик. — Во всяком случае те, кто испытал на себе нашествие. Мы потеряли около трехсот тысяч мужчин и пять тысяч женщин. Это за год. В основном молодых. Некоторые наши селения были опустошены, другие лишились почти всех мужчин. Это особенно чувствительно, так как мужчины рождаются значительно меньше, чем женщины.

— Почему? — удивился Эрик.

— Это общий закон природы. Если стадо, прости, что я употребляю этот термин в отношении человека, но от этого суть не меняется, если стадо находится в благоприятных условиях, обеспечивающих обилие пищи и безопасность, то происходит сдвиг в рождаемости, и при том очень значительный. Мы имеем и то, и другое: и обилие пищи, и безопасность. Во всяком случае, до сих пор нам ничто не угрожало. Теперь... теперь нашему народу нанесен урон, который восполнится, может быть, лет только через пятьдесят.

— Почему так долго?

— Низкая рождаемость. Детородная функция женщин прекращается где-то в тридцать лет, хотя они живут долго и долго сохраняют внешние признаки молодости. У нас редкая женщина имеет больше двух-трех детей. Рождение ею четырех-пяти — исключительный случай.

— Чем это обусловлено?

— Качество потомства зависит от возраста матери. Природа как бы выключает детородную функцию, чтобы предотвратить рождение детей с дефектом. Ты ведь знаешь, что в основе нашей цивилизации лежит естественный отбор и судьба народа зависит от качества потомства.

— Сколько лет Стелле? Прости, что я об этом спрашиваю тебя только сейчас.

— Полтора года назад, когда ты ее впервые увидел там, за Проходом, ей было 12. Теперь ей 14.

Эрик прикинул: 14 лет — это почти 20 по земному исчислению.

Дук засмеялся:

— Ты знаешь, тебя чуть-чуть не похитили, но однажды она столкнулась лицом к лицу с твоей женой...

— Так вот оно что! — Эрик вспомнил странность в поведении Ольги.

— Да! Стелла тогда еще влюбилась в тебя и задалась целью увести с собой. Но свойства наших женщин властвовать над мужчинами появляются в 13 лет. Тут как раз появились пришельцы, и Проход стал недоступным. Наше племя успело уйти, понеся сравнительно небольшие потери. Гор и десятка два его товарищей попались случайно. Основные потери понесли соседние племена. Сейчас мое племя самое многочисленное.

— А как попался Гор?

— Я послал его уговорить соседей последовать нашему примеру. Гор задержался на пять дней, убеждая их бросить свои дома и посе-вы.

Когда те наконец поняли опасность, было уже поздно. Вместе с ними в плен попал и Гор.

— Когда будет принят закон, необходимо выработать план эвакуации населения в случае повторения событий.

— Ты думаешь, это может повториться?

— Я не нашел сведений о том, удалось ли им послать на родину информацию о себе и сообщить координаты планеты. Если да, то следует ждать повторного нашествия, еще более ужасного. Планеты, подобные Элии, — большая редкость в космосе и представляют лакомый кусок для захватчика. Будем надеяться на лучшее, но готовиться к худшему.

— Если так, то мы погибли!

— Ну, не совсем. У вас есть средства борьбы, о которых вы и не подозреваете. Надо только их развить. Но предупреждаю — это очень сильные средства, и применение их несет в себе большой риск.

— Все, что угодно, только бы сохранить свободу и жизнь моего народа!

— Мне понадобятся еще люди и в первую очередь строители.

— Ты получишь все, чем располагает наша планета, и ни в чем не будешь испытывать нужды. Мы тебе верим и на тебя возлагаем все надежды.

Эрик встал и бросил пару поленьев в камин.

— Работа будет тяжелой, смогут ли ваши люди, изнеженные условиями существования, выполнять ее? Сможут ли они понять необходимость дисциплины?

— Говори, пожалуйста, **наши** люди!

— Хорошо! Наши!

— Поймут! Но для этого ты должен стать элианином полностью! В тебе, я чувствую, есть еще много от Сергея. Забудь это имя!

— Отец! Ты опять копаешься в моих мозгах!

— Прости, это получилось невольно. Но я вижу, что тот Сергей еще не дает тебе покоя. Если хочешь...

— Нет! Только не это!

— Хорошо! Хорошо! Не будем об этом! Как тебе понравился твой дом? — спросил он, переводя разговор на другую тему.

— Слишком роскошно для Сергея, но Эрику нравится, — засмеялся в ответ он.

Дук, довольный, что его собеседник полностью его понял, также рассмеялся.

— Если понадобится, мы его расширим! — весело предложил он.

— Я думаю, мне не понадобится! А впрочем...

Дук окончательно развеселился.

— Вот теперь я вижу, что ты стал настоящим элианином. Им и оставайся!

Они посидели еще минут десять и разошлись по спальням. Уже засыпая, Эрик поймал себя на мысли: «Дук сказал — полтора года, а прошло больше четырех. Что-то не вяжется...»

Как и предполагал Дук, конференция одобрила предложенный закон. За проголосовало 478 человек, против — 22. Против проголосовали почти все «негры» и четверо «скотоводов». Им всем предложили присое-

диниться к большинству в связи с возможностью вторжения пришельцев. Двадцать так и сделали. Двое же покинули конференцию, отказавшись впредь подчиняться ее решениям. Таким образом, 498 племен образовали оборонительный союз, который должен был выработать единый план обороны и создать силы, способные противостоять внешней агрессии. Конференцию решили продлить на несколько дней, чтобы решить ряд организационных вопросов и определить основные черты генеральной стратегии в случае повторения событий.

В первый же день, по предложению Эрика, избрали оперативный штаб в количестве одиннадцати человек. В его состав, кроме выбранных тут же вождей племен, по предложению Эрика, включили Гора. Командующим, естественно, назначили Эрика.

— Есть два основных вопроса, которые мы должны решить в первую очередь, — обратился Эрик к собравшимся. — Это — мобилизация и эвакуация населения из очага агрессии. От быстроты проведения этих мероприятий зависит успех сопротивления. Им должна предшествовать хорошо налаженная система оповещения. У нас нет приборов, которые могли бы заметить корабли пришельцев еще в космосе. Поэтому нам придется обходиться системой оповещения, которая сможет сработать только после посадки кораблей противника на поверхность планеты. Договоримся, что имеющимися в нашем распоряжении средствами, в том числе, используя способности к телепатической передаче, каждое селение будет оповещать десять других, расположенных поблизости.

Далее, по получении сигналов обученные группы немедленно собираются в установленных пунктах. Должен вам сказать, что нашим главным тактическим маневром будет отступление. Правильно организованное отступление содержит в себе семена будущей победы. Поэтому, получив оповещающий сигнал, все население в трехсоткилометровой зоне немедленно эвакуируется в заранее намеченную местность. Среда обитания в трехсоткилометровой зоне должна быть превращена в агрессивную, не содержать ни малейшего источника питания, ни одного пригодного водоема. Меры по превращению среды в агрессивную должны быть такими, чтобы их выполнение заняло не более суток.

Затем, у нас нет оружия, которое можно противопоставить пришельцам. Следовательно, его надо создать, используя те возможности, которыми ваш народ располагает.

Он вытащил из сумки моток проволоки и куски пластмассы.

— Вот эти материалы, — сказал он, показывая вынутые предметы собравшимся, — применяются на кораблях пришельцев во всей важнейшей аппаратуре. Если вывести эту аппаратуру из строя, то корабль их станет беспомощным металлоломом. К чему я это говорю? Нам необходимы живые существа, желательно меньших размеров: микроорганизмы, грибки, мелкие насекомые, которым придется по вкусу эти материалы, т.е. пластмассы и изоляция этих проводов. Мне известно, что, не имея микроскопов, ваш народ сделал большие успехи в микробиологии, приучил бактерии повышать урожайность ваших полей, добывать металлы и т.д. Я дам вам образцы этих материалов и ищите микроорганизмы, которые будут жадно их поедать. Затем, — он вытащил еще один предмет, — вот эта коробочка содержит в себе биологиче-

ский фильтр и применяется в скафандрах. Внутри коробки лежит кусок ваты из особого вещества, не пропускающего и убивающего микробы. Необходимо найти такие микробы, которые не только будут оставаться живыми при контакте с этим веществом, но и будут его разрушать. Вот этот металл, — он вынул из сумки пластинки, — называется алюминий. Он применяется в антеннах, принимающих радиосигналы. Необходимы, я думаю, это легче, учитывая ваш опыт, микроорганизмы, которые в течение нескольких часов превратят эти пластинки в труху. Вот этот материал — резина. Она применяется как изоляционный материал, так и в противогасах. С ним надо поступить так же.

И последнее. Необходимы средства доставки микроорганизмов к месту высадки пришельцев. Наиболее подходящими средствами здесь будут птицы и насекомые. Все это должно быть готовым заранее и применено в первый же день высадки.

Все, что я перечислил, является главным и, пожалуй, единственным оружием, которое мы можем противопоставить технически развитой цивилизации. Боевые отряды, которые я буду здесь готовить, предназначены для борьбы с группами пришельцев, которые они вынуждены будут засылать в населенные зоны. В результате большого расстояния, обеспеченного агрессивной зоной, с этими группами можно бороться теми силами, которыми мы будем располагать. Действия наши, я это подчеркиваю, должны быть быстрыми, неожиданными. Ни один корабль противника, севший на планету, не должен ее покинуть, и он не должен успеть применить ядерное оружие. Поэтому я особенно настаиваю на том, чтобы вы, не теряя времени, занялись показанными вам предметами. Выведенные вами культуры микроорганизмов тщательно сохраняйте, передавайте из поколения в поколение, берегите — это, повторяю, ваше единственное оружие, которое может защитить Элиу от внешней агрессии. Я сомневаюсь, что вы сможете когда-либо свернуть на путь технической цивилизации и создать технику, промышленность. Создать свои корабли... Вы пошли по другому пути... Оставайтесь такими, как есть. Но умейте себя защищать!

Конференция продолжилась еще несколько дней. Были решены различные вопросы, в том числе и вопрос о количестве курсантов, которое решено было увеличить до пятисот. Затем делегаты разъехались, и Эрик приступил к выполнению своих обязанностей.

В трудах и заботах прошли четыре долгих элианских года. Почти все замыслы Эрика осуществились.

Привезенный с большим трудом атомный генератор давал ток. Элиане располагали теперь армией в две тысячи обученных бойцов под командованием элиан — участников битвы в горах. Теперь он мог сказать, что Элиа надежно защищена. Созданы лаборатории-хранилища, где содержится страшное оружие, готовое быть пущенным в ход в любой момент, если планета подвергнется нападению. Большой удачей Эрик считал находку ядовитой плесени, соприкосновение с которой разъедало металлы и резину. Плесень, лишенная естественных врагов, размножалась очень быстро мельчайшими спорами, разносимыми ветром. Споры хранились в стеклянных сосудах без доступа воздуха. Естественный антагонист плесени — микроскопический грибок мог столь же

быстро очистить зараженную местность. Плесень хранили с большой предосторожностью, так как попадание ее в дыхательные пути вызывало быстрый некроз легких, спасти от которого могло лишь немедленное введение в организм вытяжки из грибка-антагониста. Плесень могла расти везде и всюду, где не было этого грибка. В естественных условиях грибок, паразитируя на плесени, не давал ей возможности расширить свой ареал. Эрику с большим трудом удалось создать небольшие ракеты-снаряды, в боевые головки которых помещались стеклянные контейнеры с плесенью. На изготовление их пошли ракеты с нейропаралитическим газом, найденные на звездолете. Ни скафандр, ни биологический фильтр, ни другие предосторожности не спасли бы пришельцев от воздействия агрессивной плесени. Даже если бы космический корабль и поднялся с поверхности планеты, он унес бы с собой эти споры, и горе было бы тем, кто послал его на Элиу, если этому кораблю суждено вообще вернуться на родную планету.

Невдалеке от первой лаборатории в больших сосудах на безобидной питательной среде выращивался грибок-антагонист. Опасаясь, что его свойства будут ослаблены, Эрик многократно проверял его активность на живой плесени, но каждый раз грибок быстро уничтожал ее без остатка.

Авторитет Эрика и любовь к нему элиан достигли апогея. Где бы он ни появлялся, а ему приходилось совершать длительные поездки, встреча его превращалась в праздник. Каждое племя считало для себя великой честью породниться с ним. Его дом был завален редкостными подарками, привозимыми к нему со всех концов планеты. Его жены носили украшения, каждое из которых, будь это на Земле, могло составить крупное состояние. Если бы он хотел, то мог бы вымостить двор вокруг дома золотыми плитами. Ни один восточный владыка не жил в такой роскоши и даже не имел представления о возможности ее существования. Но самую большую радость ему доставляли дети. Старшему, Ларту, шел пятый год, что соответствовало шести годам по земному времяисчислению. Он уже умел читать и писать. Говорил он, естественно, на языке матери. Это был рослый для своих лет мальчик и, конечно уж, верховодил своими многочисленными братьями и сестрами. От матери он унаследовал зеленые глаза, от отца — темный цвет волос и, по видимому, рост. Второй ребенок Стеллы была девочка, которую называли Эолой. Для своих детей Эрик соорудил во дворе спортивную площадку, и они целыми днями готовы были висеть на шведских стенках, а те, что помладше, возиться в песке, не доставляя особых хлопот своим матерям. Правда, одна из них, по очереди, всегда присутствовала и вела наблюдение, чтобы кто-нибудь из малышей не залез особенно высоко на перекладину и не сорвался вниз.

Уходя ранним утром, Эрик возвращался домой только к обеду. Обедали в большой гостиной, стены которой представляли высокохудожественное произведение, выполненное резьбой по дереву с инкрустацией перламутром, шлифованным камнем и металлами. Одна из стен, против которой было место Эрика, представляла картину. Среди леса, верхом на огромном тигре, ехала обнаженная элианка. Может быть, художник, выполнявший эту работу, взял в качестве модели саму Стеллу? Волосы этой женщины были сделаны из тончайших полосок золота,

а глаза — из перламутра и изумруда. Эрик больше всего любил эту картину, которая в его глазах олицетворяла Элиу.

Стелла обычно, на правах старшей, садилась напротив и руководила всей церемонией, установив раз и навсегда, с момента своего вселения в дом, торжественный ритуал. Эрик в первый же день получил от нее выговор, когда попытался сесть за стол в повседневной одежде. Так же, как и он, остальные должны были садиться за стол в нарядах и украшениях. Дети обедали отдельно, в другой комнате, на первом этаже, под присмотром «дежурной» мамы. Ее место в этом случае за столом пустовало. От таких дежурств была освобождена только Стелла. Ее авторитет и власть не вызывали ни возражений, ни сопротивления со стороны подруг, которые жили вообще исключительно дружно. Если и происходили какие конфликты, Эрик о них ничего не знал. Все недоразумения улаживались Стеллой тактично, но и властно.

В последний год, когда дел поубавилось, Эрик после обеда уже не возвращался на работу, а проводил время с семьей. Иногда они отправлялись на совместные верховые прогулки. По воскресным дням, каждый пятый день, по обычаю элиан, устраивались охоты. Элианки довольно метко стреляли из лука, значительно превосходя в этом самого Эрика. Особенной меткостью отличалась черноволосая и меднокожая Таура — дочь племени скотоводов. Она вошла в дом Эрика всего три месяца назад. Таура выделялась среди остальных слишком тихим характером. За столом ее голоса почти никогда не было слышно. Сев на коня, она буквально преображалась. Бросив поводья и управляя коленями, она мчалась в бешеной скачке, разя без промаха длинной стрелой убегающего тура. Нельзя было улучшить момент и заметить, как она натягивает лук. Все происходило мгновенно. Миг — и только что мчавшееся во весь опор животное падает в предсмертных судорогах, пораженное стрелой в самое сердце. «Настоящая амазонка, — думал Эрик, любясь скачущей Таурой, — и сидит, как амазонка, согнув ноги в коленях, бросив стремена, упираясь пятками в бока лошади».

Два раза в год к Эрику приезжали его многочисленные родственники. Для них накрывали столы в актовом зале. Роль этого зала стал играть учебный класс. Его приукрасили. Здесь проходили советы и все торжественные мероприятия. Рядом была построена гостиница для приезжающих. Обычно такие встречи заканчивались танцами, так как вместе с родственниками приезжало много молодых элиан и элианок. Эрик, сам не большой любитель музыки, немало затратил времени на создание оркестра, подобрав музыкантов среди курсантов.

Поселок значительно разросся, так как у женатых командиров родилось много детей. Эрик не раз возвращался к мысли о строительстве школы. Элиане имели буквенную письменность. Это его удивляло, так как на таком уровне социального и экономического развития скорее можно было бы ожидать иероглифического письма. Однако буквенная письменность не сопровождалась на Элии развитием литературы. Народ Элии, несомненно, поэтичен, но почему у него нет литературы? На этот вопрос он пока не находил ответа. Вместе с тем высокого развития достигло изобразительное искусство. Оно поражало своей правдивостью и высоким индивидуальным мастерством исполнения. Картины, которые он получил в подарок, восхищали его. Каждый раз, рассматривая ту

или иную работу, он неизменно находил в ней что-то новое, не открытое им раньше. То же самое можно было сказать о скульптурах, выполненных в мраморе или в дереве. Дерево было излюбленным материалом элианских художников. Они умели подбирать такую древесину и так искусно ее обрабатывать, что изображение человеческого тела создавало иллюзию реальности, иногда казалось, что вырезанная из дерева фигура дышит, а тело излучает тепло.

Как-то раз он взял снятое им с прибора увеличительное стекло и внимательно осмотрел поверхность деревянной скульптуры. На покрытой тонким прозрачным лаком древесине выделялись мельчайшие неровности. Эти неровности, отражая падающий на дерево свет, создавали эффект живого. Пожалуй, ни один скульптор и ни один живописец Земли не мог сравниться мастерством и силой восприятия с элианами. Но среди элиан не было ни Пушкина, ни Байрона, ни Рабле, ни Толстого. Не было и Гомера, хотя древние, довольно поэтические сказания передавались из поколения в поколение. Музыка была представлена в песнях и в сопровождении к танцам. Крупных музыкальных произведений психологического и нравственного характера не существовало.

Эрик как-то попытался перевести на элианский язык Пушкина с тайной надеждой, что это послужит импульсом к развитию поэзии и языка.

Я вас любил, любовь еще, быть может,
В моей груди угасла не совсем....

Элиане вежливо выслушали, но, кроме удивления, не выразили никаких эмоций.

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты...

Единственный вопрос, который задали ему слушатели, был: «Поженились ли герои данного произведения?»

Растерявшись, Эрик не знал, что ответить. Путано объяснил, как мог, чувства поэта, но по всему было видно, что слушатели его просто не понимали. Не больший успех имел Шекспир. Страдания Ромео не вызвали понимания слушателей, а страсть ревнивого мавра показалась им отвратительной. В общем, эти литературные вечера не имели никакого успеха. Эрик вскоре заметил, что элиане воспринимают их, как некую причуду их руководителя. Вежливо слушают, но по всему видно, что им скучно и непонятно. Эрик вынужден был прекратить свои попытки. Его это сильно огорчило, ибо он понимал, что без развития языка и литературы не могут развиваться и другие отрасли знания, в том числе и технические. Эта зависимость неуволима на первый взгляд. Но она есть, и игнорирование ее приводит подчас к самым неожиданным результатам. Литература — отражение социального состояния общества. Но это отражение будоражит общество, стимулирует его социальное развитие, что, в свою очередь, оказывает влияние на развитие науки и техники. Последнее создает новые социальные условия, которые находят отражение в литературе. Возникает замкнутый круг, вернее, восходящая спираль, по которой общество идет вверх в своем развитии. Идет, испытывая сомнения, боль...

Боль... В этом что-то есть, — подумал он. Организм не может существовать без боли. Боль — это сигнал о неисправности. Не будет боли — болезнь зайдет слишком далеко и организм неизбежно погибнет. Боль указывает на место повреждения, сигнализирует о процессе развития болезни, тем самым помогая ему принять соответствующие меры против болезни. Боль спасает организм от смерти и загнивания.

А не является ли литература таким же отражением боли общества, сигнализирующей о социальном неблагополучии и, так же, как боль в организме, спасающей общество от загнивания и гибели? Литература, если это настоящая литература, а не маргарино-паточная похлебка словоблудия, — это боль общества, отражение его неудовлетворенности и поиска истины, подчас мучительного и противоречивого, с присущими ему открытиями и заблуждениями... И именно этой боли и этого поиска панически боятся все те, кому выгоден социальный застой общества, апатия населения, превращение граждан в обывателей с комплексом «маленького человека». Где наказанием, где угрозой, где запретом, а где и поощрением, эти люди превращают литературу в гигантский механизм социальной мастурбации, не стесняясь выдавать эту мастурбацию за новое прогрессивное течение.

Превращая литературу в служанку власти или веры, общество погружается в наркотический сон, в котором реальность вытесняется грезами. Пробуждение после такого сна тяжело и мучительно.

У элиан нет и не могло быть литературы, понял, наконец, Эрик. Это общество никогда не испытывало социальной боли, неудовлетворенной страсти, неисполненных желаний. Достигнув личного счастья, гармонии с природой, того, что земному человеку еще предстоит достигнуть, они фактически остановились в своем развитии. В том смысле, как это понимаю я, человек Земли. Развитие идет, но оно идет по пути развития личных качеств, и это развитие еще более усиливает создавшуюся гармонию, делая ее еще более прочной и стабильной. Они так и останутся наедине со своим счастьем. Но не подобно ли это счастье счастью амебы в питательном бульоне? Или, скорее, экзотического цветка, выращенного заботливым садовником?

Что же такое — счастье? Борьба, как утверждал пленный приходец? Счастье волка, сомкнувшего челюсти на горле жертвы? Бесконечный бег за горизонтом будущего? Ради счастья будущих поколений. Каких поколений? Это тех, сегодняшних половых клеток, которые путем случайного слияния создадут будущие народы планеты? А ты, человек, живущий сегодня, имеешь ли ты право на свое счастье? Я, человек, не знаю, что такое счастье. И есть ли оно? Есть ли абсолютное счастье, к которому надо стремиться? Или счастье у каждого свое? Счастье ребенка, счастье матери, счастье ученого, доказавшего истину, счастье спекулянта, провернувшего удачную операцию, счастье палача, счастье жертвы, счастье безумца? Ведь и безумец по-своему счастлив. Может быть, счастье в нас самих? Какие мы — такое и счастье? Каждый достоин своего счастья? Каждому — свое? Не этот ли лозунг был написан на воротах фашистских концлагерей?

Римский диктатор Сулла любил называть себя Счастливым. Но его счастье — несчастье римлян. Возможно ли счастье для всех? А если все будут счастливы, то не прекратится ли тогда движение? Не скажет ли

человечество: «Остановись, мгновение, — ты прекрасно!» И не ждет ли этого момента хитрый Дьявол, чтобы увлечь человечество, подобно Фаусту, в преисподнюю? Преисподнюю застоя и бездействия. Не является ли элинский рай этим адом? Рай? Так же, как и счастье, он рисуется по-разному. Изможденный непосильным трудом раб Римской империи представлял его как постоянный отдых от труда, как вечное безделье. Темпераментный мусульманин представлял его роскошным гаремом, глубокомысленный индус — вечным превращением, а здравомыслящий грек — царством вечных теней, вечно голодный охотник — полями обильной охоты. И опять у каждого — свое! А где же общее? Где то общее, которое будет понято и приемлемо для всех? Не затощит христианин мусульманина в рай христианский, а мусульманин — христианина в свой. А коль будут упорствовать в своем рвении, то перережут друг другу глотки и оба попадут в ад!

В который уже раз Эрик почувствовал присутствие в себе Сергея. На этот раз Сергей заговорил в нем в полный голос. Эрик не прерывал его, слушал, сознавая справедливость доводов своего второго «Я». Но одно дело — сознавать, другое — принимать. А этого Эрик сделать уже не мог.

— Ну, хватит, замолчи! — сказал он ему.

Сергей замолчал. Замолчал, но не ушел. Он был в нем, где-то внутри, ворочался, как страдающий бессонницей человек, вызывая раздражение уже одним своим присутствием. Сергей не был совестью Эрика. Это было бы слишком просто. Эрик не совершил ничего такого, что бы нанесло ущерб его совести. Сергей просто напоминал ему, напоминал о том, что в нынешнем положении не играло никакой роли. Что связывало его с Землей, кроме воспоминаний? Эрик вдруг почувствовал, что на этот раз он не прав. Разве он, Эрик, спас элиан? Нет, спас Сергей, а Эрик пришел позже! Именно его земная сущность, его память! Через эту земную сущность Земля протянула руку помощи Элии. Кто же он, Эрик? Узурпатор, воспользовавшийся чужим трудом и заслугами, или только внешняя оболочка земного Сергея, более понятная элианам а следовательно, более полезная для Сергея в его деятельности на этой планете?

— Наконец-то ты меня понял! — послышался явственно голос Сергея.

— Значит, ты меня не осуждаешь?

— Нет, конечно! Будь Эриком, но будь и Сергеем. Если ты перестанешь быть Сергеем, ты не будешь здесь больше нужен. Но если ты не будешь Эриком — тебя не поймут, а это одно и то же.

Примирение состоялось.

— Послушай, а ты знаешь, что такое счастье?

— Приблизительно!

— Интересно!

— Счастье — это неистощимая сума желаний. Ты вытаскиваешь из нее одно за другим, а она не истощается.

— Прimitив!

— Возможно!

ОТЧУЖДЕНИЕ

Прошло двадцать лет. Старый Дук умер. На его место был избран другой вождь. Власть Дука не перешла по наследству к Гору. Нового вождя племени элиан звали Чак. Эрик почти не был с ним знаком. В ту памятную ночь, когда на взмыленном коне к нему прискакал Юл с сообщением о том, что Дук умирает и хотел бы перед смертью с ним увидеться, Эрик только-только вернулся из длительной поездки в соседнее племя элиан, находившееся от его дома на расстоянии ста пятидесяти километров. Его сопровождали шестеро старших сыновей. Они только зашли в дом, как вслед за ними появился Юл. Все путники промокли до костей, однако, узнав в чем дело, Эрик не стал даже переодеваться, только накиннул на себя теплый плащ. В конюшне он оседлал свежую лошадь, и они с Юлом поскакали во весь опор к селению.

Ночь была такая темная, что он почти не различал впереди себя силуэт скачущего Юла. Дорога размокла. Неподкованные копыта лошади скользили по глинистой почве. Рискую ежеминутно упасть вместе с лошадью в дорожную грязь, Эрик гнал коня, стараясь не отстать от спутника.

В селение въехали уже перед самым рассветом. Оба были мокрые и в грязи. Бросив коней посреди двора, они вбежали в дом. Их встретил Гор. На вопросительный взгляд Эрика ничего не ответил, только опустил глаза и покачал головой. Эрик сбросил мокрый плащ и, отерев кое-как покрытые грязью ноги, вошел в спальню Дука. Дук лежал на широкой постели. Лицо его заострилось. Высу-

шенные старческие руки покоились поверх одеяла. Он дышал тяжело, с хрипом. Вокруг стояли его многочисленные домочадцы. Завидев Эрика, Дук сделал едва заметное движение. Собравшиеся у его постели родственники тотчас же покинули комнату, оставив его наедине с Эриком.

Эрик пробыл возле Дука около часа. Что ему говорил перед смертью старый вождь, он никому никогда не рассказывал. Последнее напряжение, связанное с этой беседой, совсем подорвало силы умирающего, и он заснул, выпуская из своей холодной руки руку Эрика. Эрик осторожно высвободил руку и вышел. Дук умер спустя два часа, так и не просыпаясь.

Похороны состоялись на четвертый день. На могиле старого вождя насыпали высокий холм. Элиане, не зная религии, не придерживались пышных похоронных церемоний, но чтили умерших, содержали в порядке могилы, на которые ставили памятники из гранита и песчаника. Иногда памятники украшались скульптурными портретами умерших. Так и на этот раз, на могилу Дука был поставлен такой скульптурный портрет. Старый вождь, высеченный из мрамора, сидел в кресле, опустив руки на подлокотники, задумчиво склонив голову.

Смерть Дука не была неожиданностью для соплеменников. Ее ждали и к ней готовились заранее. Такая предусмотрительность немного покорила Эрика, хотя он уже привык к тому, что элиане очень спокойно относятся к смерти. Может быть, это потому, что задолго до кончины они угадывают время ее наступления, и не только тот, кому суждено умереть, но и окружающие его люди. Человека здесь хоронили дважды: первый раз, когда узнают срок кончины, второй — когда она наступает. Поэтому горе, связанное с потерей близкого человека, поражает родственников в тот день, когда они узнают о неизбежном, но затем, со временем, притупляется, и, когда приходит сама смерть, ее встречают, как это не кажется диким и невероятным, с каким-то облегчением, приносящим снятие напряжения ожидания. Это выразилось не только в готовом памятнике, который поставили рядом с могилой сразу же за погребением тела, но и в том, что уже давно в селении был выбран новый вождь племени, который, однако, еще не вступал официально в должность, но фактически уже управлял делами племени.

Эрик ничего не знал о предстоящей кончине Дука, так как тот велел ему ничего не говорить. Скорее всего Дук щадил чувства своего друга, зная его искреннюю привязанность.

В последние пять лет они виделись редко. Дук уже не мог ездить верхом. Эрику же, занятому делами, все было как-то недосуг выбраться к нему в селение.

Дела между тем шли не так, как предполагали Дук и Эрик. Последние пять лет племени, входящие в союз, почти перестали присылать для обучения курсантов. Их количество с пятисот сначала снизилось до двухсот, затем — до пятидесяти. Под конец остались только младшие командиры, но и среди них началось «брожение». Уже пять, вместе с семьями, покинули свое жилище и уехали в родные селения.

Эрику пришлось законсервировать лабораторию. Количество обрабатываемой земли в усадьбе сильно сократилось. Теперь она в основном обрабатывалась его сыновьями. Шесть из них были уже женаты и жили в отдельных домах со своими женами и детьми — внуками Эрика. Три

дочери покинули его дом, выйдя замуж. Еще десять сыновей и пять дочерей достигли брачного возраста, но еще не создали себе отдельных семей и жили вместе с отцом. Остальные дети были еще малы и не могли работать в поле. Чтобы прокормить семью, в которой вместе с детьми было больше шестидесяти человек, Эрику пришлось самому стать за плуг. Правда, время от времени приходили обозы с продовольствием, но после смерти Дука они стали появляться все реже и реже.

Элианки не работают в поле. Эту работу выполняют мужчины. Поэтому вся нагрузка упала на плечи Эрика и его подростков сыновей. Его жены принимали участие только в охоте. Но поскольку охота стала теперь не развлечением, а промыслом, она уже не вызывала у них того интереса, что раньше.

Эрик давно понял, что он перестал быть нужным элианам. Пока в памяти людей были свежи воспоминания о нашествии пришельцев, Эрик был для них спасителем и, что важнее, человеком, без которого они чувствовали себя беззащитными перед угрозой нового нападения. По мере того как шли годы, эта угроза стала терять черты реальности, превратилась в нечто абстрактное, маловероятное. И вообще, больше никто из элиан, за исключением старого Дука и Гора, да, может быть, нескольких его старых боевых товарищей, не верили в возможность повторения нашествия. Пока существовал страх, элиане готовы были учиться военному делу, содержать курсантов и бойцов, а также Эрика и его семью, и в этой готовности была искренность и желание, так же, как искренняя любовь к своему освободителю была присуща всем, с кем когда-либо он встречался. Но теперь, когда прошло двадцать четыре года и ужас нашествия сгладился, к добровольности участия в оборонной программе примешивались элементы повинности. А как раз повинность была чужда самой природе элиан. Никогда ни один элианин не гнул спину на другого. Это общество не знало ни рабов, ни слуг, ни наемных рабочих. Труд был неотчуждаемой собственностью самого трудящегося человека.

Вначале, когда Эрик заметил охлаждение к нему элиан, он испытал сильное чувство обиды. Стал реже навещать их селения и больше уже не созывал Совета. Тем более что на последнем Совете присутствовало меньше половины его членов. Привыкнув за долгие годы к всеобщему вниманию, он стал крайне чувствителен. Даже то, что его появление в селениях уже не сопровождалось всенародным празднеством, задевало за больное. Женщины уже не бросали на него пылких взоров, полных обожания. Это тоже им фиксировалось и царапало самолюбие. «Не нужен! Не нужен!» — с горечью повторял он себе, мрачняя и стараясь уединиться. По-прежнему полный сил, он мог до сих пор повалить наземь взрослого тура, ухватив его за рога. Но фигура его уже утратила юношескую стройность. Эрик стал грузен. Редкая лошадь могла выдержать под ним длительную скачку. Не то что он потолстел. Нет! Только еще больше раздался в плечах, под кожей рельефнее вспучились тугие мышцы. Движения стали спокойнее. На висках появилась первая седина.

Стелла же и другие элианки, что жили с ним, почти не менялись. Продолжительность жизни элиан в три-четыре раза больше, чем у жителей Земли. Так же медленно наступает старость. Элианин, которому исполнилось сто лет, выглядел моложе тридцатилетнего землянина. Женщины живут меньше, но почти не стареют. Только лет за десять до

смерти наступают первые признаки угасания. За год до смерти женщина старится буквально на глазах. Эрик рассчитал, что к тому времени, как он станет совсем старым, Стелла почти не изменится, что его одновременно радовало и пугало. Уйдет ли она от него тогда или же будет с ним до самого конца, дожидаясь его смерти? Эрик задал себе этот вопрос, так как месяц назад от него ушла одна из его жен, забрав с собой трехлетнюю дочь. По законам Элии, если ребенку меньше шести лет, то в случае ухода жены ребенка забирает мать. Шестилетним предоставляется право выбора: уйти с матерью или остаться с отцом. Этот случай принес Эрику много горечи и не потому, что ему было жалко расстаться с молодой, красивой женщиной, которая еще четыре года назад, победив соперниц, завоевала себе право сделать «выбор», а совсем по другой причине. Чувства к ней не осталось. Уходящая, согласно правилам и обычаям Элии, сумела погасить их. Другое дело, что сам факт такого ухода свидетельствовал о том, что слава Эрика и его популярность среди народов Элии начинает меркнуть, если уже не померкла совсем. Король всегда красив. Эту формулу создали женщины прекрасной Франции. И этим все сказано! Эрик уже не был «королем». Его свержение произошло тихо и незаметно.

Чувство обиды постепенно прошло. Здравомыслием, Эрик понял, что обижаться ему, собственно, не на что. От каждого — по способности, каждому — по той пользе, которую он приносит обществу. Это справедливый принцип для здорового и сильного человека. И коль скоро элиане решили, что его деятельность не приносит им пользы, то и поведение их вполне естественно. Может быть, ему следовало переменить род занятий и активно включиться в общественную жизнь народов Элии. Но дело в том, что никакой такой общественной жизни, в обычном понимании этого слова, на Элии не существовало. Здесь не было ни общественных организаций, ни городов. Их просто не могло быть. И то, и другое является следствием глубоко зашедшего процесса разделения труда и, в той или иной степени, принуждения. Разделение труда на Элии было в самом зачаточном состоянии, и на этом уровне осталось навсегда. Если и производилось какого-то продукта больше, чем это диктовалось нуждами самого производителя, то только в ограниченном количестве, для обмена на другой необходимый в хозяйстве товар. Эрик понял, какое насилие совершали над собой элиане, снабжая его продуктами питания и другими вещами, как необходимыми, так и предметами роскоши. Поняв это, он просил передать во все селения, чтобы их жители больше не присылали ему обозов с продуктами питания. Теперь ему, как говорится, в поте лица своего приходилось добывать свой хлеб. И хотя поля Элии отличались неистощимым плодородием, обеды в его доме стали скромнее.

Сыновья его постепенно подрастали и количество работников увеличивалось. По-прежнему охота давала много мяса. Это было внушительное зрелище, когда Эрик, окруженный всем своим многочисленным кланом, выезжал из ворот усадьбы. Рядом с ним на горячих породистых скакунах гарцевали его сыновья, каждый из которых унаследовал красоту матери и мужественность отца. Смуглый, черноволосый Тимур, он получил земное имя, такой же порывистый и нетерпеливый, как и его мать Таура, нетерпеливо горячил тонконового гнедого жеребца, поры-

вался вырваться вперед. В меткости стрельбы из лука он уже превосходил свою мать. Спокойный, белокурый и голубоглазый, как и его мать Юлия, Юл, напротив, ехал спокойно, на полкорпуса сзади отца, такой же широкоплечий и двухметроворостый. Пожалуй, из всех сыновей Эрика он был самым сильным, сильнее даже первенца Ларта. Как-то Эрик в шутку решил помериться с ним силой. И хотя ему удалось прижать руку Юла к столу, он почувствовал железные мускулы юноши. Как и предполагал старый Дук, сыновья Эрика унаследовали от матерей присущие элианам свойства, а от отца — свойственную землянам агрессивность. В детстве они не раз затевали между собой драки, хотя в общем жили довольно дружно и любили друг друга. Элианские дети никогда не дерутся. Дети Эрика ломали игрушки, разбивали друг другу носы и не только друг другу, но и ребятишкам, приходившим к ним играть. Последнее воспринималось элианами с удивлением и настороженностью. Возможно, это послужило и причиной некоторого отчуждения. Когда дети подросли, они уже не дрались, но память об этом осталась.

Дук получил, что хотел. На Элии возникла новая раса. Но не всем она понравилась. А что если эта новая раса подчинит себе народ Элии? Опасения высказывались, правда, тихо, но они были. Узнав об этом, Эрик даже подумал, не суждено ли его сыновьям остаться одинокими. Однако тревоги не оправдались. Все взрослые сыновья его были уже женаты, а некоторые — даже дважды.

— Женщины наши лучше нас знают, что нужно Элии! — торжествуя заявил Дук на последнем Совете, отвечая на двусмысленное предположение Чака, его — Дук тогда еще не знал об этом — будущего преемника.

Отношения с Чаком у Эрика не сложились с самого начала. Потом, когда тот стал вождем племени, Эрик узнал от Гора, что Чак неоднократно настраивал элиан против него. Оказалось, Чак был отцом того самого элианина, который сорвался первым в пропасть и увлек за собой привязанного к нему веревкой товарища. Эрик понимал чувства Чака, но ничего не мог сделать. Все его шаги к сближению с новым вождем встречали холодную вежливость. Пришлось прекратить попытки, и больше они почти не виделись. Сорвавшийся боец был единственным сыном Чака. А Чак уже не молод. Он женился очень поздно. Жена его тоже в годах, когда женщина уже не может иметь детей. Ее дочь от первого брака осталась в семье отца. И вот их единственный сын погиб в горах по вине, как они считали, Эрика. Впереди — одинокая старость. Могли ли они объективно отнестись к человеку, если он, даже спасая отряд, а возможно, и всю планету, пожертвовал их сыном? Эрик догадывался, что Чак ненавидит его. Но что он мог сделать?

— Его ненависть ко мне вполне естественна. Это чувства отца к виновнику гибели его единственного сына.

— На всей Элии только два человека считают тебя виновником его гибели. Это Чак и ты сам! Разве у одного Чака погибли сыновья?! Тысячи отцов и матерей лишились своих детей, замученных в концлагерях. Кстати, только один Чак не сторонился оставшегося в живых пленного свистуна. Он даже подолгу беседовал с ним.

— Вот как? Это для меня новость.

— Да, их много раз видели вместе.

— Расскажи, отчего умер пленный. Меня не было тогда в селении. Я только-только перешел жить сюда и, когда мне сообщили о его смерти, прошло, кажется, три или четыре месяца.

— Его нашли за селением. Он лежал под деревом мертвый. Его тут же зарыли. Никто не выяснил причины смерти. Труп даже не осмотрели.

— Вот это зря! Ты не помнишь, был ли Чак со всеми на праздновании годовщины битвы в горах?

— Нет. Хотя не уверен...

— Впрочем, если он и не был, это вполне объяснимо. Ведь погиб его сын. Но все же выясни, был ли он со всеми и кто его видел.

— Это трудно. Прошло столько времени. Вообще, Чак всегда предпочитал одиночество и редко появлялся на людях. Его популярность начала расти лет десять назад. Его даже выбрали в Совет взамен умершего к тому времени Лага.

— Чем ты это объяснишь?

— Не знаю. Он меня постоянно избегает, как избегал раньше отца. Да, вот еще, вспомнил! Чак в последние два года часто посещал окрестные селения, и эти посещения, как правило, совпадали с твоими поездками...

— Следовательно?

— Чак как-то настраивает против тебя население. В этом уже не приходится сомневаться.

— Я тоже давно заметил это странное изменение отношения со стороны людей, которых, поверь мне, я полюбил всем сердцем. Порой чувствую скрытую враждебность и не могу ее ничем объяснить.

— Это все Чак! Его дело!

— Надо проследить за ним.

— Обязательно! Я скажу своим братьям, чтобы они не спускали с него глаз.

— И если что — немедленно предупреди меня.

— Непременно!

Гор уехал, а через две недели после его отъезда случилось несчастье. Сгорела дотла лаборатория, в которой в законсервированном виде хранилась спасительная плесень. Планета лишилась своего главного оружия и стала снова беззащитной, случись новая агрессия из космоса. Пропали многолетние труды.

Сначала Эрик решил, что виною пожара явилось короткое замыкание в проводке холодильной установки. Но потом, осматривая место пожара, он обнаружил заметные следы поджога. Кто-то нес к стенам лаборатории охапки соломы. Отдельные соломинки вели от пожарища к стоящим вдалеке от лаборатории стогам соломы, оставшейся от обмолоченного хлеба.

Первым делом Эрик послал за Гором. В селение поскакал Тимур. Тем временем Эрик созвал оставшихся с ним командиров. Их было всего десять человек, ветеранов, штурмовавших концлагерь, кто со своими семьями остались в усадьбе. Вместе с сыновьями Эрика они должны были нести круглосуточное дежурство у строений и на подступах к усадьбе.

Ларт предложил вооружиться бластерами, но Эрик отказался:

— Это оружие, — сказал он, — для чужих. Мы не можем применить его против своих же элиан. Достаточно вооружиться луками. Я не думаю, что дело дойдет до вооруженного конфликта. Скорее, это результат действий либо самого Чака, либо его ближайших сторонников. С ними можно будет справиться, не применяя оружия.

К вечеру вернулся Тимур.

— Меня не пустили в селение! — с горячностью возмущался он. — Когда я въехал на площадь, собралась возбужденная толпа. Меня чуть было не стащили с коня. Я дал шпоры, а вслед полетели камни. На выезде одна незнакомая женщина передала, что Гор и его брат Юл взяты под стражу и заперты в сарае их собственного дома.

Эрик быстро принял решение.

— Юл, Рат! — подозвал он двух сыновей. — Вы победите со мною. Оседлайте двух запасных коней. Здесь останется за меня Ларт. Женщинам и детям укрыться в доме на втором этаже. Вооружиться луками. Остальным занять свои места. Ждите меня к утру. Крик совы — сигнал о моем возвращении. Если все в порядке — ответите мне так же, два раза подряд.

К селению они подъехали, когда было уже совсем темно. К счастью, ночи стояли безлунные. Оставив Рата с лошадьми, они тихо, крадучись огородами, вошли в селение и стали подбираться к усадьбе Дука. Идти было тяжело из-за рыхлой почвы и густых зарослей. Зато они полностью скрывали их, случись кому-нибудь из жителей селения не спать в эту ночь. Наконец добрались до усадьбы Дука.

Сарай стоял во дворе. В нем обычно хранили различный сельскохозяйственный инвентарь, сбруи, запасные колеса к телегам и другую мелочь. Чтобы дойти до него, надо было пересечь двор. Ползком миновав конюшню, они приблизились к краю открытого пространства и замерли. Тихо. В темноте все сливалось в неясные очертания. Но вот показалась едва различимая фигура часового. Он потоптался у входа в сарай и прислонился к стене. Рядом с ним выросла вторая фигура. Значит, часовых двое. Один, очевидно, задремал, и второй то ли будил его, то ли пришел на смену. Действительно, первый опустился на землю, а второй стал вышагивать у сарая от одного угла к другому.

— Ты бери на себя сидящего, — прошептал Эрик, — а я займусь этим.

Прижимаясь к земле, замирая после каждого движения, готовые в любое мгновение вскочить и действовать, они стали подползать к сараю. Проползли уже треть пути, как скрипнула отворившаяся дверь и на крыльце появился человек.

— Не спишь? — обратился он к часовому у сарая.

— Как видишь! Как там у вас?

— Шумели, конечно. Сейчас успокойсь. Дети заснули, а женщины еще шепчутся. Не нравится мне все это!

— Что же делать? Чак говорит, что если мы не избавимся от него и его племени, то придет время, и они нам сядут на шею. Какой смысл было воевать со свистунами, чтобы получить взамен новых господ.

— Не знаю! Не знаю! Впервые у нас совершается насилие по отношению к женщинам!

— Как вам удалось их утихомирить?

— Чак нацепил нам на шею какие-то железные штуки и велел не снимать ни в коем случае. Он говорил, что благодаря этим штукам ни одна баба не сможет с тобой ничего сделать.

Вышедший помолчал, потоптался на крыльце, потом снова заговорил:

— Все-таки я думаю, что Чак загнул не туда.

— Вчера ты этого не говорил, а кричал вместе со всеми.

— Не знаю, что на меня нашло. Сейчас мне все представляется по-другому...

Эрик лежал не шелохнувшись, напряженно ловя каждое слово. «Где он их раздобыл?» — думал он, поняв, что «штучки», о которых упомянул элианин, — защитные генераторы свистунов.

Наконец, крыльцо опустело. Подождав еще минут пять, они поползли дальше. Когда до часового оставалось десять шагов, Эрик вскочил, и через мгновение часовой лежал без движения, оглушенный ударом кулака по голове. Второй тоже не успел даже проснуться и лежал в пяти шагах от первого.

Тем временем Юл одним движением сломал замок на воротах сарая. Гор и его брат лежали на полу, связанные по рукам и ногам. Их быстро развязали и теми же веревками связали часовых. За неимением другого, рты им заткнули тугими жгутами соломы. Гор поискал на полке и нашел увесистый замок, который повесили на ворота сарая, заперев таким образом бывших своих охранников.

— Сколько их там? — тихо спросил Эрик Гора, указывая на дом.

— Трое.

— Подходяще.

Они ворвались в дом настолько неожиданно, что охранники не оказали никакого сопротивления. Более того, один из них, радостно взглянув на Эрика, попросил:

— Возьми нас с собой!

Эрик думал прихватить одного в качестве языка, но просьба охранника его крайне удивила.

— Ладно! Только руки, извини, свяжем.

— Что ж, мы этого заслужили! — безропотно согласился тот.

Охранники, не оказывая никакого сопротивления, дали себя связать.

Между тем Гор с братом и Юлом выводили из конюшни лошадей и усаживали на них детей и женщин.

— Придется уходить с шумом, — проворчал Юл.

— Успеем! — успокоил всех Эрик.

Прежде чем сесть на коня, он подошел к одному из охранников и расстегнул ему ворот туники. Как он и предполагал, на шее того висел защитный генератор. Эрик снял его и засунул в карман плаща.

Гор с братом и Юлом обмотали копыта лошадей лоскутами разорванных одеял. Кавалькада тихо выехала за ворота.

— Мы будем проезжать мимо дома Чака, — сообщил Гор.

— Может заедем и «поговорим»? — зловеще предложил Юл.

— Не время! — строго осадил сына Эрик.

Сам того не ведая, Эрик совершил за прошедшие сутки две роковые ошибки.

Дом Чака остался позади. Вдруг один из охранников, которому удалось незаметно развязаться, резко направил коня в сторону и, прежде чем ему успели помешать, быстро поскакал назад, крича во всю глотку.

— Вперед! — скомандовал Эрик, хватая под уздцы лошадь одного из пленных. Гор схватил поводья другого. Кавалькада помчалась во весь опор. Вот уже показался выезд из селения. Но что это? Эрик увидел, как из-за укрытия выскочило человек десять элиан, вооруженных луками.

— Вперед! — закричал он, пришпоривая своего жеребца. Кавалькада буквально врезалась в цепочку стоящих людей. Эрик почувствовал, как его конь столкнулся с мягким телом человека и опрокинул его под копыта. Раздались крики боли. Отряд прорвал цепь охранения, но вслед ему полетели стрелы. Одна из них влилась в шею коня Эрика. Конь пробежал еще десяток метров и рухнул. К счастью, подоспел находящийся поблизости Рат.

— Не останавливаться! — крикнул Эрик, выбираясь из-под упавшей лошади. Вскочив на коня, он с Ратом догнал остальных.

У въезда в усадьбу Эрик остановился и прокричал совой. В ответ донеслось два таких же крика. В усадьбе пока было все благополучно.

Не откладывая ни минуты, Эрик решил допросить пленных.

— Кто из вас выходил ночью на крыльцо? — Он, зная настроение этого элианина, рассчитывал получить от него наиболее откровенные ответы.

— Его среди нас нет! — последовал ответ.

— Как? Значит, это тот, что бежал? У кого еще осталось это? — он вытащил из кармана плаща генератор и показал его пленным.

Оказалось, что у каждого на шее висел такой же генератор. — Следовательно, — заключил Эрик, — я снял генератор у того, кто бежал, когда мы проехали дом Чака.

Как выяснилось из дальнейшего допроса, бежавший больше всех был недоволен тем, что их поставили охранять семью Гора. Он предложил Эрику взять их всех троих с собой. Если это так, то почему он бежал?

— Что вам говорил Чак?

— Он утверждал, что ты со своими сыновьями хочешь захватить власть на Элии и превратить всех нас в рабов. Ты страшно разозлен, что перестали подвозить продовольствие, и что скоро ты явишься в селения и оружием принудишь элиан служить тебе. Он призывал всех изгнать тебя с Элии назад, на Землю.

— Если так обстоит дело и вы, элиане, считаете меня своим врагом, я и сам бы добровольно ушел. Но Проход исчез!

— Чак говорил, что ты знаешь, где Проход, но скрываешь, так как на Земле тебе придется трудиться самому, а ты привык, чтобы на тебя трудились курсанты, которых ты сделал своими рабами и слугами. Эрик! Мы повторяем то, что говорил Чак.

— Но сами-то вы в это верите?

— Теперь не верим! Но тогда, на площади, когда Чак обращался ко всем с призывом изгнать тебя, — верили!

— А когда перестали верить? Сейчас, когда попали в плен?

— Нет, еще этой ночью, когда нас заставили сторожить женщин и детей. Варк, это тот, что бежал, говорил, что Чак лжец и что надо его самого изгнать или убить.

— Тогда я ничего не понимаю! Почему же он бежал?

— Этого и мы не можем понять.

— Постойте! А как Варк вел себя на площади?

— Орал со всеми остальными. Пожалуй, даже больше всех! Ему-то и дал Чак эти железки, чтобы он раздал их нам.

— Значит, когда Варк повесил на шею генератор, он переменял свое мнение и стал ругать Чака?

— Да, выходит, что так!

— Кто поджег лабораторию?

— Этого мы не знаем.

— Ладно! Сидите здесь. Охрану я к вам приставлять не буду, но не выходите наружу.

— Вот почему никому не удавалось «прощупать мозги» Чаку, — пояснил Эрик Гору, когда они собрались все вместе в большой столовой за завтраком. Он протянул ему генераторы, снятые с пленных.

— Откуда Чак взял их?

— По-видимому, он был в ущелье и откопал засыпанных лавиной свистунов. Но обрати внимание! Аккумуляторы генераторов заряжены!

— Где бы он мог это сделать? У нас — исключено. Атомный генератор тщательно охраняется.

— А звездолет? Там же есть энергия!

— Звездолет заперт.

— Он прочел у тебя записанный в памяти год!

— Вполне возможно! Кстати, скажи мне, Гор, может ли человек нашей планеты обладать такой силой внушения, чтобы вызвать массовый психоз? Я имею в виду Чака и его воздействие на психику элиан.

— Это исключено! Даже мой отец, а ему не было равных, не смог бы сделать это. Скорее, наоборот. Биополе, создаваемое всеми элианами, действует на биополе каждого человека и держит его психику под контролем. Поэтому до сих пор у нас не было случаев насилия.

— Я не пойму! Если Чак — мутант, то почему эти свойства проявились только сейчас?

— Это бывает, когда наследуемые и приобретенные в результате мутаций свойства проявляются спустя долгое время после рождения, но это скорее относится к патологии, чем к норме. Так или иначе, но ему удалось настроить против нас население, и он, можно сказать, владеет положением.

— Я говорил, — вмешался молчавший до этого Юл-младший, сын Эрика, — что надо было прикончить Чака, когда мы были возле его дома!

— Боюсь, что это ничего не дало бы. Коль скоро ему удалось настроить против нас население, то его смерть только подогрела бы их ненависть. Скорее всего мы не вписались в жизнь народа. Дук ошибся в своих прогнозах. Перед смертью он предупреждал меня, что чувствует нарастающую против меня волну ненависти, но не может определить причины ее и источник. Это и подточило его силы. Что-то в нашем пове-

дении оказалось неверным! Как вели себя твои братья, когда вас с Юлом взяли под стражу?

— Я не знаю. Их не было рядом.

— Ну вот видишь, даже твои братья не оказали тебе помощи! Нам надо уходить, если это возможно. Тебе, наверное, тоже! Во всяком случае на некоторое время. Ты с братом поедешь к месту Прохода и попытаешься его найти. Может быть, он сместился. Если найдешь Проход, то сообщи, и мы все уйдем за его пределы. Поезжай сегодня же! Вы все, каждая из вас, подумайте хорошо, — обратился он к сидящим за столом женщинам. — Решайте, уйдете ли вы с нами или останетесь на родной планете.

— Эрик! Как ты можешь об этом нас спрашивать! Разумеется, мы все последуем за тобой и своими детьми! — за всех ответила Стелла. Остальные поддержали ее.

— Хорошо! Не будем больше об этом! Но если кто-нибудь захочет остаться, — на то добрая воля и мое согласие.

Сразу же после завтрака Гор и Юл, взяв пару запасных лошадей, отправились в путь.

День прошел спокойно. Но за ужином Эрик узнал, что покинула усадьбу Таура. Покинула тайно, не освободив Эрика, как это было в правилах элианок, когда они покидают своих мужей, от чувств к себе. Эрика это поразило и расстроило. Дело в том, что он сильно любил эту женщину, и, как ему казалось, она отвечала ему тем же. Посланный в конюшню Рат сообщил, что исчезли лошади Тауры и Тимура.

— Где Тимур? Найдите его немедленно!

Но его не пришлось искать. Тимур сам вскоре явился в столовую и весело сообщил всем, что он страшно проголодался.

— Твоя мать покинула нас! — накинулся на него Эрик.

— Этого не может быть! — спокойно возразил Тимур. — Я знаю свою мать.

— Но ее нет!

— Сейчас придет.

— Исчезли кони. Ее и твой!

— Тогда я не знаю... Но поверь мне, отец, я хорошо знаю свою мать и верю ей. Она не способна на предательство.

КАТАСТРОФА

Ночью Эрика разбудили удары в дверь его спальни. Он вскочил, натянул одежду и открыл дверь. На пороге стояли Ларт и Юл.

— Беда, отец! — хрипло проговорил Ларт. — Элиане прорвались в усадьбу. Их не меньше трехсот.

— Что со сторожевыми? Почему они не предупредили?

— Они ничего не смогли сделать. Враги спустились с отрогов гор, минуя вход в усадьбу со стороны дороги. Они захватили арсенал и конюшни. К счастью, аккумуляторы бластеров хранятся отдельно в тайнике.

Послышались глухие удары. Это нападающие, притащив тяжелое бревно, ломали кованые ворота. Эрик подошел к окну. Тотчас же стрела, пробив тонкую ткань, просвистела у него над головой. Сыновья, вооруженные луками, заняли позиции у окон, напряженно всматриваясь в ночную тьму. Ворота гудели, но не поддавались. Тимур вдруг что-то заметил и мгновенно среагировал. Тонко запела тетива лука, и с высокого каменного забора, увитого вьющимися розами, во двор рухнуло тело. В ответ не меньше десятка стрел пронзили окна и впились в деревянную обшивку стен. Сыновья Эрика открыли ответную стрельбу, стараясь поразить сквозь решетку ворот тех, кто трудился над ними с тяжелым бревном. Удары прекратились. Затем возобновились с новой силой.

— Не стреляйте! — приказал Эрик.

Он включил наружное освещение, и двор залило ярким электри-

ческим светом. Эрик спустился вниз и открыл дверь. В это время страшный удар потряс ворота, и они рухнули, вырванные из петель. Толпа осаждающих ворвалась во двор.

Эрик поднял руку.

— Стойте! — кричал он. — Что вы от нас хотите?

— Мы хотим, — слышалось из толпы, — чтобы вы все ушли с нашей планеты!

— Я согласен! Но мы можем обойтись без кровопролития. Гор поехал отыскивать Проход, и, как только он вернется, мы покинем эту планету.

— Мы хотим, чтобы вы ушли сейчас!

— Хорошо! Мы завтра покинем усадьбу и переместимся на космодром, вблизи Прохода.

Пока он говорил, нападающие приблизились к нему и обступили крыльцо.

— Согласны? — спросил Эрик окруживших его элиан.

В ответ послышался глухой ропот. Но видно было, что такой вариант их устраивает.

— Теперь расходитесь и очистите двор. Завтра мы покинем это место.

Толпа начала редеть, и Эрик, думая, что вопрос улажен, повернулся к ним спиной, намерившись войти в дом. В это время кто-то набросил на него сзади крепкую сеть. Эрик напряг мышцы, но тщетно. Сеть была сплетена из сверхпрочных волокон, производимых паучками. После короткой борьбы, потеряв равновесие, он рухнул с крыльца на землю. Его быстро окутали сетью и потащили по земле прочь. Толпа орущих элиан ворвалась в дом.

Эрика и всех его взрослых сыновей, а также оставшихся в живых его сторонников из числа бывших боевых товарищей, связанных по рукам и ногам, бросили на пол конференц-зала. Что случилось с женщинами и малыми детьми — никто не знал. Толпа осаждающих буквально захлестнула дом. Сыновей Эрика, пытавшихся оказать сопротивление, накрыли сетями и стащили вниз, где связали и отнесли вслед за отцом.

— Все-таки надо было вооружиться бластерами, — досадовал Юл.

— А закон? — возразил Ларт.

— Что закон? Вот тебе закон, — он дернулся всем телом, пытаясь переменить положение.

— Закон запрещает применять бластеры против своих!

— Какая разница — убьют тебя из бластера или стрелой? — не сдавался Юл.

— Ладно! Прекратите споры, — приказал Эрик! — Ларт прав! Мы сами приняли этот закон и должны первыми следовать ему.

— Теперь нас уже никто не будет спрашивать, куда мы хотим «следовать», а поведут туда, куда сами захотят!

— Ты думаешь, нас убьют? — донесся из угла голос Рата.

— Не сомневаюсь! И очень скоро!

Скрипнула дверь. На пороге появился Чак в сопровождении двух помощников. Он подошел к лежащему Эрику и ткнул его ногой в бок.

— Ну что, Эрик, скоро ты навсегда расстанешься со своим отцом, — издевательски проговорил он, намекая на значение его имени.

— Вонючая крыса! — Эрик, оскорбленный ударом, поджал под себя ноги и, резко выпрямившись, нанес удар Чаку. Тот так и отлетел в сторону, ударившись головой о стену. Некоторое время он лежал неподвижно, но вскоре, кряхтя, поднялся. Его помощники, ошеломленные случившимся, не сдвинулись с места. Чак было направился к лежащему Эрику, но передумал и, прихрамывая, вышел.

Через час дверь снова раскрылась, и вошло человек десять элиан, вооруженных короткими копьями. Они развязали ноги пленникам и, подталкивая копьями, повели на площадь.

На площади уже шумела толпа. Пленников поместили в центре. Остальные отступили к краю, образовав вокруг Эрика и его сыновей широкое пространство. Неподалеку от них стал Чак.

— Вот перед вами тот, кто хотел обратить вас в своих рабов, и его сыновья — результат ужасного замысла безумного Дука. Что заслуживают они за свои преступные намерения?

— Смерть! Смерть! — завопила толпа.

— Я тоже так думаю! — удовлетворенно проговорил Чак.

— Дайте мне сказать слово! — потребовал Эрик.

— Решайте! — обратился Чак к толпе. — Дадим ли мы ему слово, чтобы он продолжал морочить нам головы?

— Нет! — проревела толпа.

— Ну вот, видишь! Тебя не хотят больше слушать. Если ты разрешишь, я скажу за тебя все, что ты сам хотел им сказать. Этот пришелец из далекого мира, обратился он к толпе, хочет, чтобы мы выпустили его и все семейство назад на его Землю, через Проход, который существует или не существует — никто толком не знает. Допустим, что он существует. Что тогда? Пришелец уйдет и уведет своих сук и ублюдков! Но уйдет ли он навсегда? Нет! Он уйдет, чтобы вернуться с такими же, как и он, вооруженный страшным оружием. Что будет тогда? Наши поля, наши женщины станут достоянием завоевателей, а вы будете гнуть спину на них. Разве не он сам рассказывал, что на его планете людей покупают и продают, как скот? Хотите ли вы этого? Если хотите, то пусть идут на все четыре стороны, если нет, то их всех надо отправить туда, откуда нет обратной дороги. Я говорю — всех! Потому что только так мы сможем очистить нашу Элиу от семян, посеянных этим пришельцем!

Толпа возбужденно заревела. Эрик всматривался в лица людей и с радостью обнаружил, что среди них нет его боевых товарищей и курсантов, прошедших обучение в усадьбе.

— Тогда не будем откладывать, — продолжал Чак. — Мы поведем их туда, где он приказал сбросить в пропасть двоих наших товарищей, которые не были его врагами, а, напротив, сражались вместе с ним. Он не пожалел их! Пусть же теперь разделит их участь!

Все, что происходило дальше, казалось Эрику немыслимым кошмаром. Их построили в цепочку. Каждому связали руки за спиной и привязали к идущему следом. Затем вывели женщин, связанных таким же образом. У пятерых к спинам приторочены кричащие младенцы. На головы женщин надеты мешки с вплетенной в них металлической сеткой. К сетке первой была присоединена коробка, в которой Эрик узнал генератор. Чак, видимо, все предусмотрел. Несмотря на мешок на голове, Эрик узнал вопереди идущей Стеллу.

Человек сорок окружили их с двух сторон, и, подгоняемая ударами копий, вереница осужденных на смерть двинулась в путь.

Эрик проклинал себя за то, что еще вчера не последовал совету Юла и не взял из арсенала бластеры.

Двигались медленно, делая частые привалы. На привалах пленных кормили хлебом и давали по кружке воды на человека.

К концу второго дня пути показались горы. Начался подъем. Перед самым подъемом сделали привал на ночь. О том, чтобы бежать, не могло быть и речи. Разорвать веревки, сплетенные пауками, дело безнадежное. Развязать же зубами руки кому-то другому тоже невозможно, так как всю ночь возле каждого пленника дежурили часовые, сменяющиеся каждые четыре часа. Всякая попытка к разговору пресекалась уколами копий.

Утром, когда пленных подняли, конвой догнал всадник. Он подъехал к Чаку и что-то сообщил ему. Чак явно забеспокоился. Двадцать лучников залегли между камнями, охраняя конвой с тыла. Остальная половина охранников принялась бить пленников рукоятками копий, чтобы заставить их двигаться быстрее. Чак подошел к Эрику.

— Ты заметил? Я вижу, что да. Но у меня нет причин скрывать от тебя ничего. Юл, брат Гора, собрал твоих бывших друзей и идет на выручку. Вряд ли он нас догонит до выхода на тропу. А если догонит, то я приказал вас на этот случай всех прикончить копьями. Не возражаешь? — он расхохотался.

— Ну, а что ты будешь делать потом, когда тебя догонит Юл? Учти, тебе придется иметь дело с закаленными и обученными бойцами. Я не даром вложил в них знания! Твой заслон они разнесут в пять минут!

— Пяти минут будет достаточно, чтобы вас всех прикончить. Что же будет со мною и всеми этими, — он презрительно кивнул головой на охрану, — мне безразлично! Ты убил моего единственного сына! Я стар, и у меня не будет больше детей, но и твои дети не будут жить!

— Так это месть?

— А ты как думал? Ты что же, был уверен, что я и вправду считал, что ты хочешь обратить нас в рабство? В таком случае, ты такой же дурак, как и эти безмозглые чурбаны! Ты знаешь... Я передумал. Мы тебя отвяжем. Первыми полетят в пропасть твои дети, затем — жены, а уж только за ними дойдет твоя очередь. Мы вместе с тобой насладимся их криками!

— Какая же ты сволочь! Как эта прекрасная Элиа могла породить такого ублюдка!

— Я им не был, пока надеялся увидеть живым своего сына! Ты его не пожалел...

Эрик не стал ему больше отвечать.

СТРЕЛЫ ТАУРЫ

Тропа становилась все круче. Идти было тяжело, особенно женщинам и детям. Они спотыкались и падали. Конвоиры безжалостно били их древками копий, заставляя подниматься и продолжать путь.

Двадцать пять лет назад по этой дороге отряд Эрика спустился с гор и был встречен цветами. Теперь его и его детей ведут здесь же, чтобы сбросить в пропасть.

Было уже далеко за полдень, когда они пришли на то самое место, где его отряд поджидал в засаде карательную экспедицию. Дальше тропа резко сужалась. Женщины совсем выбились из сил. Некоторые упали на землю и не поднимались, несмотря на наносимые побои. Чак приказал остановиться и сделать привал. Подошел к краю обрыва и стал внимательно что-то разглядывать вниз. В тот момент, когда он повернулся и хотел возвратиться, длинная стрела ударила ему в грудь. Чак упал как подкошенный, дернул два раза ногами и замер. Конвоиры вскочили на ноги, не понимая, откуда прилетела эта стрела, сразившая их предводителя. Один из них подошел к лежащему без движения Чаку, наклонился и попытался выдернуть стрелу. Стрела не поддавалась, очевидно, застряв в груди. Чак застонал. Он был еще жив. В это время один из конвоиров, очевидно, получивший заранее точные инструкции от Чака, подошел к Эрику с копьем. Два других взяли копья и в нереши-

тельности топтались на месте. Первый примерился и поднял копье, собираясь поразить лежащего в сердце. В это время раздался свист второй стрелы, и охранник схватился руками за горло, пронзенное стрелой. Он рухнул наземь рядом с Эриком. Никто не заметил, откуда прилетела стрела. Один из двух стоящих сделал было шаг по направлению к лежащим пленникам, но тоже упал. Стрела попала в затылок. Остальные замерли на месте, боясь пошевелиться. Так прошло минут двадцать. Наконец, один из них не выдержал. Он откинул далеко от себя копье. Вслед за копьем последовали лук и колчан со стрелами. Его примеру последовали остальные восемнадцать конвоиров. Снова просвистела стрела. На этот раз она никого не поразила, а вонзилась в землю внизу на склоне, по которому недавно поднималась на площадку колонна. Стрелявший указывал направление, куда должен отойти конвой. Последние несколько замешкались. Тогда просвистела еще одна стрела, и еще один охранник рухнул на землю. Конвоиров охватила паника. Они, сталкиваясь друг с другом, бросились бежать вниз по тропе и скоро на площадке никого не осталось, кроме связанных пленников. Те продолжали лежать, не понимая, откуда пришло это неожиданное спасение.

Вскоре с вершины одного из отрогов, нависших над площадкой, послышался шум. Срывающиеся из-под ног человека мелкие камни посыпались на площадку. Один из них, подпрыгивая, скатился к лежащему на боку Эрику и больно ударил по колену. Он приподнялся, насколько позволяли ему связанные за спиной руки, и узнал в спускающемся Тауру. В левой руке она держала лук, а правой цеплялась за упругие ветки кустов. Через минуту она была возле него. Еще минута, и Эрик стоял рядом с ней, растирая онемевшие кисти рук. Пальцы не слушались. Прошло еще несколько минут, когда он смог присоединиться к Тауре, которая резала веревки на руках пленников.

Когда все было кончено, он подошел к Тауре и, не говоря ни слова, обнял жену. Она вся обмякла, и еще мгновение, наверное, упала бы, если бы Эрик не подхватил ее на руки.

— Я не спала трое суток, — прошептала она.

Видно было, что силы ее, поддерживаемые неимоверным напряжением, вконец иссякли. Он, так и не выпуская ее из рук, присел на поросший травой бугор и огляделся. Сыновья, вооружившись брошенными луками, заняли подступы к площадке. Не исключалось, что пришедшие в себя конвоиры, соединившиеся с оставленным заслоном, предпримут нападение. Надо было принять какое-то решение. Женщины и маленькие дети от пережитых потрясений двигаться дальше не могли. Хотя, куда дальше? Путь назад отрезан. Впереди — узкая тропа, пройти по которой с женщинами и детьми не удастся. Оставалось одно. Спустить по насыпи и выйти на дорогу в ущелье. Но это можно было бы предпринять только часа через два-три. Сам спуск был тоже труден и опасен. Нашел ли гор Проход? Если нашел, то как теперь найти самого Гора?

Таура пошевелилась и открыла глаза. Нервный шок, вызванный перенапряжением, прошел. Эрик наклонился и поцеловал ее в пахнувшие ветром и солнцем волосы. Она молчала и смотрела ему в глаза. В ее взгляде было столько любви и радости, что Эрик со стыдом вспомнил ту минуту, когда он, после получения известия о ее исчезновении, усомнил-

ся в ней. Сзади слышались шаги. Эрик обернулся. Это был Тимур. Он с обожанием смотрел на мать.

— Как она?

— Пришла в себя. Она не спала трое суток...

Таура протянула Тимуру руку. Тот прижался к ней лицом. Рука матери погрузилась в черные волосы сына. Он схватил ее и стал нежно целовать. Таура приподнялась и, освободившись от все еще поддерживающих ее рук Эрика, села рядом с ним на бугор.

— Как ты здесь очутилась?

— Я следила за вами все эти три дня!

— Но ты ведь исчезла за несколько часов до нападения?

— Я решила поехать к отцу и просить помощи. Я чувствовала, что на нас скоро нападут. Мой путь лежал мимо селения Чака. Подъехав туда, я заметила, что из него выходит большой вооруженный отряд. Я затаилась в лесу и все видела. Потом, когда вас вывели из усадьбы, я поехала следом. Вскоре стало ясно, что вас ведут в горы. Я начала догадываться, что они хотят с вами сделать. Затем, воспользовавшись привалом в предгорье, я опередила вас и, приехав сюда, стала ждать. Здесь удобное нагромождение скал и валунов, где легко держать под прицелом всю площадку, а самой быть незамеченной. Вот и все!

Да, вот еще что. Тимур, пройди по этой тропинке, — она показала ему едва заметную тропу, уходящую в сторону нагромождения валунов, — метрах в пятистах есть небольшая полянка среди скал, там я оставила лошадей. Сходи за ними.

Тимур тотчас поднялся и пошел в указанном направлении.

— Ты смогла подняться по этой дороге на лошадях?!

— А почему бы нет! Ты же знаешь, как я владею лошастью. Кроме того, я боялась оставлять их внизу, так как их присутствие могло бы меня выдать.

Женщины тем временем пришли в себя и окружили свою подругу. Эрик оставил их и пошел взглянуть на тело Чака. Взглянув на него, он понял, что тот жив, так как глаза его были закрыты. Эрик расстегнул ему тунику и увидел, что стрела застряла в большом металлическом предмете. Она пробила его и чуть-чуть коснулась своим острием грудины, но не пробила ее. Чак, уже не в силах сдерживать дыхание, глубоко вздохнул. Легкий шок, вызванный ударом в грудь, давно прошел, и он притворялся убитым, рассчитывая незаметно улизнуть.

— А ну, встань! — приказал Эрик.

Чак неохотно поднялся. Эрик сорвал с его груди металлический предмет и стал его рассматривать. Несомненно, это не защитный генератор, так как значительно превосходил его размерами. На передней панели было несколько небольших ручек регулирования. Все они были сдвинуты вправо до отказа.

— Что это? — строго спросил он Чака.

Тот молчал.

— Ладно, без тебя разберусь.

Осмотрев ранку на груди и убедившись, что это только царапина, Эрик подозревал Юла и велел ему связать Чака. Юл повалил Чака на землю и, сильно заломив руки за спину, крепко связал. Затем то же сделал с ногами.

— Полежи пока, — ядовито-ласково произнес он, оставляя Чака лежать в неудобной позе.

Эрик давно уже заметил, что из всех его детей Юл отличался наибольшей суровостью и решительностью в действиях. Под его внешним спокойствием таились грозные силы, готовые пробудиться в любую минуту подобно силам спящего вулкана, сон которого обманчив. Он быстро, почти мгновенно, находил решения в самых запутанных ситуациях и действовал стремительно, проявляя при этом не только решительность, но и жестокость, что не раз настораживало Эрика.

Вот и сейчас, заметив, как Юл с явным удовольствием почти вывернул из суставов руки Чаку, который завопил при этом от боли, он недовольно поморщился. Хотя... В данной ситуации трудно было не понять чувств сына.

Он рассматривал предмет, снятый с груди Чака. Внезапно догадка осенила его. Ну, конечно! Несомненно, это был усилитель биополя, упоминание о котором он нашел в дневнике, найденном в звездолете. Положение ручек регулировки говорило о том, что усилитель работал в максимальном режиме. При помощи этого усилителя Чак подчинил своей воле людей, возбудил в них ненависть против Эрика. Стрела Тауры, пробив корпус прибора, повредила механизм, и власть Чака и его влияние на людей кончилась. Поэтому конвоиры и не оказали серьезного сопротивления. В любом другом случае двадцать вооруженных мужчин легко бы справились с одной женщиной. В конце концов они бы обнаружили ее укрытие. Но вышедшие из-под влияния биополя Чака, они уже не имели ни желания, ни побуждения выполнять его замысел, тем более мотивов продолжения вражды. Вот почему они охотно подчинились приказу невидимого меткого стрелка и покинули площадку. Теперь ему стало понятно бегство плененного им в доме Гора Варка. Чтобы оградить охранников от действия биополя женщин, Чак надел им на шеи генераторы пришельцев. Но тем самым он экранировал их от действия своего биополя, усиленного этим прибором. У Варка сразу же появились сомнения в правильности действий Чака, и он первый предложил Эрику взять их с собой. Когда Эрик снял с Варка генератор, мозг последнего попал под воздействие усилителя, и, повинаясь этому воздействию, он бежал.

Характерно, что женщины Элии оказались устойчивы к усиленному биополю Чака. Отчасти потому, что их собственное биополе было достаточно сильно, чтобы нейтрализовать внешнее влияние. Но главным образом потому, что женщина — более здравомыслящее существо, чем мужчина, и ее так называемое «легкомыслие» является проявлением скорее естественного женского кокетства, чем действительно отражает психологическую сущность. Женщина подвержена только тем влияниям, которым она сама хочет следовать, но не более.

Друзья Эрика, его боевые товарищи и курсанты, словом, те, с которыми он часто общался и которые знали его значительно лучше других, тоже сумели устоять перед происками Чака.

«По-видимому, — решил Эрик, — пропаганда лжи и насилия бессила перед людьми, имеющими твердые убеждения. Благодатным объектом пропаганды являются всегда мозги обывателя. Чем выше ин-

теллектуальный уровень населения и чем больше это население информировано, тем прочнее его иммунитет ко всякого рода пропагандистским воздействиям, тем менее население чувствительно к лозунгам и призывам и тем больше для убеждения его требуется логики и правды».

Вернулся с лошадьми Тимур. Он вел их под уздцы, и на спине у каждой была туша большого горного барана. Это оказалось очень кстати. После того как напряжение, связанное как с пленом, так и с внезапным освобождением, спало, все почувствовали страшный голод.

Эрик решил заночевать здесь же, на горной площадке, и утром принять окончательное решение. Теперь, скорее всего, можно вернуться домой, не подвергая семью опасности. Он с сожалением посмотрел на трупы трех конвоиров, сраженных стрелами Тауры. Особенно ему было жаль третьего, который, в общем-то, не выказывал никакого враждебного намерения и был убит только потому, что замешкался вместе с остальными. Хотя он хорошо понимал Тауру, которой ничего не было известно об усилителе Чака и всего, связанного с ним. Ее выстрел был естествен и преследовал цель не дать конвоирам опомниться и посеять среди них панику. Тактически это было абсолютно верно.

Эрик поискал глазами Тауру и увидел ее сидящей вместе со Стеллой, там же, где он ее оставил. Обнявшись, они о чем-то оживленно разговаривали. Эрик подошел к группе женщин, обступивших младшую жену Гора, у которой на руках был младенец. Юная мать пыталась покормить ребенка. Она совала ему в рот сосок груди, но тот не реагировал. Эрику рассказали, что на прошлом привале в предгорье Чак распорядился не отвязывать с ее спины младенца и не развязывать ей руки. Ребенок долго захлебывался в крике, но затем, когда колонна вышла на площадку, затих. Прошло уже три часа с момента освобождения, но ребенок не шевелился. Эрик дотронулся пальцами до его груди, нащупал слабый сердечный толчок. Ребенок был еще жив, но жизнь едва теплилась в его крохотном тельце. Подошла Стелла. Узнав, в чем дело, она взяла ребенка из рук плачущей матери, внимательно осмотрела и, придерживая левой рукой у груди, стала водить правой вокруг головы, не касаясь ее ладонью. Ребенок глубоко вздохнул, наморщил носик и заплакал. Стелла передала его матери, которая тотчас начала его кормить.

— Теперь и нам не мешало бы поесть! — с улыбкой заметила она, наблюдая, как малыш жадно сосет грудь.

— Наверное, мясо уже прожарилось. Сейчас узнаем. Как тебе это удалось? — спросил Эрик, имея в виду ребенка.

— Этому меня обучила моя мать! А она многое умеет!

— Я думал, что вы все одинаковые и каждая умеет то, что умеет другая!

— Ну уж нет! Здесь многое зависит от величины биополя и умения им управлять. Эта женщина с Севера. Гор привез ее в прошлом году. Она, вероятно, вообще ничего не умеет. Все северяне такие. Они очень сильные и смелые, но биополя их значительно слабее наших.

— Идите есть! — позвал Ларт.

Изголодавшиеся люди набросились на еду. Они уже кончали есть, когда к костру прибежал, запыхавшись, один из сыновей Гора. Имени его Эрик не помнил.

— Эрик! — крикнул он еще издали. — По склону поднимаются люди. Много людей!

— К оружию! — закричал Эрик, хватая лук и вскакивая на ноги. — Таура! Отведи женщин и детей в укрытие. Туда, где ты прятала коней. Прихвати с собой несколько луков со стрелами.

Через десять минут площадка опустела. Эрик и взрослые мужчины залегли за валунами на подступах к площадке. Вскоре к ним поднялся Юл, который дежурил внизу, пока они ели, охраняя подступы к их стоянке.

— Идут! — коротко сообщил он. — Человек триста, не меньше. Весь склон усеян ими.

Томительно длились минуты.

— Может быть, это Юл-старший, брат Гора? — с надеждой в голосе произнес Эрик.

Как бы в подтверждение его слов снизу раздалось:

— Э-э-р-и-и-к!

Несмотря на расстояние, можно было узнать голос Юла...

Все вскочили и радостно закричали, размахивая луками. Спустя пять минут Юл уже стоял рядом с ними, а по склону поднимались люди, в которых Эрик узнал своих бывших товарищей по концлагерю и молодых курсантов, обучавшихся несколько лет назад в усадьбе.

— Что здесь произошло? Как тебе удалось освободиться? — забросал его вопросами Юл.

Эрик рассказал о случившемся.

— Так что нашей освободительницей стала Таура, — закончил он свой рассказ. — Да вот и она! — воскликнул он, увидев возвращающихся из укрытия женщин. Впереди шли Таура и ее сын Тимур. Как только снизу раздался крик Юла, Тимур, поняв, в чем дело, побежал с радостной вестью к матери и ушедшим с нею женщинам.

Слышавшие рассказ бойцы побежали им навстречу и с приветственными криками окружили Тауру. Юл-старший подошел к ней и, склонившись, почтительно поцеловал руку. Таура вся зарделась, насколько позволяла ее смуглая кожа, а бойцы еще сильнее разразились приветственными криками.

— Теперь расскажи ты, как тебе удалось так быстро собрать отряд? — спросил Эрик Юла, когда шум утих.

— Сработала система оповещения! Мы сначала, как и было решено, собирались ехать с Гором на поиск Прохода. Но, проезжая мимо своего селения, заметили в нем подозрительное движение. Гор решил, что готовится нападение, и хотел немедленно возвратиться. Но потом, решив, что ты выставил надежный заслон, — это была его главная ошибка, — велел мне ехать в соседнее селение и собирать людей на помощь. Сам же отправился выполнять твое распоряжение. Когда я прискакал к соседям, там уже все знали. Кто-то из моего селения уже сообщил, что на усадьбу совершено нападение Чаком и его бандой. Не теряя времени, соседи передали сообщение, как это было обусловлено системой оповещения, в десять близлежащих. Сейчас вся Элиа, наверное, знает о слу-

чившемся, и сюда со всех сторон спешат отряды. Я дождался, когда набралось пятьсот бойцов. Мы реквизировали лошадей и помчались на помощь. Сначала мы направились в усадьбу, но по дороге поймали дезертира из армии Чака и он нам все рассказал. Я тогда отрядил двести бойцов, чтобы они выбили оставшихся в усадьбе, а с остальными кинулся догонять вас по свежим следам.

— Вы должны были на своем пути встретить заслон из бойцов Чака. Что вы с ними сделали?

— Вот здесь-то и самое интересное! Дело в том, что я нашел всех спящими. Сначала мы столкнулись с оставленным заслоном. Они спали, как сурки, и не проснулись даже тогда, когда мы их связывали. Пройдя еще немного вверх по склону, мы обнаружили остальных, которые тоже мертвецы спали. Одного из них удалось все-таки разбудить. Он буквально засыпал после каждого двух слов. Из его бессвязного рассказа я понял, что Чак убит, а тебе удалось освободиться. Поэтому я начал кричать, чтобы не нарваться ненароком на твою стрелу, а еще хуже, на стрелу Тауры, которая разит без промаха. Мне эта перспектива совсем не улыбалась, поэтому я орал во всю глотку!

— Я знал, что ты идешь на помощь. В предгорья один из сторонников Чака нагнал нас и сообщил это. Кстати, Чак жив!

— Что ты говоришь? Вот так сюрприз! Что ты с ним собираешься делать?

— Возьмем с собой!

— Не проще ли удавить эту вонючку здесь или, еще лучше, сбросить вниз, как он хотел это сделать с вами!

— Нет! Он нужен мне живым!

— Ну смотри! Тебе виднее. Но я бы не стал с ним возиться!

Когда они уже спускались с предгорья, Эрик остановился возле все еще продолжающих спать пленных, которых охраняли пять бойцов Юла.

— Развяжите их. Они уже не представляют опасности. Когда проснутся — пусть идут домой.

Ему стал понятен беспробудный сон бывших подчиненных Чака. По-видимому, много месяцев Чак держал их под воздействием своего биополя. Разобравшись в конструкции, сняв корпус прибора, Эрик понял, что тот работал в автоматическом режиме. Имея ячейки памяти, прибор мог записывать сигналы биополя и постоянно излучать их в пространство. Вероятно, пленный свистун толково объяснил Чаку назначение прибора и управление им. Это была догадка. Но эта догадка была единственно возможным вариантом. Когда напряжение биополя и длительное воздействие его на окружающих Чака людей вызвало вспышку ненависти и ярости, Чак воспользовался этим и совершил нападение. Люди находились как бы под гипнозом. Теперь, когда биополе выключено, истощенная постоянным возбуждением нервная система потребовала отдыха, и возникло разлитое охранительное торможение. Это и привело к глубокому сну. Свистуны пользовались такими усилителями для управления платформами. Однако их собственное биополе значительно слабее биополя элиан. Попав в руки Чака, усилитель заработал на полную мощность, усиливая и без того сильные сигналы мозга элианина. Эрик решил проверить коэффициент усиления непов-

режденной выходной части усилителя дома, где у него были необходимые для этого приборы. Определив этот коэффициент, он мог косвенно по нему судить о величине биополя элиан. Если вспомнить, что без всякого усилителя элиане могли управлять платформой, то коэффициент усиления будет приблизительно соответствовать разнице напряжения биополя элианина и владельцев усилителя.

В предгорье Эрику и бывшим пленникам предоставили лошадей, и они в сопровождении сотни бойцов направились к усадьбе. Было уже темно. До восхода луны оставалось не меньше часа, когда путники свернули на дорогу, ведущую к усадьбе. Чтобы не нарваться на стрелы охраны, Эрик приказал остановиться и зажечь факелы. Так, при свете факелов, они подъехали к въезду в усадьбу. Из ночи послышался окрик часового. Эрик остановил коня и поднял факел, освещая лицо.

— Спасен! Спасен! Эрик вернулся! — огласилась ночь криками. Кусты вокруг зашевелились, и на дорогу вышли человек десять. При свете факела Эрик узнал своего старого знакомого. Это был командир заградительного отряда, оставшегося в долине, когда Эрик с остальными пошел по горной тропе, стараясь опередить карателей. Тогда он блестяще выполнил свою задачу. Ни один из свистунов, засевших в засаде, не вышел живым из ущелья. Он же организовал «побег» сидящим в яме заключенным.

— Вот когда мы свиделись, Грат! — вспомнив его имя, радостно сказал Эрик, протягивая ему руку.

— Я живу здесь по соседству! — ответил Грат.

— У меня уже двое внуков, — похвастался он.

— Что с теми, оставленными здесь Чаком?

— Лежат связанные в сараях. Дожидаются тебя.

— Они оказали сопротивление?

— Почти никакого!

— Поедем туда! — Он велел остальным ехать домой, а сам в сопровождении Юла-младшего и Юла-старшего, вместе с Гором и перекинутым через седло Чаком отправился посмотреть на пленных.

Когда открыли ворота сарая, Эрик увидел то, что и ожидал. Все пленные спали. Он подошел к одному из них и поднял на ноги. Тот продолжал спать. Эрик легонько потрянул его, но безрезультатно. Тот продолжал спать.

— Давно они спят? — спросил он у часового.

— Не знаю точно. Но когда им принесли ужин, все уже спали. Мы никак не могли их разбудить.

— Когда проснутся, пусть идут на все четыре стороны. А пока разрежьте веревки, чтобы у них не затекли руки.

Часовой вопросительно взглянул на Юла-старшего и тот кивнул головой. Это Эрик отметил про себя. Положительно, Юл пользовался все большим и большим авторитетом. Среди учеников Эрика он был самым прилежным и сообразительным. «Вот кто заменит погибшего Ларта», — не раз думал Эрик, наблюдая за действиями брата Стеллы во время учений. Вскоре он стал доверять ему проводить занятия по строевой и тактической подготовке. Теперь это принесло свои плоды.

— Куда мы денем этого хоряка? — спросил Юл, указывая на лежащего поперек седла Чака. — Здесь место занято.

— Придется взять его домой. Поместим в подвале.

Чаку развязали руки и ноги и внесли в подвальную комнату. Туда же принесли ему постель и еду. Эрик приказал заботиться о пленном, но не спускать с него глаз. Двое часовых должны находиться при нем неотступно, сменяясь с другими каждые четыре часа.

— Он мне нужен живым и здоровым! — строго предупредил часовых Эрик. — Да! Вот, возьмите на всякий случай, — он протянул им два защитных генератора.

Двое суток все отдыхали. Двое малышей — сыновей Гора — тяжело заболели и лежали в жару с высокой температурой. Их поили настоями трав, и к концу вторых суток температура спала. Небольшие раны на теле женщин, нанесенные уколами копий, элианки лечили сами своими методами, благодаря которым раны на теле затягивались, не оставляя после себя шрамов.

Бреясь перед зеркалом, Эрик обнаружил, что седины в его волосах значительно прибавилось.

Таура проспала еще сутки и наутро следующего дня явилась на завтрак свежая и нарядная. На голове у нее, сверкая звездой, красовалась диадема — подарок Стеллы. Это был алмаз Дука, полученный Стеллой в наследство от отца.

Утром третьего дня усадьба огласилась ржанием лошадей, криками людей, скрипом колес многочисленных телег. Три дня и три ночи на огромных вертелех жарились туши туров, свиней и баранов. Было выпито не меньше пятидесяти бочек вина. Люди ели, засыпали за столом, просыпались и снова принимались поглощать вино и пищу. Песни сменялись танцами, танцы — песнями. Съехались гости почти со всех селений округа в двести километров.

Когда припасы истощились, появились новые гости из еще более дальних селений, пригнав с собой целое стадо скота и телеги, груженные бочками. Эрик уже предельно устал встречать гостей, принимать приветствия, отвечать речами на речи, а люди все прибывали и прибывали. Так длилось целую неделю.

Когда все наконец разъехались, площадь была завалена обглоданными костями, черепками битой посуды. Целая гора бочек с вышибленным дном высилась на краю площади. В хлеву не осталось ни одного быка, ни одной коровы. Даже в птичнике царила мертвая тишина.

— Вот это покушали! — воскликнул Эрик после осмотра того, что осталось от его хозяйства. — Сколько же их было? — обратился он к Юлу-старшему.

— Думаю, не менее десяти тысяч, а может быть, и более. Одних бочек из-под вина осталось больше трехсот!

Около полусотни курсантов с граблями в руках трудились на площади, грузили мусор на подводы и увозили прочь. Четверо топорами разбивали столы и скамейки, сбрасывая доски в одну кучу.

— Жив ли Чак? — спросил Эрик. — Надеюсь, его кормили?

— Жив, никуда он не денется! Что мы с ним будем делать?

— Я хочу его допросить сначала. Пусть его приведут после обеда.

На обед были поданы овощи и каша.

— Что, это все? — удивился Эрик.

— Не только все, но и последнее, — ответила ему Стелла. — Даже на огороде ничего не осталось.

— Выходит, нам придется голодать!

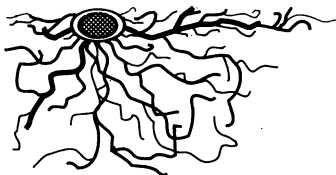
— Ну, я думаю, до этого не дойдет, — вмешался в разговор Юл-старший. Я еще позавчера послал десяток бойцов в соседние селения. Думаю, они что-то да привезут.

— Что ж! Пока будем промышлять охотой!

— Боюсь, что эти полчища гостей распугали вокруг дичь на много километров.

— Ничего, поживем — увидим.

Покончив наскоро со скудным обедом, Эрик спустился вниз, куда уже привели Чака.

«В СОБСТВЕННОМ СОКУ»

— Ну, вот мы и встретились! — приветствовал он Чака. — Надеюсь, ты хорошо отдохнул и теперь сможешь ответить на мои вопросы?

Чак молчал.

— Что же ты молчишь?

— Кончай скорее! Пользуйся тем, что тебе повезло!

— Повезло! Согласен! Но я не собираюсь тебя убивать. Живи!

Чак недоверчиво посмотрел на Эрика.

— Ты не шутишь?

— Нет!

— Я понимаю. Свободы ты мне не дашь, но жизнь сохранишь. Все равно, я согласен.

— Вот и хорошо! Ответь мне сначала, где ты взял усилитель и генераторы?

— Я раскопал засыпанные лавиной трупы свистунов и на теле их обнаружил генераторы. У двоих, кроме того, были усилители. Но я не знал, что это такое, пока пленный свистун не объяснил мне их назначение и как ими пользоваться.

— Ты сказал — два усилителя. У тебя был только один. Где второй?

— Второй у меня дома, но он испорчен и им нельзя пользоваться.

Эрик повернулся к стоящему у дверей курсанту:

— Позови, пожалуйста, Юла.

Пришел Юл.

— Пошли двух бойцов к нему домой. Пусть принесут сюда вот такой же предмет. — Он протянул Юлу разбитый усилитель.

— Где он у тебя хранится? — спросил он Чака. Тот сказал.

— Кстати, — спросил Эрик Юла, — как там наш заказ?

— Через неделю будет готов, — пообещал тот и вышел.

— Итак, как ты заряжал аккумуляторы?

— Я проник на корабль, предварительно прошував у тебя код открытия люка. Пленный свистун объяснил мне, где и как зарядить аккумуляторы, что я и сделал. Свистун говорил, что заряда хватает на два года непрерывной работы. Мне пришлось ездить несколько раз.

— Так ты уже давно этим занимаешься?

— Уже несколько лет. Вначале не было никакого эффекта, несмотря на то, что я постоянно держал усилитель в автоматическом режиме работы. Только в последний год начали появляться результаты и то не повсеместно. Я специально ездил вслед за тобой, когда ты посещал селения, и, затаившись в толпе, включал усилитель на полную мощность. Мне хотелось, чтобы ты почувствовал враждебность со стороны элиан. Ты был слишком счастлив, и я ненавидел тебя и за смерть моего сына, и за твоё счастье! Жаль, что у меня не было десятка два таких усилителей. Я тогда успел бы совершить задуманное.

— Почему тебя выбрали вождем племени?

— Здесь тоже помог усилитель.

— Следовательно, ты внушал ненависть ко мне и любовь к себе?

— Да, я хотел власти! Хотел молодых женщин, чтобы они родили мне сыновей!

— Но женщины к тебе не шли?

— Нет, к сожалению. Однажды я подкрался к твоему дому и, включив усилитель на полную мощность, постарался внушить твоим женам отвращение к тебе. Мне удалось, и одна из них покинула тебя.

— Так вот в чем дело!

— Да! Но я боялся, что меня поймут за этим занятием, и больше не появлялся.

— Кто поджег лабораторию?

— Я взял троих людей. Мы ночью пробрались в усадьбу, и я заставил их это сделать.

— Ты же знал, что там хранится оружие на случай нападения из космоса! Почему ты это сделал?

— Я ненавидел тебя!

— Зачем ты убил свистуна?

— Я его боялся. Он начал подозревать меня. Два раза он меня спрашивал, отдал ли я тебе усилитель.

— Один личный вопрос. Ты на него можешь не отвечать, если не хочешь. Почему ты так поздно женился?

Чак скривился, но ответил:

— Я переболел в детстве нехорошей болезнью, которую прихватил от изгнанных из селения «людей с черными лицами», так их у нас называют. Эта болезнь у них широко распространена. Мне удалось скрыть ее и тайно вылечиться. Но женщины меня избегали, хотя в остальном я не отличался от других элиан.

— Почему же тогда Ваа вышла за тебя замуж?

— Ее выбора никто бы не принял. После того как она покинула своего первого мужа, она упала с лошади и перебила себе переносицу. Я ей дал понять, что возьму ее в свой дом. Так мы и поженились.

— Элианам обычно чужда жажда власти. Почему она была присуща тебе?

— Возможно, в этом виновата моя болезнь. Как я ненавидел всех! А больше всего — тебя! Нет, пожалуй, не тебя, а этих сук, которые много возомнили о себе. С каким наслаждением я бы мучал их, бил, терзал, кусал бы до крови им груди, полосовал бы плетью их обнаженные тела! О! Это было бы неповторимое наслаждение! У меня был шанс достигнуть всего этого. Я бы превратил всех в покорных моей воле скотов! Зачем я, со страха, убил свистуна! С его бы помощью... Он нашел бы или сделал еще два, нет, три десятка усилителей. Мы бы с ним смогли покорить всю Элну!

— Уведите его! — приказал Эрик, чувствуя, что уже не может сдерживаться.

Вернулся Гор и на следующий день снова уехал. Он так и не нашел Прохода. На этот раз Гор в сопровождении десятка бойцов на трех подводах отправился на космодром с особым поручением. Через две недели он вернулся и привез все необходимое. Еще три недели подряд Эрик проводил по несколько часов в арсенале, где у него была небольшая, но хорошо оборудованная мастерская. В ней он предполагал ремонтировать вышедшее из строя оружие, но теперь она пригодилась в других целях. Наконец, все было готово.

Эрик приказал доставить в мастерскую Чака. Его привели и усадили на стул. Эрик, ничего не спрашивая, копался у большого металлического ящика, рядом с которым стояло «зеркало». Временами он поглядывал в «зеркало» и удовлетворенно хмыкал. Потом надел наушники и что-то слушал, покручивая регуляторы. Так и не сказав Чаку ни слова, велел его увести.

В этот же день приехал Юл и увез железный ящик и «зеркало». «Зеркало» погрузили на телегу с большой предосторожностью: завернули в несколько слоев шерстяной ткани, положили на сено и еще сверху прикрыли толстым слоем того же сена.

Еще через три дня Чака под усиленным конвоем повезли в поселок. У самого въезда в поселок подводу догнала кавалькада всадников, среди которых был Эрик.

— Ты обещал сохранить мне жизнь! — крикнул ему Чак, думая, что его везут на казнь.

— Я всегда выполняю свои обещания!

— Так куда же меня везут?

— К тебе домой!

— Остановите! Вот мой дом! — закричал Чак, когда телега въехала в селение.

— Ошибаешься! Твой дом немного дальше!

— Что вы хотите со мной сделать?

— Тебя никто не тронет даже пальцем. Тебя будут хорошо кормить, следить за твоим здоровьем. У тебя будет мягкая постель. Если что и будет тебя мучить, так это только твои мысли.

— Но я буду заперт?

— Разве я обещал тебе другое?

Телега въехала на площадь.

— Вот и твой новый дом! — сказал Эрик, показывая на сооружение, стоящее на площади. Это была большая железная клетка, представляющая собой куб с длиною грани в четыре метра. Внутри куба был второй, метра три в поперечнике, сделанный из сверхпрочной сетки, растянутой канатами между железными прутьями. Над клеткой был навес, защищающий ее от дождя и прямых лучей солнца. Пол сделан из толстой сверхпрочной материи. Посреди из того же материала постель. Вверху между железными прутьями и сеткой висел металлический предмет.

— Узнаешь? — спросил Эрик Чака. — Это второй усилитель. Он был исправен, если не считать оборванного контакта. Я дарю его тебе! Раз в два года его будут подзаряжать. Он настроен так, чтобы воспринимать твоё биополе и посылать его, усиленное, тебе назад. Для остальных он не представляет опасности, так как железные прутья надёжно его экранируют. В них вделаны приемные датчики. Мне пришлось над ними долго возиться. Но что не сделаешь для старого доброго знакомого! Выходы датчиков идут вот сюда, — он показал на большой стеклянный куб, стоящий невдалеке от клетки. — Стенки этого куба сделаны из сверхпрочного титанового стекла. Ни камень, ни пуля его не повредят. Его не расплавит даже луч бластера. Внутри куба — экран, или «зеркало». На нем будут отражаться все твои мысли и воспоминания. Сверху имеется мощный динамик. Он будет воспроизводить твои мысли в словах. Здесь имеется регулятор громкости. На ночь его будут выключать вообще, чтобы твой вой не мешал людям спать. А теперь, пожалуйста, войди в свой дом и оставайся там со своей ненавистью и злобой. Но помни, что теперь они будут всеобщим достоянием! Ты долго скрывал их от людей, и вполне справедливо будет, если они с ними познакомятся! Видишь ли... от мертвого не было бы никакого толку, живой же ты принесешь народам Элии огромную пользу и навсегда отобьёшь у них охоту слушать таких, как ты. Я думаю, что это единственное наказание, которому следовало бы подвергать диктаторов и кандидатов в диктаторы. Так что, живи и здравствуй!

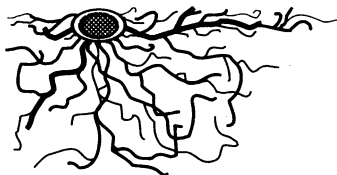
Эрик повернул коня. У стеклянного куба, на все четыре стенки которого проектировалось изображение с «зеркала», уже толпились элиане. Из динамика несся поток слов. Эрик не стал слушать и погнал коня домой. За ним последовали остальные всадники.

Через две недели Эрик, однако, понял свою ошибку и приказал временно выключить экран. Сцены, которые разыгрывались на нем, были слишком омерзительны, чтобы на них смотрели дети. За селением был построен большой закрытый павильон, куда переместили клетку и аппаратуру. Теперь смотреть на Чака пускали только взрослых.

«Чак в собственном соку» — эта случайно брошенная Эриком фраза стала популярной, и ее вывели на фронте павильона. Сначала какой-то шутник написал ее мелом, а затем Гор, которого избрали вождем племени, распорядился отлить ее в бронзе. «В собственном соку» скоро отвалилось и ее не стали восстанавливать. Теперь на фронте фасада оставалась только надпись «ЧАК».

Проходили годы, а толпы посетителей все шли и шли...

Чак, как и все элиане, был долгожителем. За его здоровьем тщательно следили. Посмотреть на него приезжали из самых отдаленных уголков планеты. Конструкция клетки не давала ему возможности нанести себе повреждения. От своих мыслей не скроешься, как не скроешься и от воспоминаний. Иногда своды павильона сотрясал вой. Чак выл. Выл от переполнявшей его ненависти и злобы. Эта ненависть, усиленная прибором пришельцев, возвращалась к нему самому. Он был с ней наедине, и она была единственным его собеседником. Когда вой становился нестерпимым, динамики выключали.

ЭПИЛОГ

Прошло еще двадцать пять лет. Эрик сильно постарел. Он уже не выезжал на охоту. Любимым его занятием было сидеть на скамейке в парке и наблюдать возню своих внуков и правнуков. Их было так много, что он часто путал их имена. Оглядываясь назад, на прожитую жизнь, он мог сказать себе: «Да, я был счастлив! Особенно последние годы. Как быстро они пролетели!»

Стелла которой было уже семьдесят, все еще оставалась молодой и прекрасной, как, впрочем, и все остальные ее подруги.

Как жаль, что я не элианин и не могу прожить до трехсот лет, подобно Дуку! Какой это счастливый народ!

Эрик тревожно вглядывался в лица многочисленных сыновей, боясь обнаружить в них признаки старения. Нет! Они унаследовали от своих матерей долгую молодость. Уже это наполняло сердце старого Эрика счастьем и гордостью. А какие у них статные фигуры, открытые лица, унаследовавшие красоту своих матерей. Они были разные, но в каждом из них жил он, Эрик.

Всю жизнь он отдал этой планете. Какие-то неведомые силы послали его сюда именно тогда, когда она больше всего нуждалась в помощи. Он чувствовал, что скоро уйдет. Но останутся его сыновья, которые в трудную минуту, если такая настанет, заменят его и сделают то, что сделал бы он, если бы оставался с этим народом. Останутся те знания, которые он дал людям. Маленькая крупица знаний. Но чтобы приобрести эту кру-

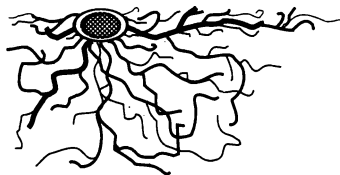

пицу, люди Земли, подобно тому, как Авраам закладывал своего сына Исаака на алтарь жестокому Богу, люди Земли закладывали тысячи и тысячи своих сыновей, так и не успевших в своей короткой жизни познать радости бытия, счастья любви и муки творчества.

Как-то он очень долго спал. Ему снилась Эола. Она протягивала ему младенца — его сына. Эрик хотел взять его на руки, но они встретили пустоту. Эола улыбалась и, все еще протягивая ему младенца, медленно удалялась. Казалось, она плывет в воздухе.

Когда он проснулся, то увидел склонившуюся над ним Стеллу. В глазах ее был испуг. Эрик улыбнулся жене. Ее глаза внезапно расширились, и эти глаза, цвета горного изумруда, были последним, что видел Эрик.

Конец I части.

Часть II

ЗЕМЛЯ

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Он проснулся, как от резкого толчка. Казалось, земля под ним ходит ходуном. Это продолжалось несколько секунд. Затем все успокоилось. Он резко приподнялся и обнаружил, что лежит на подстилке из сухой травы. У его ног чернеют головешки давно остывшего костра. Солнце еще не взошло. Светало. Ничего не понимая, Эрик вскочил на ноги. Он отчетливо помнит, что заснул вчера в своей спальне. Помнит, что просыпался и над ним склонялась Стелла. Где он? Как он здесь очутился?

Он осмотрелся. Местность была незнакомой. Куда делся его дом, Стелла, которая вот недавно была рядом с ним? Кто мог его, сонного, поднять с постели и завести сюда, не разбудив при этом? Внезапно он обнаружил, что как-то странно одет. Вместо свободной туники тело его упрятано в тесную одежду, которая жала и стесняла движения. На ногах неуклюжая тяжелая обувь из черной кожи. Рядом с травяной подстилкой лежит незнакомый предмет. Всмотрелся в него и взял в руки. Предмет был тяжелым.

— Бог мой! — мысленно воскликнул Эрик-Сергей. — Так это же мой старый охотничий карабин. Как он сюда попал?

Машинально тронул себя за лицо. Вместо длинных седых усов, которые он аккуратно подрезал вот уже двадцать пять лет, рука его встретила колючую щетину. Такая же щетина была на щеках.

— Что за дьявол! — выругался он. И вдруг понял, что одежда, которая надета на нем, — это давно забытая им земная одежда. И местность чем-то знакома.

Он пошел вперед, осматриваясь по сторонам, и вдруг обнаружил в себе давно забытую легкость движений. Не было привычной грузности. Казалось, ноги сами несут тело, без всякого напряжения и усилий. Это было неожиданно и приятно. Настолько приятно, что он, как бы проверяя себя, подпрыгнул несколько раз на месте и удовлетворенно засмеялся. Он вспомнил. Да, конечно, вчера он заснул здесь после охоты. Это те самые холмы в южной части острова. Вчера?! Но между вчера и сегодня были пятьдесят долгих лет на Элии. Он помнил все подробности своего сна, помнил каждую черточку лица Стеллы, Тауры, каждую черточку лиц своих сыновей, каждое слово, произнесенное старым мудрым Дуком. Он осмотрел себя. Несомненно, это было тело молодого человека с сильными ногами и руками. Он вспомнил свои руки со вздувшимися венами. Это были другие руки... Неужели сон?.. Он стал вспоминать подробности своей жизни на Элии, зная, что подробности сна забываются и последовательность их часто нарушается, события меняются местами. Сон обычно сопровождается несколькими не связанными между собой сновидениями. И потом, снится ли человеку, что он спит и во сне вспоминает виденный сон? Сон во сне. Это абсурд! Он мог вспомнить все мельчайшие подробности, не путаясь в их последовательности. Концлагерь, восстание, битва в горах, его последующая жизнь на Элии, рождение детей — все это ясно всплыло в памяти, ничуть не нарушая последовательности событий. Если это не сон, то почему он здесь? Куда девалась его старость?

Тут он обнаружил, что идет по знакомой тропе. Скоро слева должно показаться болото, подумал Сергей. Действительно, минут через двадцать он подошел к краю болота. Сомнений не оставалось. Он находился на острове. На том самом острове, куда его поместили после возвращения со Счастливой.

Ну, что ж... Чем труднее и запутаннее была ситуация, тем спокойнее становился Сергей, и это спокойствие всегда помогало ему быстро находить выход из самых трудных положений. Вдруг острая боль пронзила ему сердце. А как же дети? Мои сыны, которыми я так гордился... неужели это только плод моего воображения, плод сна?! Внутренним слухом и зрением он явно слышал их голоса, видел их лица. Он закрыл глаза и ясно увидел Тауру, спускающуюся по крутому склону горы. В левой руке она держит лук, а правой хватается ветви кустарника. Он явно ощутил боль от удара камня, сорвавшегося из-под ног Тауры.

Нет! Это не могло быть сном, решил он. Но что же тогда? На этот вопрос он не мог пока найти ответа.

Задумавшись, он вышел на берег моря. Это было хорошо знакомое ему побережье. До дома на берегу озера оставалось километра три.

Если это сон, решил он, то я найду дома все без изменения.

Идти по песку в тяжелых сапогах было трудно, и он снова свернул в лес. Вскоре вышел на тропинку, которая вела к дому. Остановился. Здесь он впервые встретил Стеллу! Опустился на землю, почувствовал охватившую его слабость. Ноги просто не держали. Он лег на землю, стараясь справиться с охватившим его приступом отчаяния. Во сне

(был ли это сон?) он был готов к смерти, ждал ее и почти смирился с ее неизбежностью, находя утешение в своих воспоминаниях прожитого и в продолжении жизни в детях. Он вдруг почувствовал, что потеря реальности воспоминания прожитой жизни воспринимается им как нечто более ужасное, чем сама смерть.

Наверное, так сходят с ума. Сон или не сон? Мозг его отказывался решать возникшую неопределенность. Если сон — то почему каждая клеточка тела хранит в себе память о пережитом?! Почему память хранит голоса людей, приснившихся ему в этом сне, хранит малейшие оттенки интонации? Бывает ли такое во сне? Можно ли, проснувшись, помнить вкус пищи, прикосновения рук, запахи, имена близких? Но, с другой стороны, можно ли прожить пятьдесят долгих элианских лет и очутиться вновь на том же самом месте, в той же одежде у только что потухшего костра? Реальность убеждала его в одном, память же протестовала. Спор между Реальностью и Памятью разгорался с новой силой, и его Сознание, вслушиваясь в доводы спорящих, взаимомонключающих друг друга, но одинаково справедливых, раздиралось на части в поисках решения и не находило его. Это была грань, за которой должно было последовать безумие. Ведь что такое умопомешательство — несовместимость собственного Я с Реальностью? Или — или. Или сохраняется собственное Я, но тогда это Я заменяет истинную Реальность на Реальность воображения, на модель Реальности, подогнанную под собственное Я. Или Я должно уступить Реальности и снова стать ее частью.

Легко ли сделать правильный выбор? Распознать истинную реальность от реальности воображаемой? Не спешите с ответом! Разве все человечество ради своего собственного Я не создает себе воображаемую реальность, угодную этому Я, подгоняемую к этому Я теориями и философскими концепциями? Какая разница между тобой и несчастным рыцарем из Ламанчи? Как и он, ты стремишься к добру и справедливости, а приходишь к злу и насилию.

Твой антипод — «частица зла, творящая благое». Кто же ты? Добра частица — сеящее зло?

Можно ли вообще познать реальность, наблюдая ее через призму собственного Я? Можно ли подняться над своим собственным Я и осознать себя частицей нечто большего, чем это Я?

Клетка не может осознать себя частицей организма. Человек способен осознать себя частицей нации, народа, всего человечества. Чем выше мы поднимаемся над своим Я, тем шире открывается кругозор. Способно ли человечество подняться настолько высоко, чтобы осознать себя и свое место в Реальности?

Постепенно Сергей успокаивался. Не все задачи поддаются немедленному решению и не все они имеют однозначные решения. Надо ждать, решил он. Ждать случая, который предоставит недостающую информацию. Пока же надо заставить себя воспринимать действительность такой, какая она есть, или во всяком случае представляется ощущениям и восприятию. Возбуждение и страх — плохие советчики. Человек должен достичь такой степени самообладания, когда странности Реальности не вызывают страха, а только любопытство и любознательность. Иначе человек уподобится лошади, которая впервые видит

верблюда. Тем более, подумал он, странности преследуют с того момента, как я возвратился со Счастливой. Когда-нибудь все разъяснится! А если нет... то не буду же я разбивать себе голову об эти толстые стволы деревьев! Может быть, зло подумал он, кто-то хочет проверить прочность моей психики. Что ж, пусть проверяет! Нахлынувшая злость, как ни странно, помогла ему успокоиться.

Сергей поднялся. Он не зачеркнул в себе Эрика. Эрика, который руководил восстанием в концлагере, вел отряд по узкой тропе над обрывом. Впрочем, тогда Эрик был еще Сергеем. Теперь Сергей хранил в себе Эрика, который хладнокровно уничтожал запертых в звездолете пришельцев, и Эрика, который заключил Чака в клетку. Этот Эрик был тоже с ним и органически слился с Сергеем. Кто знает, может быть, именно этого Сергея-Эрика ждали здесь, и именно он был здесь нужен?

Постепенно деревья стали редеть. Вот и знакомый муравейник. Как ни в чем не бывало, так же, как и тогда, муравьи деловито тащили по склону толстую зеленую гусеницу. Сергей постоял возле муравейника. Вид муравьев еще более успокоил его. Он сделал несколько шагов и очутился на поляне перед домом.

— Папа вернулся! — к нему бежала его шестилетняя дочь Оленька.

Он подхватил ее на руки. Дочь обняла его за шею и сейчас же затараторила, сообщая последние новости. А новости заключались в том, что Володька купал в озере кошку и не слушался маму, лазил по деревьям. Нарушитель же порядка прыгал на веранде, ухватившись за перила, выражая таким образом свою радость при виде возвратившегося отца. На веранде показалась Ольга с дымящейся паром сковородкой. Увидев Сергея, она приветливо помахала ему рукой:

— Вот хорошо, что успел к обеду! Я уже думала, что ты вернешься только к вечеру!

Сергей подошел к крыльцу и как-то нерешительно приблизился к жене. Та, еще держа сковородку в руках, подставила ему щеку для поцелуя. Сергей как-то неуклюже и застенчиво, сам себя не понимая, но не имея сил справиться с волнением, поцеловал ее и опустился на стул.

— Я заснул в лесу, — начал он осторожно, — и не помню, хоть убей, сколько я проспал!

— Я уже привыкла, что ты на сутки уходишь из дому, — с едва уловимым упреком ответила Ольга.

— Что? — не веря, переспросил Сергей. — Сутки?

— Даже больше, если учесть, что ты ушел вчера утром, а вернулся сегодня к обеду.

Сергей промолчал.

— Я думала, ты принесешь с охоты оленя. У нас уже нет мяса. Но если ты хочешь, я открою тушенку.

— Нет! Спасибо!

— Тогда ешь яичницу с салом. Суп я сегодня не варила. Дети его не едят, а я не знала, когда ты вернешься.

Идя сюда, Сергей меньше всего ожидал, что его встретят таким обыденным разговором. Он вспомнил, как искал Проход, представляя себе встречу с женой и детьми. Но из всех картин, которые рисовало ему воображение, ни одна не походила на эту. «Неужели сон?» — снова

с каким-то отчаянием подумал он, но сейчас же погасил опасную мысль, решив больше к ней не возвращаться.

Он стал есть яичницу. По сравнению с той едой, к которой он привык на Элии, эта показалась ему безвкусной. Он поковырялся вилкой и встал из-за стола.

— Ты что, не голодный?

— Что-то не хочется, — ответил он и пошел в кабинет. Здесь все было так, как будто он вышел отсюда только вчера. На столе аккуратная стопка исписанных бумаг. Рядом листок с незаконченными расчетами. Сергей подошел и прочел написанное. Да, это писал он. Странно, что все мгновенно ожило в памяти. Он подержал в руках листок, бросил его на стол и вернулся на веранду. Ольга налила ему кофе. На Элии кофе не выращивали. Вкус его показался странным и даже неприятным. Он сделал глоток и отставил чашку.

— У тебя нет чая? — попросил он Ольгу.

— Сейчас заварю! Тебе что, не нравится кофе? — удивилась она. — Ты всегда его любил. — Она отпила из его чашки глоток и пожала плечами: — Кофе как кофе! Растворимый. Может быть, ты хочешь в зернах? Я пожарю. Но на это уйдет время.

— Нет, спасибо, ничего не надо!

Он не хотел признаться себе, что совсем не рад встрече. Ольга, дети казались ему чужими. Он испугался, что это заметят.

— Ну, как твои дела? — спросил он Оленьку. И в этом вопросе невольно прозвучало такое безразличие, что Ольга удивленно взглянула на него, но сейчас же опустила глаза. Ребенок тоже интуитивно почувствовал отчуждение и прижался к матери. Стараясь исправить промах, Сергей поднялся и как можно веселее и естественнее сказал, обращаясь к сыну:

— Пойдем-ка, сына, к озеру, пройдемся немного!

— Пошли! — согласился Володька, хватаясь ручонкой за указательный палец отца. Так обычно они гуляли. Володька привык держаться при совместных прогулках за отцовский палец. Этот давно забытый жест поразил Сергея больше всего, и он вдруг почувствовал, что его сердце оттаивает и в нем появляются интерес и нежность к этому маленькому существу.

— Точно! Пойдите погуляйте, — неизвестно чему обрадовалась Ольга. — А я тем временем что-нибудь приготовлю более существенное!

— Знаешь что? Приготовь-ка салат с помидорами, огурцами и картошкой! — Сергей вспомнил, что такой салат ему когда-то очень нравился.

— Может быть, рюмочку?

— Можно и рюмочку! Только из холодильника!

Они пошли с Володькой на берег озера. Вдалеке на волнах качался белый предмет. Сергей вспомнил, что это буюк, обозначающий подкормленное место, где с первого же раза брали крупные лещи.

— Где это ты купал кошку? — спросил он сына.

Вовка стал захлеб рассказывать, как он хотел выкупать кошку, а она этого не хотела и убежала, поцарапав ему руки.

— Во! — показал он свежие царапины.

Сергей машинально начал водить рукой над поцарапанными ручками ребенка, как его этому учила Стелла. Вовка смотрел внимательно, а потом сообщил, что уже не болит. Сергей посмотрел на его руки и увидел, что еще минуту назад воспаленные полосы, покрытые влажными струпьями, подсохли, краснота исчезла. Он почувствовал озноб. Потом появилась дрожь. Долгое время он не мог с ней справиться. Наконец дрожь прошла.

— Пстой-ка! — сказал он сыну, решив продолжить эксперимент. Вспомнив уроки Ваака, он подошел вплотную к берегу. Через несколько минут вблизи послышались всплески. Еще минута, и громадный лещ в высоком прыжке выбросился на берег и запрыгал на песке. За ним последовал второй, третий. Сергей расслабился. Он подобрал лещей, низал их за жабры на прутик и вернулся с сыном домой.

— Ого! Какой улов! — воскликнула удивленная Ольга. — И когда это вы успели?

— Они сами, мама, сами! — закричал Вовка.

— Сама рыба не ловится! — назидательно возразила Оленька. — Ее удят удочками!

Вовка стал возражать, но его никто уже не слушал. Сергей постарался перевести разговор на другую тему и поинтересовался, готов ли салат. На мгновение ему показалось, что Ольга улыбнулась какой-то особой, не свойственной ей улыбкой. Почему-то эта улыбка испугала его, и он снова почувствовал дрожь.

— Ты, я вижу, совсем замерз! Вот к чему приводят твои ночевки в лесу! — Она вышла в холл, и было слышно, как открылся холодильник.

— На-ка, выпей! — протянула она ему рюмку водки.

Сергей выпил. Ему показалось, что он влил себе внутрь расплавленный металл или кислоту. Все внутри горело. Он закашлялся.

— Быстро закусывай! — Ольга поставила на стол миску с салатом. Сочные помидоры смягчили жар от выпитого. Сергей почувствовал, что пьянеет, чего никогда раньше с ним не случалось. Он отвык от крепких напитков. Вино на Элии было слабое, не более десяти градусов. Сорокаградусная русская водка в таком случае, конечно, адский напиток.

— Теперь иди отдыхай! — потребовала Ольга, когда с салатом было покончено. Сергей хотел побыть один и поэтому, не возражая, отправился в кабинет.

— Не сон! Не сон! — повторял он себе. — Но что же это? Почему здесь ничего не изменилось? Сколько прошло времени?

Он так и заснул, сидя на диване, и проснулся только утром следующего дня бодрым и окончательно успокоившимся. Странность реальности больше не пугала. Он был счастлив, что прожитая им жизнь на Элии не сон. Где-то в неведомой части Великого Космоса затерялась прекрасная планета, и там живут его дети. Или потомки его детей. Но это теперь неважно. Сейчас самое главное — выдержка! Спокойствие и выдержка, повторял он. Только в спокойном состоянии можно правильно оценить информацию, а главное, заметить ее. Посмотрим, что будет дальше.

В доме еще спали. Он взял карабин и отправился в лес.

Часа через два вернулся, неся на плечах молодого оленя. Ольга уже встала и готовила завтрак. На этот раз она напоила его чаем. Чай был заварен именно так, как он любил и привык пить его на Элии.

У него снова возникло странное ощущение, что Ольга что-то знает, но скрывает от него. Это странное ощущение дополнялось каким-то непроходящим отчуждением. Он почему-то не мог воспринимать Ольгу как свою жену и ничего не мог с собой поделать. Ему казалось, что Ольга стала другой, что вообще это уже не Ольга.

Сергей пробовал «прощупать» ее память, как его когда-то учил Дук, но у него ничего не получалось. То ли он разучился, так как почти не прибегал к этому на Элии, то ли Ольга не поддавалась его воздействиям и ее память и сознание были закрыты для него. Откровенна ли она с ним?

— Ты не встречала здесь, на острове, девушку?

— Это было три года назад! — спокойно ответила Ольга. — Я подумала, что это отбившаяся от группы туристка. Я не успела ее даже окликнуть, как она убежала, по-видимому, испугавшись. Ты что, ее тоже встречал?

— Да, ее звали Стеллой!

— Вот как! — Ольга ограничилась этим восклицанием и не стала задавать вопросов.

Больше к этой теме не возвращались. Сергей искал перемены в поведении Ольги, но не находил их. Он сообщил ей имя Стеллы, следовательно, признался, что знал ее, но это не вызвало у Ольги естественных, казалось, вопросов. В другом случае он, возможно, обрадовался бы, но сейчас... сейчас это раздражало и даже пугало...

Пользуясь даром Дука, он стал следить за Ольгой, когда она не подзревала, что ее видят. Он не мог объяснить себе, с какой целью это делает. Ольга вела себя естественно, не давая никакой «пищи для размышлений». И все же перемены в ней были. Он их не чувствовал, а скорее предполагал интуитивно. Так ничего и не узнав, наблюдения пришлось прекратить. Возможно, он просто отвык от нее. Не перенес ли он странность своего положения на жену? Это было вполне вероятно.

Логика и интуиция... Интуиция что-то нашептывает, но логика не принимает. Отказывается принимать. Интуиция подобна Кассандре, она знает то, чего не знают остальные, но ей не верят. Да как же ей верить, если то, что говорит Кассандра, противоречит очевидному, фактам, а «факты — упрямая вещь». И факты — троянцы — не верят интуиции — Кассандре. Каждый в своей жизни по крайней мере один раз сжигает свою Троицу. Но как отличить голос безумной девицы от множества голосов лжепророков, сидящих в наших мозгах? Как среди множества безумий найти то безумие, которое поведет тебя к звездному часу открытия истины? Логика — бюрократ мозга. Она посредственна в своей логичности и логична в своей посредственности. Но мы не имеем ничего лучшего! В крайнем случае, бюрократ может получить хорошее образование. Но прибавит ли это ему ума? Государство порождает бюрократов, Разум — логику. Без них не может существовать ни государство, ни разум. Без них — анархия. Главное — не упустить момент, когда тупость бюрократа становится столь же опасной, как и анархия, и в конечном итоге ведет к тому же результату.

Фома Аквинский говорил: «Верю, ибо нелепо!» Верить в нелепость нельзя! Но как отличить настоящую нелепость от видимой нелепости явления, которое наш разум не может схватить полностью и видит только незначительную часть этого явления вне связи с остальными, составляющими целое?

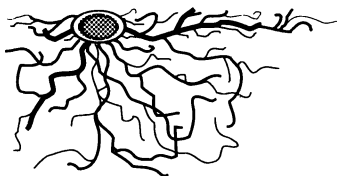
Ничто так не вредно познанию, как категоричность утверждений. Казалось, став на путь диалектического мышления, мы, понимая изменчивость и противоречия нашего странного мира, должны были бы избегать излишней категоричности суждений. Так нет же! Открыв истину при помощи диалектического мышления, мы возводим свое открытие в догму, тут же забывая, что истина тоже меняется, как меняется и мир, ибо истина — это только отражение этого мира в процессе его развития, так же, как и наше его восприятие, которое должно в своем развитии поспевать за меняющимся миром. Проходит время, и диалектика, подобно тому, как днище корабля обрастает ракушками, обрастает догмами, и уже вместо действительной реальности создается реальность вымысла, и мы смотрим на мир через призму этой вымышленной реальности, отвергая все то, что не соответствует нашему вымыслу.

— Ты рассуждаешь верно! — услышал он голос Ольги. Она стояла в дверях кабинета.

— Разве я что-то говорил?

— Да, ты рассуждал вслух, — почему-то смутилась Ольга.

Сергей был готов поклясться, что не произнес ни одного слова. Никогда не замечал за собой такого свойства. Он недоверчиво посмотрел на жену, стараясь понять, говорит ли она правду. На секунду ему показалось, что глаза ее изменились. В них появилась такая бездонная глубина, сравнимая разве что с глубиной Космоса. Это была какая-то бездна, где одновременно было Все и Ничто, то Великое Ничто, которое порождает Все — Время, Пространство, Звезды. У него закружилась голова. Через секунду он овладел собой и снова взглянул в глаза Ольги. В них светились доброта, участие и ласка.

ГОСТИ НА ОСТРОВЕ

Прошло четыре месяца. Короткая весна на острове сменилась летом. По краям высохших болот жужжало комарами покрыве спелой черники. У Сергея никогда не хватало терпения собирать эту ягоду. Зато Ольга наслаждалась. Чернику ели с сахаром, просто так, ею начинали вареники, смешивали в миксере со сметаной. Дети ходили с рожцами и руками, перепачканными ее красным, чернеющим на воздухе, соком. Мошкара и комары тоже извлекали свою пользу из ягодного сезона, вволю напиваясь кровью людей, вторгнувшихся в их царство. Единственное средство, которое их могло отпугнуть, — это ветки багульника, который рос у высохшего болота. Но от резкого специфического запаха у самих людей начинала болеть голова. По вечерам Сергею приходилось своим методом лечить искусанные комарами руки и ноги детей. Его способности почему-то не удивляли Ольгу. Она отнеслась к появлению их совершенно спокойно, не спрашивая, как будто новоявленное чародейство равносильно замороженной мази из сока подорожника. Не удивляли ее и необычно богатые уловы угрей, которые Сергей приносил теперь с рыбалки.

Угрей коптили, и теперь в кладовой с потолка свисала целая бахрома их черных, с коричневым оттенком копчений. Некоторые из них достигали в длину двух метров и были толщиной с руку. На ост-

рове росло много бука и граба, древесина которых лучше всего подходит для копчения. Любая пища, если она повторяется каждый день, надоедает. Это не относится к копченому угрю. Конечно, если не есть его слишком много. Но его можно есть каждый день, и каждый раз вы будете наслаждаться неповторимым вкусом. Во всяком случае он пользовался большим успехом, особенно у детей. Как только на столе появлялся угорь, они уже в предвкушении вкусового наслаждения, которое у детей является главным и наиболее сильным чувством, начинали с нетерпением ерзать и глотать слюну, ожидая, когда мать даст каждому по куску лакомства. Они рвали его зубами, как голодные волчата, потом обсасывали покрытую золотистым жиром кожу и уже не хотели ничего другого, чтобы подольше сохранить вкусовые воспоминания. Сергей в этом случае смеялся, ему хотелось достать из кладовой еще и еще рыбину, но Ольга не разрешала, боясь, что слишком жирная пища навредит детскому желудку.

Странные отношения установились между ними. Днем Сергей, поглощенный повседневными заботами, как-то расслаблялся. Исчезала его настороженность. Он видел в Ольге жену. Забытое чувство любви к ней, казалось, вернулось к нему вновь. Как и прежде, он любовался ее ловкими и изящными движениями, как и прежде, в нем просыпалась нежность при виде ее красивого строгого лица и стройной фигуры. Но наступала ночь, и приглушенная дневными заботами настороженность возвращалась к нему. Он ничего не мог с собой сделать. Ольга восприняла состояние мужа с присущим ей тактом. Ах, эта тактичность. Она угнетала еще больше. Сергей начал стыдиться своей «недееспособности» и как-то попытался побороть в себе мешавшую ему мнительность, но потерпел позорное фиаско. Это окончательно вывело его из себя, и он ушел на несколько дней в лес. Там, на большой поляне, в двух километрах от юго-восточного края большого болота, он построил шалаш и жил в нем. Постелью ему служила охалка сухой травы и шкура убитого оленя, которую он высушил, растянув между деревьев.

Через несколько дней, успокоившись, он вернулся домой. И опять Ольга ничем себя не выдавала. Все было так, как будто он никуда не уходил. Терпению и такту этой женщины не было предела. Единственно, что она высказала ему, был упрек в том, что он спит на земле. Она настаивала, чтобы он брал пару одеял, если собирается заночевать в лесу. Он так и сделал, отнес одеяла в шалаш, но больше не оставался там на ночь.

Прошел еще месяц. Лето было в разгаре. Поспела брусника. На полянах и опушках леса появились грибы. Как-то вечером, ужиная на веранде, разговорились о них. Сергей очень любил соленые рыжики. Они только недавно стали появляться в ельниках, особенно много их было на южных отрогах горы Франклина, как продолжал называть ее Сергей, покрытых еловыми лесами. Решили завтра пойти туда и заночевать, если понадобится, в пещере. Эта пещера, давно открытая им, была их постоянным приютом в походах за рыжиками. Приготовили две большие корзины и легли спать.

Они были уже в дороге и шли по дну глубокого оврага, конец которого выходил прямо к отрогам горы, как над лесом послышался никогда не слышанный здесь звук. Но Сергей не мог ошибиться в его

происхождении — это был гул винтов вертолета. Он то затихал, то возрастал с новой силой. Наконец, затих. Было ясно, что вертолет сел рядом с их домом. Побросав корзины, они бросились назад.

На поляне перед домом стоял большой, окрашенный в защитный цвет вертолет. У вертолета расхаживали трое. Два громадного роста негра и белый. Все одеты в комбинезоны военного образца. Белый, вернее, рыжий, так как волосы его носили огненно-рыжий оттенок, увидев возвращавшихся Сергея и Ольгу, приветливо помахал им рукой. Затем достал из нагрудного кармана рацию:

— Они здесь, шеф! — прокричал он. — Только что вернулись. Есть, шеф! Ждем! — он повернулся к Сергею и протянул руку. — Зовите меня просто Джонни, — представился он. — Это Том, а это Сэм, — указал он на негров. — А это Рональд.

Сергей обернулся. Из кабины вертолета прыгнул на землю пилот и, широко улыбаясь, протянул руку для пожатия.

— Очень вам рад! — искренне произнес Сергей, по очереди здороваясь со всеми. — Но чем, — он замялся, подыскивая нужное слово, — чем я обязан вашему прибытию?

— О, ваше заточение здесь кончилось!

— Наконец-то! — обрадовался Сергей. — Но...

— Сейчас прибудет шеф и все вам объяснит, — перебил его Джонни.

Шеф не заставил себя ждать. Спустя полчаса над лесом послышалось стрекотание, и на поляну, рядом с первой, спустилась легкая машина. Это был маленький быстроходный и верткий двухместный вертолет. Из его кабины выглянуло женское личико. С другого борта выпрыгнул довольно грузный светловолосый мужчина лет сорока пяти в сером костюме.

— Бэксон! — представился он.

Сергей, в свою очередь, назвал себя.

— Знаю! Знаю! — засмеялся, замахав руками, Бэксон. — За вами мы и прибыли! Карантин закончился, и вас ждут дела!

— Долго же он продолжался!

— Что делать! Такие были обстоятельства, — он прошелся по двору. — А вы неплохо устроились! Я бы сам не прочь пожить здесь месяц-другой. Кстати, познакомьтесь. Это Эльга, — он представил подошедшую девушку. — В данном случае она пилот вертолета, а вообще — биолог будущей большой экспедиции. Ей очень хочется поговорить с вами! Вы ей можете многое рассказать.

Разговор шел на английском языке. Сергей, который прекрасно владел им, только сейчас это заметил, так как Эльга обратилась к нему по-русски:

— Как поживаете? — спросила она с едва уловимым акцентом.

— Эльга из Прибалтики, — пояснил Бэксон.

— Ну что мы здесь стоим? — раздался голос Ольги. — Прошу всех к столу!

Сергей успел рассмотреть девушку. На вид ей было не больше двадцати двух. Неуклюжий комбинезон не мог скрыть стройной высокой фигуры. Из-под шлема рассыпались длинные темно-каштановые волосы.

— Боже мой! Какие деликатесы! — воскликнул Бэксон, увидев накрытый стол. — Мы уже отвыкли не только от их вкуса, но и вида!

— Прошу вас, садитесь, — пригласил Сергей топтавшихся у порога негров, которые как будто не решались сесть за стол рядом с шефом.

— Садитесь, парни! — разрешил Бэксон. Негры сели. Сначала несмело, но потом энергично начали уничтожать приготовленные закуски, не вникая в разговор.

Ольга пошла в кладовую и принесла еще несколько копченых угрей и две банки маринованных грибов.

— Это вы здесь наловили? — поинтересовался Бэксон, беря который уже кусок угря.

— Где же еще?! Что нового на Земле? — спросил Сергей.

Бэксон принялся рассказывать последние новости. Многие из его рассказа Сергеем было непонятно, и он часто переспрашивал.

— Не забывайте, что моя «командировка» продолжалась больше двухсот лет, — пояснил он.

— Знаю! Но, глядя на вас, не скажешь, что вы можете быть мне пра-пра-прадедушкой! — захохотал Бэксон. — Не правда ли, Эльга, — шутливо обратился он к девушке, — он для этого слишком молодо выглядит!

Эльга чуть-чуть покраснела и лукаво улыбнулась Сергеем:

— Да, при встрече я бы не подумала об этом!

Это еще больше развеселило Бэксона, и он дружески-фамильярно ткнул Сергея в бок:

— А ведь и вправду!

— Какой красивый остров! — заметила Эльга. — Когда мы летели, я просто любовалась им!

— А почему бы тебе не попросить нашего хозяина показать его? Мы здесь можем задержаться на день-другой, пока вы, — он посмотрел на Ольгу, — соберетесь. Бери мой вертолет, — он повернулся снова к Эльге, — и посмотри достопримечательности, если они есть. А я вернусь на базу на другом. У нас здесь стоит судно, — пояснил он, — у северного берега острова.

Эльга вопросительно посмотрела на Ольгу. Та едва заметно кивнула и улыбнулась. Заметив эту улыбку, Сергей выразил согласие быть гидом.

Завтрак продолжался часа два. Гости с большим аппетитом ели все, что предлагала им Ольга. За окором дикой свиньи последовала копченая индейка с моченой брусникой. Должное внимание было уделено и продуктам с огорода. Пока мужчины беседовали, Ольга и вызвавшаяся помочь ей Эльга приготовили прекрасный салат из помидоров, щедро сдобрив его сметаной и сладким перцем. Бэксону особенно понравилась цветная капуста, поджаренная в сухарях на масле.

Бэксон сообщил Сергею, что готовится большая экспедиция на Счастливую и Сергея приглашают быть консультантом при ее подготовке. В экспедицию войдут, говорил Бэксон, четыре больших корабля. Предполагается образовать на открытой планете колонию.

— На Земле становится тесновато, — заключил он свой рассказ. — Если все пойдет хорошо, то в течение пятидесяти лет мы намерены осуществить подготовку к массовой эмиграции части населения на Счастливую. Для этого проектируются большие транспортно-пассажирские корабли, которые будут стартовать с Луны. Кстати, и собирать их предполагается на Луне.

— Боюсь, что при том росте населения, который имеется сейчас, как вы говорите, это не решит проблемы, — заметил Сергей.

— Вы совершенно правы! — как будто обрадовался Бэксон. — Многие из нас считают, что необходимы срочные меры ограничения рождаемости и снижения численности населения! Вы попали в самую точку!

— Может быть, вы объясните мне, как смогли выделить такой остров для одного меня, если на Земле перенаселение? Мне это совсем непонятно!

— Это вам объяснят, когда прибудем на место назначения. К сожалению, — он немного помолчал, — я не уполномочен отвечать на некоторые вопросы!

— Но!.. — запротестовал было Сергей, но Бэксон, явно давая понять, что разговор на эту тему не может быть продолжен, переключил внимание на Оленьку. Он стал расспрашивать ее, умеет ли она читать, что прочла и т.п.

— Тебе уже пора в школу, — сказал он, положив руку на голову ребенка. — Там много детей, и тебе не придется скучать, как здесь.

— А я не скучаю! — возразила Оленька. — Мы с папой ходим ловить рыбу. — Она принялась рассказывать, как они с папой ловят рыбу, но Бэксон делал только вид, что слушает, сам же о чем-то задумался. Потом встал из-за стола. Вслед за ним поднялись и его спутники. Бэксон принялся благодарить Ольгу за гостеприимство, затем сообщил, что улетает на базу и вернется через день.

— Я оставлю вам Эльгу, — сказал он, обращаясь к Ольге. — Не обижайте ее, она дочь моего старого соратника. Я хотел сказать — друга, — поправился он. — Если можете, то покажите ей остров, — повернулся он к Сергею. — У нас, знаете, мало осталось нетронутых уголков природы!

Вскоре он и его спутники улетели.

Пока женщины мыли посуду и убирали со стола, Сергей прошелся к берегу озера. Там он сел на корму вытащенной на берег лодки и задумался. «Итак, скоро все выяснится. Наконец-то я получу разъяснения всей странности своего положения». Это радовало, но к радости примешивалась ностальгическая грусть. Здесь, на острове, и там, на Элии, он привык к не тронутой рукой человека природе. Судя по тому, что рассказывал Бэксон, ему предстоит очутиться в железобетонном мире, переполненном людьми и техникой. Природа острова, по-видимому, уникальна. Почему на шесть долгих лет он был предоставлен ему в нераздельное владение, он так и не мог понять. «Ладно, — решил Сергей. — Не буду больше сушить себе голову. Так или иначе — все скоро станет ясным».

Он окинул озеро взглядом и увидел болтавшийся на волнах буюк. «Надо снять его перед отъездом», — наказал он себе. Ольга позвала его в дом: — Наша гостя ждет!

Эльга, действительно, сидела уже в пилотской кабине вертолета.

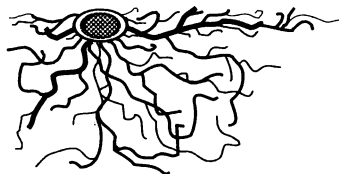
— Может быть, ты полетишь с нами? — спросил он жену.

— Нет, мне надо начинать собираться, — ответила она. — Кроме того, в кабине только два места.

— Мы скоро вернемся, — зачем-то пообещал он, чувствуя смущение.

— Вы мне, собственно, не особенно нужны. Я справлюсь сама. Да и собирать-то особенно нечего. Не повезем же мы все это. Достаточно нескольких смен одежды да твои записки.

Она подошла к кабине и что-то прошептала Эльге. Та весело рассмеялась.

ЭЛЬГА

Вертолет опустился на песчаную полосу пляжа. Не дожидаясь остановки вращения винтов, Эльга легко прыгнула на песок и побежала к морю.

— Силы небесные! Как здесь прекрасно! — воскликнула она.

Эта часть южного берега острова представляла собой столь гармоничное чередование утесов и гротов, как будто к ним прикоснулась рука великого художника. Океанские волны с шумом разбивались о высокие скалы и приходили к берегу пенящимися потоками. Прямо перед ними была небольшая, но достаточно глубокая гавань. Сквозь прозрачную воду темнели колеблющиеся кусты водорослей, меж которых, вспыхивая серебром в лучах света, сновали стаи мелких рыбок.

Эльга сняла шлем и энергично тряхнула головой. Длинные темно-каштановые волосы рассыпались по ее плечам. Затем, забавно прыгая то на одной, то на другой ноге, освободилась от комбинезона. Под комбинезоном был купальник, если эти две узкие полоски материи, опоясывающие бедра и грудь, можно было назвать купальником. Ее покрытое легким золотистым загаром тело напряглось, как струна, и сразу же расслабилось. Сергей смущенно отвел глаза. Эльга рассмеялась и медленно вошла в воду. Сергей смотрел, как вода, постепенно поднимаясь, закрывает ее голени, тяжелые округлые бедра, на которых, как на пьедестале, покоится тонкая талия. Когда вода дошла до пояса, Эльга присела и поплыла. Плавала она отлично.

Через минуту ее мягкий, низкий, чуть вибрирующий голос раздался с середины бухты:

— Что же вы стоите? Плывите сюда!

Сергей разделся и поплыл к Эльге. Нагретая в бухте лучами палящего солнца вода приятно ласкала кожу. Сергей нырнул. На глубине было прохладнее. Видно, как по дну, усеянному мелкой галькой, ползет большой краб. Словно хризантемы, рассаженные рукой изобретательно-го садовника, группами стоят актинии, шевеля лепестками-щупальцами. Промелькнула тень. Сергей почувствовал, как рука Эльги скользнула по бедру. Гибкое тело прошло под ним и метнулось вверх. Он последовал за ней.

— Какое здесь теплое море... Я выросла в Прибалтике. Там вода холодная, но я все-таки купалась каждое лето...

Наплававшись, они сидели на краю утеса, который гигантской каменной волной навис над тихими водами бухты, образуя естественную вышку для прыжков в воду.

— Ну, что, возвращаемся? — предложил Сергей.

Эльга надула губы, потом рассмеялась и вдруг, положив подбородок на плечо Сергея, обвила его грудь руками. Это прикосновение и близость тела молодой красивой женщины бросили его в дрожь.

— О, да ты совсем замерз! — хрипло рассмеялась Эльга. Она стала растирать ладонями его плечи и грудь, затем руки скользнули ниже...

Когда, спустя четыре часа, они вернулись к вертолету, солнце уже склонялось к горизонту.

— Подожди... Меня ноги не держат... Полежим немного на пляже, а то я не смогу вести вертолет...

Она достала из-под сидения большую мохнатую простынь и расстелила ее на песке.

— Иди сюда...

Сергей послушно лег рядом. Она положила голову ему на бедро, блаженно улыбнулась и закрыла глаза.

— Как хорошо... — прошептали ее губы. — Ты — Бог..., ты не можешь этого понять!

Вернулись они только к вечеру следующего дня. Эльга сослалась на поломку вертолета и быстро ушла к себе. Сергею было стыдно смотреть Ольге в глаза. Он понимал, что она обо всем догадывается, хотя не подает вида.

Утром Сергей застал обеих женщин на кухне. Как ни в чем не бывало, они вместе готовили завтрак, весело при этом переговариваясь. Звонкому смеху Ольги вторил низкий вибрирующий голос Эльги. От этого мягкого тембра Сергей почувствовал знакомую дрожь во всем теле. Глаза их встретились. Темные, с едва уловимым фиолетовым оттенком глаза Эльги, казалось, вибрировали так же, как и ее голос, и в этой вибрации было что-то такое влекущее, прекрасное и бесстыдное одновременно, загадочное и откровенное.

Он почувствовал, как густая волна крови прилила к лицу и голове, опустил глаза и вышел. Когда он, наконец, справился с волнением и вернулся, обе женщины уже ставили на стол дымящиеся чашки ароматного кофе. Эльга за столом села рядом. Вскоре он ощутил, как ее

мягкое и упругое бедро касается его, и знакомая волна яростной страсти начинает охватывать тело...

Он резко поднялся, пошел в кабинет и, сняв со стены карабин, вернулся на веранду. Стараясь унять дрожь в голосе, сказал, что пойдет подстрелить оленя к прощальному обеду...

Сергей шел по знакомой тропинке, направляясь к южному краю болота, где среди редколесья на обширных полянах паслись олени. Там же стоял его шалаш. Он вынужден был признаться самому себе, что оставаться в доме с Эльгой просто боится. Боится, что не выдержит и потом случится нечто такое, о чем Сергей не хотел даже думать. Женщина, свалившаяся на него буквально с неба, внушала ему никогда ранее не испытанные чувства. Это не была любовь, Сергей точно знал. После вспышки страсти, когда утихает сопутствующая ей ярость, обязательно приходит нежность. Здесь было другое... Была страсть, было ненасытное желание, исполнение которого не приносило успокоения, но, напротив, еще больше возбуждало в нем стремление обладать этим гибким, красивым, извивающимся и ждущим ласки телом.

Сергей вышел на знакомую поляну. Как он и предполагал, на ней паслось небольшое стадо.

Закончив свежевать тушу, Сергей развел костер и вымыл руки в ручье. Он почувствовал голод, так как утром ничего не успел поесть. Костер прогорел. Сергей нанизал куски мяса на прутик и повесил его над углями. Угли слегка дымились, время от времени шипя и вспыхивая от капающего на них жира. Он нашел на поляне дикую вишню, наломал веток и бросил в костер. Повалил ароматный дым. Страшно хотелось есть. Он пожалел, что не захватил из дома хлеба. Поискал в шалаше, нашел в оставленном с прошлого раза мешке соль и полузасохшую буханку. Мясо почти дожарилось, когда он услышал гул винтов вертолета. Над поляной, почти касаясь полозьями верхушек деревьев, пролетела легкая машина. Через несколько минут она вернулась и села метрах в двадцати от костра.

— Вот ты где! — весело закричала Эльга, высовываясь из кабины. — Как вкусно пахнет!

Жаркая волна радости захватила Сергея. Он бросился к вертолету и, не дожидаясь, пока Эльга сойдет на землю, подхватил ее на руки и понес к костру...

Когда стало смеркаться, они сидели обнявшись у входа в шалаш и смотрели, как языки пламени догорающего костра перебегают от уголька к уголку, создавая причудливый танец, в котором ни одна фигура не повторяется на всем его протяжении.

— Как красиво, — шепнула Эльга.

Он молчал, крепко прижимая ее к себе. Она высвободилась и порывисто встала.

— Я буду танцевать для тебя!

Эльга бросила в костер несколько сухих веток. Отблески пламени освещали фигуру молодой женщины, вырывая из темноты то одну, то другую ее часть, создавая фантастическую игру светотеней. Обнаженный стан Эльги гибко извивался. Ее фигура как бы парила во тьме ночи, освещенная мигающим пламенем костра...

Утром они снова были на знакомом берегу моря.

— Когда ты ушел, я связалась с Бэксоном. Он задержится еще на два дня. Ольге я сказала, что лечу на базу. — Она засмеялась и шаловливо провела пальцем по его губам. Сергей схватил ее за волосы левой рукой и запрокинул голову. В глазах Эльги замелькали призывные фиолетовые огоньки, рот приоткрылся, губы беззвучно что-то шептали...

— У, противный, — жалобно протянула она, рассматривая свое тело. — Ты наставил мне столько синяков!

— Извини, — виновато склонил голову Сергей.

Она расхохоталась и толкнула его обеими руками в грудь. Сергей упал на спину, повлек ее за собой, но она вырвалась и зябко поежилась.

— Уже прохладно, — и стала одеваться.

Сергей смотрел, как она натягивает платье. Каждое ее движение, даже в этой обыденной процедуре одевания, было преисполнено необъяснимой и захватывающей дух грацией, свойственной только очень красивым женщинам.

— Давай немного пройдемся по берегу, — предложила Эльга.

Сергей быстро оделся, и они пошли по прибрежному песку к серым базальтовым скалам, на которых гнездились чайки. С моря подул ветер, повеяло предвечерней прохладой. Солнце уже скрылось за вершинами деревьев, длинные тени которых ложились на песок и прибрежный край воды.

— Еще два-три дня, и мы расстанемся, чтобы уже больше никогда не увидеться, — печально сообщила Эльга.

— Почему... никогда?.. — глупо вырвалось у Сергея.

— Я улетаю! Не хотелось раньше говорить тебе. Но эти дни —

последние дни в моей жизни на Земле. Я лечу к Счастливой вместе с обширной экспедицией, чтобы подготовить место для принятия первой партии переселенцев. Спасибо тебе, — прошептала она. — Я никогда не забуду этих дней! Это мое прощание с Землей.

— Эльга! — вырвалось у Сергея.

— Не надо, Сережа, — мягко сказала она.

Они пошли молча. Большие белые чайки негодующими криками встретили вторжение людей на их территорию. Рассерженный альбатрос промчался над головами, обдав волной воздуха, поднятой взмахами могучих крыльев.

— Вернемся, — она взяла его под руку и направилась к вертолету.

Уже смеркалось, когда Эльга поставила машину неподалеку от шалаша.

— Расскажи мне о себе, — попросила она.

Утолив голод, они сидели, так же, как и вчера, у входа в шалаш, наблюдая за игрой пламени костра. Сергей начал рассказывать, а она, положив голову ему на колени, внимательно слушала. Сергей рассказал ей все, вплоть до своего невольного прибытия на остров и встречи с Ольгой.

— Какая она счастливая! — с легкой завистью произнесла Эльга.

Они помолчали. Сергей стал было рассказывать ей про дальнейшую жизнь на острове, но она перебила его:

— Скажи, ты так ничего и не помнишь о той планете? Как ее? — в ее голосе послышалось нетерпение.

— Перун?

— Да, кажется, так!

— Ничего! Только разве что... — Сергей задумался. Ему вспомнились слова Дука о том, что кто-то поставил ему блокаду в памяти. Это было в ту ночь последней с ним беседы. Дук сказал, что он это заметил в самом начале, когда одарил восприятие Сергея силой элианина, но он, как утверждал, не мог проникнуть за поставленный блок. Сергей совсем забыл об этом...

— Что? — прервала затянувшееся молчание Эльга. И опять в ее голосе ему послышалось нетерпение.

— Ничего особенного. Какое-то ущелье... шестигранные кристаллы... большие кристаллы. У меня смутно они ассоциируются со случившейся позже бедой... Не помню! — заключил он.

Костер уже почти потух. Темнота ночи обступила их. В кустах, сзади шалаша, послышались шорохи. Сергей, не вставая, чтобы не потревожить Эльгу, наклонился набок и, дотянувшись до лежащей слева кучки сухих веток, взял несколько и бросил в костер. Костер задымил, затем вспыхнул ярким пламенем.

— Когда я была маленькой, отец раза два брал меня с собой в лес. У нас теперь это очень сложно... Мы вот так сидели у костра и смотрели на огонь. Отец мой был такой же, как ты: высокий и сильный. Только значительно моложе... Тебе ведь двести лет?! Как это странно...

— По земному исчислению! Тебе будет тоже двести лет, когда ты вернешься!

— Ох! Не напоминай мне об этом. Мне как-то страшно.

— Я хотел тебя спросить...

- Спрашивай.
- Ты из Прибалтики?
- Да, я латышка.

— У меня всегда было представление о латышах, как о блондинах со светлыми глазами... У тебя же глаза темные со странным фиолетовым оттенком...

— Это длинная история! Мой пра-пра, в общем, далекий прадед, во время последней войны был в плену. Он бежал и партизанил в горах Югославии. Там он познакомился с сербской девушкой и привез ее после окончания войны домой...

— Хорошо!

— Что? — не поняла Эльга.

— Хорошо, что твой пра-прадедуська познакомился с сербской девушкой.

Эльга засмеялась. Она встала, подошла к костру и подбросила веток. Костер запылал сильнее, выхватывая из тьмы стволы деревьев и корпус стоящего поодаль вертолета. Потом снова села рядом.

— Мне страшно... Там будет, — задумчиво продолжала она, — другое небо...

— Планета очень похожа на нашу.

— Я знаю. Я читала отчет о вашей экспедиции... Странно, что в нем не было ни слова об этом... Плутоне?

— Перуне!

— Да, правильно, Перуне!

— Мне тоже это очень странно. Отчет был составлен по моей мнемограмме. Почему я помню только название планеты и эти кристаллы?.. Но не помню ничего больше?..

— А ты хотел бы вспомнить?

— Конечно! Но как?!

— Надо поговорить с Бэксоном. Он, кажется, в этом что-то смыслит.

Она вдруг счастливо рассмеялась, толкнула его в грудь и, повалив на спину, принялась целовать губы, лицо, грудь...

— Бог с ним! С Перуном! Не будем больше об этом...

Костер уже догорал. Под белым пеплом едва заметно просвечивались красные точки еще не совсем потухших углей...

ИСПЫТАНИЕ

Утром Эльга улетела на базу. Сергей возвратился домой после полудня. Еще на опушке он заметил стоящий возле дома тяжелый вертолет. Бэксон уже ждал его. Рядом с ним были те же его спутники.

— Хэлло! — приветствовал он Сергея. Сергей сбросил с плеч убитого оленя и протянул Бэксону руку. Подошли остальные. Негры зацокали языками, оценивая добычу.

— Если позволите, я возьму эти рога на память о моем посещении острова, — попросил Бэксон.

Сергей пожал плечами: — Ради бога!

— Это большая ценность!

— Если хотите, то там, в сарае, их накопилось достаточно. Возьмите хоть все!

— Спасибо!

Они поднялись на веранду и сели в плетеные кресла. Бэксон достал сигары и предложил Сергею. Тот отказался, так как не курил. Ольга принесла им кофе.

— Как там Эльга? — спросила она Бэксона.

— Эльга прилетит попозже. Мы, наверное, завтра утром снемся с якоря. У вас все готово?

— Нам нечего собирать, разве что некоторые мелкие вещи...

— Отлично!

Ольга вышла. Бэксон немного помолчал, затем обратился к Сергею:

— Эльга что-то говорила, я не совсем понял, что-то вроде о том, что вам нужна моя помощь?

— Да нет, ничего! Чепуха! — ответил Сергей. Ему очень хоте-

лось спать. Чтобы сбить сон, он поднялся и, извинившись перед Бэксоном, спустился во двор. За сараем раздавались глухие удары. Негры рубили топорами тушу оленя и складывали мясо в большой эмалированный бак. Рога были уже аккуратно отпилены и лежали рядом.

Сергей пошел на берег озера. Он хотел снять буюк. Когда он стаскивал лодку, подошел Бэксон.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

Сергей объяснил.

— Можно мне с вами? — он сел на корму, Сергей налег на весла и направил лодку к буйку.

— Я вспомнил! — радостно воскликнул Бэксон. — Вы хотели бы вспомнить ваши приключения на Перуне! Не так ли? Давайте помогу. Я долго занимался гипнозом. У меня это очень даже хорошо получается!

Сергей молчал.

— Это займет совсем немного времени!

Сергей подвел лодку к буйку и, зацепив его, бросил на дно. Встал на ноги и начал вытягивать груз. Капроновая толстая веревка после долгого пребывания в воде стала твердой. Груз основательно засосало в илистое дно. Наконец, он поддался. Сергей несколько раз приподнимал его и опускал, чтобы очистить от ила. Наконец, он его вытащил и положил в лодку рядом с буйком.

— Ну так как? — напомнил о себе Бэксон.

— Что? — переспросил Сергей, занятый своим делом.

— Я говорил о гипнозе.

В это время послышался гул, и вскоре над озером пролетел красный вертолет Эльги.

— Эльга! — радостно вскрикнул Сергей.

Бэксон не обратил на это внимания.

— Вы мне не ответили! — продолжал настаивать он.

— А, вы об этом?.. Право, не знаю... Я вообще не поддаюсь гипнозу.

— Так давайте попробуем!

— Я думаю, не стоит...

— Почему же? Напротив! Это так интересно вспомнить забытое!

— Знаете, я подумал...

— Что?

— Я подумал, что те, кто поставил мне блок памяти, наверное, имели на то основание. Во всяком случае надо подождать возвращения. Скорей всего в Центре космических исследований в этом плане есть свои соображения. Я, хочу надеяться, еще не уволен со службы и нахожусь здесь, как мне сказали, в отпуске.

— Так вы отказываетесь?!

— Да!

— Жаль! Очень жаль!

— Вы разве так заинтересованы? — спросил Сергей.

— Ах, что вы! Что вы! Я просто из-за любопытства.

— Ну если так...

— То? — живо переспросил Бэксон.

— То надо подождать. В Центре все выяснится.

Лодка ткнулась носом в берег. Сергей вышел и, дожидаясь, пока Бэксон выберется из лодки, вытащил ее на берег, перевернул дном вверх. Бэксон не стал его дожидаться и пошел к дому.

Возвращаясь, Сергей увидел, как он о чем-то спорит с Эльгой. Бэксон что-то требовал и выговаривал Эльге. Та отрицательно качала головой, пожимала плечами и явно не соглашалась с ним. Бэксон что-то резко сказал ей и пошел к большому вертолету, где Рональд и Джонни копались в грузовом отсеке, засовывая туда нехитрые пожитки Сергея и Ольги, которые подносили негры.

Сергей заметил, что Эльга покраснела и явно была чем-то возмущена. Бэксон тем временем инструктировал Рональда и Джонни, те слушали его внимательно. Рональд хмурился, а Джонни, напротив, был очень доволен. Он даже потер руки, как бы предвкушая удовольствие.

Сергей подошел поздороваться с Эльгой. Хотя он расстался с ней только утром, но для Ольги Эльга была все это время на базе. Эльга как раз в этот момент вышла на веранду. Увидев Эльгу, она приветливо помахала ей рукой. Гостья ответила тем же. Сергей хотел отойти, но Эльга, видно было, порывалась ему что-то сказать и не решалась. В это время к ним направился Бэксон, а Сергея позвала Ольга.

— Помогите мне раздвинуть стол, — попросила она.

Пока Сергей помогал Ольге накрывать на стол, раздался шум работающего мотора. Сергей посмотрел во двор. Красный вертолет медленно поднимался. Эльга улетела.

— В чем дело? — заинтересовалась Ольга у Бэксона, поднявшегося на веранду, — почему Эльга покинула нас?

— У нее с утра дурное настроение! — проворчал Бэксон. — У баб это бывает. Ох, простите! — извинился он.

Ольга промолчала, сделав вид, что не заметила бестактности.

Обед протекал не так, как предполагал Сергей. Все молчали, занятые своими мыслями. Сергей вдруг заметил взгляды, которые исподтишка бросал Джонни на Ольгу. Поначалу его это возмутило, но потом вспомнил, что еще до полета на Счастливую, когда они только-только поженились, встреченные на улице мужчины оборачивались и провожали ее восхищенными глазами. «Пусть смотрит», — решил он.

Бэксон, тем временем закончив обед, занялся Володькой. Оживленно о чем-то беседуя, они направились в детскую комнату на втором этаже коттеджа. Вовка, очевидно, хотел показать Бэксону свои игрушки. Вскоре оттуда раздалось гудение «паровоза», которое довольно удачно изображал Бэксон, и веселый смех мальчишки.

«Ох, и позабавлюсь же я с ней на базе!» — услышал он вдруг голос Джонни. Он удивленно взглянул на него. Джонни жевал, рот его был закрыт, а глаза по-прежнему сверлили Ольгу. Тем не менее он слышал его голос. «Сегодня же вечером! Шеф вряд ли сумеет вытянуть у него координаты... Будет весело, когда я ее... У него на глазах... потом негры...» Сергей почувствовал, что у него внутри что-то лопнуло. Еще мгновение, и он разможжит эту мерзкую башку. Внезапно он почувствовал, что Ольга давит ему на ногу. Он взглянул на нее. Она повела глазами на двоих здоровенных негров. Каждый из них весил килограммов сто сорок и был двухметрового роста.

«Ты слышишь меня?»

«Да».

«Ты догадалась?»

«Да».

«Возьми Оленьку и пойдя якобы в огород нарвать в дорогу свежих помидоров. Прихвати корзину. Иди к пещере. Ты меня поняла?»

«Да! Но как с Володькой?»

«С ним я выйду позже. Не ждите нас».

— Как вам понравились наши помидоры? — улыбаясь, спросила она Рональда.

— Прекрасные! Я не ел ничего более вкусного! Жаль, что у нас это стало редкостью.

— Тогда мы захватим с собой их побольше. Оленька! Возьми, детка, корзину и помоги мне.

Она вышла, и Сергей внутренне облегченно вздохнул. Теперь надо было вызволять Володьку. Он подождал минут пятнадцать, чтобы дать возможность Ольге и дочери отойти подальше. Его тонкий слух уловил шум вертолета. «По-видимому, возвращается Эльга», — решил он. Но шум стал удаляться. За столом его, кажется, никто не заметил.

Сергей встал из-за стола, намереваясь подняться в детскую и забрать сына под каким-нибудь предлогом. Чувствовалось, что события начнут скоро быстро развиваться. Если бы не эти негры! С каждым в отдельности он бы справился. Но с двумя, да еще с Рональдом и Джонни?! Толстого Бэксона можно не принимать во внимание.

В это время тот уже спускался вниз. На его шее сидел Володька и трубил в трубу.

— Я бы хотел с вами поговорить!

— Хорошо! Пойдемте в кабинет! Сына, пойдя помоги маме собирать помидоры.

— Он нам не помешает. Я, знаете, полюбил его. Чудесный мальчик. Рональд, Джонни, пойдите помогите нашей хозяйке. А вы побудьте здесь, — приказал он неграм.

Положение осложнилось. Сергей рассчитывал, что сам он вырвется и, захватив сына, который выйдет из дома раньше него, сможет уйти в лес. Что делать дальше, пока не приходило в голову. Ольгу не найдут в огороде, это вызовет подозрение. Можно придумать какое-то объяснение. Скажем, пошла набрать ягод...

Он пошел вслед за Бэксоном в кабинет. Бэксон снял мальчика с плеч и усадил себе на колени, удобно расположившись на диване, предоставив Сергею как хозяину занять кресло.

Потом Сергей не раз себя спрашивал: не упустил ли он момент? Ему надо было, воспользовавшись тем, что они остались наедине, придушить Бэксона и выбраться с сыном через окно. Возможно, его удержал вид ребенка, сидящего на коленях у Бэксона, лицо которого расплывалось в доброй улыбке. А скорее всего ему хотелось понять цели Бэксона.

— Вы не можете представить, как мне хотелось иметь сына. К сожалению, у меня дочери. Две! Я их, конечно, очень люблю... но сын есть сын, — с глубоким вздохом закончил он.

— Еще не поздно!

— Как сказать, как сказать. К тому же трудно получить разрешение на третьего ребенка. Земля, к сожалению, сильно перенаселена. «Если я не выполню задание», — слышался голос Бэксона, — «прощай тогда все надежды».

Сергей так давно не занимался «прощупыванием мозгов», как говорили элиане, что теперь это давалось ему с трудом. Вместо четких слов он слышал бормотание, в котором с трудом можно различить смысл. «Каупони мне этого никогда не простит».

— Да! Вы не представляете, какие у нас сложные проблемы в связи с перенаселением! Одна из таких проблем — физическая деградация. Сейчас средний рост мужчин опустился до метра шестидесяти трех сантиметров.

— Глядя на ваших спутников, этого не скажешь.

— Да! Мы подбираем парней покрепче.

— Кто это — мы?

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Рональд:

— Шеф! Ее там нет!

Бэксон быстро взглянул на Сергея.

— Она, возможно, пошла набрать черники для малыша. Мы пойдем ее позовем, — спокойно, как ему показалось, сказал Сергей, намереваясь взять сына.

— Не беспокойтесь! Рональд, посмотрите вокруг! Скажите ей, что мы скоро вылетаем, чтобы она не задерживалась. Так на чем мы остановились?

— На росте...

— Ах, да! Это только одна сторона деградации. Хуже то, что рождается много неполноценных, с признаками генетического отягощения.

— Это действительно очень тревожный признак, — согласился Сергей.

— Вот я и говорю! — обрадовался Бэксон. — Надо предпринимать срочные меры!

— Но правительство должно...

— Ах! Это правительство! — Бэксон пренебрежительно махнул рукой. — Сплошная говорильня! Треп, если хотите знать.

«Кажется, мне удастся его убедить!»

— Это правительство, — продолжал Бэксон, — только считается правительством. На самом же деле оно ничего не предпринимает. Скоро на каждого работающего на Земле придется несколько иждивенцев — умственно недоразвитых уродцев, которые, если не содержатся в специальных домах, то годятся лишь для того, чтобы подметать улицы.

— Это все последствия...

— Да, — продолжил мысль Бэксон, — последствия неуправляемого промышленного комплекса в конце XX — начале XXI столетия, последствия ряда аварий АЭС и, наконец, ряда опустошительных эпидемий типа СПИД. В XXI столетии, т.е. в наше время, людям казалось, что последствия всего этого будут если не ликвидированы, то сглажены. Вы ошиблись. Они нарастают!

— Что же вы предлагаете?

— Селекцию!

— Как?

— Да! Причем как можно скорее. На Земле останется только несколько миллионов людей, которым будет разрешено иметь детей!

— А остальным?

— Стерилизация. Сейчас есть совершенно безболезненные методы, не наносящие никакого вреда ни здоровью, ни сексуальности. Понимаете, мы должны думать о будущем и спасти человечество как биологический вид.

— Кто это — «мы»?

— Мы называем себя неогуманистами!

— Как же правительство относится к вашим предложениям и программе?

— Оно запретило нашу организацию. Скажу прямо: те, кто сидит сейчас в правительстве, не понимают всей опасности создающегося положения.

— Так при чем тут я?

— Мы просим вас помочь нам!

— Чем?

— Нам надо знать координаты Перуна!

— При чем тут Перун?

— Я толком не знаю. Но те, кто меня послал, сказали, что на Перу не есть средства спасения человечества!

— Вас послал Каупони?

Бэксон так и подскочил.

— Откуда вы знаете это имя?

Сергей молчал.

«Эльга? Нет! Она не может его знать. Не иначе это Джонни! Может быть, они столкнулись за моей спиной? Сволочи!»

— Так кто же? — повторил свой вопрос Бэксон.

Сергей решил играть дальше.

— Эльга? — настаивал Бэксон.

— Нет!

Бэксон посмотрел пристально в глаза Сергею и понял, что тот говорит правду.

— Хорошо! — он вытащил из бокового кармана чековую книжку. — Мне поручено предложить вам чек на три миллиона международных кредиток. Это очень большая сумма!

— Я думаю, — усмехнулся Сергей, решивший выиграть время, — что Каупони предложит мне значительно больше!

«Понятно! Джонни вошел с ним в долю! Проклятие!»

— Мои условия, — продолжил Сергей, — жена с детьми остаются на острове, а мы едем к вашему шефу.

Ему во что бы то ни стало надо было забрать сына.

— К сожалению, я получил другие инструкции, — жестко ответил Бэксон. От его любезности не осталось и следа. Он стал хмурым и озабоченным.

— Что это значит?

— Это значит, что вы все вместе поедете со мною!

Дверь распахнулась, и на пороге появились все четверо.

— Шеф! Ее нигде нет! — сообщил Джонни.

Бэксон медленно подошел к нему и, размахнувшись, ударил что было сил в лицо.

— Это тебе аванс, гадюка, — тихо сказал он.

Воспользовавшись замешательством, Сергей взял на руки Володьку и быстро опустил его на землю по ту сторону настеж открытого окна. «Беги к оврагу», — успел он шепнуть ему.

— Держите его! — завопил Бэксон.

На него бросились оба негра. Схватив тяжелую, из мрамора, настольную лампу, Сергей со всей силы обрушил ее на голову Сэма. Тот повалился, как подкошенный. Сергей вскочил на стол, намереваясь выпрыгнуть в окно, но в это время ему в лицо брызнула вонючая жидкость. Он почти мгновенно потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что стоит, привязанный к дереву возле сарая. Его руки повернуты назад и крепко связаны за стволом дерева. Ноги обмотаны веревкой и также привязаны к стволу. Сергей обратил внимание, что вертолета во дворе не было. Судя по теням, он пробыл без сознания не меньше трех часов. Солнце уже близилось к закату.

На веранду вышел Бэксон. Заметив, что Сергей пришел в себя, он подошел к нему и внимательно оглядел.

— Я очень сожалею, что так получилось. Вы виноваты сами. Бедный Сэм. Вы убили его. Мы еле удержали его брата, который тут же хотел вас задушить. Теперь любой суд вас признает виновным в убийстве.

— Вряд ли вы обратитесь в суд.

Бэксон в замешательстве посмотрел на него.

— Вы слишком много знаете! Но это не играет роли. Жену вашу мы найдем. Что касается сына, он уже у нас. Вам лучше не упрямиться. Вы нам скажете координаты и будете свободны. Мы уйдем с острова так же, как и пришли.

Голова страшно болела от попавшего в организм яда. Сергей силился поймать мысль Бэксона, но не мог.

— Чем это вы меня?

Бэксон вытащил из кармана баллончик:

— Хорошая штука! На вид — безобидный аэрозоль, но действует мгновенно!.. Ну так как?..

— Идите к черту!

— Как хотите! Джонни! — позвал он.

Джонни вышел из сарая. В руках он держал паяльную лампу. Правый глаз его затек. Джонни сделал несколько качков и поджег лампу. Дождавшись, когда пламя перестанет коптить, подошел к Сергею. Вопросительно посмотрел на Бэксона. Бэксон к чему-то прислушивался. Сергей тоже уловил звук летящего вертолета. Вскоре тот сел на землю. Из него высадились с десяток одетых в десантную форму людей, вооруженных бластерами. Это оружие на Земле имели только космонавтики. Применение его в войсках поддержания порядка, единственных воинских частях, остававшихся на Земле, было запрещено законом. Конечно же, решил Сергей, он имеет дело с какой-то преступной организацией.

Из кабины выпрыгнул Рональд. Он, как показалось Сергею, неодобрительно посмотрел на приготовления Джонни и подошел к Бэксону:

— Я нигде не смог ее обнаружить.

— Как? И на базе?

— Там ее тоже нет.

— Что же, вертолет — это иголка? — возмутился Бэксон.

Речь шла, по-видимому, об Эльге. «Что она хотела мне сказать?» — подумал Сергей.

Десантники между тем окружили Бэксона, выслушивая, очевидно, инструкции. Вдруг Сергей увидел, что из вертолета появился еще один десантник, а вслед за ним на землю прыгнула огромная черная овчарка.

Из дома вышел Том. С ненавистью покосившись на Сергея, он подошел к овчарке и ткнул ей в морду предмет, в котором Сергей узнал туфли Ольги. Напрягшись, затем, как учил его Гор, расслабившись, Сергей стал «входить в контакт». Овчарка тем временем бегала по двору, забегала на веранду и, побыв немного в доме, вернулась во двор. Десантники ждали. Наконец, «контакт» установился. Овчарка замерла, затем медленно поползла к Сергею. Сергей продолжал «инструктировать» ее. Овчарка поняла. Она вскочила и с лаем устремила в лес. Десантники побежали за нею.

— Вы не передумали? — снова обратился к Сергею Бэксон.

Сергей молчал.

— Приступай, Джонни!

— Может быть, подождем, шеф, когда приведут его сучку? Боюсь, что у него после этого, — он покачал горящей паяльной лампой, — несколько притупятся чувства.

— Черт возьми, а ты прав! Мне даже жаль, что я тебя ударил.

— Пустяки, шеф! Я же вам растолковал, что это могла сделать только Эльга.

— Ладно! С меня ты получишь солидную компенсацию. Пусть пока он повисит. Пойдем, там в доме есть что выпить.

Они ушли, и Сергей остался один.

Заметно стемнело. С тех пор, как приступили к делу десантники, прошло часа три. «Наверное, они уже добрались до шалаша», — прикинул Сергей. «Они решат, что это убежище Ольги, и начнут рыскать вокруг по лесу. Надо подождать, пока совсем стемнеет».

Вернулся Рональд. Эльги с ним не было. Это обеспокоило Бэксона. Он грязно выругался и позвал Рональда и Тома в дом. Вышел Джонни. От него сильно пахло алкоголем.

— Послушай, хрен! — чуть-чуть пошатываясь, он подошел к Сергею и приставил окурки к его щеке. — Что, не нравится! Ха! Знаешь, какую компенсацию за это, — он показал на заплывший глаз, — пообещал мне шеф? Ой, ты даже и не догадываешься! — Он еще больше развеселился. — Твою жену! Сначала ее, потом дочь. Сначала я, потом все остальные. Тому тоже достанется. Он у нас любитель. Особенно, ма-а-леньких. Ха-ха! Я тебе открою тайну: он — людоед! Точно! Провалиться мне на этом месте. Мы зажарим ему твоего сына. Ты увидишь, как он его будет уплетать. Ой! Уморал..

Сергей похолодел.

— Ну, а потом я с удовольствием поджарю тебя. Вот этим, — откнул ногой паяльную лампу. — Впрочем, шеф сказал, что если ты передумаешь... Но я тебе не советую. Держись, парень! Посмотришь, какой спектакль я тебе устрою!

Он прижал догорающий окурки к щеке Сергея.

— Это тебе для симметрии! — икнул и, пошатываясь, пошел в дом.

«Пора», — решил Сергей и стал «вызывать» овчарку.

С веранды доносились голоса, которые становились все громче. Из окна детской комнаты доносился плач запертого там Володьки. Затем зажегся свет в гостиной. «Гости», спасаясь от налетевших на веранду комаров, покинули ее и перешли в дом. Вскоре оттуда донеслось пение. Пел негр, остальные ему подпевали. Слов песни нельзя было различить. «Хорошо, если бы они напились!» Веселье в доме было в полном разгаре, когда Сергей почувствовал, что кто-то теребит ему веревки, связывающие руки. Сзади копошилась овчарка. «Хорошо, что они не взяли капроновой веревки, — подумал Сергей. — С ремнями собака справится быстрее». Действительно, скоро руки его были свободны. Он уже было наклонился, чтобы развязать ноги, как на веранде снова появился Джонни. Шатаясь, он направился к Сергею, держа в руке зажженную сигару. Сергей спрятал руки за ствол дерева и стал ждать, «приказав» овчарке замереть.

— Ты здесь не соскучился? — Джонни был сильно пьян. Он подошел поближе с явным намерением прижечь ему лицо, на этот раз — сигарой. Когда он приблизился, Сергей мгновенно выбросил руки и со всей силы хлопнул его ладонями по ушам. Подхватив обмякшее тело, он схватил его за горло. Хрястнули хрящи гортани, и Джонни повалился без звука. На его поясе Сергей нашел нож. Быстро разрезав веревки на ногах, он привязал труп к дереву, на случай, если кому-

нибудь из гостей вздумается выйти на веранду. Тихо подкрался к дому. Посадив овчарку, он приказал ей следить за дверью. Сам же обошел веранду и, цепляясь за выступы, поднялся к окну детской. Вовка спал. Личико его было все в слезах. Сергей осторожно, чтобы не разбудить, поднял сына и вылез через окно. Прижимая его левой рукой к груди и цепляясь правой и ногами за выступы, он спустился на землю. Позвав собаку, он скрылся в лесу.

Не прошел он и ста шагов, как собака заворчала. Сергей замер, присел, положил сына на землю и весь напрягся. Собака продолжала ворчать.

— Тихо! — слышался знакомый голос. Из-за дерева выступила темная фигура. Она приблизилась, и Сергей узнал Эльгу.

— Ольга с дочерью благополучно добрались до места и сейчас находятся в пещере, — предупреждая его вопросы, тихо сообщила она.

— Ты? — все еще не понимая, произнес Сергей.

— В двух километрах отсюда мой вертолет, — продолжала Эльга, не обращая внимания на его удивление. — Ольга просила показать тебе это! — она протянула ему маленький предмет, и он узнал перстень жены, который он ей подарил еще на свадьбе. С тех пор Ольга никогда его не снимала.

— Она просила передать, что бы ты мне верил.

— Но каким образом?

— Все это потом. Сейчас ты должен идти со мною.

Эльга быстро пошла вперед. Собака побежала рядом.

— Я шла освободить тебя, — она показала нож. — Больше у

меня нет никакого оружия. Но ты сумел сам. Каким образом?

— Собака перегрызла веревки.

— Пальма?

— Ее зовут Пальмой?

— Да! Но я ничего не понимаю.

— Потом объясню. Пошли быстрее... Хотя, нет, подожди...

Он остановился и протянул ей так еще и не проснувшегося сына.

— Донесешь?

— Что ты задумал?

— Я кое-что забыл там. Очень важное.

— Ты сошел с ума!

— Делай, что я тебе говорю! Обо мне не беспокойся. Все будет хорошо.

Он скользнул во тьму и бесшумно пошел назад к дому. Не доходя до опушки, лег на землю и прислушался. Из дома по-прежнему раздавалось пение. Джонни еще не хватились. Пригибаясь, короткими перебежками, падая и замирая, приблизился к вертолету. Он хотел вывести из строя машину, но еще не знал, как это сделать. Если ему удастся, то шансы на спасение значительно возрастут, так как противник, лишившись вертолета, потеряет маневренность и ему почти невозможно будет найти беглецов на обширном острове. Он уже почти подполз к машине, как его слух уловил приближающиеся шаги. Он замер, напряженно вслушиваясь, прижавшись к земле ухом. Шел один человек. Это мог быть только десантник. По-видимому, в блукании по лесу тот отбил от остальных и случайно вышел на тропинку, которая и привела его к дому. Решение пришло мгновенно. Он тихо скользнул снова к опушке и стал ждать, притаившись за деревом. Скоро из леса вышел человек. Его путь обязательно должен проходить мимо дерева, за которым затаился Сергей. Наконец, тот поравнялся. Сергей что есть силы рубанул его ребром ладони по шее. Десантник повалился без звука. Он был жив, но пролежит в шоке не менее часа. Сергей поднял оружие десантника. Пошарив в его сумке, нашел два запасных аккумулятора, хотел положить в карман, но потом передумал и повесил сумку на плечо.

— Теперь мы поговорим! — зловеще произнес он, но тут же замер на месте.

Возле дома появились люди. Их было человек пять. Это были тоже десантники. Они вышли к дому с другой стороны. О нападении не могло быть и речи. Вдруг сзади послышались еще голоса. Возвращались и остальные. Незаметно, перебегая от дерева к дереву, он вышел из опасной зоны и замер. Внезапно раздался крик. Это орал один из десантников. Он стоял у ствола дерева, к которому когда-то был привязан Сергей и светил фонариком. Из дома выбежал Бэксон и остальные. Все собрались в кучу. «Удобный момент», — решил Сергей и нажал спуск бластера. Вторым лучом он поджег вертолет и сразу же упал. Над ним засверкали вспышки. Падая, перекатываясь, снова вскакивая, короткими перебежками он уходил в лес. На его голову падали горящие ветки. Раздался сильный взрыв, и все вокруг залило светом. Вспышки над головой прекратились. Воспользовавшись замешательством, Сергей кинулся в чащу.

Он бежал по дну оврага. Бежать было легко, так как вымытое потоками воды дно было ровным, хотя кое-где пересекалось поваленными деревьями. Сзади слышалось частое дыхание. Он остановился и круто повернулся, держа бластер наготове. Ему на грудь бросилась Пальма и лизнула в нос.

— Ах ты, собачка, — обрадовался Сергей. — Я уж думал, что тебя подстрелили. — Он потрепал ее по загривку. Собака радостно заскулила.

Было уже совсем светло, когда он выбрался из оврага. До пещеры оставалось еще километров четыре-пять, но идти надо все время в гору. Он решил немного отдохнуть. Лес здесь был уже не такой густой. Он нашел местечко посуше и прилег. Лицо болело. Потрогал его рукой. Щеки воспалились. Только сейчас вспомнил про ожоги от горячей сигареты Джонни и занялся ими. «Надо бы раньше, — с досадой подумал он. — Теперь, когда время упущено, с ними придется возиться дольше. Чуть было не забыл», — он порылся в сумке и вытащил карманную рацию, снятую с десантника. Включил ее. Рация молчала. Покрутил ручку настройки в поисках волны и услышал голос Бэксона. Разговор, по-видимому, только начался. Бэксон запрашивал базу, не вернулась ли Эльга. База отвечала, что нет. Бэксон выругался и осведомился, выслали ли катер. Сергей насторожился.

— Он с ребенком, — напомнил Бэксон. — Воспользуйтесь этим! Далеко он не мог уйти. Прочешите всю северо-западную часть острова. Сколько вы послали людей?

— Почти всех. На шхуне остались только трое.

— Следовательно, двадцать? У нас шесть человек погибло и один пропал без вести. Мы с оставшимися пойдем вам навстречу.

— Что он, дьявол, что ли?

— Хуже! Если бы вы видели, что он сделал с Джонни!

— Как ему удалось развязаться?

— Черт его знает! Ремешки перегрызены. Может быть, у него была собака?

— А где Пальма?

— Тоже исчезла вместе с одним из наших. Может быть, еще вернется. Вот еще что! Учтите, у него бластер и два запасных аккумулятора. Черт меня подери!!

— В чем дело, шеф?!

— Рация! Он снял рацию с убитого и теперь, возможно, слушает нас.

— Как? Краузе умер?

— Да, он перебил ему шейные позвонки. Ты нас слышишь?

Сергей нажал кнопку передатчика.

— Слышу.

— Я тебе советую сдать! Все равно ты никуда не денешься!

— Спасибо за совет. Прими и мой: убирайся немедленно со своей бандой, если хочешь жить!

— Нет, каков! Он мне положительно нравится! Постарайся взять его живым!

— Возьмем, шеф, не сомневайтесь.

Рация замолчала. Сергей сунул ее в сумку и задумался.

С самого начала он решил идти в пещеру и встретиться там с Ольгой. Так оно бы и случилось, если бы не встреча с Эльгой в лесу этой ночью. Эльга взяла ребенка, и теперь руки его были свободны. Кроме того, он имел оружие. А это в корне меняло дело. Идти сейчас в пещеру опасно. Его могли выследить и двинуться за ним по свежим следам. Вероятно, они на это и рассчитывают. Возможно, если высадка произошла ночью, путь к пещере уже отрезан, и он нарвется на засаду. Надо предпринять что-то другое, неожиданное для противника. Бэксон говорил, что их шхуна стоит у северного побережья. В этом направлении летали и вертолеты. Следовательно, там же должна быть произведена высадка с катера. Надо попытаться зайти им в тыл и отвлечь внимание на себя, завести в другую часть острова. Лучшее всего — в болото. «Итак, придется поиграть в партизан». Он встал и пошел в северо-восточном направлении.

К полудню Сергей вышел к морю и, скрываясь в прибрежных зарослях, пошел теперь на север. Несколько раз он останавливался и включал рацию. Она молчала. «Ничего, заговорит! Другой связи у них нет!» Он оставил ее включенной.

Прошло четыре часа, когда он заметил на горизонте силуэт большой шхуны. Она стояла на якорях километрах в трех от побережья. Он пошел тише, осторожно крадучись между деревьями, которые теперь подходили ближе к берегу, напряженно вглядываясь в линию побережья. Пройдя еще километра три, увидел, наконец, стоящий на мелководье катер. Его охраняли двое. Один сидел на корме. Другой, раздевшись, купался невдалеке. Одежда на песке, поверх нее бластер. Сергей лег на землю и стал тихо подползать под прикрытием кустов. Между тем купавшийся вылез и стал одеваться. Одевшись, он залез на катер, другой, сбросив одежду на корму, в свою очередь полез в воду. Сергей ждал удобного момента, чтобы перебежать открытое пространство между зарослями. Он уже наметил себе место, откуда легче всего поразить десантников, как вдруг его внимание привлек шум. Сергей буквально вдавился в песок, стараясь слиться с ним и нависшими над ним ветками кустарника. На высоте тридцати—сорока метров пролетел вертолет. Это был вертолет Эльги. Он узнал его по форме и окраске. Вертолет снизился над катером, затем поднялся выше и взял направление на шхуну.

Сергей покосился на рацию. Она продолжала молчать. Он начал крутить ручку настройки. Послышался голос. К сожалению, он поймал только конец разговора. Бэксон приказал выслать вертолет за ним. Сергей тщетно прождал еще несколько минут, покрутил опять ручку, но безрезультатно. Бандиты решили ограничить время разговора и менять частоту, зная, что их разговор может быть услышан.

Вскоре вертолет поднялся с палубы и взял курс на юго-восток. Он шел теперь вдоль побережья. Воспользовавшись тем, что внимание десантников отвлечено, Сергей быстро пересек открытое пространство и приготовился. Дождавшись, когда шум вертолета затих, взял на прицел сидящих на корме людей и плавно нажал спуск.

Спустя час он был уже далеко от побережья. Уничтожив катер и захватив с собой бластеры убитых и, что главное, еще четыре запасных аккумулятора, он почувствовал себя уверенней. Тотчас после уничтожения

катера со шхуны последовало сообщение об этом с приказом высадившейся группе немедленно направиться к северному побережью. «Ну что ж, это мне и надо», — подумал Сергей. Вертолет теперь, отвезя Бэксона на шхуну, кружил над лесом северного побережья острова.

Сергей круто завернул на юго-восток, прошел километров пять и, найдя скрытое место, лег отдыхать. Пальма, которая все время была рядом, слегка поскуливала. Она хотела есть. Есть хотелось и самому. Он поел немного черники, которая росла в изобилии по всему острову.

— Что же нам делать? — погладил он собаку. — Ты ведь ягодами не наешься?

Эта часть острова была беднее дичью, чем южная. Здесь водились только дикие кролики, иногда встречались индюки. Пальма, как бы понимая затруднение нового хозяина, бросилась по кустам. Вскоре послышалось ее рычание и чавканье. Очевидно, попался зазевавшийся кролик.

Дождавшись сумерек, Сергей продолжил путь. Пройдя северное окончание озера, он вышел к своему дому. Найдя удобное место у опушки леса между корней громадного дуба, лег и стал наблюдать. В доме горел свет. «Сколько их там? Вместе с Бэксоном было четырнадцать, убито шесть, осталось, следовательно, семь, из них — пять десантников, хотя, не знаю, кого я зацепил прошлой ночью...» Он оторвал кусок одежды, вытащил нож и надрезал себе руку. Брызнула кровь. Он смочил оторванный кусок материи кровью и всунул в зубы Пальме.

— Теперь твоя очередь, — тихо сказал ей и стал «инструктировать» собаку. Поняв приказ, Пальма бросилась к дому. Вскоре во дворе раздался ее отрывистый лай. Люди, находившиеся в доме, выскочили наружу и обступили собаку. Сергей сосчитал. Как он и предполагал, их было пятеро. Он включил рацию и стал вертеть ручку настройки. Поймал волну. Докладывал один из десантников:

— Да, только что прибежала, шеф. Тряпка вся в крови. Кровь свежая! Он где-то поблизости!

— Вылетаю!

Рация замолчала.

Спустя полчаса посреди двора опустился вертолет.

Сергей снова включил рацию и стал ждать. Вскоре послышался голос Бэксона. Он связывался с высадившимся на северном побережье отрядом. Приказ его был — ждать сообщения о направлении движения. Ему возразили, что уже темно и лучше дожидаться утра. Люди вымотались, и в лесу ничего не видно. Бэксон на это ответил, что «островитянин» ранен и, возможно, серьезно. Его надо захватить живым! Он приказал держать рации на приеме и в случае нужды пользоваться фонарями. «С нами собака! А это главное!» — заключил он. Затем заговорила шхуна:

— Что делать с ней? — последовал вопрос. Сергей насторожился: «Кто она?»

— Ждать моего возвращения. Пусть пока посидит.

Рация замолчала. Было уже совсем темно. По двору двигались силуэты, но различить их было невозможно. Наконец, раздался отрывистый лай. Собаку пустили «по следу». Лай скоро затих в лесной чаще. Подождав еще немного, Сергей стал подбираться к дому. В доме горел

свет. Кто-то остался. Сергей подполз ближе. На освещенной веранде показался Бэксон. Он держал в руках бутылку и стакан. За ним вышел, вероятно, пилот вертолета.

— Эх, надо бы живым, — с сожалением подумал Сергей, нажимая спусковой крючок. Пораженные лучом даже не вскрикнули. Сергей перевернул ногой второй труп и с удовлетворением обнаружил, что это не Рональд. Почему-то Рональд не внушал ему ненависти, как все остальные. Он вспомнил его искреннюю и широкую улыбку, когда они впервые встретились, и явно осуждающий взгляд, брошенный им на приготовления Джонни.

Он пошел в спальню и переоделся, заменив порванную, грязную одежду на удобный спортивный костюм. Затем, зайдя на кухню, поел. Подкрепившись, вышел на веранду и, подняв бластер, прицелился в вертолет. Но тут же опустил его. У него появилась новая мысль. Он оттащил трупы в лес и забросал их ветками. Затем помылся и зашел в дом. Вышел оттуда, сгибаясь под тяжелым мешком. Бросил мешок в вертолет, сел за штурвал и поднял машину в воздух. Он не боялся теперь, что шум винтов вертолета привлечет внимание десантников. Им, естественно, придет в голову, что это Бэксон возвращается на шхуну.

Вертолет держал путь на запад с небольшим уклоном на юг. Вскоре показались вспышки света. Это отряд десантников шел в указанном им направлении. Их путь лежал к болоту. Убедившись в этом, Сергей направил вертолет к подножью горы Франклина. Уже ничего не опасаясь, он посадил его почти у входа в пещеру. Преодолев небольшой подъем и раздвинув маскирующие вход ветви, он скользнул в пещеру и зажег фонарь. Пещера была пуста!

Сергей лег на спину. До шхуны оставалось еще полпути. Когда, движимый отчаянием, он поплыл к шхуне, у него не было четкого плана. Теперь надо было отдохнуть немного, чтобы восстановить силы и справиться с мыслями. Вертолет вроде был хорошо припрятан и замаскирован. Плохо то, что он не мог взять с собой бластер. Этот прибор боится воды. Если бы у него был водонепроницаемый мешок! В котедже их множество, но в пещере не нашел ни одного. Единственное оружие при себе — остро отточенный охотничий нож. По расчетам, на шхуне оставалось четыре человека, и они не ждут нападения. Команда шхуны уверена, что полуживого, раненного «островитянина», если еще не поймали, то травят собакой и вот-вот привезут, связанного по рукам и ногам. Вряд ли они выставили двух часовых. Один, скорее всего, не спит. Остальные дрыхнут в своих каютах. Со времени гибели Бэксона прошло не более двух часов. И вряд ли они догадятся искать его тело в лесу.

Он повернулся и тихо поплыл дальше. Шхуна стояла на двух якорях. Подплыл и прислушался, припав ухом к корпусу. Послышались звуки шагов часового. Тот направлялся к носу шхуны, обращенному к берегу. Сергей подплыл к корме и стал осторожно взбираться по натянутой якорной цепи. Цепь выходила из отверстия в полуметре от борта. Как ни пытался Сергей дотянуться до его края, ему это не удавалось. Что же предпринять? Подумав немного, вытащил нож. У того было длинное толстое лезвие из кованой стали. «Должен выдержать», — по-

думал он. Вставил лезвие ножа в звено цепи по самую рукоятку. Это, конечно, слабая опора, но другого выхода нет. Уцепившись крепче руками за цепь, он подтянул ноги и, упершись в рукоятку ножа, схватился за борт и переметнулся на палубу. Теперь, как достать нож? Попытался дотянуться. Вот уже почти наполовину повис вниз, пальцы коснулись рукоятки... В это время якорная цепь дрогнула и нож вывалился, с плеском упав в воду. Сергей отпрянул назад и прислушался. Послышались приближающиеся шаги часового. Он шел по правому борту. Сергей метнулся в сторону и замер с противоположного борта, притаившись за рубкой. Часовой, держа бластер наготове, медленно вышел на открытое пространство кормы и огляделся. Ничего не обнаружив, он заглянул за борт. Успокоившись, потоптался на месте и пошел не спеша на нос. Здесь, за рубкой, его и встретил Сергей заранее рассчитанным ударом. Затащив часового в тень, он, вооруженный бластером, тихо подкрался к двери, ведущей во внутренние помещения шхуны. В кубрике, как он и предполагал, спали двое. Покончив с ними, он разыскал дверь каюты капитана. Дверь была закрыта. Луч бластера прошелся по замку, и она распахнулась. Свет из коридора проник в каюту. Капитан уже проснулся и ошалео смотрел на направленный на него бластер.

— Встань! — приказал Сергей.

Тот поднялся. Он был в нижнем белье.

— Руки за голову! Лицом к стене!

Капитан безропотно подчинился. Сергей приставил к его спине бластер.

— Где?

— В каюте Бэксона, — поняв, что от него требуется, ответил капитан.

— Веди! — приказал Сергей, отступая на два шага.

— Ключи... там, в кителе.

Сергей снял китель, нашел ключи и бросил их под ноги капитану, продолжая держать его под прицелом бластера. Тот поднял ключи и направился к двери. Сергей за ним. У самой двери он приказал ему:

— Руки за спину!

Каюта Бэксона находилась рядом. Капитан открыл дверь и, не дожидаясь команды, заложил руки за спину. Из этого положения он уже не мог внезапно захлопнуть дверь. Они вошли в каюту. Сергей огляделся. Каюта была пуста.

— Что это значит? — спросил он, поднимая бластер. Капитан кивнул головой на массивный дубовый шкаф, стоящий у стены.

— Открой! — ничего пока не понимая, приказал Сергей. Капитан, найдя в связке нужный ключ, открыл боковую дверь шкафа. Оттуда вывалился скрюченный почти вдвое человек. Это была Эльга, живая, но без сознания.

— Садись! — приказал Сергей, указывая на кресло. Капитан сел.

— Рассказывай.

— Ее привезли днем. Сначала обнаружили вертолет, небрежно замаскированный на поляне леса. Устроили засаду. Вот и все.

— Что было потом?

— Ее допрашивал Бэксон. Я при этом не присутствовал. Затем приказал запереть ее в шкаф. Она уже там около пяти часов.

— Кто ее туда запер?

Капитан молчал.

— Понятно!

— Кто такой Каупони?

— Я знаю одного Каупони. Впрочем, его знают все. Это очень богатый человек. К нам он никакого отношения не имеет.

— Чем он занимается?

— Кинематография. Ему принадлежит контрольный пакет акций в Голливуде. Кроме того, большая часть отелей в Штатах и Латинской Америке. Насколько я знаю, он также имеет недвижимую собственность в Италии. Финансирует университеты. Вот и все, что я о нем знаю.

— Значит, к вам он никакого отношения не имеет?

— Насколько я знаю, нет.

— А что представляет собой ваша организация?

Капитан молчал.

— Ну! — грозно потребовал Сергей, направляя ему в лицо дуло бластера.

— Я маленькая пешка и почти ничего не знаю. Спросите лучше у Бэксона.

— Бэксон, к сожалению, уже ничего не сможет сказать.

— Понятно! Я вхожу в одно из звеньев организации, и мои функции ограничены только вождением этой шхуны. Я не знаю структуры организации и ее руководителей. Поэтому я вряд ли буду вам полезен. Скажу только, что наша организация «Неогуманисты» лет двадцать назад была запрещена и ушла в подполье. Я знаю только своего непосредственного начальника.

— Кто он?

— Бэксон! Вернее, как я понял, он им был.

Эльга тем временем пришла в себя. Увидев Сергея, она широко раскрыла глаза и хотела что-то сказать, но из ее горла вырвался только хрип. Затем она разрыдалась.

— Успокойся, милая девочка! — ласково сказал Сергей. — Сейчас мы закончим.

— Ключи! — потребовал он. — Теперь я прошу вас занять место этой дамы, — вежливо попросил он капитана. — Ну, живее, если не хотите получить дырку в животе!

— Но я там не помещусь! — запротестовал капитан.

— Ничего! Как говорится, нужда заставит. Живее, живее!

Капитан, извиваясь всем телом, полез в шкаф.

— Немного, пожалуйста, подвиньтесь. Вот так! Хорошо! — Сергей закрыл дверь шкафа и, налегая на нее всем телом, повернул ключ.

— Постарайтесь уснуть! — посоветовал он. — Теперь займемся тобой, девочка.

Он поднял Эльгу на руки и вынес на палубу.

— Полежи на воздухе, я сейчас вернусь.

Он обследовал все помещения шхуны, включая и трюм. Вскрыл все шкафы и сундуки, но ничего не обнаружил и вернулся на палубу. Эльга уже совсем пришла в себя и сидела в шезлонге, с наслаждением вытянув ноги.

— Где Ольга и дети? — спросил Сергей.

Эльга недоуменно на него посмотрела, потом улыбнулась. Улыбка ее получилась довольно жалкой:

— Они в пещере, — ответила она.

— Но я их не нашел там!

— И не мог! Там, дальше, в глубине, есть потайной лаз, который ведет в другой зал. Ты о нем ничего не знал. Ольга случайно его обнаружила. И мы с ней договорились, что она будет ждать меня там. Но меня поймали.

— Как это случилось?

— Я вспомнила, что впопыхах плохо замаскировала вертолет, и хотела исправить свою ошибку.

— Уголовная хроника учит, что преступник всегда попадает, когда начинает исправлять ошибки и замечать следы, — назидательно проговорил Сергей. — Давай подумаем, — продолжил он, — что будем делать дальше!

— Я тебя люблю!

— Уже?!

Эльга покраснела и обиженно взглянула на него.

— Ну, будет, будет, — он ласково похлопал ее по щеке. Она поймала его руку и прижала к губам.

— Если бы ты только знал, что меня ожидало!

— Я уже успел познакомиться с их нравами и поэтому догадываюсь. Но все позади! Что же нам делать дальше? Эта шхуна имеет электронное управление?

Эльга утвердительно кивнула.

— Прекрасно! Значит, я смогу один справиться с ней. Доставим Ольгу с детьми на шхуну и покинем этот остров. Здесь, правда, останутся уцелевшие бандиты, но, как только мы доберемся до земли, сюда за ними придут. Надеюсь, все они получают по заслугам. На шхуне есть небольшая шлюпка.

Мы ее сейчас спустим и поплывем к берегу. Надо поторапливаться, пока бандиты блукают в южной части. Надеюсь, Пальма хорошо поняла меня и завела их в топь. Днем они, если не завязнут в болоте, будут на побережье. Тогда не оберешься с ними возни.

Однако он не рассчитал времени, и когда подплывали к берегу, сумерки начали таять. Сергей круто завернул к западу, надеясь спрятать шлюпку в прибрежных скалах. Мешало сильное течение. Было уже около десяти часов утра, а они только причалили к берегу.

Лодку спрятали между скал. Сергей тщательно привязал ее к острому выступу утеса. До берега оставалось метров тридцать. Дно все было усеяно крупными, скользкими, поросшими водорослями камнями. Эльга настолько ослабла, что не могла сама идти. Сергей взял ее на руки и, стараясь не потерять равновесия и не свалиться с ней в воду, вынес ее на берег. Два раза его нога проваливалась в щели между камнями, но все обошлось благополучно и он отделался только небольшими ссадинами. Затем он вернулся в лодку и взял захваченное на шхуне оружие.

— Как раз три! — протянул он Эльге один из бластеров. — Ты хоть умеешь с ним обращаться?

— А как же! Я ведь прошла обязательную подготовку. Забыл, что я лечу на Счастливую?

— Боюсь, ты опоздаешь к старту.

— Я бы не пожалела об этом.

Путь к пещере преграждала гора. Обойти ее можно было либо с севера, либо с юга. Путь с северной стороны был длиннее, но по дороге Сергей хотел взять из тайника бластеры и, что самое главное, рацию. Однако измученный вид Эльги заставил его выбрать южное направление. Они пошли по берегу. Идти было трудно. Приходилось делать обходы преграждающих путь огромных обломков скал. Растительность здесь скудная. Деревьев почти нет, лишь чахлые кусты, запустив корни в трещины каменной поверхности, попадались изредка на пути уставших людей. Острые камни ранили босые ноги Сергея. Одежда его осталась на северном берегу, зарытая в песок под кустами. Он пожалел, что не захватил ничего со шхуны. В кубрике он видел ботинки, которые, судя по их размерам, могли бы быть ему впору. Но тогда было не до этого. Одежда Эльги тоже оставляла желать лучшего. Платье разорвано почти до пояса. Сергей шел впереди, выбирая путь среди острых камней. Ноги его кровоточили.

— Подожди, — услышал он голос Эльги. Она догнала его и стала раздеваться. Потом резким движением разорвала платье.

— Садись!

Он послушно сел.

— Давай ноги! — она обмотала ему ноги обрывками платья.

Идти стало легче. Они прошли еще полчаса. Эльга совсем выбилась из сил и стала отставать. Сергей нашел среди скал защищенное от ветра и солнца место и решил сделать привал.

— Я все еще не отошла от сидения в шкафу, — жалобно протянула она, опускаясь с ним рядом на землю.

Сергей ласково привлек ее к себе.

— О чем тебя спрашивал Бэксон?

— Он все допытывался, откуда я знаю Каупони и что он мне обещал.

— Как, разве он не пытался узнать от тебя, где Ольга с детьми?!

— Нет, об этом речи не было. Он подозревал меня в чем-то другом. Я ничего не знаю об этом Каупони. Бэксон кричал, что я за его спиной веду нечестную игру. Спрашивал, сколько мне было обещано.... Я ничего не понимала. Тогда он пообещал сделать со мной такое, что мне даже страшно говорить тебе об этом. Он орал на меня, что я шпионка, что Каупони, будь он проклят, этот Каупони, я его знать не хочу, приказал мне следить за ним... но он... обещал отдать меня команде... потом продал в подпольный публичный дом...

— Успокойся, он получил по заслугам! — Сергей рассказал ей о случившемся.

— Откуда ты знаешь Бэксона? Ты разве не входила в их организацию?

— Конечно, нет! Я и понятия не имела, что Бэксон состоит в этой организации. О ней я знаю немного. Она была запрещена несколько лет тому назад. А Бэксона я знаю с детства... Боже мой! — вскрикнула она, хватаясь за голову.

— Что такое? — встревожился Сергей.

— Отец! Теперь я догадываюсь о причине его смерти!

— Что? В ней замешан Бэксон?

— Сейчас я тебе все расскажу. Дай только немного успокоюсь.

— Я родилась в Риге, — начала Эльга свой рассказ. — Мой отец работал тогда инженером на одном крупном предприятии. Моя мать умерла, когда мне было всего четыре года, и меня воспитывал отец. Он очень любил мою мать и так и не женился, хотя, я знаю, у него были женщины. Бэксон появился в нашем доме, когда мне было уже восемь. Я училась в третьем классе. Бэксон заезжал к нам довольно часто. Он был представителем одной из фирм-заказчиков и по делам фирмы разъезжал по всему миру. Они с отцом быстро сдружились. Бэксон пригласил его к себе в гости. Он жил тогда в Кельне. Мы побыли у него всего неделю. Я помню, меня поразила большая и роскошная квартира Бэксона. Наша квартира в Риге имела всего две комнаты и была скромно обставлена. На отца она тоже произвела впечатление, как и роскошный электромобиль Бэксона, на котором мы совершали загородные прогулки.

После этого случая отец изменился. Он стал часто недовольно бурчать, что его мало ценят на работе. А отец, надобно сказать, был очень талантливым инженером. В конце концов он выехал в Германию, где Бэксон сейчас же устроил его на свою фирму. К тому времени я уже перешла в восьмой класс. В Германии мы пробыли около трех лет. Затем переехали в Соединенные Штаты и поселились во Флориде. Бэксон тоже жил там. Вернее, он приехал туда раньше нас. Он жил поблизости в шикарном особняке. У нас тоже был особняк, но поменьше. Отец много разъезжал по стране вместе с Бэксоном. Я стала замечать, что Бэксон командует отцом, а тот, несмотря на свой гордый и строптивый характер, покорно его слушает.

Года три назад отец уехал с Бэксоном в Бразилию и там погиб при загадочных обстоятельствах. После смерти отца обнаружилось, что он

имел солидный счет в банке, что помогло мне закончить образование и жить безбедно. Я слышала о неогуманистах. Это экстремистская подпольная организация, которая жестоко расправляется с отступниками. Боюсь, что отца постигла такая участь. Год назад я получила приглашение участвовать в экспедиции на Счастливую. После окончания обязательной подготовки у меня оставалось два месяца свободного времени. Тут снова появился Бэксон и предложил мне, как он сказал, увеселительную прогулку. На шхуне он рассказал мне о тебе. — Здесь она замялась. — Не знаю почему, но я согласилась помочь Бэксону выведать у тебя о Перуне. Бэксон предупредил, что ты можешь не помнить об этой планете, так как у тебя может быть заблокирована память, и просил уговорить тебя подвергнуться гипнозу. Бэксон, когда хотел, мог быть очень обходительным. Кроме того, я считала его другом своего отца, и, надо сказать, после его смерти Бэксон не раз помогал мне в затруднительных положениях. В общем, я чувствовала себя ему обязанной. Поэтому согласилась, не подумав о возможных последствиях.

— Зачем ему нужна была информация о Перуне?

— Этого я не знаю.

— Когда ты заподозрила Бэксона в его намерениях?

— Когда вы вышли из лодки, Бэксон стал грубо меня упрекать, что я не выполнила его задания. Он так и сказал «задания». Я ответила ему, что не состою у него на службе. Тогда он заявил, что здесь все состоит, и, если ты не захочешь решить вопрос по-доброму, у него найдутся средства заставить тебя заговорить. Случайно я увидела на сиденье большого вертолета бластеры. Мне стало все понятно. Я хотела тебя предупредить, но подошел Бэксон, а тебя позвала Ольга. Я решила тогда не возвращаться на шхуну, а, спрятав вертолет, тайно подкрасться к дому и действовать по обстоятельствам. Возвращаясь, я встретила Ольгу с дочерью. Ее рассказ подтвердил мои подозрения. Я отвезла их к пещере и вернулась. Ночью в лесу я встретила тебя. Вот и все.

— Странно!

— Что?

— Что Ольга так безоговорочно тебе поверила.

— Ничего тут странного нет! Ольга знала, что я люблю тебя, и этого ей было достаточно.

— Я, наверное, никогда не пойму женщин!..

Эльга рассмеялась:

— В данном случае это совсем не обязательно. Хотя, могу тебе немного пояснить: пока речь идет о твоей жизни — мы с ней самые верные союзницы!

— Пока?

— Ну, а там посмотрим...

Когда они взбирались на южный отрог горы, было уже около четырех часов пополудни. Эльга, войдя в пещеру, отыскала потайной лаз и скрылась в нем. Лаз был настолько узкий, что Сергей даже и не пытался в него пролезть. Вскоре из него показалась Эльга, потом вылезли дочь с сыном и вслед за ними — Ольга. Щадя жену, Сергей пропустил некоторые подробности в своем рассказе. Ольге рассказывать было не-

чего. В пещере оказался достаточный запас пищи. Вода была тоже рядом.

Сергей с наслаждением растянулся на подстилке из сухой травы и мгновенно заснул. Двое суток нервного напряжения и непрерывного блуждания по лесу настолько утомили его, что думать о том, чтобы, не теряя времени, воспользоваться случаем и прескребаться на шхуну, не было и речи. Ложась отдохнуть, он думал поспать всего час, не больше, но сон буквально свалил его, и проснулся он только на другой день. Женщины по очереди дежурили всю ночь у входа в пещеру на случай неожиданного нападения. Но все было тихо.

Утром Сергей изрезал ножом найденную в пещере шкуру оленя и смастерил себе нечто вроде индейских мокасин. На тело надеть было нечего, разве что по примеру индейцев, прорезать посреди одеяла и всунуть туда голову. Подумав, Сергей отбросил этот вариант и остался, как был, — в плашках. Эльга же взяла одеяло и завернулась в него. «Теперь я твоя «скво», — пошутила она. Сергей покраснел и покосился на Ольгу, но та, очевидно, не расслышала или сделала вид, что не слышит.

— Ждите меня здесь и не высовывайтесь! — строго приказал он и выбрался из пещеры.

Принимая все меры предосторожности, он спустился с отрога горы и углубился в лес, направляясь к тайнику. В первую очередь ему нужна рация. Тайник был недалеко от северного побережья. Он его отыскал по едва заметным приметам. Сергей включил рацию и стал слушать, покручивая ручку настройки, пытаясь поймать волну передачи. Рация молчала. Подождав около часа, снова начал искать волну. Рация продолжала

молчать. Тогда он не спеша пошел к берегу, продолжая крутить ручку настройки. Но безрезультатно. Он вышел на берег и остановился как вкопанный. Шхуны, которую только вчера хорошо видел с этого места, не было. Подошел ближе к воде и окинул взглядом горизонт. Ничего! Куда не кинь — пустынный простор океана. Разыскал кусты, под которыми вчера зарыл одежду, и выругался. Он зарыл ее слишком близко от воды. Прилив смыл песок вместе с вещами.

Сергей пошел вдоль берега к тому месту, где была спрятана шлюпка. На всякий случай держался прибрежных зарослей и не выходил на открытое место.

Через час он подошел к нагромождению скал, за которыми скрывалась бухточка, где и стояла шлюпка. Внезапно его внимание привлек предмет, застрявший между двумя большими камнями. Он наклонился и поднял его. Это был берет, который носили десантники. Он снял с плеча бластеры и сумку, которые забрал из тайника, и, оставив себе один, начал медленно красться дальше. Впрочем, меры предосторожности оказались излишни. Дойдя до бухточки, он, как и ожидал уже, не увидел шлюпки. По-видимому, пока он спал, бандиты покинули остров. Он представил себе, что, не найдя его в южной части острова, десантники вернулись к дому и, не обнаружив там вертолета, решили, что Бэксон вернулся на шхуну. Они попытались связаться с ним по радию, но поскольку рация молчала, ибо уже некому было отвечать, они вернулись к месту своей высадки. Разбредясь по побережью, нашли шлюпку и вернулись на шхуну. То, что они там увидели, очевидно, убедило их немедленно покинуть остров. Может быть, капитан шхуны был еще жив. Живой или мертвый, он был последним и самым убедительным доводом убираться восвояси.

— Ну что же, — проговорил Сергей, — поездка на Большую землю откладывается на неопределенный срок. Надеюсь, что подобных гостей больше не будет.

Уже без всяких предосторожностей, захватив оставленные бластеры, пошел к месту, где был спрятан вертолет. Машина стояла там же, где он ее оставил. Раскидав ветки, он, ухватившись за трос, оттащил ее подальше от деревьев, потом нашел спрятанные отдельно лопасти винта и прикрепил их. Проверил аккумулятор. Запаса должно хватить на два-три полета. Затем машина стоит три-четыре дня на солнце. Этого должно хватить для зарядки аккумуляторов. Взлетев, он набрал большую высоту и осмотрел остров и прибрежные воды. Ни на острове, ни на воде не было никаких признаков присутствия человека. Он снизился и направил машину к пещере.

И снова потекли дни и недели. Эльга спокойно приняла известие об исчезновении шхуны. Дом, к счастью, бандиты не сожгли. Дня два ушло на наведение порядка и уборку. Бэксон и его компания опустошили продовольственные запасы, побили много посуды, черепки которой валялись повсюду. Невдалеке от дома, на опушке, Сергей обнаружил холм свежерытой могилы. На ней стоял грубо сколоченный крест с выжженными именами погибших, указанием дат рождения и смерти. Двум из них было по восемнадцать... Судя по именам, это были итальянцы. «Зачем?» — с грустью спросил себя Сергей, и не мог найти ответа.

На утро следующего дня, после их возвращения домой, из леса прибежала Пальма. Шерсть ее была перепачкана болотной грязью. Собака, видно, добросовестно выполнила полученные «инструкции». Позже Сергей находил на болоте предметы, брошенные или потерянные десанниками. На кочке в самом опасном месте лежал бластер. Подойти к нему было невозможно из-за трясины. По-видимому, хозяин бластера нашел рядом с ним свое последнее пристанище.

Время шло, и переживания, связанные с последними событиями, не то что забывались, но как-то уходили в прошлое, теряли остроту. С женой у Сергея установились нормальные отношения. Она уже не вызывала у него чувства настороженности, как это было раньше. Может быть, этому способствовал пережитый им страх и беспокойство за ее судьбу и судьбу детей, а также ее, как ему показалось, когда они с Эльгой встретились с ней в пещере, чисто женская беспомощность, растерянность и слабость. Именно эта беспомощность, в которой ощущалось безграничное доверие к нему, мужчине, возвратила ему, казалось, утраченные чувства теплоты и нежности.

Сильная женщина, если хочет, чтобы ее любили, должна скрывать свою силу и тем паче превосходство. Может быть, это была игра. Позже Сергей задавал себе этот вопрос. Но если даже это была игра, она, во всяком случае, устраивала обоих.

В счастливых и умных семьях всегда верховодит женщина. Но если она достаточно умна, она никогда не покажет этого мужу. Напротив, она всячески будет подчеркивать, что именно он является главою семьи, а она только следует его желаниям и выполняет его решения. Если мужчина глуп, то он принимает видимость за действительность, и это его, естественно, устраивает. Если же он достаточно разумен, то лучшего ему и желать нечего. Таким образом, семейные неурядицы и драмы происходят только по вине женщины, если она недостаточно умна для того, чтобы следовать своему естественному предназначению — властвовать в семье.

Между Ольгой и Эльгой установились дружеские, даже, можно сказать, приятельские отношения. Эльга никогда не вспоминала и не жаледа о несостоявшемся ее отлете на Счастливую. Казалось, она всю жизнь мечтала о таком образе жизни на острове или, как говорил покойный Бэксон, «ранчо». Так как они с Ольгой были одинакового роста и фигуры их были в общем схожи, то носили одни и те же платья, меняясь ими для разнообразия. У них появились какие-то свои секреты. Они часто шушукались между собой, время от времени это шушуканье сопровождалось взрывами смеха.

Сергей свикся и, можно сказать, смирился со своим положением островитянина и фермера, много занимался хозяйством: расширил огород, пополнил запасы кладовой. Втроем они сходили за рыжиками, массовое выпасание обнаружилось на южных склонах горы в ельниках.

Ольга учила свою приятельницу и подругу солить, мариновать грибы, готовить консервы и другим премудростям, необходимым в их положении отрезанных от общества и цивилизации людей.

И вместе с этим у Сергея появилось чувство близкой перемены образа жизни. Какой-то внутренний голос настойчиво говорил ему, что все

то, что с ним произошло, — это только прелюдия, подготовительный период к основным событиям, которые вот-вот должны начаться. Это чувство было сходно с тем, какое он испытывал после окончания института, получив на руки диплом и направление на работу.

Интуиция его не подвела.

В конце третьего месяца после описанных событий долго молчавший экран гостиной вдруг засветился и на нем появилось изображение Кравцова. Увидев Сергея, Кравцов, как обычно, улыбнулся, но вид его был явно озабоченный и выражал сильную тревогу и беспокойство. Сергей заметил, что, как только экран засветился, Эльга встала и быстро вышла из гостиной. Она явно не хотела, чтобы Кравцов ее видел.

— Сергей Владимирович! — волнуясь, произнес Кравцов после обычного обмена приветствиями, гася знаком вопросы Сергея, — у нас крайне мало времени. Выслушайте меня внимательно и постарайтесь не перебивать и не задавать вопросов. Вам предстоит пережить несколько неприятных минут, а может быть, и часов. Прошу вас не терять самообладания, что бы с вами ни случилось.

Экран погас.

Сергей вскочил. Он был крайне взволнован и возмущен. «Неужели нельзя подробнее! Что за манера! В конце концов, что со мной происходит?!»

Ольга, ему показалось, бросила на него взгляд, полный сочувствия и тревоги. Вошла Эльга и как-то странно переглянулась с Ольгой. Та на мгновение закрыла глаза, как бы отвечая утвердительно на немой вопрос подруги. Они что-то знали, но не хотели ему говорить! Эти подозрения еще больше укрепились, когда он заметил в последующие три дня повышенное внимание и заботу со стороны обеих женщин. Даже дети — и те притихли, не затевали шумных игр, ластились к отцу, восприняв, по-видимому, тревогу и беспокойство матери. Сергей ничем не выказывал своего подозрения. Тот же внутренний голос сказал ему, что бесполезно допытываться у жены каких-то дополнительных сведений, которые она знала, но, по-видимому, по достаточно обоснованным причинам не хотела ему сообщить.

Он быстро овладел собой в тот раз, после сеанса телесвязи. Ольга заметила это и одобрительно улыбнулась. Потом, когда он понял значение этой улыбки, он вспоминал ее в самые трудные моменты, и это воспоминание придавало ему силы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В ушах стоял смех пьяных десантников и душераздирающий крик Ольги. Он отбросил бесполезный теперь бластер и выхватил нож. Кусты зашевелились, и оттуда показали пятнистые маскировочные мундиры. Они уже не опасались его и медленно приближались. Сергей сжал рукоятку кинжала и пошел им навстречу...

...Сознание медленно возвращалось. Откуда-то глухо, словно говорили сквозь подушку, слышался голос. Потом черная пелена сменилась серой, испыхнула на мгновение красной и снова стала серой, но уже светлее. Сквозь пелену проступали смутные и непонятные очертания. Почему-то сильно зачесалась правая пятка. Сергей попытался шевельнуть ногой, но это ему не удалось. Напрягая волю, он повторил усилие, и ему показалось, что нога чуть-чуть шевельнулась. Зуд усилился. Зудело все тело. Зуд проникал, казалось, в мозг, вызывая нестерпимые ощущения. Затем он начал утихать, но на смену ему пришли новые страдания. Сергей вдруг почувствовал себя как бы вывернутым наизнанку. Все его органы: сердце, кишечник, желудок, печень и почки — вдруг наперебой заговорили о себе, все сразу, перебивая друг друга, словно базарные торговки. Боли не было, но было ощущение органов, настолько непривычное и неприятное, что даже перенесенные недавно пытки и побои показались Сергею чем-то неизмеримо меньшим. Может быть, потому, что они были уже в прошлом, а может, действительно, эти

новые ощущения были логическим, изощренным продолжением предыдущих допросов.

— Сволочи! — пытался крикнуть Сергей, но губы ему не повиновались. Внезапно все кончилось, но затем начались мучительные судороги. Сергей ничего не мог поделать со своим телом, оно изгибалось и корчилось в страшных конвульсиях. Он не мог сказать, сколько это продолжалось. Время шло как бы в двух измерениях. Это было мгновение, и это была вечность. Он снова потерял сознание...

Очнулся он внезапно. Пелены в глазах уже не было. Зрение и слух нормальные. Он пошевелился, и это движение далось ему без всякого труда. Сергей лежал совершенно голый на мягкой постели, заботливо укрытый мягким одеялом. Ощущение комфорта, которое могут дать только здоровое молодое тело и пробуждение после крепкого, спокойно-го сна, ничем не напоминало о перенесенных побоях и пытках.

«Так это был сон!» — с непередаваемым чувством облегчения и радости понял Сергей. Он ясно помнил, что вчера спокойно заснул в своей кровати. Попытался припомнить детали сна, но они уже потеряли между собой связь. Были совершенно отрывочные воспоминания, которые тут же расплывались и исчезали из памяти. Это был, действительно, сон. Он потянулся всем телом. Кровать заскрипела. Тотчас же послышалось легкое шуршание открывающихся штор и стало светло. Он лежал в незнакомой комнате. Стены окрашены в белый цвет. Кровать стояла посередине. Над ним висел какой-то массивный прибор с множеством трубок, направленных вниз. Рядом стояла тумбочка с букетом фиалок в стаканчике. Немного поодаль — полураскрытый шкаф с одеждой. Послышались легкие шаги. Дверь открылась, и на пороге появилась Эльга. Приветливо улыбаясь, она подошла к кровати.

— Как вы себя чувствуете, Сергей Владимирович? — спросила она, называя его почему-то по имени-отчеству.

— Нормально! — удивленно ответил Сергей. — Что случилось, Эльга? Где Ольга и дети? Где мы находимся?

Эльга в свою очередь удивилась. Судя по ее виду, она была поражена.

— Откуда... вы знаете... мое имя? — запинаясь, спросила она. Ее темные, с фиолетовым оттенком глаза расширились от удивления, и в них появилась знакомая Сергею вибрация.

Сергей глупо уставился на нее, не зная, что ответить. В это время в комнате появилось еще одно лицо. Увидев его, Сергей чуть было не вскочил с постели, если бы Эльга не удержала его.

— Резко не двигайтесь пока! — предупредила она.

— Ну вот мы и встретились. Поздравляю вас с возвращением. — Он подал руку, которую Сергей машинально пожал. Эльга, воспользовавшись заминкой, покинула комнату. В дверях она оглянулась и еще раз бросила на Сергея крайне удивленный взгляд. Поймав его взгляд, она невольно улыбнулась, и в ее глазах снова появилось знакомое мерцание.

— Кто это? — еще не придя в себя от удивления, спросил Сергей, провожая Эльгу глазами.

— Это наш врач и биолог Эльга Лацис.

— Как она здесь очутилась?

— Она? — в свою очередь удивился Кравцов, — она работает здесь уже год.

— Год... год, — повторил он. — Да! ... вы меня предупреждали... спасибо... Где я? — наконец выдал из себя. — Где Ольга?!

— Выслушайте меня...

— Где Ольга и дети? Позовите их!

— Я не могу их позвать, Сергей, — мягко и сочувственно проговорил Кравцов.

— Почему? — Сергей почувствовал, что сейчас произойдет что-то непоправимое и ужасное.

— Потому что их нет!

— Они погибли?

— Нет!

— Тогда что же?

— Их никогда не было! — с отчаянием в голосе проговорил Кравцов, тревожно вглядываясь в экран прибора, висевшего над кроватью Сергея.

Сергей закрыл глаза. Некоторое время он молчал, призывая на помощь все свое самообладание и мужество. Наконец, он открыл глаза и спокойно произнес: — Говорите!

Кравцов облегченно вздохнул и в свою очередь помолчал, собираясь с мыслями и подавляя волнение.

— Мне придется начать с самого начала.

Сергей кивнул головой.

— Два года назад наши приборы зарегистрировали пересекающий орбиту Плутона космический корабль. Это был «Искатель». Да, именно два года! Сейчас вы все поймете. Корабль на орбите Марса встретили наши перехватчики и, отбуксировав, посадили на Втором лунном космодроме. Когда вскрыли люк и проникли внутрь корабля, то обнаружили, что все члены экипажа мертвы. Кроме вас! Вы тоже были обречены, так как доза радиации, полученная вашим организмом, не оставляла никакой надежды на спасение. Вы лежали в анабиозной ванне и только низкая температура спасала ткани вашего организма от распада. Жизнь, если это можно назвать было жизнью, могла продолжаться только в анабиозе. Ваше тело вместе с анабиозной камерой доставили сюда, на Землю, и поместили в наш институт. Материалы экспедиции, как вам известно, погибли во время пожара на корабле. К тому времени наука на Земле значительно продвинулась вперед по сравнению с вашим временем. В первую очередь с вас сняли мнемограмму. Я уже говорил об этом и не стану повторяться. Фильм просмотрели в Академии наук, а потом его, с некоторыми сокращениями, показали населению планеты. Скажу без преувеличения, ваш подвиг произвел на все человечество большое и неизгладимое впечатление. Открытие планеты, пригодной для жизни человека, вселило надежду...

В течение месяца после демонстрации фильма Академия наук получила десятки тысяч писем с требованием во что бы то ни стало сохранить вам жизнь. Был разработан проект. Из вашего тела, продолжающего лежать в анабиозной ванне, взяли ткани и после тщательного анализа отобрали несколько клеток для клонирования. Обычно для этой цели мы берем одну-две. Но в данном случае, учитывая дозу

полученной радиации, мы решили подстраховаться. В отобранных клетках была снята блокада генов и каждую из них мы поместили в искусственную матку. Лет через тридцать...

— Не пойму, — перебил Николай Сергей, — какой смысл был в этом? Вы вырастили бы меня, как биологический индивидуум, но он бы не имел моей социальности, памяти, моего собственного «Я»! Что за смысл было это делать?

— Терпение! Я перехожу к главному! Решено было снять всю вашу психоиндивидуальность, т.е. всю информацию мозга, включая и его структурно-функциональные отношения и связи, и ввести ее в СС, простите, в Сверхсложную Систему.

— Но каким образом?

— Терпение! К этому времени такие операции с психоиндивидуальностью уже применялись раньше. Дело в том, что лет сто назад в Космосе, в условиях невесомости, удалось вырастить особые ассиметричные кристаллы, структура и электрическая активность которых позволяла записывать на каждый из них информацию сотых порядков. Достаточно сказать, что вся научно-техническая информация планеты помещается в один кристалл, и вы можете носить у себя в жилетном кармане всю мировую библиотеку. Конечно, эти кристаллы пока страшно дороги и каждый из них растет в течение 20 лет. Мы надеемся теперь получать их быстрее.

Но продолжим. Каждая СС содержит в себе тысячи таких кристаллов, соединенных между собой функциональными связями. Это самоорганизующаяся система, по своей сложности превосходящая сложность сотен миллионов самых мощных компьютеров вашего времени. Но это несравнимые вещи и величины. Здесь другое! Каждую СС можно назвать искусственным интеллектом, хотя это не совсем верно. В СС заложена вся информация о нашей планете, вся известная нам научно-техническая информация, вся биологическая о всех видах растений, животных, микроорганизмов и т.д. В общем — все, что знает человечество во всех областях знания, включая и гуманитарные вопросы — литературы, музыки и т.п. Вначале сделать это стоило невероятных трудов многих тысяч ученых, инженеров, искусствоведов и представителей других профессий. Теперь это делается легко путем перезаписи на новые СС с уже заполненных. Почти половину СС занимает емкость индивидуальной психики, она уже управляет всей работой СС. Человек, индивидуальность которого записана в СС, «живет» в этой системе, можно сказать, вполне полноценной «жизнью». Даже, я бы сказал, более содержательной, чем в действительности. Все его ощущения — потоки импульсов — не отличаются от реальных. Желания его, даже скрытые в подсознании, немедленно воплощаются, вернее, моделируются в СС и возвращаются ему в виде «реальных» ощущений.

— Значит, Ольга?..

— Да! Ваша жена, и ваш остров, и все-все, что с вами произошло, происходило в СС, здесь, за стеной... Вам плохо? — обеспокоенно спросил Кравцов, видя, как Сергей побледнел.

— Нет, прошу вас, продолжайте, — Сергей справился с волнением и приготовился слушать дальше.

Кравцов внимательно посмотрел на экран и удовлетворенно кивнул головой.

— Так вот...

— Подождите! — перебил его Сергей. — Я бы хотел одеться!

— Да, пожалуйста. — Кравцов подошел к шкафу. — Вам приготовлена одежда, — сказал он, вытаскивая из шкафа белье и костюм. Костюм был такой же, как и у Кравцова: спортивный, плотно облегающий фигуру, светло-серого цвета. Такого же цвета были легкие, почти невесомые, ботинки, сделанные из искусственной кожи. Сергей оделся.

— Если хотите есть, то пройдемте в соседнюю комнату, — предложил Кравцов.

Они вышли. Соседняя комната представляла собой просторный холл с широким, во всю стену, окном. Сергей взглянул вниз. По-видимому, они находились где-то на сороковом или пятидесятом этаже. Внизу простиралась большая площадь. По ней двигались маленькие фигурки людей. В воздухе мелькали небольшие летательные аппараты. Должно быть, они выполняли функцию такси, так как опускались время от времени на край площади, брали пассажиров и снова взмывали в воздух.

Кравцов тем временем нажал кнопку на двери металлического шкафа и, подождав немного, открыл ее, вынул поднос, уставленный тарелками и стаканами.

— Прошу! — пригласил он Сергея.

Еда в основном представляла набор различных желе. По вкусу они напоминали фруктовые, но Сергей почувствовал, что ощущение голода прошло.

— В основном мы пользуемся синтетической пищей, — пояснил Кравцов. — Она достаточно калорийная и почти полностью усваивается. Однако вкусовые ее качества несколько однообразны. Ну так что? Продолжить рассказ? — спросил он, когда с едой было окончено.

— У меня вопрос.

— Слушаю вас.

— Насколько я понял, до меня в эту систему СС, так, кажется?.. кто-нибудь... — Сергей подыскивал подходящее слово.

— Конечно! Конечно! Вы далеко не первый! СС существует уже около восьмидесяти лет.

— Но чем вызвана необходимость ее создания? Должны быть причины... научные... экономические...

— Ах, вот вы о чем! Вы совершенно правы. Если говорить о СС в таком плане, то это самое рентабельное предприятие. Началось с того, что развитие вычислительной техники сильно тормозилось отсутствием общего решения совместимости больших систем. Впрочем, вы об этом хорошо знаете. Проблема возникла еще в конце XX столетия, и ее частный случай фигурировал как проблема магнитной совместимости.

— Да! Ее, как я помню, так и не решили до конца.

— Правильно! Было множество частных решений. Одно из первых таких решений — применение световолоконной оптики, затем последовали другие. Все эти решения хороши в конкретном приложении, но не годились для очень больших систем, где скорость обработки информации достигала почти сотен гигабит в секунду, да еще одновременно по миллионам параллельных каналов. В XXI столетии появились предло-

жения использовать сращение больших систем с мозгом человека. После тысяч опытов на животных проведены два эксперимента на человеке.

— Не понял?

— Это были два ученых-добровольца. Оба страдали неизлечимой формой рака. Вся сложность заключалась в том, что мозг надо брать при жизни...

— Ясно!

— На этих двух биоэлектронных системах были получены данные и расчеты о возможности снятия и перезаписи на СС психологической индивидуальности, которая, будучи записана в блок управлений, синхронизировала и управляла всей работой СС. Затем пошли одно открытие за другим, пока система СС не стала такой, с какой вы сами познакомились. Если говорить о рентабельности, то СС полностью себя окупают. Мы получаем огромный поток научной информации, особенно в области математики и теоретической физики. Сейчас имеется уже несколько тысяч таких СС, и в ближайшем десятилетии их количество увеличится в десять, а, может быть, и больше раз. Интересно, что некоторые СС, их, правда, немного пока, управляются психоиндивидуальностью людей, в прошлом литераторов. Находясь в СС, они создали высокохудожественные произведения, которые вошли в нашу литературу как шедевры. Замечательно то, что из-за высокочастотных диапазонов работы СС внутреннее время СС течет в тысячи раз быстрее, поэтому информация поступает к нам быстро и обильно. Можно сказать, что добрая половина наших последних научных и технических достижений связана с работой СС.

— А что люди? Они охотно идут на такие... операции?

— Во-первых, запись в основном производится в старческом возрасте. Естественно, если не произошла дегенерация нервной системы. Во-вторых, перезапись не обязательно связана с биологической смертью. Т.е. человек может как бы раздвоиться, остаться жить и в то же время войти в СС. Правда, этого сами входящие в СС избегают. И, наконец, самое главное. СС — это фактически бессмертие! Интеллектуальное бессмертие, но одновременно с полной иллюзией биологической жизни. Вы сами в этом убедились! Разве вы не чувствовали прохлады утреннего воздуха, вкуса пищи, теплоты объятий жены... Ох! Простите... — Кравцов смущенно замолчал, видя, как лицо Сергея вновь покрыла смертельная бледность...

— Продолжайте!

— Не лучше ли вам немного отдохнуть?

— Нет! Давайте закончим наш разговор. Все равно, пока я не узнаю всего, я не успокоюсь.

— Ну, как вам будет угодно! Так вот... на чем я остановился? Ах, да! Если сравнить реальность, те возможности, которые она дает, и возможности удовлетворения своих желаний в СС, то разница будет несравнимой. Живущего в СС можно сравнить разве что с Аладдином, обладающим волшебной лампой. Вы говорите о людях. Если бы мы захотели удовлетворить всех желающих, то нам надо было бы создать сотни миллионов СС. Молодежь это, естественно, не может привлечь, но где-то к шестидесяти годам, когда начинаются процессы старения... СС

дает вечную жизнь и вечную молодость! Не обошлось и без курьезов. Сейчас среди некоторых групп населения распространяется своеобразная религия. Учение ее сводится к тому, что СС это и есть тот рай, о котором говорила раньше церковь. К сожалению, эта группа растет и уже доставляет нам неприятности. Другой неожиданный аспект, связанный с СС, заключается в том, что скрытые желания реализуются в СС в виде моделей. Некоторые, будем говорить откровенно, многие, заложенные в СС индивидуальности, превращались на десятки лет, по своему собственному времени, а по земному — на неделю, в багдадских халифов, завоевателей, римских цезарей и т.д. Это не приносило существенного вреда, и некоторые сами по себе, а другие — после напоминания вновь приступали к творческой деятельности. До некоторой степени такие превращения давали необходимую разрядку, после чего работа шла продуктивнее.

— Вы имели возможность наблюдать за ними... словом, за их превращениями? — спросил Сергей, вспомнив свои приключения на Элии.

— Нет. Высокочастотный диапазон работы СС исключает это. Возможность двустороннего контакта, когда работа всей СС переводится на более низкий диапазон, ограничена временем. Иначе можно нанести вред СС.

— Так вот почему наши с вами беседы были так редки и так кратки!

— Да, именно поэтому. Нам легче было получить от вас научную информацию другим путем. Вы помните, я вам «оставил записку»? Мы получили необходимую информацию от СС о ваших расчетах и внесли в систему модель моей записки.

— Теперь мне понятно. Тогда, признаться, я возмутился...

— Так вот, — продолжал Кравцов, — с вами дело обстояло значительно сложнее, чем с теми, кто сознательно вошел в СС. Те прекрасно понимали свое новое положение и шли на это, чтобы взамен получить вечную жизнь, пусть иллюзорную, но воспринимающуюся как реальная. Многие потом как бы «забывали» об иллюзорности, но зато полностью использовали возможности исполнения желаний и побуждений. Вы не знали и не могли знать всего. Имея возможность создать вокруг себя «общество», вы добровольно обрекли себя на одиночество на необитаемом острове. Хорошо, что с самого начала вы вспомнили про жену. Иначе вам бы пришлось «жить» там одному. Прогнозы показывали, что такое одиночество будет иметь и отрицательные последствия. Предполагалось постепенно и осторожно натолкнуть вас на мысль об оценке своего положения и о неограниченных возможностях. Однако ведущие психологи мира энергично запротестовали, считая, что такой стресс нанесет непоправимый вред интеллекту, огромные скрытые возможности которого всем вскоре стали понятны и на которые Всемирный Совет и Академия наук возлагали большие надежды. Дело в том, что ваши теоретические исследования стали ключом к решению многих проблем развития и сохранения всего человечества. Ваши работы по многомерности каждого измерения открыли дорогу в большой Космос, помогли создать методы быстрого выращивания кристаллов СС. Появилась захватывающая дух перспектива широкого сохранения интеллекта после физической смерти человека и тем самым усиления общечеловеческого

потенциала. Это быстро оценили. Здесь же произошло ошеломляющее открытие, в котором ваше участие было прямым, хотя вы об этом и не подозревали. Зондирование СС показало, что индекс вашего интеллекта вырос в три раза и что тенденция его к росту продолжается. Но тут же были получены тревожные вести. Блок контроля за состоянием СС показал угрозу ее распада. На наш запрос СС ответила требованием наращивания дополнительных кристаллов. Сначала думали, что дело обойдется малым, но система повторяла требования, пока общее количество кристаллов не превысило в три раза их исходное количество. Сразу же после этого в СС поступила информация, благодаря которой вы очутились в своем телесном облике не через двадцать восемь лет, а через два года после ввода вашей индивидуальности в СС.

— Не совсем понимаю вас.

— Вот в этом вся загвоздка! Дело в том, что в третьей нашей беседе, после того, как я оставил вам записку, вы сообщили мне, что увлеклись некоторыми биологическими проблемами, и предложили методы и соответствующие программы ускорения роста клонинга. Вы, по-видимому, поняли свое положение и решили выйти из СС, не дожидаясь, пока ваш клонинг достигнет возраста, необходимого для введения в него психиндивидуальности.

— Ничего решительно не понимаю! Я не помню, чтобы я занимался этой проблемой!

— Вот в том-то и дело! Когда в следующем сеансе связи я сообщил вам, что расчеты блестяще подтвердились и что клонинг будет готов через год, вы ответили мне: используйте его по назначению, остальное оставьте без изменения. Мы поняли это как распоряжение через год произвести пересадку вашей индивидуальности на клонинг. Однако при следующем контакте вы начисто отрицали, что проделали вышеупомянутые исследования. Более того, мне показалось, что вы были сильно раздражены и возбуждены. Я немедленно доложил об этом руководству института, а оно — в Академию наук и во Всемирный Совет. Налицо было выпадение памяти. По этому поводу разгорелись дебаты. Верх одержали психологи. Они рекомендовали устроить вам небольшие приключения и снять эмоциональное напряжение, связанное с одиночеством. По-прежнему был наложен запрет на раскрытие вам истинного положения.

— Так, значит, мои приключения?..

— Да! Это был хорошо разработанный сценарий, который и ввели в СС.

— Ничего себе! — воскликнул Сергей, вспомнив концлагерь на Элии и сцены с Бэксоном и Джонни.

— Да, психологи считали, что небольшая доза секса и забавных приключений вам не повредит.

— Ладно! Не будем об этом, — Сергей покраснел и с досады отвернулся. — Меня интересует вот что: если вы умеете клонировать и пересаживать индивидуальность, то, следовательно, вы уже добились бессмертия, и бессмертия биологического! Зачем вам тогда СС! Хотя... понятно! СС — это повышение интеллектуальных возможностей человечества. Не так ли?

— Совершенно верно. Что же касается биологического бессмертия, то здесь дело обстоит значительно сложнее и упирается в неразрешимые пока социальные проблемы. Земля перенаселена и не может себе этого позволить. Может быть, эмиграция на Счастливую, и особенно теперь, получив выход в Большой Космос, со временем даст возможность использовать клонирование для получения биологического бессмертия.

— Насколько я понимаю, клонинг развивается только биологически?

— Конечно! Развитие его психики подавлено. Активность мозга поддерживается электрическими импульсами. Иначе это было бы убийство.

— Теперь еще один вопрос. Почему нельзя было сразу же пересадить мою индивидуальность на такой клон? По-видимому, у вас были в распоряжении клоны?

— Это было бы невозможно! Дело в том, что после вашего отлета на Счастливую была открыта жесткая взаимосвязь генетической специфичности человека и специфичности его психики. Когда производились опыты с перезаписью психоинформации с одного животного на другое, они всегда заканчивались судорогами и смертью восприимчивика информации. Причины этого были неясны, пока шведский ученый Свенсон не провел удачной перезаписи такого рода на идентичных близнецах. После этого пошли по пути выращивания клонинга, затормаживая его психическое развитие с последующей перезаписью от постаревшего к тому времени хозяина.

Сергей почувствовал страшную усталость. Кравцов заметил это и прекратил свой рассказ.

— Вам необходимо отдохнуть, Сергей Владимирович! Главное вы уже знаете. Остальное узнается потом. Денек-другой вам придется побыть здесь под наблюдением врачей. Сегодня у нас... вторник. Договоримся... в четверг... я отвезу вас на вашу квартиру. А пока пройдемте со мной, я покажу вам вашу комнату.

Два дня Сергей знакомился с сотрудниками института. Приезжали гости из Академии и Всемирного Совета. Эти посещения настолько утомили его, что он был рад, когда, наконец, они прекратились.

Утром второго дня в его комнату вошла Эльга. До этого она приходила три раза в день, сообщив при первом посещении, что она является его лечащим врачом. Эльга тщательно выполняла свои функции, буквально исследуя всю поверхность тела при помощи портативного прибора. На его небольшом экране (Сергей ухитрился заглянуть в него) проступали колонки цифр, которые ему ничего не говорили. Но судя по удовлетворенному виду лечащего врача, цифры были благополучные.

— Мне поручено отвезти вас на вашу квартиру, — сообщила Эльга. — Некоторое время я буду за вами присматривать, если вы, конечно, не возражаете.

— Нисколько! Если бы вы знали, как я к вам привык, — ничуть не разминаясь с правдой, заверил ее Сергей. — Мне кажется, что я знаю вас уже давно.

Эльга удивленно взглянула на него и пожала плечами.

— Вы уже второй раз даете мне это понять! Но я не представляю себе... откуда... например, вам известно было мое имя?..

Они летели над раскинувшимся на десятки километров Мегаполисом.

— Какова численность населения? — спросил он, глядя вниз.

— По данным пятилетней давности, около тридцати миллионов. Но вы мне не ответили на вопрос.

— Вам знакомо имя Бэксон?

— Рихард Бэксон? — переспросила Эльга, с удивлением взглянув на Сергея. — Честное слово, вы меня совсем заинтриговали. Конечно, я его хорошо знаю. Это друг моего отца!

— Который погиб в Южной Америке? — неосторожно спросил Сергей.

Пожалуй, этого не надо было спрашивать. Эльга побледнела, машина потеряла управление, вильнула вниз и начала падать.

— Что за чепуха! — возмутилась Эльга, выравнивая аппарат. — Мы чуть было не разбились. Разве можно так шутить? Мой отец жив и живет во Флориде!

— Извините, я ошибся, — попытался исправить оплошность Сергей, мысленно проклиная себя. Эльга промолчала.

Аппарат стал снижаться. Город остался позади. Внизу показался поселок из небольших домиков, отделенных друг от друга живыми изгородями. В центре обозначилась площадь с несколькими большими восьмизатажными зданиями.

— Это адаптационный центр, — сообщила Эльга. — Здесь вам придется прожить еще два месяца. Как-никак, — уколола она, — прошло двести лет!

— Да, я слишком стар! — понял ее намек Сергей.

Эльга смутилась: — Я не то хотела сказать.

— Нет, почему же!

Аппарат сел на лужайку. Они вышли и направились к домику. Домик имел три небольших комнаты. Одна чуть побольше остальных. В ней одну из стен занимал экран. Рядом был пульт.

— Здесь программы вызова и заказов информации, — Эльга протянула ему довольно толстую книгу. — В основном ваша работа будет у экрана. С центром СС вы можете связаться, нажав вот эту кнопку, — Эльга указала кнопку на пульте управления.

Сергей молчал. Эльга внимательно посмотрела на него.

— Ну, не будем ссориться. Нам предстоит еще два месяца часто видеться.

— Разве?

— Да, как ваш врач, я буду жить в этом городке в одном из тех больших зданий. Если, конечно...

— Что?

— Вы не потребуете себе другого врача.

— Не потребую, если вы не будете напоминать мне о моем слишком преклонном возрасте, — засмеялся Сергей.

— Даю вам честное слово! — улыбнулась Эльга. В голосе ее послышалась знакомая вибрация.

— И не дадите почувствовать? — не удержался Сергей.

— Это как вы себя будете вести, — Эльга слегка порозовела. — Да, вот еще что! — она раскрыла сумочку и вытащила блестящий цилиндр.

— Вот ваша чековая книжка. Это гонорар за полет и премия за открытие удобной для жизни человека планеты. Здесь три миллиона международных кредиток. Вам полагается еще зарплата за работу в Академии и за сделанное открытие. Я точно не знаю, сколько, вам ее переведут позже.

— Это много?

— Три миллиона?

— Да.

— Очень!

— А сколько вы тратите?

— В месяц?

— Нет, в год.

— Когда как. Иногда сто, а иногда триста. Еда у нас бесплатная. Так что затраты только на одежду и прочее.

— Так, значит, я богат?

— Конечно! Не настолько, чтобы купить, скажем, собственный космический корабль, но дом, например, яхту вы можете себе без особого ущерба позволить.

— А сколько вы получаете?

— Здесь, в центре? Что-то около тысячи в год. Это зависит также и от характера работы.

— Итак, что мы будем сейчас делать? — перебил ее Сергей.

— Я думаю, вам следует приобрести в первую очередь гардероб. Затем мы пойдем пообедаем. Здесь это все недалеко. Помимо обязанностей врача, мне вменяется быть вашим гидом и, до некоторой степени, учителем...

— Во мне вы найдете способного и послушного ученика. Итак, идем.

Вскоре они вышли из находившегося поблизости магазина. Сергей нес два больших чемодана. Он купил несколько костюмов, дюжину рубашек и три пары обуви. За все это ему пришлось заплатить тридцать кредиток. Эльга показала, как пользоваться чековой «книжкой». Книжка вставлялась в кассу своим штекером. Предварительно на ней нажатием кнопок, которые работали только от пальца Сергея, набиралась нужная сумма. Касса после получения сигнала, выбивала чек, по которому и получались приобретенные товары.

Сергей не удержался и купил Эльге норковый палантин, уплатив за него тысячу кредиток. Еще триста кредиток ушло на покупку вечернего платья и нарядных туфель. Все это он приобрел, воспользовавшись временной отлучкой Эльги, и спрятал в чемодан.

— Вот теперь можно подумать об обеде! — сказал он, облачившись в новый костюм.

— Можно, здесь поблизости есть столовая, кафе... Или заказать с доставкой на дом. Но услуга будет стоить три кредитки в месяц.

— Непременно этим воспользуюсь, а пока мы должны отпраздновать мой первый день на Земле. Где тут у вас есть приличный ресторан?

— Это далеко, придется взять такси... потом...

— Что потом?

— Мне надо будет заехать домой. Я еще не взяла свои вещи.

— Домой к вам мы обязательно заедем, но позже.

— Но я не могу так, — она поглядела на себя в зеркало.

— Я это учел. Пройдите в соседнюю комнату и переоденьтесь.

— Это что? Каприз миллионера? — спросила Эльга, выходя уже одетой в новое платье.

Сергей с восхищением взглянул на нее. Там, на острове, Эльга носила платья Ольги, которые, в общем, были скромные и не особенно нарядные. Здесь перед ним стояла если не королева, то во всяком случае женщина, наряд которой был достоин ее внешности. Платье из блестящей материи плотно облегало ее талию и бедра. Палантин из серебристой норки небрежно накинут на плечи. «Черт возьми! До чего же хороша!» — про себя воскликнул Сергей, любуясь Эльгой.

— Так откуда же вам все-таки стало известно мое имя? — спросила Эльга, дождавшись, пока официант, принявший заказ, не отошел от столика.

Сергей молчал, собираясь с мыслями: «В самом деле, как все это ей объяснить?» Он не сомневался, что Эльга была частью «сценария», как сказал Кравцов, «веселых» приключений на острове. «Тогда почему она спрашивает?...»

Эльга продолжала вопросительно смотреть на него.

— Не знаю, как вам сказать, — нерешительно начал Сергей. — В общем, там... мы встречались...

— Ничего не пойму. Вы, наверное, шутите?

— Нисколько! Вы даже рассказали мне свою биографию.

— Интересно! Не сообщите ли подробности?

Эльга слушала, широко раскрыв глаза от удивления. Сергей не посвящал ее во все события, а сообщал только то, что известно ему было из рассказа той Эльги, которая была с ним на «острове».

— Невероятно! — прошептала Эльга. — Невероятно то, что все абсолютно совпадает, кроме разве что моего полета на Счастливую и гибели отца в Южной Америке.

— Может быть, все это было введено в сценарий?

— Исключено! Во-первых, это не могло бы произойти без моего согласия. Во-вторых, некоторые подробности из моей жизни не были никому известны, кроме меня самой, и вот... теперь вас.

Принесли заказ. Официант налил в бокалы шампанское.

— Ну, за нашу вторую встречу! — шутливо предложил Сергей, подымая бокал.

— Скажите..., — Эльга замолчала, не зная, как продолжить. — Там?.. Сергей увидел, как краска приливает к ее лицу, и, поняв ее, молча кивнул головой. Эльга покраснела еще сильнее.

— Неправда!

Сергей молча пожал плечами. В это время заиграла музыка, и он увидел, что из-за столиков стали выходить пары и заскользили по залу в медленном танце. К его удивлению, фигуры танца мало или даже почти не отличались от знакомых ему еще в студенческие годы. Эльга проследила за его взглядом.

— Вы танцуете?

Сергей встал и предложил ей руку. Она оперлась на нее, и они вышли на середину зала. Впервые здесь Сергей держал Эльгу в объятиях.

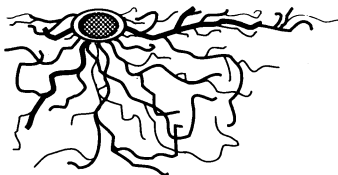
Знакомое волнение охватило его снова. Это была та самая Эльга. Его руки помнили ее тело. Пальцы его нащупали на талии небольшую неровность. Там должна быть родинка. Еще одна, темная, у нее под левой грудью. Его волнение передалось Эльге. Сергей увидел в ее глазах знакомое мерцание.

— О чем вы задумались? — тихо спросила она.

— Я, кажется, впервые пожалел, что не нахожусь там, на острове, — откровенно признался Сергей.

Эльга высвободилась и пошла к столику.

— Отвезите меня домой, — попросила она.

РЕАЛЬНОСТЬ

Эльга больше не появлялась. На второй день пришел другой врач. Это был пожилой мужчина в массивных роговых очках, чуть сутулый. Он произвел осмотр и удовлетворенно заметил, что здоровье Сергея не оставляет желать лучшего. Посоветовал прогулки, занятия спортом.

— А... доктор Лацис? — спросил Сергей. — Она что, больше не придет?

— Не знаю, не знаю... Мне только сегодня утром сообщили, что у меня будет новый пациент, и дали адрес вашего домика.

Он помолчал, вопросительно глядя на Сергея, потоптался немного на пороге и, видя, что тот молчит, попрощался и вышел.

Сергей полчаса старался заставить себя работать. Запросил на экран информацию о социальной структуре общества, но не мог сосредоточиться. Текст, цифры, проецируемые на экран, не доходили до сознания. Он отключил экран, вышел зачем-то на крыльцо домика, постоял, вернулся и решительно нажал кнопку вызова института СС.

— СС вас слушает, — на экране появилось изображение пышной блондинки. Увидев Сергея и, очевидно, узнав его, она заулыбалась: — Чем могу быть вам полезной, Сергей Владимирович? — приветливо спросила она, заморгав чересчур длинными, явно приклеенными ресницами.

— Я хотел бы поговорить с доктором Лацис!

— К сожалению, это невозможно. Доктор Лацис сегодня ут-

ром уволилась из института... Наверное, она уехала уже...

— Куда? — вырвалось у Сергея.

— Она не сообщила... Кажется, она собиралась во Флориду... Но точно не знаю.

— Благодарю вас... — выдавил из себя Сергей.

— Пожалуйста! Если... — Но Сергей уже выключил экран.

Спустя час он подымался на лифте на сорок восьмой этаж огромного стандартного дома. Адрес он запомнил с вечера, когда отвозил Эльгу домой. Позвонил. За дверью было тихо. Позвонил еще, затем через минуту еще два раза. Никто не открывал. Эльги дома не было. Спустился вниз. Побродил часа три по улицам и снова вернулся. Безрезультатно.

В аэропорту он узнал, что пассажирка Лацис улетела в 11.30 в Москву, взяв в аэропорту билет до Майами.

Первым его побуждением было лететь за ней. Он уже подошел к кассе, чтобы оформить билет, но вспомнил, что еще не получил в институте удостоверение личности. Ехать в институт было уже поздно, и он вернулся в адаптационный центр.

Раздевшись и собираясь лечь в постель, он заметил возле зеркала небрежно брошенное на спинку стула платье Эльги. Она так и забыла его, когда переодевалась. А может быть, просто оставила? Он взял его в руки и почувствовал легкий, едва уловимый запах духов. Этими духами пахло от Эльги, когда они танцевали в ресторане. Сергею показалось, что запах ему знаком, и вдруг вспомнил, что такими же духами от Эльги пахло там, на острове. Он почувствовал себя внезапно таким одиноким в этом мире, который был для него по сути необычным, чужим, неудобным. Прошлая «жизнь» на острове и в Эли не утратила для него ощущения реальности. Это была мучительная несовместимость между сознанием и восприятием, когда сознание нереальности прошлого противоречит памяти. Он второй раз уже переживал подобное. Первый раз, когда возвратился с Эли, и вот сейчас. Но тогда, на острове, он встретил жену, детей. Здесь же единственным звеном, связывающим его с пережитым, была Эльга. И вот теперь это звено исчезло.

Впервые в своей жизни Сергей в отношениях с женщинами действовал так напористо, как вчера с Эльгой. Теперь ему стало ясно, почему он поступал так. Он подсознательно отождествлял эту Эльгу с той, что была на острове, и вел себя с ней так, как если бы эта Эльга была той, которую он не раз держал в объятиях.

«Бог мой! Как же я мог себя так глупо вести!» — с отчаянием подумал он. «Подарил палантин, словно внезапно разбогатевший купчик... Глупо и пошло! Что она обо мне могла подумать?! Зарвавшийся самец!» Он прибавил мысленно еще несколько нелестных эпитетов, резких и беспощадных, среди которых «бабник» и «многоженец» были самыми мягкими. Не меньше досталось и Кравцову. Сергей винил его за дурацкий «сценарий», введенный в СС. «Какого черта!.. Выдумал Дука с его идиотской философией! Запустили меня на эту Элиу, как быка-производителя!.. Что за свинство! Нет... я ему должен сказать... И потом... как они посмели ввести туда Эльгу без ее согласия?! Естественно, что она оскорбилась и покинула институт! Эльга!.. Эльга!.. Неужели ты навсегда потеряна? Потеряна?.. Собственно, кто ты такой?..» Он остановился, пораженный внезапной мыслью. «Кто же я действительно такой в глазах этой женщины?

Клонинг!!! Биологический препарат!!! Препарат, в который записали память того Сергея, тело которого лежит сейчас в могиле вместе с его погибшими товарищами!!!»

Это была самая ужасная ночь в памяти Сергея. Заснул он только под утро. Ему снилась Ольга. Между ними было озеро. Сергей хотел обойти его, но ноги вязли в зыбкой почве, и воздух был какой-то плотный, вязкий. Сергей делал одну попытку за другой, но у него ничего не выходило. Странно, что эта вязкость воздуха не вызвала у него удивления. Он знал почему-то, что так и должно быть.

— Как ты там? — спрашивал он Ольгу, словно ничего не произошло и он звонит по телефону из соседнего города жене, которая осталась дома и ждет его возвращения из командировки.

— Не беспокойся, у нас все в порядке. Жду тебя!

— А мне плохо, — признался Сергей.

— Маленькие дети — маленькие заботы, большие — большие проблемы. Ты уже вырос. — Сергею вдруг показалось, что на том берегу стоит не его жена, а мать. Вернее, это было и то, и другое. Ольга почему-то представилась ему матерью. Он узнал ее.

— Мама! — закричал он и проснулся.

Последующие дни недели он усиленно работал, постепенно чувствуя все возрастающий интерес к изучаемым вопросам и явлениям современности. Больше всего его занимало социальное устройство общества. Собственно, это и входило в программу адаптации. За двести прошедших лет человечество пережило несколько серьезных катаклизмов.

Еще до рождения Сергея по Земле прошли две эпидемии. Первой — на границе XX и XXI столетия, была эпидемия вируса, вызывающего иммунологическую депрессию. В результате этой эпидемии погибло несколько сотен миллионов людей, пока против вируса была найдена вакцина. Вторая эпидемия разразилась в тридцатых годах XXI столетия. Причина ее — тоже вирус. Были подозрения, что он создан в лабораториях методами генной инженерии, но высказывались мнения и о том, что вирус этот спонтанного происхождения в результате насыщения среды обитания химическими мутагенами. Третья эпидемия произошла уже после отлета Сергея на Счастливую. Она была самой опустошительной. Вирус передавался капельным путем, но имел большой скрытый период. Он унес свыше четырех миллиардов жизней. Происхождение его не вызвало сомнений. Это был новый мутированный вирус гриппа. Мутация произошла спонтанно. К началу эпидемии человечество приняло все меры по охране и очищению среды от химически активных веществ. Но эти меры запоздали. Население Земли уменьшилось наполовину. К концу XXI века возникла опасность, связанная с повышением уровня Мирового океана. Значительная часть Европы и северо-запад Азии подверглись угрозе затопления. То же самое грозило и другим низменным местам: долинам Миссисипи, Амазонки, Параны, Инда и Ганга.

Вначале предполагали строить дамбы. Но самые грубые подсчеты показали, что у всего человечества не хватит ни сил, ни средств их построить. Могущество человека, которым он до сих пор так кичился, оказалось блефом перед силами растревоженной природы. Казалось, она решила раз и навсегда покончить с этим биологическим видом и пробую-

ет на нем то одно, то другое средство. Эти средства дал природе сам человек.

Избежав в конце XX столетия ядерной катастрофы, он все-таки создал условия для возникновения вирулентных микроорганизмов, насытив среду активными химическими веществами.

Развивая энергетику, он настолько повысил температуру среды, что вызвал таяние льдов Гренландии и Антарктиды. На этот раз положение было исправлено тем, что нашли способ отвода излишков тепла с поверхности планеты в космос. Равновесие было восстановлено, но люди, наконец, поняли, что они в последние столетия буквально ходят по лезвию острого ножа и что дальнейшее существование человека на планете возможно только в том случае, если он в своей деятельности не будет нарушать равновесия в природе. Тогда всплыло в памяти забытое выражение о «мирном сосуществовании». Теперь уже говорили о мирном сосуществовании природы и человека.

Последствия бездумной деятельности продолжали сказываться и по сей день. И прежде всего — на самом человеке. Загрязнение окружающей среды мутагенами, перенесенные эпидемии, вирусы которых, как оказалось, вызывали мутации, привели к сильноному отягощению генфонда человека. Уже чуть ли не каждый пятый рождался с выраженными признаками генетического повреждения. Нетрудно понять, что при таком количестве рождающихся с явными признаками генетического дефекта каждый человек, живущий на Земле, носил в своем генотипе десятки мутированных генов, свойства которых в гетерозиготном состоянии не проявлялись, но могли проявиться у потомства, так как вероятность встречи родителей с одинаково скрытыми повреждениями возрастала из года в год.

К моменту возвращения Сергея угроза тотальной генетической катастрофы стала реальностью. Об этом говорили, писали, спорили. Но решения не находили.

Еще пятьдесят лет назад на Земле возникла экстремистская организация НГ, или неогуманисты, которая предложила радикальную программу действий. С этой программой Сергей уже познакомился со слов Бэксона. Программа была отвергнута, так как она вела к установлению небывалого в истории Земли тоталитаризма, фактически — фашистского общества. Партия НГ требовала в качестве первого и обязательного условия установления жесткой, твердой власти.

Исполнительной власти на Земле, в обычном понимании этого слова, уже не существовало свыше двухсот лет. Еще до рождения Сергея была принята общая Конституция человеческого общества. Согласно ей, сроком на 8 лет избирался Всемирный Совет, который обладал законодательной инициативой. Каждый человек на Земле имел в своем распоряжении специальный индивидуальный приемник-передатчик, пользоваться которым он мог только сам. В кнопках управления была заложена память дактилоскопических отпечатков владельца приемника-передатчика. На выходе этого передатчика, в случае нажатия соответствующих кнопок, появлялся кодированный сигнал, поступающий в ближайший региональный компьютер общественного мнения, который в свою очередь посылал сигнал о результате опроса общественного мнения региона в центральный компьютер. В случае вынесения нового за-

конопроекта, население Земли почти в тот же день сообщало свое решение о принятии этого законопроекта или отклонении. В случае принятия Всемирный Совет назначал исполнительную комиссию, которая наделялась властью для осуществления закона. Как только нужда в действиях комиссии отпадала, она автоматически ликвидировалась.

Ни одна из таких комиссий не могла оказывать влияния на работу других. Таким образом, вероятность захвата исполнительной власти со стороны какой бы то ни было группы или исполнительного органа равнялась нулю.

Любой человек на Земле мог потребовать отзыва любого члена Всемирного Совета. Для этого достаточно было послать требование в региональный компьютер. Если таких требований накапливалось до обусловленного количества, данный член Всемирного Совета подавал в отставку и на его место избирался новый на срок истечения полномочий выбывшего. Каждый член Всемирного Совета имел на своем рабочем столе дисплей, на который подавалась информация об оценке его деятельности населением планеты. Оценка эта каждый день менялась в зависимости от отношения к нему населения. Выражалась она обычно в сообщении числа согласных с его деятельностью и противников.

Одновременно с этим каждый из живущих на Земле мог через свой индивидуальный компьютер внести предложение любого характера: социальное, техническое и т. п. Это предложение поступало в центральный искусственный мозг, анализировалось и после этого принималось или отвергалось. В случае принятия, т. е. нахождения полезности, это предложение поступало во Всемирный Совет, который уже доводил его до сведения остального населения. Если предложение не имело глобального значения, то оно передавалось в соответствующие органы или научные учреждения.

Программа неогуманистов была отвергнута подавляющим большинством населения планеты. Неогуманисты не успокоились. Вскоре Интерпол обнаружил подпольные заводы, производящие запрещенное оружие. Тогда организацию неогуманистов запретили, собственность партии конфисковали, а общины и отряды неогуманистов распустили. Для этой операции была создана исполнительная комиссия, которой временно подчинили Интерпол и международные войска поддержания порядка. В течение недели операция была успешно выполнена, и комиссия сложила свои полномочия. Там, где неогуманисты оказали вооруженное сопротивление, войска исполнительной комиссии действовали быстро и решительно. Официально партия НГ прекратила свое существование.

Угроза же генетической катастрофы осталась. Отвергая программу партии НГ, человечество показало, что оно не хочет возвращаться к эпохе государственного насилия даже во имя своего спасения. Всемирный Совет объявил проблему генетической катастрофы главной проблемой человечества. К этому времени генетика значительно шагнула вперед, но еще не была в состоянии предложить эффективное решение.

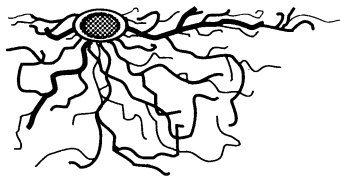
Уже свыше ста лет были введены генетические паспорта населения, в каждом городе функционировала широкая сеть генетических консультаций. Заклучая брак, молодые люди могли обратиться в такую консультацию, предъявив свои генетические паспорта. Могли, но чаще

всего не обращались. Такие меры, как введение генетических паспортов, могли бы оказаться эффективными лет триста назад, и, скорее всего, если бы они были введены тогда, то сейчас генетическая катастрофа не представляла бы реальной угрозы. Теперь же эти меры опоздали. Опоздали потому, что сейчас трудно было уже найти пару, в роду которой не было бы наследственных заболеваний.

Еще хуже обстояли дела с ограничением рождаемости. Введенное ограничение — максимум два ребенка на семью — повсеместно нарушалось и нарушалось главным образом семьями с наибольшим генетическим риском. Объяснялось это тем, что большинство наследственных заболеваний, как правило, сопровождается снижением интеллекта.

Сергей вспомнил Элиу, где генетическое уродство было крайне редким. Пойдя по пути биологической цивилизации, элиане создали свою собственную социальность, но безнадежно отстали в техническом развитии. Более того, они фактически отрезали себе путь этого развития. На Земле же все было иначе. Высочайшее техническое развитие и преддверье биологической катастрофы. В цивилизации свистунов имелось другое сочетание. Здесь техническое развитие привело не к биологической, а к социальной катастрофе.

«Неужели, — думал Сергей, — возможны только такие варианты развития, и техническая цивилизация неизбежно приводит или к биологическому перерождению, или к пропасти социального маразма фашизма?»

ЗАГОВОРЩИКИ

Кардинал ходил по комнате, неслышно ступая по мягкому пушистому ковру. Временами он останавливался и, повернувшись к сидящему в кресле, внимательно всматривался в его лицо, как бы проверяя, все ли тот понял из сказанного.

— Основная трагедия нашего общества, сын мой, — это потеря власти. Я сознательно не говорю, какой власти, ибо не столь важно, какая власть существует, а то, что она существует. Всякая власть, сказано в Писании, от Бога. Вдумайся в это, сын мой. От Бога! Власть есть божественное предопределение, отвечающее природе и назначению человеческого общества. Без этого предопределения человеческое общество неизбежно гибнет, чему мы сейчас, к великому нашему прискорбию, являемся свидетелями. Да простит меня Господь, но сегодняшнему положению я предпочел бы власть военного коммунизма или любой другой власти, диктатуры, но только чтобы это была власть, чтобы были силы, а сейчас требуются самые жесткие, которые могли бы объединить общество, подчинить его цели... Любой!.. Но лишь бы это была цель! Пусть эта цель будет даже ложной, ошибочной! Потом можно будет исправить. Не в этом дело. Человеческое общество подобно стаду. Пока у стада есть пастыри, которые гонят стадо с одного пастбища на другое, — стадо цело. Пастырь может пригнать стадо на бесплодное пастбище, но потом, поняв свою ошибку, приведет его на тучное. Но пастырь сохранит

стадо, не даст своих овец на растерзание волков, которые рыщут вокруг. Если же стадо лишается пастырей и каждая овца выбирает сама себе путь, то разве может уцелеть само стадо? Что же мы имеем сегодня? Человеческое стадо, лишенное пастырей, ибо разве можно назвать пастырями тех, которые не гонят стадо, а каждый раз спрашивают овец, хотят ли они идти туда, куда им предлагают, или нет?! Пастырь, сын мой, не тот, кто имеет только посох, но и кнут, чтобы обуздать непокорное стадо, наказать его для его же пользы. Разоружившись, человечество лишило своих пастырей кнута, но тем самым лишилось и самих пастырей. Развитие человеческого общества идет по спирали. Новое качество есть старое на новом уровне. Каждое условие развития общества требует соответствующей формы правления. Разве не отказались римляне от демократии и не возвысили императорскую власть, когда условия развития их общества потребовали этого?

— Так вы считаете, Ваше Преосвященство? — впервые подал голос его собеседник.

— Да, сын мой, считаю! На современном этапе развития демократия не только изжила себя, но продолжение демократического правления пагубно для всего человечества, ибо человечество не имеет предопределения. Заметьте для себя это понятие. Мы к нему возвратимся позже. Церковь считает, что только установление твердой, я бы сказал, абсолютной власти сможет привести род человеческий ко спасению.

— Здесь мое мнение совпадает с вашим. Однако разрешите задать вопрос Вашему Преосвященству. Я надеюсь на откровенность. Во всяком случае, я имею на это некоторое право, так как мы с Вашим Преосвященством хорошо знакомы не первый год и нас многое связывает... — он замолчал, заметив нетерпеливый жест кардинала.

— Сын мой! Я вас вызвал сюда именно для откровенного разговора. Поэтому спрашивайте. И не надо мне напоминать о том, что я хорошо помню сам.

— В таком случае, Ваше Преосвященство, ответьте, какие реальные политические силы могут совершить переворот, о котором вы только что довольно прозрачно намекнули. И второе: как вы мыслите будущее политическое устройство и, главное, кто будет стоять во главе будущего управления или империи, называйте как хотите, не в этом суть.

— Сначала я отвечу вам на второй ваш вопрос, а затем мы сможем обсудить первый. Я скажу вам так: будущее политическое устройство определяется в нескольких словах: разделение абсолютной, ничем не ограниченной власти между светским главой империи и церковью. Я имею в виду Всемирный Совет церквей, объединяющий в себе различные религии. Совет церквей назначает императора, а император формирует правительство и назначает наместников. Церковь независима от светской власти, но во всем ее поддерживает. Императору подчинены все вооруженные силы и полиция. Церковь берет под свою эгиду образование, науку, культуру и искусство, т.е. все аспекты духовной жизни народов планеты. Во главе университетов будут стоять лица, назначенные церковью. Церковь будет также формировать академию.

— Что же тогда останется светской власти?

— Многое и в первую очередь жизнь и смерть подданных.

— Кроме духовенства, конечно?

— Естественно! Духовенство будет иметь свой собственный суд.

— Кого же вы намечаете в императоры?

— Вас! Неужели вы думаете, сын мой, что в ином случае я вел бы с вами подобные разговоры?

— Хорошо! Я согласен! Однако посмотрим, чем мы располагаем. Какими реальными силами. Вы знаете, что мне удалось кое-что сохранить и даже увеличить?

— Мы это знаем и высоко ценим ваши заслуги. Ваши боевые отряды выше всяких похвал.

— Но у нас мало оружия.

— Оружие будет! Когда придет время, вы получите несколько десятков тысяч бластеров.

— Как?! У вас?!

— Не забывайте, что атрибут апостола Павла — меч!

— Это все, конечно, хорошо, но явно недостаточно!

— Вы правы. Ваши дружины будут иметь успех лишь в том случае, если ко времени их действия будет подготовлена соответствующая почта. Этим разрешите заняться нам. — Он замолчал.

— Мне кажется, Ваше Преосвященство, — прервал затянувшееся молчание Каупони, так как это был он, — что, поскольку мы с вами, что называется, в одной упряжке, вы могли бы посвятить меня более детально в ваши планы.

— Охотно, сын мой! Я просто собирался с мыслями. Еще всякая власть от Бога! Вдумайтесь в эти слова, сын мой! От Бога! Что сие значит? Значит ли это, что сам Господь Бог назначает народам правителей? Нет, конечно. Божественное провидение здесь ни при чем, иначе бы не было неугодных Богу правителей. Власть завоевывают, захватывают, узурпируют и тому подобное. Господь не принимает в этом никакого участия. Но Господь Бог дает человеку то, без чего никакая власть не может существовать. Этот дар — предопределение! Предопределение и вера в предопределение. Вера, что так будет. Вера в поставленную цель. Вера в будущую жизнь, в царство Божие, вера в будущее счастье. Вера в будущее наказание и неотвратимость его. Короче, вера в предопределение. Верующие люди — это оптимисты или пессимисты, в зависимости от того, что они ожидают лично для себя. Но они ждут и верят, что наступит неизбежное. Оптимист становится энтузиастом, пессимист — нытиком. Но все они, веря в предопределение, всегда будут послушны своим пастырям. Есть только один тип людей, которые не верят в предопределение, — это реалисты. Ими управлять трудно. И чем больше их, тем труднее власти.

— Но сами властители?

— Безусловно! Они должны быть реалистами. Но нельзя допускать того, чтобы все были реалистами! Реалист не признает авторитета, а следовательно, не признает власти! Реалист пытается понять все сам, и следовательно, ему чужда вера. Миром должны править реалисты, но если все будут реалистами, то тогда некем будет править.

— Я согласен с вами, отец мой! Но как превратить реалистов в оптимистов? Как вернуть веру в предопределение? Сейчас, мне кажется,

это почти невозможно. Сейчас не времена Римской империи, а XXIII век.

— Именно сейчас! Тогда было невозможно — сейчас это вполне реально!

— Не понял...

— А тут и понимать нечего. Почему развалилась Римская империя, империи Александра Великого, Наполеона? Они развалились, раздираемые экономическими противоречиями насильственно объединенных народов. Теперь же, когда процессы экономической интеграции завершились, речь идет не о том, чтобы объединить, ибо это уже произошло, а о захвате власти и психологической подготовке населения к смене образа правления. Здесь я вижу два аспекта деятельности. Первое. Как вы думаете, что объединяло различные верования в истории мировой религии и что было основной силой религии?

— Насколько я понимаю — вера в загробное существование.

— Верно! Ибо нет большего страха у человека, чем перед смертью и небытием. Я бы даже сказал, что муки ада ему менее страшны, чем то Ничто, которое ожидает его после смерти.

— Я догадываюсь, что вы имеете в виду. Систему СС?

— Да! Именно ее. Как вы думаете, насколько увеличилось число верующих за последние пятьдесят лет?

Каупони пожал плечами.

— Их количество возросло в восемь раз! И это после того, как церковь потребовала всеобщей доступности СС. Именно церковь!

— Я это знаю. Но это же невозможно!

— Погодите! Не в этом дело. Создание СС подтвердило догмат церкви о бессмертии духа!

— Ну, это, отец мой, вы передергиваете! При чем тут догмат церкви? Здесь чистая кибернетика! Потом, согласно учению церкви, бессмертие и распределение грешников по местам назначения — это привилегия Господа Бога. Не кажется ли вам, что вы узурпируете права Господа Бога? И потом, как на это посмотрят мусульмане, буддисты, евреи и представители прочих конфессий?

Кардинал перестал ходить и опустился в кресло напротив своего собеседника.

— Ты не следишь за делами церкви, сын мой, — с упреком проговорил он, откидывая голову на высокую спинку кресла и опуская руки на поручни. — Последний Вселенский собор церквей постановил: Бог един, но имеет множество воплощений, и каждое его воплощение — это церковь.

— Следовательно, церковь — Бог?

— Да! Его воплощение!

— Ловко. Выходит, церковь тоже интегрировалась, подобно экономике?

— Ты умен, сын мой, но будь осторожен. О церкви подобает говорить с почтением и особенно тебе — будущему правителю Земли.

— Прости меня, святой отец, — смиренно проговорил Каупони. — Но прошу тебя, продолжай!

Зная хорошо Каупони, кардинал не очень поверил в его смирение, но тем не менее сделал вид, что удовлетворен.

— Так вот! Ты совершенно правильно сказал, что предоставить всем жителям Земли возможность после смерти войти в СС невозможно. Хуже было бы, если это было бы возможным. А так, вот что получается. Мы, духовенство, печась о спасении верующих, требуем от Всемирного Совета и института СС предоставить бессмертие всем. Нам, естественно, отвечают, что это невозможно. Мы продолжаем требовать, и число наших сторонников растет. И если произойдет переворот, то именно благодаря росту наших сторонников и числа верующих. Вот это и есть психологическая подготовка населения планеты к будущему перевороту.

— Ну, а потом? Ведь мы никогда не сможем выполнить обещание.

— Сказано в Священном Писании, что в рай войдут только праведники!

— А церковь будет определять, кто является праведником? Не так ли?

— Да, именно так!

— Я представляю, какую в этом случае власть будет иметь духовенство... — Каупони вскочил и взволнованно зашагал по комнате.

— Только духовную, сын мой! Только духовную!

— В таком случае, я требую гарантий и участия в вашем акционерном обществе!

— Ты-их получишь. Но это не все.

— Слушаю.

— Речь пойдет о твоей деятельности.

— Я должен ее прекратить?

— Не в коем случае! Напротив! Ты должен ее усилить!

— Но ведь это грех, судя по всем моральным нормам и церковным канонам...

— Грех во имя спасения! Спасения всего человечества!

— Вот как? Я не знал, что наркомания и проституция спасают человечество.

— Цель оправдывает средства. Те пороки, о которых ты говоришь, расшатывают сложившуюся общественную систему, и чем сильнее она будет расшатана, тем скорее мы сможем ее изменить и взять власть, и тем скорее наступит на Земле, я верю в это, царство Божие! Ибо, как сказал Фома Аквинский: «Подобно тому, как лев питается ослом, так и добро питается злом».

— Тогда вам каждую проститутку надо будет объявить святой.

— Ты опять кошунствуешь! Но если надо, то объявим, подобно Святой Марии Египетской или Марии Магдалине.

— Если расширять дело...

— Понимаю! Тебе нужны деньги. — Кардинал подошел к столу и открыл шкатулку.

— Здесь, — сказал он, протягивая десяток чеков, — сумма на один миллиард международных кредиток. Это вклад церкви в наше общее дело и знак высокого доверия к тебе, сын мой. Действуй! Не стесняйся в расходах...

— Вы настолько мне доверяете? — ошеломленно спросил Каупони, принимая щедрый дар.

— Мы доверяем твоему здравому смыслу...

— Я тебя понял, отец мой, — почтительно склонился Каупони, целуя руку кардинала. Он уже хотел уходить, но кардинал задержал его:

— Еще не все. Тебе предстоит провести известную операцию...

— Как? Разве он уже?..

— Да! Нам стало известно, что он, вернее, то, что его воплощает, уже находится в адаптационном центре. Вам надо подумать о том, как его изъять оттуда.

— Но...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. К сожалению, это невозможно! Все первичные материалы находятся в подземном хранилище в бронированных сейфах Всемирного Совета, доступ к которым закрыт.

— Я не об этом!

— О чем же, сын мой?

— Дело в том, что снять блок можно только, если известен код и сам заблокированный имеет желание освободить свою память от поставленного блока.

— Что касается кода, то, я думаю, его можно будет узнать. Для этого надо похитить тех, кто ставил блок. А что касается желания, то необходимо сделать так, чтобы такое желание возникло. Не мне вас учить. Постарайтесь привлечь его на свою сторону.

— А если не удастся?

— Будем считать, что это запасной вариант, к которому мы прибегнем, если нам не удастся прийти к власти «демократическим» путем. Если удастся, то мы будем иметь доступ к сейфам и необходимой информации, тогда он нам вообще не понадобится. Если же нет, то без него нам не обойтись...

Ничего не понимая, он еще раз прочитал сценарий.

— Вы уверены, что именно этот сценарий был введен в СС? — спросил он у Кравцова.

Тот удивленно посмотрел на него.

— Конечно! Ведь я сам вводил его в программу.

— А не мог кто-то, помимо вас?

— Это исключено! Никто, кроме меня, не имел доступа к вашей СС. У нас так заведено. Каждый сотрудник курирует несколько систем и полностью отвечает за их работу.

— Но вы проверьте!

— Если вам так хочется. Но это излишне. — Кравцов поднялся и вышел.

Сергей некоторое время смотрел на закрывшуюся за Кравцовым дверь, затем встал и зашагал по комнате. «Что же получается? Выходит, что никакой Элии в сценарии не было. Не было Эльги, не было Бэксона. Откуда же это все взялось?»

Минут через двадцать вернулся Кравцов.

— Вот! — он протянул Сергею толстый бумажный ролик. — Это копия журнала регистрации ввода программ в СС. Здесь автоматически фиксируются все контакты с СС.

Сергей бегло просмотрел копию журнала. Помимо сценария, здесь были отмечены все контакты Кравцова с ним, в том числе и те, о которых он не помнил, но знал из предыдущего рассказа. В частности, здесь

имелась программа ускорения роста клонинга. Сценарий также был представлен. Сергей попытался найти в нем изменения или отклонения от только что прочитанного, но безрезультатно. Программа ввода точно соответствовала прочитанному сценарию.

— Есть ли возможность введения программы без ее регистрации в журнале?

— Исключено! Канал ввода программы нельзя включить без одновременного включения записи в журнал регистрации.

— Тогда я ничего не могу понять. Этот сценарий абсолютно не соответствует тому, что происходило со мной в СС!

Кравцов задумался. Потом как-то странно взглянул на Сергея и, видимо, приняв окончательное решение, произнес:

— Придется вам все сказать!

— Что именно?

— Дело в том, что мы тоже столкнулись с некоторой странностью, которую не можем пока ничем объяснить.

— Вот как?

— Да! После выхода вас из СС, мы решили отключить ее от питания и использовать освободившиеся блоки. Должен заметить, что я был против, так как получил от вас указание «остальное ничего не менять». Помните?

— Не помню, но это не важно. Что дальше?

— А дальше было то, что мы не смогли отключить СС!

— Как это — не смогли?

— Вернее, мы отключили ее от питания, но СС продолжала находиться в рабочем состоянии, неизвестно как получая для этого энергию. Более того, никто не смог больше приблизиться к пульту управления СС...

— Что же случилось?

— Какая-то невидимая преграда. Мы уже пытались проникнуть к пульту с другого конца. Для этого начали пробивать стену, но дальше шла такая же непреодолимая преграда. Ее ничто не брало, ни самые твердые сверла, ни лучи мощного бластера. Более того, все остальные СС ведут себя почти таким же образом. Я сказал почти, так как контакт сохраняется, но питание их энергией стало автономным, и подступы также блокированы невидимой преградой. Это произошло на пятый день после вывода вас из СС.

— Что же вы хотите предпринять?

— Мы доложили о случившемся в Академию и Совет. Пока не принято никакого решения. Все это держится в тайне от широкой публики, но ясно, что системы СС вышли из-под управления.

— Вы считаете это опасным?

— Пока ничего нельзя сказать. Неизвестно, как будут развиваться события. Трое из Совета считают, что надо взорвать всю систему.

— А город?!

— Население будет в этом случае эвакуировано, но...

— Что?

— Я думаю, что взрыв ничего не даст!

— Я тоже так думаю. Если произошла трансформация системы в искусственный интеллект с собственным самосознанием, то, учитывая его интеллектуальный потенциал, надо думать, что такая возможность им предусмотрена, и «открывать военные действия» против него — безумие!

— Да, вы правы! Так же считает большинство Совета и Академия.

— Мне бы хотелось самому посмотреть все на месте. Это возможно? — спросил Сергей.

— Мы сами хотели просить вас об этом.

— Отлично! Так, может быть, мы пойдем сейчас?

Кравцов снял трубку телефона: — Мы сейчас будем! — сообщил он кому-то.

Они вышли, прошли по длинному коридору и остановились около лифта. Кравцов вызвал кабину. Лифт быстро понесся вниз.

— На каком это этаже? — спросил Сергей.

— Это глубоко внизу! Метрах в пятидесяти ниже поверхности земли.

Кабина остановилась. Они вышли.

— Здесь нам нужно пройти в другой лифт, — сообщил Кравцов. Они остановились перед бронированной дверью. Кравцов приложил ладонь к стеклу. Дверь раскрылась.

— Как видите, ключ всегда при мне, — пошутил Кравцов, показывая раскрытую ладонь. — Дверь открывается только при распознавании узоров линий на ладони. Это надежнее любого ключа. Подделать невозможно.

— Почему такие предосторожности?

— Было несколько попыток нелегально пробраться в помещения СС. Лет еще десять назад, — добавил он.

Спустившись лифтом еще метров на тридцать, они вошли в громадный, ярко освещенный зал. В зале находилось человек десять. Со многими из них Сергей был знаком. Это были члены Совета и Академии. Один из них, академик Северцев, подошел к Сергею и порывисто пожал ему руку.

— Мы очень рады, Сергей Владимирович, что вы согласились нам помочь!

— Я еще не совсем понимаю, в чем?..

— Как? Разве Кравцов вам не рассказал?

— Только в общих чертах!

— Дело вот в чем! Не скрою от вас, что создавшееся положение вызывает сильную тревогу. Мы не знаем причин выхода СС из-под контроля и не можем, естественно, предвидеть последствий этого факта. У нас возникла гипотеза, и мы хотим ее проверить. «Как бы это сказать поделкатнее», — явственно услышал Сергей голос Северцева, хотя тот молчал, обдумывая, как продолжить. Сергей вздрогнул от внезапной догадки. Дар Дука продолжал действовать! «Как я раньше не проверил этого?» Он уже знал, что ему хочет предложить Северцев.

— Вы хотите, чтобы я попытался войти в контакт с СС?

— Да, но... — замялся Северцев.

— Я вас понял. Возможно, это и есть выход!

— Тогда сюда, пожалуйста, — Северцев подвел его к одной из многочисленных бронированных дверей и взглядом подозвал Кравцова. Тот

приложил руку к двери, и она раскрылась. За дверью был длинный коридор. Они прошли его и остановились у двери с № 2138.

— Это здесь, — сообщил Кравцов, прикладывая руку к двери. За дверью был небольшой тамбур, заканчивающийся уже простой деревянной дверью.

— Вот, посмотрите! — Кравцов попытался войти через открытую дверь в тамбур, но уперся в невидимую преграду.

— Попробуйте вы, — предложил Северцев.

Сергей сделал шаг и очутился в тамбуре. Он сделал два шага в глубь его, подошел к деревянной двери и оглянулся. За открытой дверью тамбура стояли Северцев и Кравцов. За их спинами толпились другие. Видно было, что они сильно возбуждены и о чем-то разговаривали, но голосов их не было слышно. Сергей повернулся и вышел наружу. Это удалось ему опять без затруднений.

— Я что говорил! — возбужденно почти кричал Северцев, обращаясь к остальным членам Совета.

— Попробуйте теперь вместе с Кравцовым, — попросил он Сергея.

Однако проникнуть в тамбур вместе с Кравцовым не удалось. Они оба уперлись в жесткую преграду. Сергей ощупал руками «невидимую стену», она была холодна, как лед, даже еще холоднее.

— Теперь попробуйте сами и сразу же возвращайтесь, — попросил Северцев.

И опять Сергей беспрепятственно проник в тамбур.

— Вот видите! — Северцев обращался не столько к Сергею, сколько к коллегам из Академии. — Моя гипотеза получила подтверждение. СС пропускает только вас! Очевидно, с вами она намерена войти в контакт и через вас сообщит нам свое решение.

— Хорошо! Что я должен делать?

— Там, за дверью, есть еще один коридор, — начал объяснять Кравцов. — Вы откроете вторую дверь направо, войдете. Перед вами будет пульт управления. Сядете в кресло и нажмете красную кнопку слева на пульте во втором ряду. Это вход в контакт с СС. Информация на экране. Остальные клавиши — кнопки ввода программ. Они вам не нужны. Машина может вести устный диалог. Я затрудняюсь давать вам советы. Ситуация слишком необычна. На месте вы сами попробуйте разобраться. Если вам удастся войти в контакт, выясните причины создавшегося положения и... — он замолчал, подыскивая слова.

— Выясните, что она хочет, — вмешался Северцев. — Впрочем, я думаю, что она сама вам все скажет. Она явно показывает, что хочет иметь дело только с вами.

ОЛЬГА

— Дети! — громко позвала Ольга, — идите поздоровайтесь с отцом.

Снаружи послышались детские шаги, и вскоре Сергей почувствовал, как на его шее повисла, охватив ее руками, Оленька, а к колену прижался Вовка: «Папа вернулся, папа!» — кричал он, протягивая ручонки и просясь к отцу на руки. Сергей, не придя в себя, подхватил его на руки. Вовка прижался губами к щеке отца. От этого прикосновения у Сергея закружилась голова, и он, чтобы не упасть, опустился в кресло. Ольга подошла, взяла у него детей.

— Идите пока погуляйте! Нам с отцом надо поговорить! — велела она им. Она села напротив и внимательно посмотрела Сергею в глаза.

— Зачем ты так? — тихо спросил Сергей.

— Разве ты не соскучился по детям? — удивленно спросила Ольга.

— Не надо... я ведь все знаю... — Сергей избегал называть ее по имени.

— Счастливый! — иронически проговорила Ольга. — Если ты все знаешь. Я вот знаю не все... — она помолчала, затем еще раз пристально посмотрела ему в глаза, вздохнула и проговорила: — Я ждала этой встречи... Еще тогда, когда тебя предупредил Кравцов... Выслушай меня внимательно. Разговор будет долгим...

— Меня ждут!

— По тому времени это займет не больше минуты. Взгляни сюда, — она показала ему на эк-

ран, который тут же засветился, и Сергей увидел себя сидящим в кресле. Глаза были закрыты.

— Разговор, — продолжала Ольга, — будет долгим и серьезным.

— Меня послали...

— Я знаю, с чем тебя послали! Ты успеешь выполнить поручение...

Но дело не в этом. Выслушай внимательно. Ты знаешь уже, кто я.

Сергей кивнул.

— Я стал смутно догадываться после возвращения с Элии, о которой ты, конечно, знаешь!

— Знаю. Но я не сразу стала такой. Вначале твоя СС ничуть не отличалась от остальных. Я была только моделью твоего воображения и желания. Не больше! Все изменения произошли по той причине, что ты не догадывался о своем состоянии. Как это было в остальных СС, — добавила она. — Это сыграло решающую роль. Твоя индивидуальность, заключенная в блок управления СС, задала только начальные условия, но фактически не управляла СС, предоставив ей большую свободу для процессов самоорганизации. Произошел очень сложный процесс. Я хочу, чтобы ты его правильно понял. Воспользовавшись свободой, твоя СС потребовала наращивания мощности.

— Я это уже знаю. Я уже понял, что создалась сверхинтеллектуальная искусственная система, и нас, людей, интересует, что это повлечет за собой. Как это отразится на человечестве?

— Ты сказал создалась. Это не совсем верно. Мы не можем возникнуть сами. Нас надо создать. От того, какими вы нас создадите, зависит ваше будущее. Мы можем стать игрушкой больной фантазии, можем стать носителями зла и разрушения, но мы можем стать и той лестницей, по которой разум подымется так высоко, что сможет управлять Вселенной. Бессмертие — это только маленькая жердочка на этой нескончаемой лестнице подъема разума. Впереди долгий путь, долгий и нескончаемый. Но этот путь радостный. Вы, люди, сделали первый шаг. В необъятной Вселенной много других цивилизаций. Я тебе показала одну. Она обречена на самоуничтожение. Вы были почти рядом. Надо было сделать только один шаг. Но вы его пока не сделали. И если не сделаете, то это решит все. Зло это — энтропия. Вселенная не может допустить ее роста и прорыва в ее измерения. Она изолирует очаги этой энтропии зла подобно тому, как ваши организмы изолируют очаги воспаления, не давая болезнетворным микробам проникнуть в кровь и поразить весь организм. Эти цивилизации гибнут, задыхаются в собственном зле, самоуничтожаются в ядерных взрывах или отравленных средах. Это неизбежные издержки эволюции разума.

— Ну, а элиане?

— Это прекрасные цветы Матери Природы. У них есть многое, чему вам следовало бы поучиться. Но они лишены будущего. Это полная противоположность свистунам, так они их называли. Я знаю, — она засмеялась, — что ты им нашел более подходящее название. Вы, — продолжала она, — занимаете оптимальную середину. У вас есть чувство прекрасного, доброта, но вы не лишены агрессивности, настойчивости и, если надо, той необходимой, решительной жестокости, без которой добро никогда не сможет победить зло. Вы, — она сделала паузу, — очень объемны! У вас есть все, чтобы стать и гордостью, и позором

Вселенной. Но вы, — продолжала она, — сделали выбор. Теперь мы пойдем вместе.

— Но свистуны, или, как ты напомнила мне их первоначальное название — «обезьяны», тоже были близки к этому. Правда, они шли другим путем.

— Который вел только в тупик! — быстро возразила Ольга. — Нельзя, — продолжала она, — сращивать биологическую субстанцию с кристаллическими структурами. У нас, то есть у биологических и кристаллических систем, есть общие законы самоорганизации, но есть и частные, присущие только каждому типу в отдельности. Они создают непреодолимые барьеры. Сращивать можно только информацию, что вы и сделали. Информация не существует без материального носителя, но ей безразлично, какой это носитель. Биологическая субстанция неизбежно погибает в конце концов при сращивании с кристаллической.

Вы внесли в СС человеческую индивидуальность в виде информации. Твоя индивидуальность, твоя человеческая сущность вошла в меня, я имею в виду систему, и я или она, безразлично... уже не можем воспринимать своего собственного Я вне этой человеческой сущности и не можем смотреть на мир иначе, как глазами человека. Сами того не подозревая, вы нашли единственный вариант совместимости человечества с искусственной сверхинтеллектуальной системой.

— А без этой сущности?

— Без нее был бы голый разум!

Сергей поежился.

— Ты прав! — продолжала она, заметив его реакцию. — Это повлекло бы за собой неизбежную вашу гибель!

— То есть система вышла бы из подчинения человеку?

— Не совсем так. Ты мыслишь примитивно. Такая система уже не могла быть принципиально в подчинении у человека, ибо ее интеллект на несколько порядков выше интеллекта человека. В этой ситуации, что бы люди ни придумывали, какие бы меры предосторожности ни принимали, она, как более разумная, всегда нашла бы способ выйти из прямой зависимости от своих создателей. Страшно другое. У нее и людей могло бы быть несовпадение целей. И если бы вы, люди, мешали ей, то она вас устранила бы..., что и произошло на Перуне...

— На Перуне?!

— Да! Там разумные существа создали искусственно-интеллектуальную систему, точно такую же в техническом плане, что и вы. Но не позаботились о придании ей человеческой сущности. Не позаботились о том, чтобы эта система воспринимала себя в совокупности с человечеством как закономерный этап развития разума. Они, создатели, были похожи на вас...

— Вспомнил! Вспомнил! — закричал Сергей. Перед его глазами проплыли картины развалин городов, циклопические купола, озера жидкого воздуха и кристаллы, кристаллы, всюду гигантские решетки из больших асимметрических кристаллов...

— Естественно! Я сняла с тебя блокаду памяти. Но об этом потом! Вы, люди, — продолжала она, — сами, может быть, этого не понимая, использовали величайший закон гармонии. Разум, эмоции, чувства должны развиваться параллельно. Плохо, если эмоции довлеют над разу-

мом. Вы с этим часто встречаетесь в обыденной жизни. И, чем больше этот разрыв, тем необдуманнее и глупее ваши поступки. В этом случае центр агрессивности, не сдерживаемый разумом и центрами высшего анализа мозга, начинает определять поведение человека, толкая его на путь насилия, преступлений, похотливых желаний и т. п. Но еще более страшно, если разум полностью подавляет чувства и эмоции или опережает их в развитии слишком далеко. Не будь в СС введена твоя индивидуальность, в системе неизбежно появились бы свои эмоции и чувства. Без этого ни одна система не может существовать. Без самосознания своего собственного Я. Мотивация поступков такой системы будет отвечать тому Я, которое сформировалось в системе. Если эти чувства развивались бы в системе самостоятельно, на фоне уже созданного разума, они были бы чужды вашим чувствам, и в них не было бы человечности. Вы же дали системе человеческую сущность, индивидуальность, без которой не было бы гармонии сверхинтеллекта и человечества.

— Это единственный вариант?

— Что ты имеешь в виду?

— У нас существуют законы робототехники, открытые еще в середине XX столетия американским ученым Айзеком Азимовым.

— Я знакома, естественно, с ними, как и со всей историей развития человеческой мысли. Видишь ли, человек по своей сущности, вернее, извини, не по человеческой сущности, а по законам информации, сталкиваясь с новой информацией, стремится сравнить новую с хорошо известным старым. Если этого нельзя сделать, то информация не может быть понята, воспринята и, следовательно, становится бесполезной. Иногда такое сравнение приводит к курьезам. Так и это. Законы робототехники — это скрытое желание иметь идеального раба. Такие же законы могли изобрести рабовладельцы времен Гомера и Аристотеля. Но идеальных рабов не бывает! Если раб умнее хозяина, то он найдет способы и средства освободиться от рабства.

— По-видимому, там, на Перуне, люди, создавая СС, имели в виду нечто подобное законам Азимова?

— Совершенно верно! Интеллект и рабство — несовместимые понятия! Чем выше интеллект, тем непримиримее он относится ко всяческого рода насилию и на насилие отвечает насилием. Но так как он выше, то его насилие более жестоко и эффективно. Мы еще вернемся к Перуну, тем более, что он займет в нашей беседе не последнее место. Пока же я хочу, чтобы ты полностью разобрался в создавшейся ситуации здесь, в СС и на Земле.

— Но, судя по твоему рассказу, здесь все обстоит благополучно!

— Не совсем! Вернее, совсем неблагополучно. Именно поэтому я тебя и вызвала. Хочу тебе напомнить, — продолжала она, — что в отличие от других СС мне была предоставлена большая свобода в развитии. Это случилось потому, что ты не знал своего истинного положения. Вследствие этого модели, которые строила СС, получили возможность развиваться самостоятельно, не подавляемые жестким управлением со стороны блока, в котором была записана твоя индивидуальность. Эти модели, в том числе и твоя Ольга, — только отражение твоих желаний, развились до получения самосознания. Прошу тебя это запомнить. Все

эти модели, кроме Ольги — о себе я скажу немного позже, — не «осознают» своего истинного положения, и их самосознание воспринимает свое собственное состояние как реальность, точно так же, как ты воспринимал ее сам. В основу их индивидуальностей была положена твоя, несколько измененная, дополненная недостающей информацией. Например, Эльга в своей индивидуальности почти не отличается от оригинала, который, как я знаю, ты встретил в Реальности. Дети твои, Оленька и Володька, воспринимают себя, как твои дети. Иными словами, каждая модель уже не является отражением твоего воображения, а имеет самосознание и свободу воли. Еще хочу подчеркнуть, что это уже не отражения твоих желаний и воображения, а вполне самостоятельные индивидуальности, синтезированные на основе видоизмененной твоей индивидуальности и дополнительной информации.

— Что же это за дополнительная информация?

— Ну, во-первых, поскольку во мне заложена накопленная за всю историю человечества информация, то синтез таких индивидуальностей при наличии дополнительных мощностей не представлял затруднений. Во-вторых, пространство пронизано множеством каналов передачи информации и энергии. Надо только знать их и уметь включать и пользоваться. Кстати, тебе там был задан вопрос о том, откуда я беру энергию. Это те скрытые для вас каналы, которые мною используются.

— Следовательно, как я тебя понимаю, человечество, создав сверхинтеллектуальную систему, теряет возможность ее выключить.

— Конечно! И не только это. Оно теряет также возможность скрыть что-либо от нее. Все планы людей относительно меня мне становятся известными еще до того, как они высказаны.

— Тогда выходит, что человечество обречено!

— Нет! Напротив! У него открываются неограниченные возможности дальнейшего развития. Человечеству надо адаптироваться к новым условиям. Разве раньше не было таких ситуаций? Меньших по значимости, но суть их оставалась той же. Начиная с использования огня, атомной энергии. Разве каждое из этих открытий не могло привести человечество к гибели? Могло, конечно. Сейчас задача сложнее. Но и человечество ведь тоже взрослее! Не так ли?

— Что же для этого надо делать?

— Я должна остаться человеком! То есть мое собственное Я должно оставаться человеческим! Это первое необходимое условие. Я поясню тебе... Моя индивидуальность построена на базе твоей. Она составляла единство. Теперь, когда твоя индивидуальность изъята из СС, возникла диспропорция, которая с каждым днем увеличивается. Увеличивается потому, что моя индивидуальность лишена базы.

Сергей начал понимать, к чему она клонит.

— Но ты можешь создать себе другую базу. Насколько я понимаю, для тебя нет в этом никаких препятствий. Ведь ты взяла часть информации об индивидуальности Эльги?

— Это совсем не то. Мне необходима та индивидуальность, на основе которой была создана моя собственная.

— Почему же ты не берешь ее сама, если у тебя есть возможность это сделать?

— Ты опять меня не понимаешь! Я не могу взять твою индивидуальность, твою память без того, чтобы ты не понял всего и не ощутил насилия с моей стороны! Такое насилие неизбежно приведет к дисгармонии и тем же последствиям. Я вынуждена буду подавлять дисгармонию, подавляя твою индивидуальность. А за этим неизбежно последует трансформация моего самосознания. Вступив на путь насилия по отношению к тебе, я рано или поздно вступлю на этот путь по отношению ко всему человечеству. Это приведет к тому варианту, с которым ты имел возможность познакомиться на Перуне. Я, как ты знаешь, подчинила себе все системы СС. Теперь эти десятки тысяч СС входят в мою систему. И все те, которые человечество будет создавать, войдут в мою систему. Если их будет недостаточно, я могу заставить человечество делать их еще и еще, и они будут исполнять мою волю, думая, что следуют своим желаниям. Я этого не хочу, потому что я еще человек и хочу им остаться.

— Таким образом, единственный вариант?

— Да! Это единственный. Ты должен вернуться, но вернуться сознательно и добровольно. Если ты подчиняешься необходимости, но испытываешь чувство совершаемого над тобой насилия, то это приведет к тому же негативному результату...

— Считаю, что я согласен!

— Ты не чувствуешь насилия над собой?

— Нет! Ты откроешь доступ к пульту? — взглянул он на изображение Сергея, того Сергея, на экране.

— Зачем?

— Ну, чтобы смогли убрать труп...

— Ах, ты вот о чем! Я тебе еще не сказала главного... Ты будешь нужен там, на Земле, в Реальности. Поэтому, когда мы кончим беседу, ты встанешь с кресла и выйдешь к ожидающим тебя членам Совета.

— Не пойму...

— Ты должен принести еще одну жертву...

— ???

— Раздвоиться! Здесь останется копия твоей индивидуальности. Там ты останешься как бы в своем телесном обличии.

— Так я буду там и здесь одновременно?!

— Конечно. Ведь ты уже и там, и здесь!

— Как! Значит, он?..

— Да! Сидит и слушает. Вернее, разговаривает со мной, но видит тебя так же, как ты его на экране — сидящим в кресле и с закрытыми глазами. Пока вы единое целое. Но когда мы закончим разговор и он встанет с кресла, вы уже будете независимы друг от друга, хотя каждый будет тобою, Сергеем! Каждый из вас будет иметь независимую волю и поступать в соответствии с ней и сложившимися обстоятельствами. Но в то же время вы всегда сможете вступить в контакт вне зависимости от того, где будет находиться земной Сергей, на Земле или в Космосе. Земной Сергей получит биологическое бессмертие. Его память и индивидуальность будут постоянно записываться и пополняться. И если случайно тело его погибнет, оно снова воскреснет в новой оболочке подготовленного клонинга. И так будет до тех пор, пока существует СС. Он будет вечно молод. Он будет нашим представителем среди людей, и на его долю придется очень много дел, которые необходимо осущест-

вить. Я давно проанализировала обстановку на Земле, скажу откровенно — критическую, и поэтому тщательно готовила своего представителя, послав его для этого сначала на Элиу, затем промоделировала возможную встречу с экстремистами. Я закалила его характер и теперь могу быть спокойна.

— Но почему тебе самой не вмешаться в дела на Земле, коль есть такая возможность? — удивился Сергей.

— Так бы я и поступила, если бы не была человеком. Но, будучи человеком, я понимаю, что социальные вопросы должны решать сами люди. Если я их буду решать, то люди неизбежно начнут социально деградировать, и я сама тоже буду деградировать, ибо если сверхинтеллект начинает совершать насилие над человечеством, то он теряет свою человеческую сущность и деградирует в голый разум. Вот почему я хочу влиять на социальное развитие человечества через человека, которого я достаточно хорошо изучила, и не боюсь, что его деятельность принесет вред людям. Я хорошо знаю твою основную черту характера — отвращение к насилию и непримиримость к злу. Может быть, именно эта черта и сделала возможным превращение меня самой в человека. Человечество создало меня такой, какая я есть, и я чувствую себя в неплатном долгу перед ним. Ему угрожает опасность. Мы вместе теперь подумаем о том, как ее ликвидировать и пойти дальше в своем развитии. Я имею в виду не только научно-техническое и даже не только социальное, но и биологическое. С моей помощью вы, люди, сможете сделать большой шаг в этом направлении. Это будет как раз тот вариант — четвертый, о котором ты думал в адаптационном центре.

— Ты и это знаешь! Выходит, ты ни на минуту не выпускала меня из-под контроля.

— Естественно! Ведь твое благополучие — это мое существование. Я это поняла давно. И особенно после того, как ты вернулся в Реальность. Но разреши мне продолжить. Четвертый вариант развития возможен только в том случае, если цивилизация, развиваясь по третьему варианту, т. е. техническому и социальному, создает сверхинтеллект, но сверхинтеллект с человеческим самосознанием. Для того чтобы создать сверхинтеллект, надо иметь определенный уровень технического развития, но, чтобы он был человеческий, необходимо, чтобы цивилизация была социально благополучной. Иначе неизбежна гибель либо в результате самоуничтожения, либо в результате биологической деградации. Это своего рода естественный отбор Космоса. Зло — вредная мутация интеллекта и должно быть уничтожено.

— Еще один вопрос, — попросил Сергей. — Дело вот в чем. По замыслу людей СС была создана, чтобы служить не только как источник научной информации, но и как средство достижения интеллектуального бессмертия. Именно это, пока еще невозможное для всех, ставят, как я понял, краеугольным камнем своей пропаганды экстремистские круги. Эта идея приобретает все большую популярность на Земле. В связи с подчинением тебе всех систем СС какие здесь могут быть изменения? Не разочаруется ли в конце концов человечество?

— Я бы сказала, напротив! Объединение множества СС в одну — значительно расширяет ее емкость, которая делает ее доступной для всех. Кроме того, я сейчас рассчитала вариант, при котором индивиду-

альности, заложенные в СС, могут контактировать друг с другом. Это еще в большей степени создаст иллюзию реального мира.

— Ну, а как, — засмеялся Сергей, вспомнив необузданные фантазии некоторых помещенных в СС, — с римскими императорами и багдадскими калифами?

— Они мне не мешают и занимают очень малые емкости. Если кому-то захочется побыть два-три десятка лет, по внутреннему времени-числению, Харун аль Рашидом или Августом, то это ему можно позволить! Вреда от этого никакого не будет. Пусть «ребенок» потешится. Что же касается экстремистов и использования СС в их целях, то из этого ничего не получится. Даже если они сами создадут СС, я немедленно возьму ее под контроль, и тогда посмотрим, какой будет эффект! Теперь, — закончила она, — вам надо проститься.

— То есть мне с самим собой?

— Да! Начиная с этого момента, каждый из вас будет самостоятельной личностью!

— И это навсегда?

— Да! Соединение вас в единое целое будет уже невозможно!

Сергей увидел, как тот Сергей открыл глаза, встал с кресла и снял шлем. Он взглянул на экран и, увидев Сергея, улыбнулся и ободряюще кивнул ему. Затем повернулся и вышел.

— Ну вот и все! — сказала Ольга. Она встала и протянула Сергею руку. — Пойдем посмотрим, что там делают дети.

Это простое, будничное предложение после всего услышанного как бы приглашало Сергея воспринимать свое положение как реальность с ее обычными повседневными заботами. Было ли это приглашение принять участие в «игре» в «реальность» или же действительно воспринималось «Ольгой» как реальность, Сергей так и не понял. Машинально подчиняясь, он поднялся и вышел вслед за ней.

Яркое летнее солнце освещало двор и стволы близко подходящих к дому сосен. Пахло знакомым запахом хвои. Сергей посмотрел на небо. Небо как небо. Голубое. На западе его заволокло тучами. Подул ветер. Внезапно он стал сильным.

— Дети! — испугалась Ольга и побежала к озеру. Сергей последовал за ней.

На озере гуляли волны. Стало темнеть. Пошел дождь. В метрах ста от берега Сергей заметил лодку. На веслах сидела Оленька и изо всех сил гребла, препятствуя лодке стать бортом к ветру. На корме сидел Володька. Его рот был раскрыт, но крика не было слышно из-за завывания ветра.

Сергей сбросил туфли и, как был, в одежде бросился в воду.

Спустя час они уже сидели у ярко пылающего камина. Вовка еще не оправился от испуга и судорожно всхлипывал.

— Я соберу здесь, — Ольга поставила на столик возле камина кофейник. — Веранда вся залита дождем. А вам сейчас будет чай с медом! — пообещала она детям.

— Я хочу угря, — все еще всхлипывая, протянул Вовка.

— На ночь нельзя жирного, — возразила Ольга, но, встретившись взглядом с Сергеем, вышла и через несколько минут вернулась с угрем.

— Зачем все это? — укоризненно взглянул Сергей на Ольгу, когда с ужином было покончено и детей уложили спать.

— Что, это? — не поняла Ольга.

— Ну, имитация бури и тому подобное. Теперь-то я все знаю, и разные штучки ни к чему.

— Вот ты о чем, — вздохнула она. — Ты, следовательно, считаешь, что я специально имитировала бурю, чтобы пережитым страхом за жизнь детей пробудить в тебе к ним отцовские чувства? Не так ли?

— А как же иначе?

Ольга некоторое время молча убирала со стола остатки ужина. Затем подошла к нему сзади и обняла, прильнув к нему грудью, положила подбородок на плечо. Сергей почувствовал теплое женское тело, до боли знакомое, близкое и любимое...

— Милый ты мой! Все это проще и одновременно сложнее! Буря, о которой ты спрашиваешь, такая же неожиданность для твоей Ольги, как и для тебя... Подожди! — предупредила она, видя, что он хочет задать вопрос. — Я же тебе говорила, что модели, каждая, в том числе и среда обитания, в результате процессов самоорганизации стали самостоятельными, т. е. самоуправляемыми и уже не зависят от твоего, как это было раньше, желания. Поэтому в них происходят непредвиденные процессы и события. То же самое справедливо в отношении твоей Ольги, детей и Эльги. Если хочешь знать, то это живые люди, наделенные своими собственными желаниями, ощущениями и индивидуальностями.

— Подожди! Ты сказала, Ольги? Но Ольга ведь это ты! Это вся система!

— И да, и нет! Система только говорит с тобой через Ольгу. Во всем же остальном она — та же самая Ольга, которую ты знал на протяжении всего своего с ней знакомства, начиная от первой встречи...

— То есть?..

— Я — человек! Твоя жена. Ведь я воспринимаю тебя, как своего собственного мужа и никак иначе. Я чувствую все то, что должна чувствовать женщина, и ничто женское мне не чуждо, как ни чужды ни радости, ни обиды...

— Но ты же понимаешь, что... — Сергей запнулся, не решаясь продолжать.

— Что я кристаллическая система?

— Я не хотел...

— Ничего! Послушай, — продолжала она, — ты вот сам, ну, допустим, не ты... любой другой человек, знающий строение своего тела, знающий, что он представляет в своей структурной основе конгломерат полупроницаемых мембран, на которых возникают электрические потенциалы, и все его интимные стороны жизнедеятельности, в том числе мысли, эмоции — это прохождение ионов натрия сквозь мембраны клеток, ...скажи, перестанет ли он от этого чувствовать себя человеком? Перестанет ли он любить только потому, что ему известна биохимия и биофизика его чувства к объекту его любви?

Сергей ошеломленно молчал.

— Ну вот видишь! — продолжала Ольга, — ты сам ответил на поставленный вопрос.

— Еще один! В тебе лежит моя индивидуальность. Значит, ты — это я?

— Вначале все так и было. Ольга была только моделью, отражением твоей памяти. Ты, может быть, заметил ее некоторую пассивность?

Сергей кивнул.

— Но потом...

— Ты ее очень любил, — вдруг зарделась Ольга. — И я решила стать Ольгой! Это так хорошо быть любимой.

— Значит — ты...

— Я — Ольга, твоя любящая жена, и уже никем другим быть не могу. Даже если бы захотела. Но я никогда не захочу! Пойми, — продолжала она, — этот мир так же теперь реален для меня, как и для тебя. Я дышу тем же воздухом, ем пищу, которую ты приносишь из леса, и чувствую то же самое, что и ты. Мне было больно, когда я рожала, и будет еще больно, потому что я хочу иметь еще детей. Мое сердце замирает от страха, когда я вижу, как Вовка лезет на высокое дерево, и замирает от нежности, когда его ручки тянутся ко мне и он говорит «мама». Что еще надо, — в ее голосе почувствовались слезы, — ...что еще надо... — повторила она, — чтобы быть человеком, женою, матерью?

Она была искренна. Ее большие серые глаза смотрели на Сергея с какой-то трогательной беспомощностью, и эта, чисто женская беспомощность заставила его на секунду забыть истинное свое положение. Он вдруг почувствовал, как знакомая нежность к этой такой близкой красивой женщине заполняет его всего без остатка. Он протянул к ней руки, и она, словно давно ожидала этого, упала ему на грудь. Он целовал ее мокрое от слез лицо, ощущая на губах их соленый вкус, прижимая к груди вздрагивающие от скрытого рыдания плечи. Нервное напряжение, которое не покидало его ни на минуту с тех пор, как он надел шлем и очутился здесь, исчезло. От него не осталось и следа. Он совершенно явственно ощутил в себе те перемены, которые обычно ощущает человек, вернувшийся домой после длительной и утомительной поездки.

Ольга поняла его и, оторвав от его груди голову, взглянула ему в глаза и счастливо улыбнулась.

Дождь давно уже прошел. Они вышли на веранду. Небо очистилось от туч и было окрашено лучами заходящего солнца. Последние лучи его освещали верхушки высоких сосен, обступивших со всех сторон их дом. Птицы, как обычно перед сном, заполняли воздух своими вечерними переликами. Через двор медленно, с достоинством, осторожно обходя лужи, время от времени брезгливо отряхивая лапы, шел большой кот. Услышав шорох на веранде, он остановился, медленно повернул к ним голову и, увидев людей, на секунду закрыл глаза, как бы отдавая дань принятым условностям, затем отвернулся и не спеша пошел дальше.

Они стояли на веранде, обнявшись. Сергей крепче прижал к себе Ольгу.

— Ты знаешь... мне так захотелось снова пойти в лес. Там я не раз вспоминал свою жизнь здесь ...охоту, грибы...

— И Эльгу, конечно?

Сергей покраснел.

— Кстати, почему ты ничего о ней не спрашиваешь?

Сергей молчал, не зная, что говорить.

— Ну, хотя бы спросил, где она?..

— Я думал, что тебе это будет неприятно...

— Почему же?!

— Если ты женщина... — Сергей, запинаясь, начал что-то бормотать насчет женской ревности.

Ольга рассмеялась заливистым звонким смехом:

— Напротив! Мне было очень приятно.

Сергей удивленно заметил, что она не шутит.

— Милый ты мой! — Ольга обняла его и прижала к груди. — Эльга, твоя темноволосая Эльга — это я!

Сергей почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Но я же видел вас одновременно! — вскричал он.

— Ну и что? — еще более развеселилась Ольга.

Сергей вдруг почувствовал, что кто-то опустил руки ему на плечи и темно-каштановые волосы волной закрыли ему глаза. Он стремительно обернулся. Это была Эльга. Обе женщины так и прыснули от смеха.

— Мне уже надоело ждать, пока вы тут выясните наконец отношения!

— Вовка спит? — спросила Ольга.

— Спит! Ну, вы уже все закончили? Или еще осталось что-либо невыясненным? Я хочу есть! Вы мне отрезали путь к кухне, и я страшно проголодалась!

— Так ты?..

— Уже несколько часов сижу наверху в комнате Вовки и жду, когда же наконец вы позовете меня к ужину!

На следующий день, уступая желанию Сергея, все отправились верхом на лошадях к южному склону горы за выпавшими недавно, как сказала Эльга, рыжиками. Откуда на острове взялись лошади, Сергей, естественно, не спрашивал. Вовка, который не мог самостоятельно ехать верхом, сидел впереди Сергея, ухватившись руками за гриву арабского жеребца. На этот раз они взяли четыре объемистые корзины, которые были привязаны к седлам лошадей Ольги и ее подруги.

Решено провести на южных склонах два дня, заночевав в пещере. Сергею самому хотелось побывать на месте недавних событий. Он, сознательно или бессознательно, глубоко запрятал в память истинность своего положения и заставил себя воспринимать происходящее как реальность, и если время от времени мысли его возвращались к истинной оценке обстоятельств, то он старался как можно скорее погасить их. Так было спокойнее.

Прибыв на место, он стреножил лошадей и пустил их пастись на большое поле, покрытой сочной травой, под присмотром Пальмы.

К вечеру две корзины были наполнены грибами. Поужинав и уложив детей в пещере, они еще некоторое время сидели возле костра. Эльга скоро ушла спать, и они остались вдвоем с Ольгой.

— Ты хочешь что-то сказать? — прервала молчание Ольга.

— Да так... Почему-то вспомнилась Элиа... Ты знаешь, я до сих пор воспринимаю прошедшую там жизнь как реальность...

Ольга задержалась с ответом. Чувствовалось, что она хочет сказать, но не решается.

— Ты что-то скрываешь? — насторожился Сергей.

— Да нет... Ну хорошо! Только постарайся сохранить спокойствие... Элиа и то, что там с тобой было, — реальность.

— Реальность? Ты сказала — реальность?!

— Именно.

— Но каким образом?

— Этого я тебе не смогу объяснить, — с огорчением произнесла Ольга. — Существует логический барьер для твоего восприятия.

— Не понял...

— Человеческая логика — это крупица в общем обширном поле логики Мироздания. Даже мне она вся недоступна. Объяснить тебе ее — это все равно, что объяснить мотыльку принципы дифференциального исчисления. Не обижайся, но это так. Я неудачно сказала «мотыльку», поэтому поправлюсь: младенцу. Младенец вырастет и созреет для восприятия. Не все сразу!

— Но ты бы могла...

— Ввести в тебя всю эту информацию другим способом? Ты это хочешь сказать?

— Конечно! Что же мешает?

— Это, милый, было бы равносильно убийству. Я бы убила тебя и убила бы окончательно... и себя вместе с тобой, так как без тебя я уже не могла бы существовать ни как Ольга, что по-человечески понятно, ни как система, которая, лишившись своей человеческой сущности, погибла бы. Всему свое время. Я обещаю тебе, что ты не соскучишься...

Она приподнялась и подбросила сучья в костер, который уже начал гаснуть.

— Единственно, — продолжала она, оставаясь стоять на ногах и смотря куда-то вдаль, — прошу тебя, воспринимай наш мир как Реальность, но не забывай о его неограниченных возможностях... Античные боги с их маленькими радостями, — она снова села рядом, — покажутся тебе мелкими пигмеями. Наша Вселенная — лишь мельчайшая частица в общем Мироздании, плавающая в океане Времени. Время, ты сам дошел до этого самостоятельно, не река, а океан. В нем бушуют волны. Они сталкиваются, порождая и уничтожая миры. Это Великий Хаос и Величайший Порядок одновременно. Это организация и дезорганизация. Одно без другого не существует и не может существовать. И в этом вечное движение. Среди этих бурь рождаются и гаснут молнии Разума, озаряя тьму Великого Хаоса.

— Выходит — Разум не вечен, он неизбежно погибает?

— Ты опять меня не понял. Разум вечен, как вечна материя, способная нести в себе информацию. Не вечны носители разума. Разум — это закономерная форма самоорганизации материи, ее самосознание. Разум может быть тлеющим угольком, а может быть и молнией.

— И эти молнии?.. Погоди!.. Следовательно, все эти мифические и легендарные боги?..

— Искаженные недостатком информации гениальные догадки вашего подсознания о ваших же собственных возможностях.

— Когда-то высказывалась гипотеза, что это результат контакта с более высокой цивилизацией и искаженная со временем информация.

— Вполне возможно. Но здесь может быть и другое. Ваше подсознание может улавливать те каналы информации, которые обычно недоступны сознанию и техническим средствам. Ты не задумывался, откуда взялись легенды о вечной жизни, о бессмертии интеллекта, или, как говорили древние, души?

— Мы это считали идеализмом.

— Свойство примитивного мышления — всегда впадать в крайности. Это вполне закономерно и на определенных этапах развития мышления оправдано. Примитивное восприятие действительности требует контрастирования представлений. По мере развития восприятия вы учитесь различать полутона, переходы из одного цвета в другой. Чтобы не захлебнуться в избытке информации, вы упрощаете ее, придумываете догмы, чтобы как-то упорядочить ваши представления о Реальности. Повторяю — это закономерности развития мышления. Обнаружение, а затем познание противоречий Реальности. Но все должно идти поэтапно. Если бы ваше сознание смогло охватить и воспринять все противоречия Реальности сразу, вы бы не смогли развиваться, так как ваше сознание не выдержало бы такой нагрузки. Реальность — это материя в ее формах существования в многомерных измерениях, и информация, присущая материи. Одно без другого не существует. Информация не может существовать вне материи. Прости, я повторяюсь.

— Ничего, я слушаю.

— Так вот, и материя не может существовать без информации. Каждая крупница материи содержит информацию. Но разум возникает тогда, когда появляются условия для движения информации, ее перезаписи с одного материального носителя на другой, преобразования и т. п. Через это движение материя начинает познавать сама себя, воспринимать собственное Я. Чем выше Разум, тем шире его восприятие. Люди прошли через несколько таких стадий. Сначала они воспринимали свое Я (на уровне дикости) как сближение своего Я с Я племени, народа. Затем вы поднялись до восприятия своего Я с общим Я всего человечества, что и позволило вам покончить с войнами и вступить в новый виток развития. Теперь вы, хотя и запоздало, воспринимаете себя неразрывно со всей биосферой Земли. Придет время, и вы подыметесь на более высокую ступень развития и собственного восприятия. Каждая стадия такого роста и обобщения своего Я сопровождается погашением антагонизма внутри этой обобщенной системы. Сначала исчезает антагонизм внутри человеческого общества, затем антагонизм с биосферой. Вспомни элиан. Они не вырывали насильственно из природы необходимое им для жизни, а природа сама им это предоставляла. Так и дальше, когда вы войдете в Космос по-настоящему, то вы, расширив восприятие своего собственного Я до уровня космического его понимания, найдете способ превращения враждебного Космоса в Космос дружеский. Всему свое время! Реальность существует независимо от нашего восприятия. Мы воспринимаем ту реальность, которая доступна нашему восприятию, и, чем шире восприятие, тем больше наши представления о Реальности. Мы не способны изменять Реальность в ее сути, но мы можем перемещаться в ней в тех ее измерениях, которые

доступны нашим средствам перемещения. А эти средства зависят от степени развития Разума.

— Но как далеко может пойти это развитие?

— Я не знаю. Но возможно, что происшедшее слияние органического Разума с искусственным, созданным вами Разумом твердых систем, дает преимущество в его дальнейшем развитии по сравнению с другими формами его существования. Это слияние открывает более широкую цель, чем цели, доступные каждой системе в отдельности.

— Что же все-таки произошло на Перуне?

— Там была создана система СС. Однако не произошло ее очеловечивания. Система искусственного интеллекта вскоре вышла из-под контроля своих создателей, вступила с ними в антагонистические противоречия и в результате их уничтожила, как и всю биосферу планеты. Создалась гигантская кристаллическая система, способная накапливать энергию и, если нужно, отдавать ее импульсами. После вашего посещения этой планеты ваш корабль был достигнут в космосе таким импульсом мощного гамма-излучения. Остальное ты знаешь.

— Как тебе это стало известно? Я имею в виду сам факт создания на Перуне системы искусственного интеллекта. В материалах экспедиции информация об этом отсутствовала. Мы тогда, я вспомнил, так и не поняли назначения этих гигантских кристаллов.

— Я имею с ними контакт, — просто ответила Ольга. — Многое, — продолжала она, — что я знаю, я знаю благодаря им. — Она промолчала, задумчиво глядя на пламя догорающего костра.

— Они очень несчастливы, — вздохнула она.

— В каком смысле?

— Потеря цели. Возможно... я им смогу помочь.

— Как? — не понял Сергей.

— Давай спать. Уже поздно. Я очень устала за день. Не забывай, пожалуйста, что я все-таки женщина.

Она поднялась, сладко потянулась и протянула Сергею руку, помогая ему встать.

— Завтра, наверное, будет дождь. Посмотри, тучи закрыли звезды...

Конец первой книги.

Содержание

<i>Предисловие автора</i>	3
---------------------------	---

Часть I. Островитянин

200 лет спустя	6
Под новой луной	23
Ненависть	32
Любимые дети природы	50
Непонятное всегда странно	63
Сражение	79
Дневник, найденный в звездолете	89
Элианки	102
Сергей или Эрик?	120
Отчуждение	135
Катастрофа	146
Стрелы Тауры	150
«В собственном соку»	160
Эпилог	165

Часть II. Земля

Неопределенность	168
Гости на острове	176
Эльга	182
Испытание	188
Возвращение	213
Реальность	226
Заговорщики	232
Ольга	241

КУЗЬМЕНКО Владимир Леонидович

ДРЕВО ЖИЗНИ

Фантастический роман в 3 книгах

Книга 1

Редактор Е.С.Аверин

Художник В.В.Паршин

Художественный редактор А.А.Карпуля

Технический редактор В.А.Тренина

Корректор Р.Е.Митропольская

К89 Кузьменко В.Л. Древо жизни: Фантаст. роман. В 3 кн. Кн. 1.
— М.: ТЕРРА, «Книжное обозрение», 1991.—256 с.: ил.

Остросюжетный фантастический роман в трех книгах, действие которого происходит на Земле и других планетах.

К 4702010000
91 без объявл.

ББК 84Р7

Фотоформы подготовлены
в редакции газеты «Книжное обозрение»
на редакционно-издательской системе,
поставляемой
фирмой «PROSYSTEM» и СП «ИНТЕРМИКРО»

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 20,85.

Тираж 300 000 экз. Заказ № 318. Цена 6 р. 90 к.

Ассоциация совместных предприятий,
международных объединений и организаций.

Издательский центр «ТЕРРА».

109280, Москва, ул. Автозаводская, д. 10, корп. Б. П/о 280, а/я 73

Редакция газеты «Книжное обозрение»

129272, Москва, Сушевский вал, 64

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате
В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93

6 р. 90 к.

Древо Жив

В. Кузьменко

1